
АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ
ШАГ К ЗВЕЗДАМ

Annotation

Взрывное развитие кибернетических технологий делает появление искусственного интеллекта попросту неизбежным. Кажется что создание разумных роботов – вопрос ближайшего будущего. Но для Антона Извалова, чья молодость была опалена войной в горах Кавказа, это будущее уже наступило. Оказавшись не по своей воле в других горах – афганских, он встретил там боевых андроидов из секретных лабораторий Пентагона…

Андрей Львович Ливадный Шаг к звездам (Вспышка)

От автора

Мы, несомненно, движемся вперед.

Двадцатый век стал достоянием истории, но, обращая взгляд в будущее, нельзя не оглядываться вокруг, ведь большинство истоков грядущих событий – дело рук наших современников.

Мир, к сожалению, не стал чище. На общем фоне стремительно развивающихся технологий, где явными фаворитами выглядят кибернетика и телекоммуникации, не видно признаков приближающейся Утопии.

Что день грядущий нам готовит? Золотой век цивилизации явно остается мифом – население растет, а прорыва в освоении космоса нет, энтузиазм и амбициозные потенции начала космической эры, позволившие человеку достичь Луны, канули в лету, – после падения «железного занавеса», когда «де юре» закончилась холодная война, их подменила деловая активность, связанная с эксплуатацией космической техники в коммерческих целях.

Конечно, можно возразить, что существуют государственные программы изучения и освоения космоса, готовиться экспедиция на Марс, по-прежнему работают обсерватории и научно-исследовательские институты, но все выше перечисленное – удел нескольких десятков тысяч человек. А что станет с остальным населением земного шара в недалеком будущем?

Темпы развития компьютерных технологий далеко опережают все остальные направления общечеловеческого развития. По эмпирическому выводу господина Мура[1] несложно предсказать, что в ближайшие десятилетия мы получим машины, чей вычислительный потенциал будет сравним с производительностью нашего мозга.

Пока у стремительно «умнеющих» машин нет надежного, компактного, а главное – автономного источника питания, компьютеры останутся настольными приспособлениями, развлекающими нас, расширяющими сферу наших познаний, общения, берущих на себя часть житейских забот, – это не представляет глобальной угрозы, как и не несет всеобщего процветания. Последнее утверждение основано на том, что мы в подавляющем большинстве – пользователи, не разбирающиеся в глубинной сути того, что эксплуатируем. Это не упрек и не выпад в чью-либо сторону – у каждого своя жизнь и к любому человеку применимо высказывание о том, что нельзя объять необъятное.

Мы и не пытаемся это делать. Есть множество направлений деятельности, где машины с большей эффективностью работают по узким специализациям, старательно взращивая те побеги, плоды с которых срываем мы с вами.

Однако все измениться, как только наши настольные «хоумы» обретут две степени свободы: новую операционную систему, способную приспосабливаться к окружающей среде (ради комфорта пользователя и повышения собственной надежности, естественно) и автономный, независимый от опутавших планету электросетей, источник долголетнего питания.

Я бы назвал это Вспышкой.

Она уже так близка, что боюсь, нет времени, на то, чтобы спокойно, взвешенно подготовиться к ней. Она произойдет вне зависимости от желаний миллиардов людей, – попросту стремительное развитие кибернетики в определенный миг станет процессом неуправляемым, и общество расслоиться, но уже не на богатых и бедных, а по совершенно иным градациям. Будут те, кто естественно и непринужденно перешагнет через грань, отделяющую настоящее от будущего, но, к сожалению, останутся люди, не подготовленные жизнью к внезапному, вспышечному развитию окружающего нас электронного мира.

Вспышка – это не черта, а скорее пик развития, за которым последует изменение окружающей нас реальности. К мыслям о Вспышке подводит все, – начиная от новостей компьютерного мира и заканчивая свидетельствами использования террористическими организациями самых продвинутых образчиков электронно-вычислительной техники.

Два упомянутых примера – это крайние, экстремальные проявления окружающего мира. С одной стороны стоят мощные корпорации, работающие на благо потребителя и не считающие необходимым как-то ограничивать лавинообразный прогресс электронных систем, а с другой – недобросовестные пользователи их продукта, применяющие его, сообразуясь с собственными этическими нормами.

Где-то посередине мы – подавляющая часть человечества, по-прежнему разобщенные, далекие друг от друга, разные, по складу мышления и уровню технических знаний.

Нам не остановить грядущего. Мы можем либо жить в святом неведении, либо пытаться предугадать его…

Часть 1 Истоки

Глава 1

Все начинается с малого. Историю творим мы сами, и она ни что иное, как сложное проявление тысяч, миллионов причинно-следственных связей. К сожалению лишь отдельные люди задумываются над этим, ищут уместные сравнения, осознавая, что глобальные мировые процессы не возникают вдруг на пустом месте, как ни одна из полноводных рек земного шара не имеет в своих истоках ничего кроме маленьких, слагающих ее устье ручейков…

24 февраля 1991 года. Первый день сухопутной операции войск международной коалиции на территории Кувейта.

…Черный смрадный дым тяжелыми клубами стлался над землей, затмевая небеса. Нефтяные скважины горели в десятке километров от места высадки, но начавшаяся с утра песчаная буря не рассеивала дым, а наоборот прибивала его к поверхности земли, – мелкие частички гари налипали на поднятый ветром песок, превращая заурядное для этих мест природное явление в сущий кошмар.

На узком асфальтированном шоссе, выстроившись в колонну, стояли два «Хаммера» и пять армейских грузовиков с различным снаряжением.

Водители машин ждали приказ на начало движения, но командовавший колонной офицер вот уже четверть часа нервно расхаживал по припорошенному песком асфальту, пытливо вглядываясь в сторону побережья, где утром произошла высадка войск.

Наконец из мутной пелены показалась одинокая фигура. Лейтенант в форме ВВС США бежал, по щиколотки увязая в песке. Нижнюю часть его лица закрывала дыхательная маска, глаза защищали темные очки, а новенькая полевая форма уже успела пропылиться, и на ней белесыми разводами проступали пятна соли от моментально высыхающего пота.

Ступив на асфальт, он остановился перед офицером, и отрапортовал, приподняв дыхательную маску:

– Лейтенант Ричардсон, сэр. Взвод компьютерной поддержки, отдельной роты техобеспечения. Откомандирован для сопровождения груза.

– Капитан Горман. – Сухо отрекомендовался командир колонны. – Долго лейтенант. – Не скрывая раздражения, добавил он. – Мы уже пол часа стоим на месте.

– Я получал секретную документацию, сэр. – Ответил Герберт.

– Ладно. – Горман внезапно закашлялся и глухо произнес: – Поедете в замыкающей машине. Наши танковые соединения ушли вперед, так что дорога должна быть очищена от вражеских войск. Первая остановка вот тут, – он приподнял висевший на боку планшет и указал точку на карте. – Позиция противоракетных комплексов. Действуйте быстро, лейтенант, до сумерек нам нужно успеть проделать весь маршрут.

Герберт кивнул. Он был рад, что дыхательная маска и очки полностью скрывают выражение его лица. Впервые оказаться на войне – вещь малоприятная, а смог от горящих нефтяных скважин и поднявшаяся час назад песчаная буря лишь усугубляли чувство подавленности, лишая окружающую действительность даже намека на романтику.

Проклятый Ирак… – Думал Герберт, шагая к машине. Песок, секущий по незащищенным экипировкой участкам кожи, едкий смрад горящей нефти, багровый диск солнца, изредка проглядывающий в прорехи чадного марева, – все это сливалось воедино, формируя жутковатую картину действительности. Видимость не превышала десяти-пятнадцати метров, и от этого казалось, что ты попал на иную планету, где нет цивилизации.

Забравшись в кузов машины, он прошел по узкому проходу между плотно штабелированными контейнерами, и постучал кулаком по кабине, давая понять водителю, что он на месте.

В ответ раздался приглушенный сигнал, и колонна, наконец, тронулась с места. Ричардсон, покачнувшись от внезапного рывка, стал пробираться назад к откидному борту, где заметил узкое сидение…

…Через щель неплотно закрытого кунга пробивалась пыль, но Герберт не стал затягивать шнуровку. Чувство которое он испытывал с самого утра нельзя было назвать страхом – скорее его снедала неосознанная тревога, смешанная с нервозным любопытством. В глубине души он надеялся, что для него эта война не выйдет за рамки обычной рутинной работы, с той лишь разницей, что вместо стерильной лаборатории на этот раз придется действовать под открытым небом.

Собственно, командировка в Персидский залив не явилась для него неожиданностью. Еще с июля прошлого года, когда Ирак оккупировал Кувейт, он понимал, – война неизбежна, а театр назревающих боевых действий по определению станет полигоном для испытаний новой, строго засекреченной техники.

Герберта абсолютно не смущал тот факт, что секретное оборудование доставленное на территорию Кувейта, по сути, будет испытано на людях. Иракцы, поджигающие нефтяные скважины, и посылающие свои ракеты в сторону Израиля, в отместку на удары международной коалиции, казались

ему средневековыми варварами, не достойными права называться цивилизованным народом.

Подумав об этом, он посмотрел на упаковочные контейнеры, внутри которых покоились нейрокомпьютеры – вычислительные машины, построенные на базе искусственных нейросетей. Он лично посвятил этим разработкам не один год и отлично знал, как работают обученные им машины.

Герберт не зря употребил в своих мыслях термин «обучение». Дело в том, что любой нейрокомпьютер радикально отличается от обычных электронно-вычислительных устройств. Искусственные нейроны, соединенные в сеть, невозможно запрограммировать обычным способом – их следовало обучать, на основе специальной выборки примеров. В результате, каждая отдельно взятая нейросеть, становилась эффективной, но узкоспециализированной экспертной системой, способной принимать оптимальные решения в сложных ситуациях, неразрешимых для обычного электронного устройства.

Первые разработки в данной области начались еще в шестидесятые годы, но только теперь, с бурным развитием нанотехнологий[2] появилась реальная возможность сконструировать и применить на практике компактные, транспортабельные образцы уникальной техники.

Сам термин «нейрокомпьютер» так же был не нов. Подобные системы уже порядка десяти лет успешно работали в сфере бизнеса. Крупные промышленные компании использовали специально обученные нейросети для оптимизации своих производств, эффективного управления технологическими потоками, затем они все чаще стали появляться на биржах, где зарекомендовали себя как незаменимые экспертно-аналитические системы, способные предсказать рост или падение курса акций, но при всех перечисленных особенностях и преимуществах нейрокомпьютеры, по мнению Герберта, никаким образом не подпадали под понятие «искусственного интеллекта». Баснословно дорогие, узко специализированные машины, эффективные лишь в той области знаний, которым они были обучены, – вот что представляли собой современные нейросети.

Трясясь в грузовике, лейтенант думал о том, что спустя несколько часов он сможет, наконец, убедиться насколько оправдан труд последних лет его жизни. Блоки автономной нейросистемы, которую он создал, предназначались для интеграции в экспериментальные ракетные комплексы класса «земля-земля», и были призваны исключить любые

ошибки в распознавании целей при нанесения точечных ударов по противнику…

…Грузовик внезапно качнуло и резко повело в сторону.

Лейтенант, углубившийся в свои мысли, не сразу понял, что произошло, – машинально схватившись за ближайший контейнер, он едва сумел удержать равновесие, но в следующий миг пластиковые ящики с драгоценным грузом внезапно пришли в движение, угрожающе сползая в узкий проход.

Мгновение спустя он услышал зловещий треск лопающихся креплений; спину обдало ледяной испариной, когда пол под ногами вдруг начал опрокидываться, а драгоценные пластиковые кофры с грохотом посыпались в узкий проход…

Не понимая происходящего, он инстинктивно ухватился за задний борт, чувствуя, что машина вот-вот перевернется. Мир вокруг моментально сузился, оставив его восприятию лишь стремительно опрокидывающийся фрагмент дорожного покрытия, видневшийся сквозь щель неплотно закрытого кунга, да ощущение непоправимости внезапных событий.

Подчиняясь рефлексам, он выпрыгнул из машины и неловко приземлился на запорошенный песком асфальт, ощутив, как короткоствольный «ХМ-177», выданный в качестве личного оружия, больно впился в грудь.

Из поднебесья накатывал изматывающий звук, который рвал натянувшиеся нервы тонким высокочастотным свистом… Сонмище мгновенных, не ведомых ранее ощущений навалилось на Герберта, охватывая его сознание со всех сторон: казалось, что источник непереносимого тонкого визга рушиться прямо на него, в душе стыл безотчетный ужас, но лейтенант, превозмогая бьющую тело бесконтрольную дрожь, все же нашел в себе силы, чтобы приподнять голову и осмотреться.

Секунды вдруг начали растягиваться в субъективную вечность: он отчетливо увидел, как в десятке метров от него двигавшийся по инерции грузовик окончательно сполз в обочину и перевернулся, глухо ударив бортом о наветренный склон песчаного наноса. От толчка пластиковые кофры с упакованными в них нейрокомпьютерами порвали прорезиненную ткань камуфлированного тента и рассыпались, веером вспахав гребень сыпучей возвышенности…

В следующий секунду мир потонул во всплеске ослепительного оранжевого пламени: Герберт ощутил тугой, обжигающий вал взрывной волны, увидел разлетающиеся в стороны куски вырванного из дорожного

полотна асфальтобетона… – все это спрессовалось в дикое, сиюсекундное восприятие полыхнувшего рядом взрыва, который приподнял лейтенанта и отшвырнул его в сторону, будто тряпичную куклу…

Сознание на миг погасло, но тут же вернулось с тошнотворным, подкатывающим к самому горлу ощущением полной дезориентации. Плохо соображая что делает, Герберт привстал на четвереньки, чувствуя, как ладони продавливают горячий песок, а вокруг по-прежнему бесновался неистовый грохот… дымные оранжево-черные султаны разрывов возникали в самых неожиданных местах, перепахивая землю в полусотне метров от неглубокой ложбины между двумя отлогими барханами, куда зашвырнула лейтенанта взрывная волна.

Он почти ничего не видел из-за дыма, в голове стоял иссушающий звон контузии, рассудок работал со странной избирательностью и лейтенант, пребывая в состоянии полного аффекта, пополз назад к дороге…

С трудом взобравшись на осыпающийся гребень песчаной возвышенности, он затравленно огляделся по сторонам и внезапно увидел обрывочную, фрагментарную картину происходящего, в тех подробностях, что позволял разглядеть стелящийся вдоль самой земли дым…

На исковерканном взрывами дорожном покрытии между свежих воронок чадно полыхали четыре грузовика колонны. Последняя, замыкающая машина, в которой ехал он сам, просто опрокинулась набок, и лежала в обочине, нелепо задрав к дымным небесам медленно вращающиеся колеса. Взрывы вокруг не прекратились, но теперь они переместились чуть дальше, вглубь пустынной местности…

Оглянувшись в ту сторону, Ричардсон с внезапной болезненной отчетливостью понял, что колонна попала под удар собственной артиллерии. Они не успели отъехать далеко от побережья, и ураганный обстрел местности наверняка вел один из кораблей, возможно, тот самый крейсер, с борта которого двумя часами раньше Герберт сошел на берег.

С гребня возвышенности было хорошо видно как неподалеку, подле разрушенных прямыми попаданиями приземистых построек небольшого населенного пункта горят четыре иракских танка. Пространство вокруг их позиций было перепахано снарядами, но обстрел не прекращался, разрывы продолжали свой неистовый танец, – прямо на глазах лейтенанта стены двухэтажного дома вдруг содрогнулись, окутавшись клубящимся белесым облаком, из которого во все стороны, словно шрапнель, ударили мелкие горячие обломки…

Он инстинктивно отпрянул назад, привстал, намереваясь бежать, неловко оступился на предательски осыпающемся склоне и кубарем

скатился по наветренной стороне песчаного наноса.

Ударившись спиной об один из щедро рассыпанных по склону ящиков с оборудованием, он на миг полностью пришел в себя от резкой смены болезненных ощущений, и заработавший рассудок тут же подсказал: абстрактная война закончилась, враг всего в сотне метров, и возможно жить осталось считанные секунды…

От этих мыслей стало жутко, липкий страх запоздало обдал тело ледяным потом, Герберт вдруг вспомнил о личном оружии, которое он потерял в момент близкого разрыва, где-то подле опрокинутого грузовика, и на миг его контуженый рассудок захлестнула всепоглощающая волна отчаяния: хотелось сесть, обхватить голову руками и взвыть…

Убьют… Если буду сидеть – убьют… Нужно найти капитана Гормана…

Он затравленно огляделся, но сизый кисловатый дым прибило ветром к самой земле, не давая увидеть ни своих, ни врагов, лишь до слуха доносились отчетливые звуки беспорядочного автоматического огня, и ему не оставалось ничего иного, как ползти к опрокинувшейся машине, которая осталась для Герберта единственным доступным ориентиром.

…Лучше бы он избрал иное направление.

Извиваясь, словно ящерица, Ричардсон преодолел несколько метров крутого подъема дорожного насыпи, и внезапно его глаза оказались вровень с кабиной опрокинувшегося грузовика.

Водитель и офицер – оба были мертвы, их безвольные позы и обилие крови, забрызгавшей покрытое сеткой трещин, пробитое в десятке мест лобовое стекло, немо свидетельствовали о непоправимости случившегося, и рассудок Герберта не выдержал страшной картины – несколько секунд лейтенант потрясенно смотрел, как с приоткрытой двери в песок срываются тягучие темно-красные капли, а затем сознание помутилось, уплывая в дымный прогорклый сумрак…

…Он очнулся несколькими минутами позже, и, не оглядываясь, пополз прочь, но кошмар не прекратился, – обогнув полыхающие грузовики, Ричардсон внезапно наткнулся на обугленный, изуродованный до полной неузнаваемости труп.

Человеческое тело дымилось, источая удушливый смрад сгоревшей плоти, на почерневшем лице лопнула обуглившаяся кожа, обнажая страшный оскал черепа, и, словно в издевку над жуткой откровенностью этой картины, полузадохнувшийся Герберт увидел совершенно не пострадавшие знаки различия капитана морской пехоты…

Это был Горман…

Капитан Горман, которому он рапортовал о прибытии каких-то пол часа назад…

Не в силах выдержать страшного зрелища Ричардсон конвульсивно сорвал дыхательную маску и, зажимая ладонями рот, бросился прочь…

Ему уже было абсолютно все равно куда бежать и что ждет его впереди.

Из чадного сумрака внезапно прорезался контур застывшего поперек дороги «Хаммера». Герберт остановился, ухватился рукой за распахнутую бронированную дверь машины и его, наконец, вывернуло наизнанку.

Нет… Это не со мной… Этого не может происходить… – Тщетные бессвязные мысли метались в голове, а неуклюжая попытка разума абстрагироваться от реальности, закончилась лишь тем, что горло сдавил еще один удушливый спазм, но желудок уже расстался со своим содержимым и из горла вырвался сдавленный конвульсивный кашель.

В следующий миг чья-то рука схватила лейтенанта за плечо и грубо швырнула его на теплый асфальт.

– Ошалел?! Жить надоело?!

Лейтенант извернулся, вырвавшись из цепких объятий, и увидел незнакомого капрала в форме морской пехоты, который лежал рядом с ним, посылая в дымный сумрак короткие очереди из «М-16». Штурмовая винтовка ритмично вздрагивала в руках здоровенного афроамериканца, и короткие хоботки огня на миг освещали его лоснящееся от пота эбеново-черное лицо с блестящими, выкаченными белками глаз.

В следующий миг по асфальту хлестнула ответная автоматная очередь, – пули с визгом ушли в рикошет, сбивая краску с камуфлированного борта застывшего поперек дороги «Хаммера».

– Отходим! Назад! По другую сторону насыпи!

Команда возымела действие, – в такие секунды только стопроцентный идиот задумывается над вопросами субординации, и лейтенант безропотно пополз вслед за капралом.

Скатившись по гравийному откосу, они оказались по другую сторону дорожного полотна. Здесь уже заняли позиции пятеро морских пехотинцев, – не обращая внимания на вновь прибывших, они лежали на скате обочины, пытливо всматриваясь в рваный, дымный сумрак.

Мгновенье спустя над головой Ричардсона с грохотом заработал «М-60», вторя ему короткими очередями залаяли автоматические винтовки.

Горячие гильзы, шурша и позвякивая, летели вниз, под ноги скорчившемуся Герберту.

– Ну, лейтенант?! Ты придешь в себя?!.. – Цепкие пальцы вновь

схватили его за плечо, ощутимо встряхнув, и Ричардсон медленно повернул голову, мучительно соображая: что он должен ответить?…

Смерть по-прежнему ошалело плясала вокруг. К артиллерийской канонаде теперь добавились близкие отчетливые звуки автоматического огня, горячий воздух, смешанный с дымом и песчаной взвесью, крутило тугими смерчами, взрывные волны упругими, болезненными толчками накатывались с разных сторон, не давая возможности сориентироваться в кошмарном сумраке бессистемного боя.

…Два разрыва легли неподалеку, вырвав край дорожного полотна, заставив лейтенанта конвульсивно дернуть головой, так что лязгнули зубы, но странное дело – близкий взрыв вернул ему способность соображать, и, вслед за грохотом, он вдруг отчетливо уловил обрывок адресованной ему фразы:

– …сбились с маршрута из-за песчаной бури. Надо выводить людей, мы оказались в тылу иракских позиций!..

Ричардсону потребовалось несколько секунд, чтобы осмыслить слова Дугласа. Капрал явно ждал от него каких-то приказов, действий, но офицерские знаки различия не могли дать Герберту никакого преимущества во внезапно возникшей ситуации. Проще и честнее было сказать об этом напрямую…

– Я не могу принять командование. – Хрипло ответил он. – У меня нет боевого опыта.

Он ожидал презрительной реакции, но ошибся.

– Хорошо, лейтенант… – Дуглас резко перевернулся на спину. – Тогда вам придется выполнять мои приказы. – Он протянул руку, вытащил из-под обмякшего, безвольного тела мертвого бойца испачканную кровью «М-16» и протянул ее Герберту. – Будем прорываться назад, вдоль дороги.

Ричардсон заставил себя взять оружие, подумав, что ему нечем вытереть кровь и налипший на нее песок, но эта мысль промелькнула и исчезла, вытесненная из рассудка иными, более весомыми переживаниями.

– Я не могу уйти отсюда. – Хрипло выдавил он.

– Почему? – Коротко осведомился капрал.

Герберт указал на темную массу опрокинутого набок грузовика, который смутно просматривался по ту сторону дороги.

– В нем секретное оборудование. Оно не должно попасть в чужие руки. Это будет катастрофой.

Дуглас задумался всего лишь на секунду, – он быстро принимал решения и ничуть не сомневался в оправданности собственных действий.

– В таком случае мы подорвем грузовик вместе с содержимым.

Ричардсон внутренне похолодел от подобной перспективы.

– Нет. – Запротестовал он. – Это уникальная аппаратура. Ей нет аналогов. Там миллионы долларов.

Их диалог был прерван очередным близким разрывом.

– А сколько стоят наши жизни? – Проорал Дуглас, когда стих грохот. – Думай, что говоришь, лейтенант… Нас долбит своя же артиллерия, по ту сторону позиции иракцев, что с тыла – одному богу известно… Мы просто подохнем, если останемся тут.

– Уходите… – Герберту пришлось сделать усилие, чтобы выдавить из себя это слово. – Я не могу… – Он не закончил фразы, потому как внезапно возникшую дилемму разрешил раздавшийся невдалеке невнятный шум танковых моторов.

Звук приближался, он шел со стороны пустыни, как раз с того направления, которое капрал только что обозначил термином «тыл».

Прислушавшись, Дуглас вдруг грязно выругался.

– Это не «Абрамсы» лейтенант. Нас, похоже, зажали…

Герберту опять захотелось съежиться, втянуть голову в плечи, в наивной надежде, что дым и поднятый ветром песок скроют их от новой угрозы, но уповать на удачу не приходилось, – звук явно близился, накатываясь на их позиции, и нужно было принимать какое-то немедленное решение.

– По ту сторону дороги есть разрушенные постройки. – Выдохнул Герберт. – В них уже дважды попадали, может, мы укроемся в руинах? Оттуда наверняка видна дорога.

Капрал на секунду задумался, затем кивнул.

– Хорошо, попробуем… – Он обернулся. – Всем приготовиться! – Зычный голос перекрыл шум ветра и отдалившийся грохот разрывов. – Меняем позицию! Цель – первый из разрушенных домов населенного пункта! Никому не отставать! – Дуглас рывком приподнялся на четвереньки. – Вперед! – Выкрикнул он, выпрямляясь в полный рост.

Мутная мгла поглотила его контур, вслед за капралом со ската обочины начали подниматься уцелевшие под артобстрелом бойцы. Низко пригибаясь, они рывком пересекали злополучную дорогу и так же исчезали в дымном сумраке.

Разум Герберта не поспевал за стремительным развитием событий, – из-за полученных контузий и постоянного стресса он ощущал себя беспомощным, ни на что не годным, но чувства уже не играли былой роли, – они скользили по периферии сознания, будто призраки безвозвратно погибшего мироощущения…

Он вскочил, страшась вновь остаться в одиночестве. Сбившаяся набок дыхательная маска уже не защищала его легкие от едкого дыма, голова кружилась, и на фоне этих ощущений мгновенно исчезали все прежние чувства, – страх, растерянность, неприятие ситуации в целом, будто рассудок деградировал, распадаясь на отдельные сиюсекундные, рефлекторные позывы…

Бежать… Не отстать от своих… Вперед… Только вперед…

Ноги увязали в песке, склон песчаного бархана казался неодолимым, Герберт карабкался на него, позабыв всякую осторожность, стремясь лишь к одной цели – добраться до вершины песчаного наноса и увидеть руины дома, о которых он говорил капралу.

Впереди над заветным гребнем из мутной мглы внезапно возникла сгорбленная фигура и лейтенант, карабкавшийся по склону, вдруг с ужасом осознал, что этот человек одет не по форме морской пехоты США. На нем был камуфляж песчаного цвета со светло-коричневатыми разводами, голову и нижнюю часть лица покрывала матерчатая повязка, в руках незнакомец сжимал автомат системы «Калашникова» с потертым прикладом и рыжеватым пластиковым магазином.

Фигура иракского бойца на миг застыла, – припав на колено, он выцеливал кого-то в окружающей мгле… и вдруг автомат в его руках звонко выплюнул длинную очередь, озарив пространство вокруг злобным хоботком пламени, пляшущем в узких прорезях ствольного компенсатора…

Вне поля зрения Ричардсона раздался громкий болезненный вскрик, и это вывело лейтенанта из секундного замешательства. Вскинув «М-16», он потянул тугую скобу, и автоматическая винтовка преданно ответила тремя ритмичными выстрелами, которые прервал сработавший механизм отсекателя очереди.

Герберт был скверным стрелком, но промахнуться с дистанции в несколько метров, было практически невозможно: выпущенные им пули угодили в плечо и голову врага, заставив того конвульсивно дернуться, одновременно разворачиваясь на одном месте…

Он умер, вряд ли успев осознать факт собственной смерти, но Герберт впитал его короткую агонию каждой клеточкой своего тела.

Ему казалось, что нет больше ни прошлого, ни будущего, остался только этот миг, застрявший где-то посреди вечности: искаженное судорогой чужое лицо с кровоточащей раной вместо левой глазницы, белеющие на глазах губы, вытянувшиеся бескровной линией, разжавшиеся пальцы, падающий в песок автомат, и ноги, безвольно подгибающиеся в коленях…

Наваждение сгинуло так же быстро, внезапно, как и возникло, – тело убитого еще оседало на забрызганный кровью песок, а лейтенант уже инстинктивно рванулся вперед, будто в его жизни насильственная смерть являлась обыденностью, вот только мышцы лихорадило, да перед глазами еще несколько мгновений стоял призрак изуродованного агонией незнакомого лица…

Он оступился, упал, снова вскочил, дав две или три очереди по теням, что грезились вокруг, потом в поле его зрения попали руины дома, за которым чадно горели чужие танки, и он побежал к скособоченному двухэтажному строению с провалившейся внутрь крышей…

Картины, которые успевал зафиксировать взгляд, казались Герберту тусклыми, расплывчатыми, ветер дул порывами, поднимая в воздух тончайшую пыль, похожую на коричневатый туман, застилающий окрестности. Страшась потерять единственный ориентир, лейтенант сосредоточил свой взгляд на руинах дома. Он приближался к строению с наветренной стороны, клубы мельчайшей песчаной взвеси, вырываясь из-за спины, иногда застили все вокруг, снижая видимость до одного-двух метров, и в конечном итоге он был вынужден остановиться, потеряв ориентир…

Пока лейтенант медлил, пребывая в нерешительности, где-то рядом отчетливо ударил пулемет: ритмичный грохот длинной, непрерывной очереди проник в сознание, заглушив все остальные звуки. В этот момент клубы пыли, наконец, начали рассеиваться, – очередной порыв ветра приподнял эфемерное покрывало, и он увидел, что заветные руины уже совсем близко, до них оставалось пробежать всего метров сто…

На поверку оказалось, что группа придорожных строений вовсе не является населенным пунктом. Единственный двухэтажный дом, к которому стремился лейтенант, окружали приземистые одноэтажные постройки с выбитыми витринными окнами, – наверняка это был минимаркет, совмещенный с рестораном быстрого обслуживания, а чуть дальше смутно виднелись плоские крыши нескольких, отдельно стоящих домиков небольшого кемпинга, огороженного разбитым бетонным забором. Эти мимолетные, обрывочные наблюдения, наводящие на мысль, что тут до оккупации проживала семья кувейтского бизнесмена, скользили на периферии сознания, которое в этот миг сосредоточилось на иных, более острых ощущениях. Герберт бежал, расходуя последние силы, он задыхался, резь в груди казалась нестерпимой, организм, не приученный к моментальным физическим нагрузкам, не выдерживал ритмики боя, хотя вряд ли происходящее вокруг можно было обозначить таким емким

термином.

Нет, это был не бой, – разрозненные группы людей, перемещались по определенному пространству, одинаково дезориентированные внезапной артподготовкой, дымом от горящих нефтяных скважин и усилившейся песчаной бурей. Сталкиваясь лицом к лицу, они вступали в скоротечные кровавые схватки, или же просто расходились, не заметив друг друга из скверной видимости… Остатками иракского подразделения и уцелевшими бойцами армии США руководили не планы наступления и обороны, не тактика, не воля командиров, а единственное желание – выжить.

Это удавалось далеко не всем. Герберт не мог с точностью сказать, сколько человек поднялись вслед за капралом, но в прорехах стелящихся вдоль самой земли пылевых облаков он видел, как справа от него внезапно упали двое солдат, подкошенные кинжальным огнем бьющего из мглы пулемета, а затем, неожиданно пришел и его черед…

Поначалу, когда что-то с силой ударило в бедро левой ноги, он почувствовал лишь жар, бежать стало трудно, потом мышцы не выдержали, колено бессильно подломилось, и он неловко упал на бок, по инерции прокатившись несколько метров.

Режущая боль пришла в тот миг, когда он взглянул на свою ногу. Ткань униформы в районе бедра оказалась распорота, будто по ней полоснули ножом, а из прорехи пульсирующим струйкой била кровь.

Он не вскрикнул, лишь сознание вдруг «поплыло», теряя остроту восприятия, но Герберт уже перешагнул некий внутренний порог, когда страх и растерянность истончились, отошли на второй план, под жестким прессингом стремительных событий. Лейтенанту казалось, что он утратил всякий осмысленный контроль над собственным телом, и не рассудок в данный момент руководил рефлексами, а наоборот, словно древние участки мозга, доставшиеся нам от первобытных предков, внезапно перехватили управление, заставив его машинально зажать рану рукой, и ползти, теряя остатки сил на последних метрах, отделявших Герберта от спасительного укрытия.

Дверной проем здания был перегорожен рухнувшими обломками перекрытия, но Ричардсона уже не могли остановить подобные преграды, – протиснувшись в зазор между двумя сложившимися «домиком» плитами, он оказался внутри длинной сумеречной комнаты.

Нервное напряжение не отпускало, тело по-прежнему лихорадило, словно у него начался жар, бедро пульсировало нестерпимой болью, но, тем не менее, он прополз еще пару метров по захламленному полу, прислонился спиной к уцелевшему участку стены и только тогда

оглядеться вокруг.

Зрение постепенно свыклось с сумраком, и он различил многочисленные бреши в стенах, троих бойцов, занявших позиции у перекошенных, осевших оконных проемов, и капрала Дугласа, который находился тут же: он опустился на корточки подле квадратного люка, очевидно ведущего в подвал дома. Судя по его тщетным попыткам открыть проход, тот оказался заперт изнутри, значит, в подвале кто-то был…

Рваные мысли не успели сложиться в голове лейтенанта в четкую картину понимания окружающей обстановки, – капрал внезапно выпрямился, и, отступив на шаг, вскинул «М-16», выпустив несколько очередей в район предполагаемого запора, а когда изрешеченный пулями люк вдруг с глухим звуком провалился вниз, то вслед его падению полетела граната…

Глухой взрыв заставил руины дома вздрогнуть: со стен посыпались остатки облицовки, сверху от провисшего железобетонного перекрытия со скрежетом обрушились несколько бесформенных обломков, а из квадратного проема в полу вдруг вырвались клубы сизого дыма, смешанного с белесой взвесью…

– Кто… там… был?… – Хрипло спросил лейтенант, глядя, как расползается вдоль пола сизо-белое облако…

Дуглас обернулся.

Его лицо походило на тотемную маску смерти, – несколько свежих порезов обильно кровоточили, кожа плотно обтянула обострившиеся скулы, в глазах читалось бешеное, ненормальное выражение…

– Оттуда работал пулемет… – Выдавил сквозь зубы капрал. – Теперь мы в безопасности… – Добавил он, сплюнув на пол. – Если сидеть тихо, то, может, еще доживем до заката…

К Герберту постепенно возвращалось ощущение реальности.

Дым, сочащийся из подвального помещения, постепенно иссяк, вокруг воцарилась относительная тишина, нарушаемая лишь тонким, заунывным посвистом ветра, да невнятным шуршанием песка. Дуглас был прав, – иракцы вряд ли полезут проверять руины здания, и у них теперь появился реальный шанс отсидеться тут до подхода своих частей, которые должны были развернуть наступление от побережья вглубь территории Кувейта.

Бессильно отпустив оружие, Ричардсон, поморщившись от боли, посмотрел на наручные часы. Цифры в крохотном окошке указывали, что с того момента, как колонну обстреляла артиллерия, прошло всего лишь тридцать минут…

Пол часа… Он сидел совершенно опустошенный, необратимо изменившийся внутри, вся прошлая жизнь казалась сном, словно между двумя отрезками бытия пролегла неодолимая пропасть…

Его терзали жажда и боль, но сил пошевелиться уже не было.

Капрал тем временем обошел весь периметр обширного помещения, осторожно выглядывая в проломы. Закончив, осмотр прилегающей к зданию местности он что-то тихо сказал троим бойцам и, отыскав взглядом Ричардсона, направился к нему.

Присев рядом он устало сообщил:

– Сзади разбитые позиции. Похоже, иракцы покинули их еще до окончания артобстрела. С твоим грузовиком все нормально. Лежит в обочине.

Герберт кивнул, судорожно сглотнув. После рывка через барханы его почему-то уже не так остро заботила сохранность груза и важность возложенной на него миссии, которая в сложившейся ситуации была явно невыполнима.

– Что с ногой? – Хрипло спросил Дуглас, обратив внимание на кровь.

– Не знаю. – Герберт болезненно поморщился. – Зацепило.

– Давай посмотрю. – Капрал уже опустился на колени, одной рукой вытаскивая десантный нож, а другой доставая индивидуальный перевязочный пакет.

Лейтенант счел за благо отвернуться. Он лишь услышал звук вспарываемой ткани да почувствовал вспышку жгучей боли, от которой хотелось заорать во все горло…

Стиснув зубы, он издал долгий мучительный стон.

– Ничего страшного лейтенант. – Успокоил его Дуглас, накладывая жгут. – Пуля прошла вскользь, считай, что просто сильно порезался… – Не смотря на это оптимистичное заявление, капрал, мельком взглянув на землисто-серое лицо Герберта, достал шприц-тюбик и сделал ему противошоковую инъекцию. – Все, можешь понемногу двигаться. – Заключил он, перевязав рану.

Минут через пять Ричардсон ощутил ненормальный, лихорадочный прилив сил. Боль исчезла, лишь тугая повязка на ноге сковывала движения.

Вокруг воцарилась относительная тишина. Дуглас со своими бойцами перешел в соседнее помещение, оставив лейтенанта контролировать полузасыпанный вход в здание. Некоторое время он сидел, вслушиваясь в тихий шелест песка, секущего по стенам постройки, да заунывный вой ветра, заплутавшего меж осевшими плитами разрушенного перекрытия,

пока до слуха не долетел еще один звук: ему показалось, что он слышит детский плач…

Тихое всхлипывание исходило откуда-то снизу, и Герберт сразу же подумал про подвал дома, куда Дуглас на его глазах метнул гранату.

Скрипнув зубами, он привстал, и, припадая на раненую ногу, доковылял до квадратного проема, откуда уже перестал сочиться едкий дым.

Подвал был неглубоким – всего метра два, не больше. Вниз вела посеченная осколками, опасно накренившаяся лестница, но всхлипывание и стоны уже не грезились, они стали явственными, отчетливыми и лейтенант лег на пол, осторожно нащупывая здоровой ногой первую ступеньку.

…

Обливаясь холодным потом, Герберт все же умудрился спуститься вниз. Густой сумрак сразу же обволок его со всех сторон, лишь вдалеке у задней стены подвала сквозь маленькое окошко пробивался рассеянный свет. Прихрамывая и спотыкаясь, лейтенант пошел туда, прислушиваясь к внезапно наступившей тишине.

Неужели ему почудилось?

Добравшись до задней стены подвала, он остановился, озираясь вокруг. В тусклом свете, проникающем через узкое прямоугольное окошко, он увидел опрокинутую треногу крупнокалиберного пулемета, щедрую россыпь гильз на полу, и чуть дальше у выщербленной осколками стены – лежащие вповалку тела.

Их было пять или шесть – жуткое кровавое нагромождение изрубленной гранатными осколками плоти. Ричардсон в немом оцепенении смотрел на эту страшную картину, медленно осознавая, что перед ним не трупы врагов. Тело иракского бойца, облаченное в знакомую, песчано-желтую камуфляжную форму валялось поодаль, подле импровизированной амбразуры и опрокинутого пулемета, а здесь в углу подвального помещения собрались те, кого коалиционные силы пришли защитить от агрессии…

Это были жители Кувейта, семья, владевшая скромным придорожным комплексом. Похолодевший взгляд Герберта различал все больше подробностей, и от этого хотелось рухнуть на колени, закричать, потому что стоять, глядя на выразительные позы мужчины и двух женщин, которые в последний миг перед взрывом пытались закрыть своих детей, было попросту невыносимо…

Что же ты наделал капрал… – в отчаянии подумал Герберт.

В этот миг он снова услышал сдавленный всхлип.

Рухнув на колени, позабыв о боли, лейтенант лихорадочно отвалил в сторону мешковатое тело сорокалетнего мужчины, с ужасом приподнял невесомый трупик пятилетней девочки… и вдруг увидел, что из-под кровавого нагромождения тел на него смотрят полные слез глаза.

Таким лейтенанту Ричардсону запомнилось лицо войны, которое на всю оставшуюся жизнь вобрало в себя перекошенные черты двенадцатилетнего подростка, до дрожи похожего на своего мертвого отца…

Такое не увидишь с экранов телевизоров, это не может пригрезиться в самом тяжком кошмарном сне, пока не столкнешься с чем-то подобным воочию.

…

Герберт плохо помнил, как вытаскивал раненого ребенка из-под окровавленных тел, как поднимался с ним по шаткой лестнице и после, прижимая к себе дрожащее тело, орал на капрала Дугласа.

Сознание окончательно надломилось, не выдержав непомерного груза выпавших на его долю испытаний. Отчетливо запомнилось лишь одно: когда к вечеру на их позицию вышла прочесывающая окрестности мобильная разведгруппа британского спецназа, подросток до этого находившийся в состоянии шока, вдруг пришел в себя.

Его дрожащее тело до этого инстинктивно прижимавшееся к Герберту, вдруг напряглось, в покрасневших от слез глазах появилось жуткий, ненавидящий блеск, он оттолкнул лейтенанта, отполз на несколько метров и вдруг начал что-то кричать на непонятном языке.

Двое британских солдат подошли к нему, и пока один крепко прижимал подростка к полу, второй сделал ему инъекцию.

Тело мальчишки несколько раз выгнулось, и он внезапно затих.

Один из британцев, спускавшийся в подвал, вернулся оттуда с пачкой испятнанных кровью документов.

…Герберта и спасенного им подростка уже погрузили на носилки и несли к армейскому джипу, когда лейтенант заметил, что офицер, которому передали найденные бумаги, внимательно изучает их.

– Подождите… – попросил Ричардсон.

Жестом подозвав к себе командира группы спецназа, он спросил:

– Вы знаете арабский язык, капитан?

Тот кивнул.

– Здесь есть документы мальчика?

– Есть. Его зовут Алим. Алим Месхер. Вы не ошиблись лейтенант, в

подвале погибли местные жители, прятавшиеся от артобстрела.

Ричардсон на секунду прикрыл глаза.

– Вы можете перевести, что кричал мальчик?

Капитан внимательно посмотрел на бледное лицо Герберта и спросил:

– Вы уверены, что хотите это знать?

– Да.

– Он кричал, что ненавидит вас. Еще он клялся отомстить всем американцам.

– Но это ошибка. Чудовищная ошибка.

– Он не понимает этого, лейтенант. И боюсь, не поймет никогда.

– Теперь он останется сиротой? Вы можете записать мне его данные, чтобы позже я мог разыскать Алима?

– Это ни к чему. Он будет переправлен в наш госпиталь, а затем, если не отыщутся родственники, британское правительство возьмет на себе заботу о его воспитании. Время лечит душевные раны, а хорошее образование способно сгладить ненависть.

– Хорошо если так капитан.

Офицер кивнул Герберту, мельком взглянул на соседние носилки, и жестом приказал своим бойцам – несите.

…

Через два месяца лейтенант Ричардсон выписался из госпиталя и одновременно подал рапорт об увольнении с воинской службы. Памятуя о словах британского офицера, он все же попытался разыскать мальчика, но, наткнувшись на глухое, неприязненное непонимание со стороны британских эмиграционных служб, в конечном итоге оставил тщетные попытки выяснить его дальнейшую судьбу.

Глава 2

Россия. Начало двадцать первого века…

…Шел две тысячи первый год.

Было девять часов вечера, когда «BMW» с Питерским номерами остановилась у подъезда пятиэтажного кирпичного дома, возвышающегося на окраине провинциального областного центра.

Справа от машины виднелась старая, заросшая травой спортивная площадка, зажатая между зданиями двух городских СПТУ. За ней в свете уличных фонарей поблескивало лужами уводящее за город шоссе, слева за трубами теплотрассы темнел пустырь, плавно переходящий во вспаханные поля.

Дом, перед которым остановилась машина, имел всего один функционирующий подъезд. Редкие квадраты освещенных окон демонстрировали скромный быт обитателей кирпичной коробки: лишь малая часть проемов имела шторы, большинство же до середины прикрывали пожелтевшие газеты, на фоне которых перемещались смутные силуэты людей.

– Общага что ли? – Посмотрев по сторонам, осведомился водитель «BMW».

– Угу… – Коротко ответил ему молодой, крепко сбитый парень, развалившийся на пассажирском сидении. – Гужатник.[3] Сам в таком вырос. – Внезапно признался он.

– А что мы тут забыли, Серж? – Водитель погасил фары и, сцепив руки в замок, облокотился о руль. Тусклая подсветка приборной панели змеящимся бликом отразилась от массивной золотой печатки на его пальце. – Дело сделали, – он повернул голову, пытливо посмотрев на своего спутника. – Пора бы домой мотать, пока местные менты не всполошились.

– Не всполошатся. – Успокоил его Сергей. – Дело есть… – Он задержал взгляд на освещенных квадратах окон, мысленно взвешивая какие-то внутренние, ведомые только ему «за» и «против», а потом, решившись, сказал:

– Саня, ты посиди, я скоро.

– Блин, Серж, куда тебя несет? – Неодобрительно покачал головой водитель, посмотрев на обшарпанное здание. Он уже настроился на обратную дорогу, и внезапная задержка у скособоченного подъезда унылой общаги показалась ему ничем не оправданной.

Давыдов как всегда со своими приветами. – Неприязненно подумал он. – Если перенапрягся, девочку там захотелось или водки, – это понятно, но не в таком же гадюжнике… Два, ну максимум три часа, и мы дома, в Питере, можно бы и потерпеть…

– Что тебя вдруг приспичило, там ведь вонь одна… – Вслух добавил он. – Детство в заднице заиграло?

Сергей, который уже взялся за ручку двери, повернул голову.

– Ты что, критиковать меня будешь? – Скупо спросил он, внезапно похолодев взглядом.

Его собеседник мгновенно осекся, заметив знакомый, не сулящий ничего доброго блеск, внезапно промелькнувший в глазах Давыдова.

– Нет, ну… – Попытался сгладить он свою необдуманную резкость, но Сергей оборвал его на полуслове:

– Тогда сиди, на хрен, и не рыпайся. – Глухо произнес он. – Мое детство – это такая вот засратая общага, а потом Чечня в девяносто пятом, – играла она у меня в заднице в новогоднюю ночь, пока ты шлюх по ночным барам зажимал в Питере…

– Ну, что ты звереешь-то сразу, в натуре!.. Я же не виноват, что у меня зрение…

– Я не зверею. – Сквозь зубы ответил Давыдов. – А сказки про зрение оставь военкому. – Он немного помолчал, глядя в вечернюю мглу, что растеклась за забрызганным каплями дождя ветровым стеклом, и добавил, остыв так же быстро, как и завелся:

– Друг у меня тут.

Тихо чавкнула дверца машины, в мутном свете уличного фонаря мелькнули черные полы пальто, скрипнула, а затем отрывисто хлопнула перекошенная мокрая дверь.

Подъезд, как и предполагал водитель «BMW», оказался вонючим и темным. Лестничные марши уходили ввысь, теряясь в густом мраке, флюиды, витающие в темноте, казались тошнотными: запах прокисшей мочи смешивался здесь с сомнительными ароматами готовящейся пищи, двери этажей, испытывающие постоянный прессинг со стороны возвращающихся домой подвыпивших жильцов, пропускали на лестничные площадки узкие полосы желтоватого света, проникающие через разломы в фанерных вставках, заменяющих давно выбитые стекла.

Сергей остановился на площадке третьего этажа, мельком взглянув на незамысловатые образцы граффити, перед которыми экстремальные выходки протестующей американской молодежи казались наивным

детским лепетом. Самый безобидный образчик настенной живописи имел явный сексуально-политический оттенок и был снабжен поясняющей надписью: «Вот тут я вас видел». Где – становилось понятно из рисунка.

Хмыкнув в ответ своим мыслям, Давыдов толкнул дверь, и попал в длинный коридор, похожий на застенок изолятора временного содержания. Тусклые лампы, давно лишившиеся плафонов, горели тут через одну, озаряя нездоровым желтоватым сиянием замызганные коврики, небрежно брошенные на пол перед дверьми, ведущими в отдельные комнаты общежития.

Взгляд Сергея скользнул по номерным табличкам, невольно подметив многочисленные следы взломов, которым периодически подвергались незатейливые врезные замки, словно тут как минимум раз в неделю проходили учения армейского спецназа…

Ироничная мысль носила черный, горьковатый оттенок юмора, – на самом деле Давыдов отлично знал, как это бывает… Его детство и юность действительно прошли в похожем общежитии, и не было никакой разницы в том, что «родная» общага располагалась не тут, а в Питере. Смысл оставался один, и удручающая, многократно повторяющаяся адекватность подобных мест работала в унисон с памятью, возрождая в ее глубинах образ собственно отца, который, подвыпив, частенько ломал двери, только лишь потому, что не мог попасть ключом в замочную скважину…

Сергей встряхнул головой, отгоняя наваждение. Нервы и так были натянуты, но не от той «работы», что пришлось проделать пару часов назад, а от гнетущего ожидания встречи, которая по определению не могла принести никакой радости.

Злые растерзанные мысли безвыходно копились в рассудке, словно там прижился паразит, медленно высасывающий из души остатки человечности. Прав Саня… – подумалось в этот миг. – Мало мне своих проблем…

Давыдов сплюнул на пол и медленно пошел вдоль коридора. Он был в этом общежитии всего один раз, четыре года назад, и плохо запомнил номер нужной ему комнаты – не то тридцать семь, не то семьдесят три…

Нет… не вспомнить. Нужно спросить у кого-нибудь…

– Эй, мужик! – Он призывно и требовательно взмахнул рукой, заметив возникшую в конце коридора смутную тень.

Силуэт застыл, как вкопанный.

– Тебе, тебе говорю. – Повторил Сергей. – Иди сюда, дело есть.

Фигура, смутно различимая в полумраке, не решилась протестовать, сделав неуверенный шаг по направлению Давыдова. В этот миг в конце

коридора внезапно распахнулась дверь и оттуда, вместе со светом вырвался поток бессвязной матерной ругани.

В плотном прокуренном сумраке за спиной обитателя общежития возникла еще одна тень, и Сергей, без интереса наблюдавший эту сцену, увидел, как вдогонку мужику, сомнабулически перемещающемуся вдоль стены, полетело что-то шуршащее, бесформенное.

– Куртку свою забирай, козел!

Голос был женским.

Мужик равнодушно подобрал брошенную вслед верхнюю одежду. Остановившись, он пошатнулся, обдав Давыдова мутным взглядом, с трудом удержался растопыренной пятерней за стену, и сипло спросил:

– Ну, чего тебе?…

– Антона Извалова знаешь? – Спросил у него Сергей. – Молодой парень, несколько лет назад из Чечни вернулся.

Обитатель общежития стоял, слегка покачиваясь на нетвердых ногах.

– Закурить есть? – Наконец сфокусировался он на фигуре в черном длиннополом пальто, которая казалась ему призраком.

– На. – Давыдов равнодушно протянул ему полупустую пачку «Camel». – Я спрашиваю, Антона Извалова знаешь? Мне нужен номер его комнаты.

На некоторое время в коридоре повисла гнетущая тишина, которую нарушали лишь невнятные, доносящиеся из-за дверей звуки, да сиплое дыхание пьяного обитателя общаги, взгляд которого медленно перемещался с пачки импортных сигарет на Давыдова и обратно, отражая вялый мысленный процесс.

– Извалов?… – Хрипло переспросил он спустя некоторое время. Антон?… – С нотками сомнения повторил он названное имя. – Это контуженый, что ли?!.. – Наконец осенило его, когда Сергей уже начал терять всякое терпение. – Знаю… – Утвердительно кивнул мужик, недоверчиво покосившись на сигареты. – Это мне?

– Забирай. Только скажи, в какой комнате он живет?

– А?… – Собеседник Давыдова опять начал выпадать из реальности, что-то бормоча себе под нос.

Прав был Саня, тупая это затея… – Вновь подумал Давыдов, хотя знал, что уже не повернет назад. Не в его привычках было останавливаться на пол пути, да и увидеть Антона нужно – это желание уже твердо оформилось внутри и как любая запавшая в разум мысль не даст покоя пока не будет осуществлена. О душе Сергей не вспоминал. От нее давно не поступало никаких позывов, и все что он делал, по большей части диктовал

больной, истерзанный рассудок, который порой помимо его воли искал горьких, зачастую ненужных встреч, уводил его в такие места, где остро оживали воспоминания, словно подсознание надеялось, ждало, что в какой-то момент очнется загнанная в угол душа, и тогда все пойдет иначе…

Тщета…

– Блин, мужик, я тебя по-русски спрашиваю… – Сергей начал заводиться. – НОМЕР КОМНАТЫ АНТОНА ИЗВАЛОВА?!..

Если бы не тошнотный запах, исходящий от собеседника, Давыдов взял бы его за ворот и пару раз тряхнул бы об стенку, для ясности мышления.

– А… это комната тридцать семь. – Тот, заметив неладное, тут же протрезвел на несколько секунд. – Но только ты это… Не трогай меня… Я пошел… А он контуженный… Ты к нему стучись сначала… – Он развернулся и нетвердой походкой направился назад, к той двери, откуда минуту назад вылетела его куртка. – Эй, Машка… Открывай, я курить нашел… – Вялый мужской кулак забарабанил в дверь. – Открывай, я кому говорю… – Через некоторое время что-то затрещало в конце длинного коридора, – очевидно, вылетал очередной, тысячный по счету шпингалет, но Давыдова совершенно не интересовала развязка этой сцены. Остановившись напротив двери с заляпанным краской номером «37» он прислушался.

Тихо бормотал телевизор.

Он постучал.

Из-за дверей не ответили. Сергей подождал минуту, потом опять постучался и, не удостоившись ответа, толкнул дверь. Она поддалась с неожиданной легкостью, и вдруг… в образовавшуюся щель, отскочив от истершегося порожка, с глухим, неприятным стуком, вылетела «эфка»…

Мышцы сработали машинально, без участия разума, на уровне рефлексов.

Граната еще выкатывалась в вонючий коридор, а он уже влетел внутрь комнаты, и застыл, вжавшись в простенок, с таким расчетом, чтобы не достало осколками через дверной проем.

Глухой ток крови в висках отсчитывал секунды. Одна… Вторая… Третья…

– Не взорвется. – Внезапно оборвал мысленный отсчет глухой голос, на миг перекрывший бормотание телевизора. – Это муляж. Принеси, а то пацаны увидят, утащат.

Вернувшись в комнату с ребристым муляжом «эфки» Давыдов еще

несколько секунд привыкал зрением к густому сумраку, щедро сдобренному сизым, вонючим папиросным дымом.

Все оказалось много хуже, чем он предчувствовал…

Взгляд постепенно стал различать окружающие предметы, учитывая, что единственным источником света в тесной пеналообразной келье являлся черно-белый ламповый телевизор, экран которого таинственно мерцал рябью помех, – изображение на нем было смазанным, нечетким и только приглушенный голос звучал вполне внятно, естественно.

Шел выпуск вечерних новостей. По экрану метались смутные, искаженные тени.

– …сказал, что основные силы боевиков после ощутимого поражения отходят в горы, пытаясь использовать для отступления последние дни, пока на горных тропах и перевалах не лег снег…

Давыдов по-прежнему стоял у порога, внимательно вглядываясь в сумрак.

В призрачном свете серыми тенями выделялись немногочисленные предметы меблировки. Диван у плотно зашторенного окна, две обшарпанные тумбочки казенного образца на одной из которых стоял упомянутый телевизор, встроенный шкаф для одежды с болтающейся на одной петле дверкой, а подле, небрежно прикрытый брошенной сверху газетой прямо на полу пылился старый, допотопный компьютер еще советского производства.

– Серега? Давыдов?!.. – Нарушил затянувшееся замешательство хриплый, знакомый, но странно изменившийся голос Антона Извалова.

Он звучал надтреснуто, словно был сломан.

Глаза уже полностью привыкли к густому сумраку, и Давыдов, резко обернувшись, различил, наконец, лежащего на диване человека.

Вернее, это была страшная пародия на человека.

– Антон… – В горле Сергея внезапно встал комок. Чувство было старым, уже позабытым, как и само понятие – «душа». Этот удушливый ком пришел из прошлого и мог быть порожден только им. Видел бы его сейчас кто-то из братвы, – не поверили бы, что Серж, может вот так стоять в нерешительности, а его лицо будет скомкано гримасой, в которой смешалось все: и сострадание, и злоба, и обреченное, отчаянное неприятие тех образов, что передает зрительный нерв…

Дежа вю…

Так было с сержантом Давыдовым лишь однажды, на улице Грозного, когда он увидел первый сгоревший танк и тела наших ребят – обугленные, наполовину высунувшиеся из люков…

Свою кличку, – Смерть – он получил уже на «гражданке» за способность в критические секунды опасных разборок вдруг уходить, ускользать из данности в свое прошлое, разительно меняясь лицом и поведением.

Такое выражение лица, что гримасой исказило черты Сергея, обычно означало одно: смертельный приговор его оппонентам. И тем более становилось странным, что сорванная крыша Давыдова в этот раз встала на место достаточно быстро и безболезненно.

Он просто оттаял взглядом, сделал шаг вперед и присел на край скрипнувшего дивана.

– Ну, здорово…

Рука, высунувшаяся из-под шерстяного одеяла, была худой, – почти одни кости.

Он пожал ее, встретил взгляд глубоко запавших глаз, и не смог вторично сглотнуть этот ком.

Несколько секунд они пристально смотрели друг на друга, а потом, когда костлявые пальцы Антона разжались, Сергей тихо укоризненно спросил:

– Ну почему так?… Мы же оставляли тебе деньги…

Извалов слегка пожал плечами в ответ.

Не зная, что делать, как сглотнуть застрявший в горле ком, Сергей огляделся, растерянно, зло. Заметив выключатель, он встал, щелкнул им, и комнату залил желтоватый свет сорокаваттной лампочки.

Голые стены. Потолок цвета слоновой кости с взлохмаченными нитями невесть откуда берущейся паутины, которая гнездится по углам, постепенно обрастая осадком никотина и пыли. Из мебели, как он успел заметить еще в полумраке, присутствовал лишь диван на двух силикатных кирпичах вместо утерянной ножки, да тумбочки с поцарапанной полировкой, на которых стоял старый черно-белый телевизор прибалтийского производства… и как завершающий штрих к картине полной, ничем не прикрытой нищеты – два укороченных костыля, прислоненных к подоконнику, а рядом – самодельные наколенники с присохшими следами уличной грязи…

Сергей не стал ничего говорить, – вернулся к дивану и сел, под жалобный скрип пружин. Он чувствовал, что Антон смотрит на него, как и тот мужик, – словно на привидение… Они оба испытывали в эту минуту одинаковую, болезненную неловкость, – какими бы разными, чуждыми на первый взгляд не показались два находящихся в комнате человека, обоим хотелось одного – помолчать, не произнося праздных, затертых слов, чтобы

щемящая горечь, что всколыхнулась в сознании черной махровой стеной, немного поулеглась, возвращая способность дышать и мыслить.

Два русских парня.

Две судьбы, два разума пропущенные сквозь жернова войны, изжеванные искалеченные и сплюнутые за дальнейшей непригодностью.

Жизнь жестока. Она каждый день предлагает нам выбор, и все мы принимаем частные сиюминутные решения, не оглядываясь на то обстоятельство, что из частностей как раз и складывается Судьба.

Четыре года назад Давыдов действительно заезжал в это общежитие, вместе с ребятами уволившимися в запас. Антон, потерявший после ранения обе ступни, тогда только выписался из госпиталя, и в комнате над искалеченным сыном причитала мать. Гостей она приняла без радости, и встреча вышла неловкой, скомканной, скоротечной… Посидели от силы минут пять, оставили собранные в складчину деньги и ушли, подавленные, обескураженные, с чувством иррациональной вины перед Антоном.

Что изменилось за прошедшие годы?

Извалов прикурил папиросу и посмотрел на Сергея.

– Приподнялся? – Тихо спросил он, без тени упрека, зависти или злобы, – просто констатировал факт.

Давыдов лишь криво усмехнулся в ответ.

…

Апрель 1997 года. Санкт-Петербург…

Он хорошо помнил тот теплый апрельский день, когда сошел на перрон Балтийского вокзала.

Казалось – впереди вся жизнь, а призрак смерти, неотступно следовавший по пятам на протяжении многих месяцев, наконец, сгинул, истаял в прозрачном, звонком весеннем воздухе…

Все казалось Сергею обновленным, радостным, хотя мало что изменилось вокруг: все так же высилась в торце вокзала статуя Ленина, провожая взмахом чугунной руки, отъезжающие с привокзальной площади крытые грузовики с новобранцами весеннего призыва; на газонах, среди тропинок и вездесущего, оттаявшего из-под снега мусора, робко пробивалась трава, даже коммерческие ларьки остались на своих местах, ничуть не изменившись ни внешним видом, ни ассортиментом товаров, разве что цены ощутимо подросли…

Тем утром действительно грезилось, что начался отсчет новой жизни. Мысли шагающего по перрону «дембиля» были просты и бесхитростны, – он прошел через ад, выбрался из него живым, и что, спрашивается, может

ожидать его в родном мирном городе, кроме сокровенного покоя и счастья, о которых он мечтал, вжимаясь в липкую грязь под остервенелым автоматным огнем на улицах Грозного?…

…Ему потребовалось всего лишь несколько дней, чтобы полностью избавиться от эйфории.

Дома все обстояло намного хуже, чем рисовало воображение. Отец и мать не работали, – завод, на котором трудились родители, окончательно обанкротился, и теперь они оказались безработными, влача жалкое существование за чертой бедности. Такая судьба постигла многие семьи, но Сергей, глядя на внезапно постаревшего отца, который уходил из дома рано утром, чтобы вернуться глубокой ночью пьяным до беспамятства, на мать тихо вздыхающую, и украдкой смахивающую слезы бессилия, воспринял происходящее как личную трагедию.

Все вокруг казалось неправильным, извращенным, словно он вернулся в совершенно иной мир. Жизненные обстоятельства шли в разрез с прежним воспитанием, маленьким опытом, который он успел накопить в душе до призыва в армию.

Первое правило, усвоенное Сергеем уже на войне, гласило: «нет безвыходных ситуаций, – есть люди не способные решать проблемы». Этот постулат, вскользь оброненный незнакомым спецназовцем в момент затишья между боями, помог ему выдержать быструю и болезненную ломку мироощущения, не позволив разуму втянутся в серый водоворот безысходных будней.

Спустя двое суток, не выдержав царящей дома обстановки, он сходил в военкомат, вернул себе паспорт, и, взяв диплом, полученный по окончании института, пошел устраиваться на работу.

Некоторые иллюзии еще не покинули рассудок. Он верил, что его профессия, избранная в далеком девяносто первом году и казавшаяся в ту пору не просто трудной, а почти что фантастической, теперь обязательно будет востребована и с легкостью даст ему желанный пропуск в новую жизнь, робкие, непонятные ростки которой пробивались повсюду, куда ни глянь.

И все же привычные доармейские стереотипы подспудно давили на сознание, поэтому Сергей, не раздумывая, пошел в бюро по трудоустройству, которое теперь именовалось громким, явно заимствованным названием «биржа труда».

Терпеливо выстояв длинную очередь, он вошел в кабинет, где за столом сидела пожилая женщина, похожая на строгую учительницу, и молча выложил перед ней документы.

Та взяла их, бегло просмотрела и подняла на Давыдова усталый, затертый от приема множества посетителей взгляд.

– Вы хотите найти работу по специальности, молодой человек?

Вопрос показался Сергею риторическим.

– Да.

– Хорошо… – Она протянула руку, взяла с полки несколько папок и стала пролистывать их, выписывая какие-то данные.

– Вот. – Она протянула Сергею небольшой список из пяти пунктов. – Это адреса фирм, где есть вакансии для людей со знанием компьютера. Попробуйте обратиться к ним напрямую. Но должна вас предупредить – не особо полагайтесь на свой диплом. Вы учились работать с вычислительными машинами советского производства, если не ошибаюсь, – она вновь взглянула на диплом, – с промышленными системами ЧПУ,[4] а они радикально отличаются от персональных компьютеров, что поставляют нам с Запада в последние годы. Если по списку не найдется ничего подходящего, – приходите снова.

– Зачем? – Недоуменно спросил Сергей.

– Я поставлю вас на учет как безработного, для получения пособия. Может быть, мы сможем подобрать вам место дворника или сантехника.

– Нет, спасибо. – Сергей встал, забирая документы. – Я инженер-программист. Думаю, меня возьмут на работу.

…

На работу его не приняли.

Сергей побывал в пяти местах, и везде он натыкался на одну и ту же непреодолимую преграду: электронно-вычислительные машины, установленные в офисах различных частных фирм, действительно радикально отличались от тех, работать с которым умел Давыдов.

Он ничего не понимал. Прошло всего лишь два года со дня получения диплома, а его знания, глубокие и прогрессивные на момент выпуска, оказались безнадежно устаревшими, никому не нужными.

Этому могли найти объяснение люди постарше, те, кто пристально наблюдал за окончательным падением «железного занавеса» и вел анализ хлынувшего на Российский рынок потока компьютерных систем, но для Сергея, который не имел никакого представления об эмпирическом законе господина Мура, все происходящее казалось тяжким сном.

Ему бы не спешить, разобраться в своих возможностях, осознать, что иные технические решения, как и чуждые сервисные оболочки, еще не отменяют ни логики алгебры, ни принципов программирования, но

реальные неудачи воздействовали на него самым удручающим образом. Это был шок, с которым не смогло мгновенно справиться его сознание. В голове засели, прокручиваясь до тошнотворной бесконечности фразы той женщины, с биржи труда: «мы попробуем подобрать вам место дворника или сантехника»…

…Вконец измученный дневными похождениями, голодный, уставший, он забрел на пустырь промышленной зоны, в районе станции метро «Обухово». Последняя фирма, которую он посетил, располагалась как раз неподалеку, и Сергей, пройдя метров триста по направлению станции метро, просто присел на вросшую в землю железобетонную плиту.

Достав помятую пачку сигарет, он прикурил.

В душе медленно вскипала неосознанная злоба, будто время внезапно открутилось вспять, и он находился не дома, а там, на чужбине…

Или это родной город успел до неузнаваемости измениться за два прошедших года? Он не мог понять, куда подевалось государство, почему вокруг царит хаос, где каждый сам за себя, всякий выживает, как может, заботясь лишь о собственном существовании?…

Позже весь период девяностых годов по справедливости назовут «перестроечным лихолетьем», но для двадцатитрехлетнего парня, который, окончив институт, сразу же ушел в армию, а затем попал в горнило необъявленной войны, все происходящее вокруг казалось диким, не укладывающимся в рамки рассудка.

Воздушные замки если они и были, рушились, а что оставалось взамен им?

По большому счету еще не произошло ничего непоправимого, но рассудок, истерзанный войной, уже неадекватно реагировал на царящую дома гнетущую обстановку, и болезненные неудачи прожитого дня…

…Начинало вечереть. Прозрачные весенние сумерки неохотно опускались на землю, голод уже притупился, сигаретный дым казался горьким, в душе было пусто и муторно…

Завтра… Завтра начну искать снова. – Подумал Сергей, делая глубокую затяжку.

Последняя попытка найти работу завела его вглубь промышленной зоны, расположенной на окраине города. Неподалеку вздымались конические трубы южной ТЭЦ, за пустырем темнели цеха асфальтового завода, к которому примыкал периметр расположенного прямо в черте города исправительно-трудового учреждения общего режима… Если смотреть вправо, то за пустыми коробками какого-то долгостроя можно было разглядеть первые огни в окнах высотных домов спального

микрорайона. Все это смешивалось, порождая ощущение сюрреалистического контраста. Сергей смотрел на стремительно погружающийся в сумерки город, не осознавал, что прячет сигарету в ладони, чтобы со стороны не было видно ее огонька.

Задумавшись, он не слышал тихого, вкрадчивого шепота двигателей трех иномарок, которые с разных сторон въехали на пространство пустыря с намеренно погашенными фарами.

Давыдов очнулся лишь в тот момент, когда рядом, буквально метрах в десяти от него приглушенно хлопнула дверка машины, затем похожий звук повторился еще несколько раз и вдруг…

Он услышал голос:

– Дэньги привез?

Слух резануло кавказским акцентом, словно ножом.

Мышцы мгновенно окаменели, по телу вкрадчивой дрожью прокатилось задремавшее до порыбезумие…

Как будто долгий полный безвыходных мытарств день подспудно готовил его психику к мгновенному срыву…

Мышечный спазм прошел так же быстро, как и возник, а тело уже жило своей, неподконтрольной разуму жизнью, – он машинально и беззвучно сполз с наклонной бетонной плиты, присел на корточки и…

Рука ощущала сосущую пустоту там, где привыкла осязать успокаивающий вес автомата. Дома… Я дома… В Питере…

Бесполезно.

Он едва ли слышал, что пробормотал в ответ на заданный вопрос невидимый ему участник встречи, как слух опять резанул этот голос:

– Зачэм тогда позвонил? Чэго лопочэшь, свинья? – Эти слова сопроводил глухой удар, болезненный вскрик и характерный щелчок взводимого пистолетного затвора.

– Эй, погоди, Исмаил, это я звонил тебе на трубу! – Раздался еще один голос.

– Меня подставить хотели? МЭНЯ?

– Да подожди, урод! С тобой говорить по-человечески можно или нет?

– Нэт! Я говорю, – нэси дэньги, – значит нэси, или я буду на куски рэзать. Как вы своих свинэй рэжэтэ!..

– Ты, что обурел? Это ты мне говоришь?

– Тэбэ!..

– Я стрелу забил, чтобы договориться по-хорошему. Ты видно этого не понял. Твои проблемы, Исмаил.

В ответ раздалось лишь яростное, нечленораздельное мычание, затем

оглушительно хлопнул одиночный выстрел из пистолета, вслед которому раздался истошный крик…

…Сергей не владел собой уже секунд тридцать.

За это время он успел обогнуть бетонную плиту, и появился на мизансцене событий в тот миг, когда сгущающиеся сумерки резанула короткая автоматная очередь.

В голове помутилось. Он не мог до конца поверить, что слышит и видит происходящее. Сознание протестовало, пытаясь заорать: это не Кавказ!..

Да это был не Кавказ. Это Питер, его родной город, практически – сердце России, но и тут слышен ненавистный акцент, а тьму рвут вспышки выстрелов. Значит, – война добралась и сюда, а быть может пришла отсюда, Сергею в тот миг было не рассуждений…

Прошло слишком мало времени с того момента, как он в последний раз нажимал на курок, удерживая в прицеле человеческую фигуру. Его рассудок и душа все еще пребывали там, в страшных кровавых буднях, поэтому он не задумывался над собственными действиями, совершая их скорее машинально, чем осознано.

Короткий прут ржавой арматуры, подобранный с земли, успокоил ладонь, пальцы до боли впились в холодный шершавый металл, впитывая его вес, он присел, ощущая как струиться по жилам кровь, и когда в метре от него из сгущающихся сумерек вынырнула фигура с АКСУ, Давыдов ударил, распластавшись в коротком стремительном рывке.

Ржавая сталь с хрустом пробила горло, выдавив булькающий сипящий вздох, а он уже вырвал оружие из обмякших рук, но тела не отпустил, крутанул его, прикрываясь агонизирующим чеченцем, будто щитом, и мгновенно сориентировавшись на небольшом пятачке, ограниченном бамперами трех иномарок, дал две короткие, прицельные очереди – одну в Исмаила, пытавшегося сесть в машину, а вторую в его подручного, который держал на прицеле четверых, застывших как вкопанные, молодых парней.

Когда отгремел последний выстрел, вокруг воцарилась оглушительная ненатуральная тишина, будто весь мир вдруг накрыло темным безмолвным саваном вечного покоя, но длилось это совсем недолго, – со стороны расположенной неподалеку «зоны» донесся надсадный звук ревуна, которому вдруг начал вторить назойливый ритмичный вой сработавшей тревожной сигнализации периметра.

«Ночь-12»[5] завывала на всю округу, и Сергей непривычный к

подобным проявлениям активности, на миг растерялся, оттолкнув от себя мертвое переставшее дергаться тело.

– Блин… Исмаила уложил… Твою мать, нам же теперь все, задница!..

Давыдов обернулся на голос.

В метре от него стоял рослый парень. Одет он был как-то странно, будто в театр собрался, или на похороны – все строгое, черное, деловое, только золотая цепь в пол пальца толщиной тускло отблескивает на шее…

– Это они пусть задницы готовят. – Хрипло обронил Сергей, не опуская автомата.

– Откуда ты взялся, на мою голову, стрелок?

– Сидел я тут… курил.

Тот хотел сказать что-то резкое, но взглянув в лицо Давыдова, вдруг осекся.

– Ты что, братан… из Чечни?

– Три дня как вернулся. – Ответил Сергей, ощущая, как вместо возбуждения вдруг накатила свинцовая усталость.

– Ладно. Уходим отсюда. Рядом зона, слышишь, сигнализация воет? Сейчас они ВРП[6] расставлять начнут, тогда хрен вырвешься, это не менты, а срочники, им все по барабану… Давай в машину, стрелок, там разберемся… Может ты и хорошее дело сделал, но вот отвечать за него придется…

…

Ответили.

После этого Серж и получил свою кличку – Смерть, но вырваться по факту «отдачи долгов» уже не смог, да и не хотел в тот момент… разум надолго застило кровью, ощущения были уже не те, все выглядело жестче, страшнее, чем там, потому что происходило это дома, на тех самых Питерских окраинах, где он рос, бегал еще мальчишкой…

– Приподнялся, говоришь? – глухо переспросил Сергей.

Он сидел, широко расставив ноги, его взгляд застыл, сфокусировавшись в одной точке на засиженной мухами стене.

– Одет ты хорошо… Не обижайся.

Давыдов криво усмехнулся.

– Лучше скажи, как сам? – Задал он встречный вопрос.

– Нормально. На инвалидности. Пенсию получаю.

Сергей машинально взглянул на укороченные при помощи ножовки поцарапанные костыли, потертые наколенники из ободравшегося

кожзаменителя и покачал головой.

– Не надо грузить Антон. Мы же не чужие…

Извалов не меняя позы, дотянулся до полупустой пачки папирос и внезапно произнес, прикуривая:

– Знаешь, что сказала мне врачиха из ВТЭК? – Он чиркнул зажигалкой и голубой, трепещущий огонек на миг высветил страшную худобу его лица.

– Ну? – Машинально напрягся Сергей.

– Говорит – осторожнее надо быть на войне…

Давыдов лишь скрипнул зубами от бессильной злобы. Он многое мог сделать в этой жизни, но некоторые вещи до сих пор оставались неподвластны и непонятны ему. Например, – человеческое равнодушие, порой граничащее с откровенным, абсолютно необоснованным цинизмом.

– А где мать? – После непродолжительной, но тягостной паузы спросил он.

– Этажом выше. Живет там с одним мужиком, спиваются понемногу. – Спокойно, без эмоций ответил Антон.

Это было невыносимо. Неправильно.

Когда их, не объясняя причин, бросили на штурм Грозного, было страшно. Казалось, оттуда нет возврата, и самой великой, сокровенной мечтой не нюхавших пороха ребят было выбраться оттуда живыми.

Повезло. Выбрались. Выбрались, не предполагая, что разум навек остался там, среди кровавого хаоса беспорядочных ночных атак, а самое жуткое ждет впереди, на «гражданке», о которой мечтали отчаянно, сокровенно…

Вот она – мечта. Засиженные мухами стены, ободранный диван, а напротив – тусклые злые глаза, в которых жизнь переворачивается, снова превращаясь в войну.

Человеческое равнодушие, – словно заклятие, мысленно повторил Давыдов, понимая: именно оно сделало Антона настоящим калекой…

Машинально засунув руку в карман пальто, он наткнулся пальцами на холодную сталь «Стечкина», и в душе вновь заныла та остервенелая, последняя струна, что не оборвалась на далеком Кавказе…

Не зная, что говорить дальше, куда направить свой взгляд, как хотя бы на миг сбить растущее внутри чувство ненависти ко всему окружающему миру, Сергей порывисто встал, услышав жалобный скрип диванных пружин, и, сделав несколько шагов по тесной комнате, остановился подле старого, похожего на кучу хлама компьютера.

Угловатый монохромный монитор торчал из-под пожелтевшей газеты,

словно грязно-белая черепная коробка ископаемого животного.

Сергей присел на корточки, приподнял пожелтевший газетный разворот, посмотрел на допотопную клавиатуру и вдруг остро вспомнилось все, начиная от рокового дня, когда он пытался устроиться на работу и заканчивая недавней поездкой «за бугор» на историческую родину корпорации «Майкрософт».

– Водка есть? – не оборачиваясь, глухо спросил он.

– Есть. – Ответил Антон. Свесившись с дивана, он на ощупь запустил руку в темные пыльные глубины, пару раз звякнул пустышками, а потом извлек оттуда початую бутылку «Столичной», которую берег вот уже несколько дней, будто предчувствовал, что у него появиться гость.

Сергей вернул на место газетный лист и присел на край опасно пошатнувшейся тумбочки, расположившись рядом с телевизором. Глядя, как Антон разливает водку в два стакана, он о чем-то напряженно размышлял, будто сам факт наличия в этой комнате старой электронно-вычислительной машины внезапно изменил ход его мыслей, направив их в совершенно иное русло, прочь от темной тягучей ненависти и невысказанного вслух отчаянного сострадания.

– Ты разбираешься в компьютерах, Антон? – Внезапно спросил он, принимая наполненный до краев стакан.

Извалов хмуро посмотрел на него, не осознав сути вопроса.

– Была когда-то пятерка по информатике. – Все же ответил он.

– А это? – Сергей кивком указал на пылящийся в углу комнаты «БК». [7]

– Баловался до армии.

– И как? Получалось?

Антон пожал плечами.

– Получалось.

– Так что ж ты его забросил? – Гнул непонятную линию Сергей, будто позабыв про полный стакан который держал в руке.

– А толку с него? – Грубовато ответил Антон. – Все «флопы» осыпались, а достать новые сейчас то же самое, что отыскать бивень мамонта. Дохлый он. Пробовал писать программы в системном мониторе… так, чтобы крыша окончательно не съехала, да бросил, – свет часто вырубают, а сохранить не на что… – Он немного помолчал, глядя в тот угол, где пылилась «Электроника», а потом добавил: – Давай, вздрогнули, чего держать позря…

Они выпили, но спиртное только усугубило внезапно воцарившуюся тишину.

Давыдов на глазах мрачнел, погружаясь в черный бездонный омут ведомых лишь ему мыслей и чувств.

– Собирайся, Антон… – Внезапно произнес он.

– Куда?

Сергей поднял на него мутный, свинцовый взгляд.

– Нечего тебе тут делать… Не нужны мы никому, кроме самих себя.

– Брось Серега. – Антон нисколько не запьянел, только усилилась постоянно гложущая сердце тоска. – Я рад, что ты заехал, но… ни к чему. – Повторил он.

– Собирайся, говорю… – Рука в кармане бессознательно сжала рукоять «Стечкина». – Я тебя не в кабак зову. Уедем отсюда.

– Куда я поеду? – Антон красноречиво указал взглядом на прикрытые шерстяным одеялом обрубки ног.

– Это не важно… – Давыдов полез за пазуху и вытащил из внутреннего кармана пальто мягкую, сложенную вдвое полиэтиленовую папку, содержащую какие-то бумаги. – Ручка есть? – Вскинув голову, спросил он.

– На. – Антон пошарил по подоконнику и протянул ему шариковую ручку.

Сергей расправил листы нотариальных бланков, нахмурился, потом вписал в специальной оставленную пустую строку фамилию, и вопросительно поднял взгляд:

– Паспорт получил?

– Да. – Антон абсолютно не понимал что происходит, но выяснить это не удалось. Давыдов странно менялся лицом и поведением, прямо на глазах за доли секунд внезапно трансформируясь в иного человека. Сейчас он сидел, сгорбившись над подоконником, который использовал вместо письменного стола, и свет уличного фонаря освещал его обострившиеся скулы, внезапно обозначившиеся на бледном лице.

– Диктуй данные. – Отрывистая фраза больше походила на приказ, словно время открутилось вспять, и они снова лежали за грудой битого кирпича в сыром промозглом полуподвале, без сна, еды, без связи и надежды, с последним, честно поделенным автоматным магазином… По пятнадцать патронов на ствол, – четырнадцать для «духов» и один, последний для себя…

– Ты лучше скажи… – Антон стряхнул наваждение прошлого, пытаясь понять, что пытается сделать Серега, но тот лишь хмуро выглянул за мутное стекло на мокнущую под дождем «BMW» и повторил:

– Диктуй, говорю.

Антон пожал плечами, потом дотянулся рукой до тумбочки, вытащил из ящика потрепанный ежедневник, в который был вложен паспорт, и молча протянул его Давыдову.

Сергей минут пять заполнял какие-то документы, затем перечитал заверенные нотариусом листы принтерных распечаток и обернулся к Извалову.

– Наливай. – Произнес он, пододвигая к Антону жалобно звякнувшие стаканы.

– Может, все-таки объяснишь, что ты задумал? – Вновь переспросил Извалов, машинально разливая остатки водки.

– Сейчас. – Сергей взял стакан, молча выпил, потом потянулся за пачкой «Беломорканала», что лежала рядом с пепельницей, и произнес, не то отвечая на заданный вопрос, не то просто высказывая накопившиеся внутри мысли:

– Прошлое сдохло Антон… Все, чему нас учили в школе – гнилая дрянь, а жизнь распоряжается нами по-своему. Ты калека, я… – он безнадежно махнул рукой, – короче сам понимаешь. – Он щелкнул пальцами по нотариальным бланкам, куда только что вписал фамилию Извалова. – Это документы на дом. Где-то тут у вас в глухомани.

– И что?

– Поедем туда. Документы теперь оформлены на твое имя. Мне давно была нужна точка вне Питера.

– База отдыха? – Криво усмехнулся Извалов. – Решил сделать меня начальником борделя?

– Нет. – Давыдов вдруг вытянул руки. Растопыренные пальцы мелко дрожали, и он некоторое время пристально смотрел на них.

– Нужно выплывать из этого дерьма… – Глухо произнес он, глядя на мелко подрагивающие пальцы. – Прошлое сдохло – повторил он, – а настоящего нет… Слишком много крови вокруг. Крови и мрази. – Он резко опустил руки и добавил, со второй попытки прикурив изжеванную папиросу. – Я ведь учился на инженера-программиста. Должен был разрабатывать новые системы ЧПУ. Диплом есть… все дела. – Он глубоко, жадно затянулся. – Я просто не смог вовремя понять, что будущее ЕСТЬ…

– И что с того? – Спросил Извалов, так и не сумев ухватить нить рассуждений Сереги. Вообще внезапный визит Давыдова и выпитая натощак водка оглушили разум, разбередили душу, на время отобрав способность рассуждать здраво, и потому Антон лишь мрачнел, глядя на старого друга, откровенно не понимая ни цели его визита, ни смысла производимых действий. Он уже смирился, мысленно расставил все знаки

препинания в вопросах своего бытия, и не ждал от жизни ничего кроме очередных гадостей.

Давыдов то же сильно изменился за прошедшие годы… К тому же он внезапно, без предупреждения и видимого повода появился на пороге убогой обители Антона, за какие-то пол часа полностью сломав медленное течение его моральной агонии, и сейчас Сергей казался ему призраком, существом из иного измерения… Неважно, что у двух судеб когда-то существовала точка соприкосновения, – за годы одиночества, которое по сути являлось медленной деградацией, Антон пришел к пониманию простой, но болезненной житейской истины: прошлое фактически ни к чему не обязывает, и вокруг нет людей, кто был бы искренне заинтересован в его судьбе.

Сергей по-прежнему молчал, глядя в пол, ворочая в голове свои тяжелые мысли, и Антон, не выдержав, тихо переспросил:

– Какое будущее, Серега?… – Он кивнул в сторону широкого подоконника, к которому была прислонена пара укороченных костылей, и добавил:

– Вот мое будущее и настоящее.

Давыдов выслушал его, даже не подняв взгляда, а потом внезапно высказался – глухо, односложно и непонятно:

– Компьютеры, Антон. В них заключено будущее.

Извалов поменял позу. Муть в голове на миг рассеялась, будто ее и не было, до того странно прозвучало это слово – «компьютеры». Не увязывалось оно с образом сидящего напротив Давыдова.

– Я не понимаю тебя… – Честно признался он, протягивая руку за папиросами. – Бизнес решил организовать?

Сергей криво усмехнулся.

– Нет. Бизнесом пусть занимаются другие. Я эту стадию уже проехал… – Он погасил папиросу, раздавив пальцами тлеющий уголек, и в упор посмотрел на Антона, не скрывая злого блеска в глазах. – Я говорю тебе не про приставки к телевизорам, которыми балуются детишки, а про настоящие компьютеры. Про технологии, способные вернуть тебе ноги, а мне отмыться от крови.

– Бред это все… – Извалов лишь безнадежно махнул рукой. – Насмотрелся ты разной фантастической дряни по телевизору…

– Я не смотрю телевизор. – Хрипло оборвал его Сергей. – Некогда. Да и не хочется…

Душевное равновесие, внезапно утерянное на пороге этой комнаты, никак не желало возвращаться, чувство обиды на жизнь, ощущение

неправильности происходящих событий только усугублялись с каждой новой фразой. Сергей с трудом мог объяснить самому себе, почему он сидит тут, настаивая на непонятном для Антона разговоре? Из-за памяти? Но дань прошлому оплачивалась легко и просто, – вот бумаги на дом, в кармане деньги, и вся проблема, – сделать его деревенским парнем, дать глоток свежего лесного воздуха вместо прокуренной атмосферы этой комнатушки, обеспечить крышу над головой, нужно ли что-то еще? Конечно, нет…

Проблема заключалась в ином. Он давно и бережно вынашивал в истерзанном рассудке свою, ни разу не высказанную ни одному постороннему человеку мечту, истоки которой уходили корнями в тот теплый апрельский вечер, когда он, не сумев по-тихому отсидеться за бетонной плитой, уложил главу обосновавшейся в Петербурге чеченской диаспоры. Из-за его поступка в криминальном мире родного города вспыхнула короткая, но кровавая война, которую неожиданно для самих себя выиграли коренные питерцы…

Давыдов знал, сколько на нем крови. Он не строил иллюзий относительно своего статуса, ведь свято место пусто не бывает, – на смену одним отморозкам пришли другие, дележ сфер теневого влияния продолжался, и в расход на кровавых стрелках пошли уже не люди с Кавказа, а свои, славяне… Как справедливо заметил один философ: «люди начинают войну когда захотят, а заканчивают – когда получиться»…

Когда «получилось» для него уже было поздно что-либо менять. Кривая дорожка, куда свернул Сергей, быстро превратилась в проезжий тракт, и вел он в конечном итоге либо в «Кресты», либо на два метра под землю…

Сергей всегда оставался реалистом, и это качество здорово мешало ему жить. Он не пытался искать оправданий, утешать свой разум тем обстоятельством, что в кровавых разборках гибли потенциальные подонки…

Хотя, что таить: ему, пусть запоздало, но хотелось вырваться, потому и нет-нет, да и сходил с накатанной колеи, как, например, сегодня, с этим спонтанным визитом к Антону. Сергей сам не знал, что он ищет – остатки собственной души или все же реальный способ бегства, но, как оказалось, ничто не пропадает всуе… Накрытая желтым газетным листом «Электроника» вкупе с воспоминаниями и другими, произошедшими ранее событиями, вдруг сработала как заветный ключ, открывающий если не дверь в грядущее, то хотя бы указывающий направление, в котором следует двигаться, если он хочет хоть на йоту изменить свою жизнь, шагнуть за

рамки своего злого, надсадного бытия…

Разные люди встречались на жизненном пути Давыдова, они оценивали его со своих точек зрения, но все, как один ошибались в главном: он никогда не был пешкой в чьих-то руках, и как бы не мотала его судьба, Сергей постоянно старался идти в разрез с ее течением…

Так было и год назад, когда он внезапно исчез, на две недели уехав за границу…

…

– Вы очень интересный человек, господин Давыдоф.

Разговор происходил в уютном комфортабельном офисе, расположенном рядом с демонстрационными павильонами одной из ведущих западных фирм, производящих компьютерную технику.

– Что во мне особенного? – Спросил Сергей, внимательно глядя на собеседника – грузного мужчину с аккуратной бородкой и рано наметившейся лысиной. За спинкой его кресла нервно переминался с ноги на ногу спешно вызванный переводчик.

Дейвид Робертс не выдержал и отвел глаза, тщательно подбирая фразы для ответа.

Что он психует? – Неприязненно подумал Сергей. – Ну, поднял я его раньше обычного, и что теперь? Вон переводчик кадыком дергает, словно его уже к стенке поставили. Странные какие-то. Нервные…

– Ваш прилет, господин Давыдоф, был для нас несколько… неожиданным. – Наконец, сформулировал свою мысль Дейвид. – Вы так заинтересованно и глубоко изучали вчера образцы нашей продукции, а сегодня вы кажетесь мне… – он опять запнулся, подбирая нужное слово, а затем внезапно спросил, отбросив натянутую вежливость:

– Вы разочарованы Сергей Дмитриевич?

Давыдов усмехнулся, глядя, как дергается кадык у переводчика.

– Это не так. – Ответил он. – Наоборот, я впечатлен, господин Робертс, но думаю, нам придется доработать схему поставок. Она не соответствует реалиям Российского рынка.

– Я не понимаю вас. – Робертс невольно подался вперед, навалившись рано обозначившимся брюшком на край стола. – Наша продукция отвечает всем мировым стандартам качества. Она прогрессивна и имеет огромный потенциал развития, – по мере разработки новых аппаратных средств и программных продуктов они смогут с легкостью интегрироваться в схему базовой модели, повышая ее характеристики. Сомневаюсь, что вы видели нечто подобное у себя дома, в России. Любой договор с нашими партнерами подразумевает открытие долгосрочного проекта, дающего

постоянную прибыль за счет усовершенствования исходного продукта…

Давыдов понимающе кивнул.

– Вы правы, господин Робертс. Ничего, подобного вашей продукции я в России не встречал, однако принять стандартную схему поставок не могу. – Он потянулся за остывающим кофе, и в разговоре внезапно наступила наряженная пауза.

Робертс и два его компаньона ждали пояснений, но Давыдов некоторое время сидел в глубокой задумчивости, неосознанно барабаня пальцами по столу. Его мысли в данный момент явно витали далеко отсюда, но потенциальным партнерам по бизнесу такое поведение русского казалось как минимум странным. Робертс внезапно поймал себя на том, что непроизвольно потеет, глядя на отсутствующее выражение лица Давыдова, совершенно не понимая причин его раздумья…

Вообще русский (господин Робертс так и не решился назвать его «бизнесменом» даже мысленно) выглядел не просто странно. Хмурое, неулыбчивое лицо, отсутствие свиты секретарей, представителей менеджмента, экспертов-программистов, переводчиков… при наличии угрюмой решимости заключить сделку, и баснословных для американца сумм, которые Давыдов каким-то образом умудрился протащить через две границы в наличной валюте, превращали немногословного русского парня в сплошную, зловещую головоломку.

Зачем он накануне потребовал образцы программного обеспечения? – Мучительно пытался понять Робертс, исподволь поглядывая на Сергея. Покрасневшие глаза Давыдова ясно свидетельствовали о бессонной ночи, проведенной за монитором предоставленного в его распоряжение персонального компьютера… Неужели он сам пытался разобраться в перелагаемых его вниманию программных продуктах?

Дейвид Робертс зря напрягал свою логику и интуицию. Учитывая богатый опыт в совершении разного рода сделок, он еще мог с грехом пополам истолковать какие-то частности, но ему не дано было понять истинных мотивов, которые двигали поступками Давыдова. На самом деле вояж Сергея по крупным западным фирмам, работающим в сфере производства компьютеров, преследовал двоякую цель, и главным побудительным мотивом для него являлась вовсе не прибыль. Ни Робертс, ни кто-либо другой не могли заглянуть в почерневшую, обугленную душу Сергея, чтобы ужаснуться и понять: для него это была всего лишь очередная, заранее обреченная на провал попытка изменить собственную жизнь, уйти от бесконечной череды кровавых «разборок», начать собственное «дело», и как итог – стать другим человеком.

Выбор Давыдова определяла память о прошлом. Воспоминания постоянно вмешивались в его поступки, он бессознательно отматывал свою жизнь назад к исходной точке, но атмосфера будней, больше похожая на войну, перечеркивала большинство внутренних порывов. Он знал, – его не отпустят просто так. Уйти на «вольные хлеба» опять-таки стоило крови, но, прежде чем проливать ее, следовало остановиться, оглядеться вокруг, вытравить на время кровавую пелену, сквозь которую виделся мир…

Он уехал из страны, не понимая, что истовое желание перемен – это уже не здравый смысл, а скорее смертельная тоска, агония души и разума. За три года Сергей так и не научился абстрагироваться от собственных поступков, а помнил их, не сумев принять за истину расхожее утверждение о том, что деньги не пахнут.

Он был обречен, как случайный альбинос в стае черного воронья…

…«За бугром» его приняли как должно. Давыдов не разменивался по мелочам, – прежде чем ехать, он провел свой анализ рынка и пришел к закономерному выводу: если работать на перспективу, то его интересы должны лежать в сфере компьютерных и информационных технологий. Он видел, как за три года изменилась страна, но окончательным толчком в плане выбора, послужила тонкая, самиздатовская брошюра, которую он купил в газетном киоске и начал читать со скуки, во время очередной «командировки».

Шестисот километров пути между Питером и Москвой как раз хватило, чтобы бегло ознакомится с ее содержимым, а знания, полученные еще на кафедре информатики и вычислительной техники, помогли Сергею не просто понять прочитанное, а глубоко вникнуть в смысл написанной популярным языком статьи, которая носила длинное, непонятное для несведущего человека название:

«Технологическая сингулярность, как ближайшее будущее человечества».[8]

Основной текст предваряла цитата из Роберта Винджа:

«В течение ближайших тридцати лет у нас появится техническая возможность создать сверхчеловеческий интеллект. Вскоре после этого человеческая эпоха будет завершена».[9]

Поначалу такое утверждение вызвало у Сергея саркастическую усмешку, но, чем дальше он читал, тем меньше оставалось у него поводов для скепсиса, и, всерьез задумавшись над обозначенной проблемой, он внезапно задал самому себе мысленный вопрос:

А где мое место в грядущем? Или таким как я должно быть все

равно… Не доживем до 2015 года?…

Самиздатовскую брошюру он не выбросил, и, памятуя о ней, волей неволей начал присматриваться к тем реалиям, что демонстрировал Российский рынок компьютерных технологий.

Признаков наступающей «сингулярности» он не заметил, но ясно понял свою собственную роковую ошибку. Он мог стать нормальным, дееспособным программистом, стоило купить и перелистать пару самоучителей по работе с новыми для российских пользователей «операционками».

Тоска и запоздалое раскаяние в собственных поступках толкнули его в эту поездку…

…За две недели, что Сергей провел за границей, знакомясь с продукцией потенциальных поставщиков, он увидел больше, чем могло нарисовать его воображение. Перед ним действительно распахнулся совершенно иной мир, притягательный, шокирующий… мир в котором сконцентрировалось будущее, – под этим термином рассудок Давыдова подразумевал сумму компьютерных технологий, что демонстрировали ему западные производители.

Он непроизвольно сравнивал увиденное с реалиями своего жизненного опыта, и в душе росло убеждение – пройдет год, ну от силы два и поток новых технологий окончательно захлестнет Россию. Он смотрел демонстрационные программы, оборудование, и с горечью осознавал: в одну воду не войти дважды, и ему уже не суждено влиться в эту реку новой жизни. Такое по плечу лишь новому поколению, для кого персональный компьютер, мобильный телефон и всемирная сеть будут не открытиями, а обыденностью.

Давыдову хватило одной бессонной ночи, чтобы понять: три года назад он совершил ошибку, малодушно спасовал, сочтя достижения западного мира недоступными пониманию. Теперь он был твердо уверен, что сегодняшние подростки быстро адаптируются к стремительно обновляющемуся потоку технических достижений, более того – они переварят западные продукты, повернут по-своему, возьмут все лучшее и пойдут дальше, создавая свои Российские аналоги…

Эти мысли скользили где-то на уровне подсознания. Основной доминантой поездки все же оставалась горечь. Сергей ни на минуту не забывал, что ему всего двадцать пять лет, но психика, загнанная в узкие рамки, уже окоснела, и любой шаг в сторону приведет лишь к падению в пропасть…

Конечно, он мог создать сеть магазинов, отворить еще одну дверь в

виртуальном «железном занавесе», и получать солидную прибыль, но все это вдруг показалось бессмысленным. Жизнь поставила его вне будущего, он не мог погрузиться в новый мир, – война и жестокий «гражданский» быт уже отторгли разум в иную область реальности, а Сергею страстно хотелось не хоронить мечту, а воплотить ее…

…

Первым затянувшегося молчания не выдержал Робертс.

– Почему вы настаиваете на изменении традиционной схемы сделок? – Напрямую спросил он.

Сергей, очнувшись от глубокой задумчивости, поднял взгляд.

– Потому, господин Робертс, что я знаком с двумя аспектами проблемы: Во-первых, я программист, а во-вторых, мне известны все нюансы российского бизнеса.

– Да? И что подсказывает ваш опыт?

– Ничего утешительного. Бизнес-проект, которые вы обрисовали, обречен на провал. Ваша продукция, при ее несомненной конкурентоспособности, страдает одним существенным для России минусом: программное обеспечение фактически не защищено от пиратского копирования, а основной упор как я понимаю, делается именно на продажи программных продуктов, верно?

– Да это сложившаяся мировая практика.

– Россия – особенная страна. У нас уже подросло новое поколение очень умных, сообразительных ребят. Вы глазом не успеете моргнуть, как ваши сервисные оболочки и прикладные программные продукты будут разобраны по винтикам, адаптированы для нашего пользователя и спокойно оттиражированы где-нибудь в подвале.

– То есть как? – Дейвид не смог скрыть своего внезапного потрясения.

– Очень просто. – Ответил Давыдов. – Не надо рассматривать меня, как диковинного монстра. Я всего лишь предельно ясно обрисовал проблему.

– Прошу меня простить, но в таком случае… какова цель вашего визита к нам? Мне казалось, что вы хотите заключить сделку, верно?

– Я по-прежнему хочу этого господин Робертс. Но вы должны в свою очередь усвоить сказанное мной, и тогда наш бизнес будет давать реальную отдачу. Я закупаю у вас тысячи компьютеров, но отказываюсь платить за программное обеспечение к ним. Это понятно?

Американец надул щеки и отрицательно затряс головой, будто у него назревал приступ эпилепсии.

– Ладно. Я не тороплюсь. Возможно, у вас хватит прозорливости,

чтобы понять – двухсотпроцентная прибыль, полученная от реализации «железа» с лихвой покроет все убытки от нереализованных программных продуктов. У вас есть время, чтобы подумать, я уезжаю только через неделю.

Робертс перестал, наконец, трясти головой.

– Вы поразительный человек, господин Давыдоф…

– Нет. Я обыкновенный реалист.

…

Сделка так и не состоялась.

Из поездки он привез чувство непонятной обреченности и заставил себя забыть, похоронить мечту, в которой не оказалось места для него лично, опять с головой погрузился в мутный омут криминальных разборок… до тех пор, пока не перешагнул этим дождливым промозглым вечером порога общежития и не увидел Антона.

В прокуренном сумраке убогой комнаты, в нем вновь очнулись те мысли, но объяснить их Извалову не было никакой возможности. Он мог сделать лишь одно, – вытащить его отсюда, и дать возможность хотя бы попытаться войти в новую реальность.

Глядя на искалеченного, доведенного до полного морального и физического истощения Антона, он принимал спонтанные решения. Хотелось сделать так, чтобы этот неправильный мир треснул, и пресловутая дверь в будущее открылась, хотя бы для кого-то из их поколения. Возможно, тогда и он успеет проскочить по ту сторону кровавого, полуживотного существования?…

– Я не могу передать тебе своих мыслей, Антон. – Наконец произнес Сергей, нарушая затянувшуюся, тягостную тишину. – Ты медленно загнешься здесь, меня посадят или пристрелят, и никто не поможет ни мне, ни тебе… если мы сами не позаботимся о собственном будущем. Деньги уже не решают все, поверь на слово.

– А что ты хочешь от меня?

– Чтобы ты уехал со мной, прочел одну самиздатовскую брошюру и попытался разобраться, насколько она правдива.

Антон ненадолго задумался, затем покачал головой.

– Я практически не разбираюсь в современных компьютерах.

Давыдов молча встал подошел к запыленному «БК«, сдернул с него газетный лист и произнес с непонятным ожесточением в голосе:

– Научишься. Воевать мы то же не умели. Жизнь хороший учитель. У меня достаточно денег и я привезу к тебе не шлюх, как ты подумал, а настоящие, современные машины. Будешь осваивать все заново.

– И что потом? – Хмуро осведомился Антон.

– Потом? – Сергей вернулся к дивану, сел, вытащил из кармана пальто «Стечкин», долго смотрел на его вороненую сталь, местами чуть потертую и даже выщербленную в одном месте на самом срезе ствола. – Потом я утоплю его в лесном озере, соберу ребят и мы станем жить и работать иначе. – Наконец произнес он. – Я хочу уйти из этой реальности. Или изменить ее, но не теми методами, какими я вынужден действовать сейчас, понимаешь? Мне душно в этом болоте… А деньги и ствол… – Он вдруг покачал головой. – Это не пропуск в будущее, уж поверь…

Антон долго молчал.

Внезапное предложение Сергея казалось ему непонятным сиюсекундным бредом, но оглядевшись, скользнув взглядом по убогой обстановке своей комнатушки, он вдруг подумал, что терять ему, собственно, нечего.

– Я попробую. – Наконец ответил он.

– Вот и лады. – Сергей встал, не скрывая своего облегчения, нагнулся к Антону и легко поднял на руки его почти невесомое тело. – Пойдем отсюда… Я тебе такой компьютерный центр отстрою, что ни одному университету не снилось.

– Денег много? – Спросил Извалов, испытывая неловкость из-за своей ущербности. – Костыли мои не забудь.

– Не забуду. А деньги… – Сергей усмехнулся. – Ты не думай о них, ладно. Я же сказал, они не решают всех проблем. – Повторил Давыдов. – Смотри, головой не ударься. Двери запирать будем?

Антон только махнул рукой.

Глава 3

Соединенные Щтаты Америки, январь 2001 года. Засекреченная военная база «Орлиное Гнездо»…

Двери кабины скоростного лифта бесшумно разъехались в стороны и четыре человека вышли в широкий, ярко освещенный тоннель.

Вокруг царила глухая тишина, в которой не ощущалось присутствия других людей. Трудно было представить, что над головой простираются обширные горизонты пяти секретных подземных уровней, оборудованных по последнему слову техники, а еще выше, словно исполинское маскировочное покрытие, вздымаются к небесам заснеженные хребты горного массива…

– Сюда, господа. – Сухо произнес генерал Уилсберг трем сопровождавшим его офицерам. Остановившись подле массивных модульных ворот, перекрывающих тоннель, он приложил ладонь к пластине сканера, и в огромном створе с невнятным шелестом хорошо отлаженных механизмов открылась массивная дверь в человеческий рост.

За метровой толщей преграды тоннель продолжался, но теперь в его стенах появились боковые ответвления, в одно из которых уверенно свернул генерал.

Еще один пост автоматической системы доступа проверил полномочия Уилсберга, и четверо офицеров попали в обширное помещение, напоминающее своими интерьерами наспех выстроенное убежище времен разгара холодной войны.

Голые стены, никакой меблировки, лишь в центре, занимая все пространство, от пола до потолка, вздымалась цилиндрическая конструкция. Судя по всему, цилиндр был полым, на это указывало несколько технологических люков и ряд смотровых отверстий, заполненных полупрозрачной стекловидной массой.

Никаких пояснительных надписей либо знаков, свидетельствующих о той или иной степени потенциальной угрозы, исходящей от производимых тут экспериментов не было, и трое офицеров, заранее осведомленные, что их ждет некая демонстрация, недоуменно переглянулись, ожидая пока Уилсберг введет их в курс дела.

– Итак, господа… – Генерал подошел к вмонтированному в стену небольшому пульту управления и коснулся нескольких сенсоров. Отреагировав на полученные команды, под полом помещения заработали

скрытые механизмы: они открыли специальные сегменты, и подняли наверх четыре одинаковых кресла, расположив их напротив смотровых отверстий. – Прошу садится. – Уилсберг подал пример подчиненным и продолжил:

– Взгляните внутрь испытательной камеры.

Офицеры послушно подались к небольшим окошкам.

Они наверняка ожидали увидеть какие-то сложные механизмы, но их взглядам предстала лишь округлая плита, плотно состыкованная со стенами, на которой располагались две вертикальные пластины из невзрачного темно-серого материала.

Единственное, что невольно задевало воображение, так это полутораметровая толщина стен испытательной камеры, и оптиковолоконная система передачи изображения, которую они поначалу приняли за обычные смотровые окна. Такая степень защиты предполагала, что внутри толстостенного цилиндра должны протекать высокоэнергетические процессы, сопряженные с определенным риском для наблюдателей.

Впрочем, все домыслы развеял Уилсберг, приступив к пояснениям:

– Как вы уже поняли, мы находимся в лаборатории с экспериментальным стендом. Сейчас я проведу демонстрацию некоего процесса, а затем вы сможете задать мне вопросы по существу, но перед этим я бы хотел напомнить, – по окончании нашего разговора никто из вас уже не сможет свободно покидать пределы военной базы.

– Мы уже обсуждали данный аспект, господин генерал. – Негромко напомнил майор Керби.

– Да, Алан. – Кивнул в ответ Уилсберг, хотя никто из офицеров, чьи кресла были расположены в диаметрально противоположных точках, не мог видеть его жеста. – Однако действие ваших обязательств не лимитировано во времени и может возникнуть ситуация, когда вам придется прожить в условиях подземных уровней не один месяц и даже год. Поэтому я напоминаю, – у вас есть еще одна минута, пока автоматика готовит образец. Учитывая, что лейтенант Поланд являлся до вчерашнего дня гражданским специалистом, а капитан Даллас призван из резерва, есть смысл взвесить степень своей моральной готовности. Еще не поздно встать и уйти.

Минута, отпущенная генералом для принятия окончательного решения, прошла в гробовой тишине.

– Отлично. – Подытожил молчание своих подчиненных Уилсберг. – В таком случае приступим. Вы можете спокойно наблюдать за происходящим,

никакой угрозы для жизни нет, процессом управляет компьютер, а сама камера уже прошла обкатку…

– Внимание. Начало процесса через десять секунд. – Раздался в скрытых динамиках системы оповещения компьютерный голос, и одновременно от свода камеры к предметному столу начали опускаться механические манипуляторы. Если офицерам, напряженно следившим за происходящим не изменяло зрение, то два клешнеобразных захвата удерживали обыкновенный угловатый обломок бетонного щебня, с торчащими в разные стороны огрызками поржавевшей арматуры.

Все происходило предельно просто, и в то же время эффект от демонстрации опыта граничил с шоком…

Опустившись на определенную высоту, манипуляторы остановили свое движение, клешнеобразные захваты разжались, «уронив» бетонный обломок точно между вертикально поставленных пластин.

Внутри камеры полыхнула ярчайшая, нестерпимая для глаз вспышка, которую компенсировали специальные светофильтры. Она длилась доли секунд, оставив после себя лишь ровный слой белесого праха, равномерно распределенный между двух ничуть не пострадавших пластин, да вишневое сияние нагретой до сотен градусов внутренней облицовки испытательной капсулы.

Бетонный обломок попросту испарился, выделив при этом громадное количество энергии!..

На некоторое время в лаборатории воцарилась глубокая тишина.

– Что это было?!.. – Наконец произнес лейтенант Поланд, который первым сумел побороть шоковое воздействие от увиденного.

Генерал ожидал подобного вопроса. Свое потрясение он уже пережил две недели назад, и потому теперь мог говорить достаточно спокойно и сжато, называя вещи своими именами:

– Перед вами рабочая модель конвектора вещества, принципиально-новый источник дешевой энергии, способный удовлетворить все нужды человечества на ближайшее тысячелетие. – Ответил Альберт Уилсберг, вставая из своего кресла. Генерал неторопливо прошелся по широкой дорожке вдоль закругляющегося периметра стен лаборатории, наблюдая откровенное потрясение, ясно читающееся во взглядах подчиненных, и продолжил:

– Никто из вас, наверняка, не слышал о недавней аварии на Международной Космической Станции «Альфа»?

Ответом генералу вновь послужила тишина.

– Это вполне естественно, учитывая, что по взаимной договоренности

между нашей страной и Россией факт возникновения нештатной ситуации был строго засекречен. Обратите внимание на две пластины, закрепленные в испытательном стенде. – Уилсберг остановился напротив экрана, куда посредством миллионов оптоволоконных нитей передавалось изображение внутреннего оборудования камеры. – На орбите проводился эксперимент в рамках совместной Российско-Американской программы, направленной на создание новых сплавов. Я не уполномочен вдаваться в подробности, достаточно сказать, что материал может быть получен только в условиях невесомости, а его уникальные свойства проявляются лишь при строгом взаиморасположении двух отливок.

– То есть, открытие произошло случайно? – Осторожно уточнил Алан Керби.

– Да, майор, вы абсолютно правы. – Кивнул Уилсберг. – Никто не мог предположить, что у нового сплава проявиться внезапное свойство: при сближении пластин между ними в определенный момент возникает сильнейшее магнитное поле, которое способно разрушать кристаллические решетки большинства твердых веществ. При этом как вы видели, происходит огромное выделение энергии.

– Состав сплава не комментируется?

– Нет. В такие подробности я не посвящен. – Ответил генерал. Для нашей с вами работы достаточно знать, что в момент «утилизации» возникает световая вспышка, а температура внутри конвектора колеблется от пятисот до тысячи двухсот градусов, в зависимости от химического состава помещенного меж пластин вещества. После разрушения молекулярных связей остается совершенно безопасная с экологической точки зрения пылевая субстанция.

– Габариты устройства могут быть минимизированы? – Спросил капитан Даллас, скользнув взглядом по закругляющимся стенам защитной капсулы.

– Да. – Подтвердил Уилсберг. – Существует критический порог размера пластин, – их можно уменьшить приблизительно в два раза, да и сам испытательный стенд имеет избыточный запас прочности.

Даллас что-то прикинул в уме, а затем задал еще один вопрос:

– Вы хотите сказать, что подобное устройство, при условии создания эффективной термической и магнитной изоляции зоны конвекции, может быть реально внедрено в существующие на сегодняшний день механизмы, например автомашину, танк, самолет?

– Безусловно. – Кивнул генерал. – Но суть проблемы состоит не в этом. Открытие подобного сплава с его уникальными свойствами могло бы

дать нашей стране качественное превосходство над любым потенциальным противником, однако, напомню: продемонстрированный вам эффект спорадически возник при совместном эксперименте, и, как следствие – русские владеют сейчас той же информацией, что и мы. Пока нам удалось достичь взаимной договоренности о строгом сохранении тайны, но, безусловно, коллеги из России не преминут воспользоваться компактным и неистощимым источником энергии при разработке следующего поколения боевой техники.

– Генерал, вы подводите нас к мысли о начале нового витка гонки вооружений? Мы возвращаемся к временам холодной войны? – Спросил Поланд.

– На этот вопрос трудно ответить однозначно. – Произнес Уилсберг. – Ситуация может принять любое развитие.

– Но, господин генерал, если мы изначально лишены монополии на эксплуатацию конвектора, не проще ли рассекретить его, выбив тем самым все козыри из рук вероятного противника?

Уилсберг обернулся, пристально посмотрев на Хьюго Поланда.

– Здесь нет места глупцам, либо космополитам, лейтенант. – Резко ответил он. – По-вашему что произойдет с человечеством, если мы решимся на подобный шаг? Вы, верно, забыли, какие финансовые потоки ежедневно проходят через нефтяные компании различных стран? Бюджет США так же зависим от нефтедолларов, как ваши легкие от запаса воздуха в этой комнате. Взорвать мир, посеять хаос и нестабильность очень просто, но, если случиться нечто подобное, загнать ситуацию назад уже не сумеет, ни отдельно взятая держава, ни все мировое сообщество в целом. Конвектор – это государственная тайна. Одно лишь упоминание о нем, как о реально существующем устройстве, способно вызвать обвал на финансовых рынках. Именно поэтому все эксперименты будут проводиться здесь, в обстановке строжайшей секретности, и никто из вас не сможет покинуть пределов базы до окончания исследований.

Лейтенант Поланд хмуро выслушал отповедь Уилсберга.

– Я понял свою ошибку, сэр. – Глухо произнес он.

– Я рад, что вы способны на это. – Генерал ободряюще похлопал Поланда по плечу и добавил:

– Нам будет очень трудно на первых порах, но надеюсь, мы справимся. А теперь господа, давайте перейдем в мой кабинет, чтобы ознакомится со списком первостепенных задач, которые сформулированы перед нашей группой.

Группа генерала Альберта Уилсберга формировалась отнюдь не случайным образом. Никто из офицеров не представлял, какую титаническую работу проделали в ЦРУ и ФБР, чтобы отобрать из внушительного списка кандидатов трех наиболее компетентных и благонадежных специалистов.

Подготовка к сегодняшней демонстрации началась два месяца назад и происходила в обстановке строжайшей секретности, – на самом деле в операции под кодовым названием «FLASH» принимали участие сотни тысяч человек, но никто из рядовых исполнителей не имел ни малейшего представления об уникальном открытии и конечных целях экспериментов, запланированных для группы «Альберт». Все необходимое оборудование заказывалось в разных местах, исключительно для нужд гражданских учреждений и попадало в «Орлиное Гнездо» по длинной цепочке совершенно безобидных перемещений.

– Итак, господа… – Генерал Уилсберг сел за свой рабочий стол. – Прежде всего, я хочу, чтобы вы ближе познакомились друг с другом. Недопонимание и недосказанность между членами группы недопустима, поэтому я вслух зачитаю фрагменты характеристик из ваших досье. – Он посмотрел на вмонтированный в стол плоский монитор компьютерной системы и продолжил:

– Начнем с вас, майор. Насколько мне известно, вы принимали участие во всех боевых действиях, в которые, так или иначе, были вовлечены наши спецподразделения, начиная с 1969 года?

– Да. – Кивнул Алан Керби. – Я получил боевое крещение еще во Вьетнаме, сэр.

– Отлично. За три с половиной десятилетия службы вы с честью прошли множество испытаний, что сделало вас настоящим профессионалом. Теперь вы – наш главный консультант, группе на определенной стадии работ потребуется человек с вашим боевым опытом.

– Мы будем разрабатывать оружие?

По лицу Уилсберга пробежала тень неудовольствия.

– Нет, – покачал головой он. – Наша задача гораздо шире. Мы должны сформировать парк принципиально новой техники, в том числе и военной, разумеется. – Генерал на миг о чем-то задумался, а затем продолжил свою мысль: – Будущее, как выяснятся, наступает гораздо стремительнее, чем предполагали самые фантастические прогнозы, а появление конвектора может послужить запредельным импульсом развития… Запомните, – Уилсберг смотрел на майора Керби, но его слова были обращены ко всем присутствующим, – запомните, господа: у нас достаточно оружия

массового поражения. Его с избытком хватит, чтобы расколоть на куски земной шар, поэтому перед группой «Альберт» поставлены задачи иного плана.

Произнося эти слова, Уилсберг чувствовал, что ему, как и майору Керби, сложно выступать в новой роли, но им вольно или невольно придется учиться этому, заставляя свой разум оперировать непривычными для боевых офицеров категориями. Нечто подобное, вне сомнения, происходило сейчас в России, противостояние казалось неизбежным, но конечный итог уже не исчислялся количеством либо дальностью полета боевых ракет…

– Гонка действительно началась. – После короткой паузы произнес он. – Но теперь акценты смещены в иную область. По сути, мы должны обеспечить качественный прорыв в сфере высоких технологий. Исследования в данной области проводились постоянно, на протяжении последних двадцати лет, и сейчас в нашем распоряжении есть ряд прогрессивных разработок, которым для успешной реализации не хватало двух компонентов – компактного, автономного источника энергии и универсального программного обеспечения. – Генерал повернул голову, взглянув на Ричарда Далласа.

– Капитан, вы начинали свою карьеру во флоте, где внедряли системы автоматического управления орудийными установками главного калибра. Ваш основной конек – сервомеханика, верно?

– Да, сэр.

– Почему вы ушли с военной службы?

– Я понял, что способен на большее. – Честно признал Даллас. – Меня не устраивала узость технических проблем, связанных с точным наведением на цель корабельных орудий. К тому же армейский консерватизм постоянно сковывал мою творческую инициативу, как инженера-механика.

– Что ж, могу заверить: тут вы сможете реализовать самые дерзкие идеи. Чем вы занимались после девяностого года?

– Я открыл собственное дело. Вам должно быть известно, что моя фирма разрабатывает сервомоторные системы по индивидуальным заказам.

– Да, такая информация есть в вашем досье… – Генерал коснулся сенсора, сменив текстовый файл на расположенном перед ним мониторе. Теперь его внимание сконцентрировалось на Хьюго Поланде.

– Лейтенант, когда вы начали программировать?

Хьюго нахмурился, пытаясь найти ответ в собственной памяти.

– Еще в начальной школе сэр… – внезапно покраснев, произнес он.

– Да, – соглашаясь, кивнул Уилсберг. – По моим сведениям вы обучались в одной из первых экспериментальных школ, где имелись компьютерные классы и была введена система электронного хранения данных вместо традиционных преподавательских журналов. Вы взломали школьную сеть и несколько… откорректировали свои отметки, верно? А чтобы подозрение не пало на вас лично, в компьютеры был запушен первый, известный на тот момент доморощенный вирус, который спорадически изменял значения в строках электронных таблиц на основе генератора случайных чисел.

– Да сэр…

– Хорошо, забудем о том скандале. Вы, талантливый программист, автор популярных приложений к операционной системе «Windows», сотрудник корпорации «Microsoft», вдруг бросаете престижную, высокооплачиваемую работу и начинаете все «с нуля». Почему?

– Я понял, что у электронных машин появился серьезный конкурент.

– Уточните. – Потребовал Уилсберг.

– Это нейрокомпьютеры, сэр. Я занялся изучением нейроподобных сетей, которым, как мне кажется, принадлежит будущее.

– Нужно сказать, что вы добились впечатляющих успехов на новом поприще. – Одобрительно кивнул Уилсберг. – Насколько мне известно, нейромодули, функционирующие на базе разработанных вами микрочипов, содержат десятки тысяч искусственных нейронов, которые организованы в сеть, способную обучаться решению нетрадиционных для обычного компьютера задач.

– Это не мое открытие. Нейромодули разработал Герберт Ричардсон, я лишь помогал ему на завершающей стадии работ…

– Это неважно. – Прервал его Уилсберг. – Для нашей группы были избраны вы. Кандидатура Ричардсона не прошла по причине его психологической неустойчивости.

– А вы в курсе, где он получил свою моральную травму? – Задал встречный вопрос лейтенант Поланд.

– Да. Это произошло во время операции «Буря в пустыне». – Ответил генерал. – Так или иначе, вам придется работать в одиночку, лейтенант, временно забыв о личных симпатиях и авторских правах.

– Да, это понятно. – Кивнул Поланд.

– Итак. – Уилсберг погасил монитор и машинально сцепил руки в замок. – Вы трое являетесь экспертами в разных областях человеческой деятельности. Если сложить ваш опыт, то мы получим ответ на вопрос: что должна сделать группа «Альберт»?

Генерал пытливо посмотрел на троих офицеров, ожидая пока кто-то из них даст собственную оценку последнему утверждению.

После короткой но напряженной паузы за всех высказался майор Керби:

– Я думаю, что перед нами стоит задача по созданию универсальных образцов робототехники, пригодной для многопрофильного использования. Учитывая мое присутствие здесь, возьмусь утверждать, что техническое задание включает в себя и боевое применение разработанных машин.

Уилсберг кивнул, посмотрев на Поланда и Далласа, но иных комментариев не последовало.

– Вы забыли упомянуть о нейросетях, майор. – Произнес генерал. – Проект «FLASH» предполагает создание автономных кибернетических механизмов, функционирующих на базе нейромодулей. Теперь, когда в нашем распоряжении есть адекватный источник энергии, остается лишь сочетать наиболее прогрессивные разработки в области сервомеханики и нейрокибернетики, чтобы получить желаемый результат. Задача сложная, учитывая отсутствие реального опыта в разработке подобных систем, но вы должны понимать: от успехов группы во многом будет зависеть будущее не только Соединенных Штатов, – успех или неудача проекта неизбежно повлияют на ход дальнейшего развития всей цивилизации в целом.

Произнося эти слова, генерал свято верил в то, что говорил. Ни он, ни внимательно слушавшие его офицеры не могли предугадать грядущих событий новейшей истории и тех необратимых корректив, что будут внезапно внесены в их собственное сознание…

Уилсберг жестоко заблуждался, полагая, что с окончанием «холодной войны» исчез основной источник мировой напряженности, и теперь его стране осталось лишь закрепить свои позиции, опередив остальные страны в области разработки высочайших технологий.

Россия. Где-то под Санкт-Петербургом…

Смешанный лес, окружающий деревню, невнятно шумел кронами. Подле опушки трепетали на легком ветру листья осин, отдельными рощицами вольготно расположились березки, глубже, за кустарником, высились мшистые столетние сосны.

Деревенские дома образовывали одну единственную улицу. Проселочная дорога уводила прямо в заросли, теряясь меж деревьев, да узкие проторенные людьми тропки вились между обработанными клочками земли, чтобы так же исчезнуть в заповедном лесу, который являлся основным кормильцем немногочисленного населения вымирающей

деревни.

Именно сюда Давыдов привез Антона.

Как он и обещал, Извалов толком не обжился в бревенчатом доме, подле которого прежний хозяин успел установить импортный «ветряк», способный обеспечить электроэнергией всю деревушку, как из Питера приехали две бригады рабочих.

За месяц строители полностью преобразили дом, превратив добротный, конопаченный мхом сруб в винилопластиковый «евростандарт».

Вслед за ними прибыли иные специалисты. После их работы на крыше дома появились две грозди параболических антенн, а внутри в каждой из комнат, мутно отсвечивая погашенными мониторами, застыли компьютеры, связанные между собой в локальную сеть.

Антон до поры не прикасался к ним, – он прожил это время как сторонний наблюдатель, не радуясь наступившим в жизни переменам, а скорее не понимая их.

Единственным спасением от назойливого, а зачастую и предосуждающего любопытства соседей стала для него тонкая самиздатовская брошюра, которую оставил Сергей.

Большую часть времени пока велась реконструкция, Антон проводил в подвальном помещении, где старый известняковый фундамент заменила бетонная рубашка, поверх которой рабочие уложили импортную плитку, превратив сырой подвал в просторную, оборудованную разнообразной техникой слесарную мастерскую. Для чего, – он не понимал, но обстановка данного места идеально совпала с его внутренним состоянием, – тут было тихо, светло и безлюдно, немые станки не задавали вопросов, а шум строительных работ едва прорывался сквозь фундаментное перекрытие неясными, глухими стуками.

Он ждал приезда Давыдова, коротая дни в чтении. Поначалу он воспринимал свое занятие как спасение от скуки и неопределенности, но текст не мог восприниматься бездумно, и, прочитав первые несколько страниц, Антон был вынужден вернутся к началу…

Пытаясь вникнуть в смысл отдельных абзацев, он не заметил, как его разум начал постепенно выкарабкиваться из той пропасти, куда его столкнуло безысходное полупьяное существование, больше похожее на затянувшуюся агонию…

Теперь Антон, прочитав несколько строк, надолго задумывался, осмысливая прочитанное, пока перед ним не забрезжил смутный блеск той главной мысли, которую пытался донести до него Сергей.

Извалов никогда не думал, что печатный текст может так сильно воздействовать на воображение, открывая разуму новые, абсолютно неведомые до определенной поры понятия.

С появлением компьютеров человечество вступило в новую эру своего развития, когда каждый год приносил все новые и новые технические новшества, зачастую опережающие время, но Антон в силу обстоятельств был отрезан от данного аспекта реальности, и потому воспринимал содержимое набранных мелким шрифтом абзацев, как откровение:

«…В сущности, – писал автор статьи, – мы уже являемся сверхчеловеческими интеллектами, по крайней мере, некоторые из нас, кто умеет эффективно работать с компьютером. Слабыми и узкоспециализированными, но уже стоящими выше среднестатистического человеческого уровня. Если дать человеку компьютер с соответствующим программным обеспечением, он легко достигнет высших результатов в существующих IQ-тестах. Программы-словари и интерактивные переводчики позволяют человеку, не очень хорошо знающему иностранный язык, общаться на нем практически в реальном времени…»

Антон машинально перевернул страницу, прикурил, и стал читать дальше:

«…Я уже не говорю об объёме знаний, которые почти мгновенно оказываются в распоряжении человека, умеющего пользоваться поисковыми серверами в интернете…»

Он отложил статью, глубоко задумавшись.

Некоторые слова из контекста оставались недопонятыми, но общий смысл он воспринимал верно. Хотелось читать дальше, но разум, казался переполненным, до ощущения тупой назойливой головной боли… Мысли невольно сбивались с абстрактных рассуждений на реалии, хотелось понять, что увидел в этом Серега…

Антон представил образ установленных наверху компьютеров, и вспомнил, что Сергей упоминал о своем дипломе инженера-программиста, значит, он глубже разбирался в сути вопроса.

Смогу ли я? – Данная мысль подспудно беспокоила Извалова, исподволь формируя комплекс неполноценности. Чем дальше он читал, тем сильнее тянуло его наверх… но внутренняя неуверенность в собственных силах не давала ему решимости коснуться кнопки с надписью «Power», расположенной на ближайшем компьютерном терминале.

Вместо того чтобы подняться к электронным машинам, он продолжал читать.

Окрестности Санкт-Петербурга. Элитный дачный поселок

Человек сидящий в кресле у камина пристально смотрел на рассыпающиеся рдеющие угли, оставшиеся от сгоревших поленьев.

Ему еще не исполнилось пятидесяти лет, но сгорбленная поза, ранняя проседь в волосах и вечно зябнущие руки, которые он машинально протягивал к тлеющим угольям, создавали обманчивое впечатление того, что перед богато инкрустированным очагом сидит старик.

Сергей знал, что это не так. И поза и машинальные жесты человека, который заставлял называть себя не иначе, как по имени отчеству, были данью пятнадцати годам, которые он провел на северных лесоповалах отбывая срок за убийство.

Наверное, точно так сидел на корточках, сгорбившись у костерка, грея свои грязные лапы… – Неприязненно подумал Давыдов, глядя в спину новоявленному «хозяину жизни».

– Я не понял Роман Петрович, зачем вы меня вызвали? – Вслух произнес он.

– Мне не нравится твое поведение Серж. – Не поворачивая головы, ответил тот. – Ты позволяешь себе много вольностей.

– Например? – Давыдов не испытывал страха, лишь сосущую под ложечкой злобу.

– Не надо дерзить. Я закрывал глаза на многие твои проступки. То ты срываешься за бугор, не предупредив никого, то отказываешься принимать участие в некоторых разборках, теперь же эта странная история с домом…

– Что Зяблик нашептал?

– Опять хамишь? Знаешь, что Саню уже не спросишь, и выкаблучиваешься?

– Я не выкаблучиваюсь. – Ответил Давыдов. – Меня посылали получить долг. Я привез деньги, всю сумму. К смерти Зябликова отношения не имею. Не участвовал.

– Вот именно, что не участвовал. И долг тебе отдали не деньгами, а недвижимостью, верно?

Сергей промолчал. Он не собирался вторично отчитываться за ту поездку.

– Это неправильно. – Не дождавшись ответа, произнес Роман Петрович. – Ты допускаешь вольности, а это опасно, особенно сейчас. Золотые времена беспредела прошли, работать становиться сложно, а ты вносишь смуту, живешь не по понятиям Серж, и остальные видят это. Дурной пример – он заразителен, так что считай, что тебе сделано последнее предупреждение. Хрен с ним, с этим домом, но ты либо меняй

шурупы в своей голове, либо… – он не договорил, внезапно надсадно закашлявшись. – Все иди, и помни, что я сказал… – Хрипло добавил он.

Давыдов не прощаясь, вышел.

В комнате от плотно зашторенного окна отделилась тень.

– Отвечаешь за него. – Так и не повернув головы, произнес хозяин особняка. – Я не расстроюсь, если Серж исчезнет. Он человек не нашего круга, это уже очевидно.

– Опасно, Роман Петрович.

– Боишься?

– Не Давыдова. – Смутная фигура приблизилась, материализовавшись в мятущихся отсветах тлеющих углей. – Серж имеет определенный авторитет. Братва может возмутиться.

– Так ты извилинами пошевели. Момент поймай, пусть все произойдет естественно. Я же не говорю, что он должен сгинуть сегодня или завтра. Только ты не тормози, – начнется пальба на каком-нибудь разборе, так не упусти момент. Пули-то они с разных сторон летают, а заговоренных среди нас нет. Вот так-то… В общем – действуй.

– Я понял Роман Петрович.

…Давыдов появился лишь спустя пару недель.

Незаметно подкралась осень, листья берез на опушках подернулись нежной желтизной, по утрам слегка подмораживало, а в воздухе летали невесомые паутинки.

Черный внедорожник марки «тойота» подкатил к дому ранним утром.

Сергей приехал один, все свободное место в багажнике и в салоне занимали различные коробки с иностранными маркировками.

Увидев Антона, который, опираясь на костыли, вышел на крыльцо, Давыдов подошел к нему, молча обнял, а потом, окинув беглым критическим взглядом видоизменившуюся постройку, произнес:

– Сейчас разгружу машину, потолкую с соседями, и приду. Сделай что-нибудь пожрать, со вчерашнего дня не ел. – Неожиданно добавил он.

Антон кивнул. Долгожданное появление Сергея обрадовало и насторожило его. Та непонятная жизнь, которую вел в Питере бывший сержант Давыдов, явно не шла ему на пользу. Осунувшееся лицо, глубоко запавшие глаза, нервные, отрывистые фразы, что срывались с его губ, ясно давали понять, что он балансирует на грани нервного срыва.

…Их второй и как оказалось – последний разговор был направлен на ту же тему. Сергей упорно не хотел касаться аспектов собственного бытия, уходя в сторону от прямых вопросов.

Вернувшись после визита в соседние дома, где доживали свой век бывшие работники лесхоза, он перенес на кухню привезенные коробки и сказал:

– Завтра приедут электрики. Они подключат линию к ветряку, чтобы в деревне был свет. Я посмотрел, проводка вроде бы сохранилась, да и мощности думаю, хватит.

Антон лишь пожал плечами, раскладывая по тарелкам нехитрый завтрак. Откровенно говоря, за истекший месяц он даже не пытался наладить контакта с соседями. Жителей лесной деревушки можно было сосчитать по пальцам, самому молодому из местных было лет шестьдесят, не меньше, и в сторону Извалова они смотрели косо, с недоброжелательным любопытством, не понимая, что за нувориш[10] поселился в их глуши.

– Будь проще Антон. Я растолковал кое-что местным дедам, лезть к тебе они не будут.

– И что ты им сказал?

– Неважно. – Отмахнулся Сергей, налегая на вареную картошку. – Продукты пришлю вместе с электриками. – Добавил он, оценив скромные запасы Извалова. – Ты лучше скажи, книгу прочел?

– Да.

– Ну? – Давыдов на миг перестал жевать.

– Написано доходчиво, но… Знаешь Серега, мне все равно кажется – фантастика это.

– Упрямый ты… – Усмехнулся Давыдов. – Фактов не хватает? Не вериться? – Он откинулся на спинку стула. – Ты компьютеры включал?

– Нет пока.

– Ладно. Давай по существу. Что показалось тебе фантастичным?

Антон протянул руку взял брошюру и открыл ее наугад.

«Что даст нам бурное развитие вычислительной техники и формируемой с их помощью виртуальной среды, с точки зрения симбиотической системы, реализованной на уровне человек-компьютер»?

Он пробежал глазами по строкам и начал читать, вслух цитируя фрагмент статьи, где содержался ответ:

«Практическое, субъективное бессмертие. Возможность быть во всех местах, куда протянута сеть. Огромное количество задач и проблем для исследования и решения – все захватывающе интересны, на все хватает времени и способностей: при необходимости всегда можно достроить себя, как программно, так и аппаратно…»

Сергей кивнул.

– Ты согласен с этими утверждениями?

– Нет. – Ответил Антон. – Может быть в далеком будущем, но не сейчас.

– Можно я докажу тебе обратное? – Давыдов протянул руку, взял привезенную с собой коробку и начал распаковывать уложенный в нее сверток. – Я ведь то же поначалу скептически отнесся к этой статье. По сути, она стала для меня толчком в поиске доказательств.

– Ну… и?

– У меня в машине установлен ноутбук. С выходом в интернет через спутник. Сам я машину вожу редко, поэтому во время поездок делать нечего, разве что глазеть по сторонам, либо спать. А ездить приходиться много, иногда за тысячу верст от Питера. Вот я и начал коротать время, копаясь в сети. Там я нашел одно любопытное описание… – Он осторожно надрезал край вакуумной упаковки, намеренно не показывая Антону содержимое пакета, и продолжил:

– В прошлом году западными учеными был проведен эксперимент по соединению компьютерного чипа с живыми нейронами. Мартышке имплантировали микроустройство, которое постоянно снимало энцефалограмму мозга, распознавало ее и управляло установленным рядом манипулятором. В конце концов, в ходе эксперимента им удалось адаптировать микрочип таким образом, что он, получая электрические импульсы возбуждения от нервных клеток головного мозга, заставлял манипулятор в точности повторять движения лапы мартышки.

– Ну, и что дальше? – Напряженно спросил Антон.

Давыдов усмехнулся.

– Затем они провели достаточно жестокий эксперимент. Мартышке просто отрезали лапу, а на ее место имплантировали сервоприводный манипулятор. Результат превзошел все ожидания – микрочип продолжал исправно работать, и обезьянка смогла адекватно действовать вживленным вместо лапы механическим устройством.

– Впечатляет… Но насколько проверена эта информация?

Сергей вместо ответа выложил на стол содержимое свертка.

Антон, внимательно следивший за действиями Давыдова, непроизвольно вздрогнул.

На краю стола, таинственно поблескивая хромированными деталями, которые густо оплетали странные на вид пучки тросиков, лежали два протеза.

От вида металлических ступней, полностью имитирующих строение

человеческого скелета, у Извалова вдоль позвоночника скользнула моментальная неконтролируемая дрожь.

– Это твои новые ноги. – Произнес Сергей.

Извалов, встал и, опираясь на костыли, обошел стол, не отрывая потрясенного взгляда от подарка.

– Нравиться?

– Не знаю… – Откровенно покачал головой Антон. Смотреть на тускло поблескивающие протезы было и радостно и немного жутковато – уж больно необычно выглядело это чудо иностранных технологий, да и в рассудке уже прочно прижилась мысль о том, что ковылять ему на костылях всю оставшуюся жизнь…

– Не напрягайся. Просто примерь.

Антон был настолько взволнован, что не стал спорить. Сев, он отложил в сторону костыли, взял в руки протез, который являлся точной копией скелета стопы, с фалангами пальцев и сложным шарнирным соединением голеностопного сустава. Выше, располагался короткий металлический стержень, оканчивающийся шестью захватами.

Сергей, наблюдавший за реакцией Извалова, пояснил:

– Это японская разработка. Им так же удалось осуществить соединение нервных окончаний с нейрочипами, так что приведенный мной пример с обезьянкой – не единичный опыт. Видишь, – он указал на усеянную микроскопическими иголочками торцевую поверхность цилиндра, – эти контакты войдут в твою плоть. Здесь – он открыл крохотную заслонку на боковой поверхности стержня – гнездо для аккумуляторов. Как мне объяснили, микрочип будет подавать на вживляемые контакты слабые импульсы электрического тока. Твои нервные окончания со временем регенерируют отростки, которые густо оплетут места вживления игл. Таким образом, организм сам установит связь между центральной нервной системой и микропроцессорами. Тебе придется потерпеть на первых порах, а потом, когда установиться стабильная обратная связь, будешь учиться заново ходить.

– А что это за тросики? – Спросил Антон, указывая на металлизированные оплетки, берущие начало в нижней части цилиндрической «кости», и оканчивающиеся жестким сочленением с фалангами искусственных пальцев.

– Это приводы, заменяющие мышцы. Внутри цилиндра расположены сервомоторы. Ими управляет отдельный нейрочип. Ты сможешь нормально ходить, шевелить пальцами, как только он обучиться, начнет правильно распознавать импульсы возбуждения, которые передает твоя нервная

система.

– А если мой организм откажется воспринимать контакты?

Давыдов пожал плечами.

– Для меня это темный лес, Антон. Я не знаток систем, построенных на базе искусственных нейронов. Специалисты фирмы-изготовителя заверили, что ими точно рассчитаны импульсы микротоков, стимулирующие рост нервных клеток. На установление контакта между протезом и центральной нервной системой потребуется время, поэтому пока что походишь, как на обыкновенных протезах, ну, а потом, даст бог, заработает и сустав, и пальцы… Время покажет.

– Спасибо… – Извалов был потрясен, растерян и не знал что сказать.

– Спасибо скажешь, когда бегать начнешь, – попробовал отшутиться Давыдов. – Здесь в упаковке пеноплоть. Искусственная кожа, если говорить проще. Ее можно будет закрепить, когда все механизмы начнут работать. – Сергей помог Извалову приладить второй протез, защелкнул захваты и добавил, взглянув на часы:

– Антон у меня времени в обрез. Дела. – Он достал из сумки бутылку «Смирнова», откупорил ее и заключил: – Я все-таки хочу вернуться к статье. Давай пропустим все, что там написано о преимуществах грядущего. Меня интересует обратная сторона вопроса.

Извалов кивнул, глядя, как Сергей перелистывает страницы текста, в поисках нужных абзацев.

– Вот Антон. Читай сам, чтобы было понятно.

Извалов скользнул глазами по строкам.

«Приятно мечтать о всеобщем счастье и красивом будущем, но переход к радикально иному образу жизни – это тернистый, рискованный этап развития человечества.

Достаточно мощные компьютеры и терабитные каналы связи не появятся у всех одновременно. Новые программные интерфейсы вряд ли сами загрузятся из сети, а пугающее новаторство имплантируемых нейронных модулей поначалу оттолкнет часть пользователей, в основном представителей старшего поколения… Мне видится достаточно реалистичной картина, когда в какой-то части цивилизации уже будут активно действовать продвинутые человеко-компьютерные системы, а все остальные (включая аборигенов в джунглях Амазонки) будут всё ещё жить по-старому.

Не питая иллюзий по поводу человеческой природы, я предвижу разнообразные проблемы: зависть ещё не присоединившихся; неоправданную надменность «продвинутых»; религиозный фанатизм;

террористические акты, волнения и локальные войны. Будут поломанные судьбы и человеческие жертвы – это, к сожалению, почти наверняка.

А если вспомнить о нетерпимости радикальных течений, существующих во многих религиях, то вполне возможен сценарий, когда какая-то достаточно сильная группировка в страхе перед будущим попытается уничтожить, если не всю человеческую цивилизацию, то ее прогрессивные технические достижения…»

…

– Теперь тебе понятно, что меня зацепило в этой статье? – Хмуро спросил Сергей. – Пройдет десять-пятнадцать лет и часть нашего мира измениться до полной неузнаваемости. Произойдет вспышка, взрывообразный рост развития технологий, но при этом кто-то из нас сделает шаг в будущее, а кто-то останется в прошлом. Навсегда. И крови будет много больше, чем предсказывает автор. – Давыдов говорил, все больше мрачнея, погружаясь в черные глубины собственной логики. – Я исхожу из реалий дня сегодняшнего, Антон. На войне легче было, – там хоть с грехом пополам можно было определить, вот свои, вот чужие, а тут… – он махнул рукой – болото одно, где человек человеку волк. – Он выпил и добавил:

– Нет у меня ни времени, ни возможности, чтобы сесть тут в глуши и ждать грядущего… А пролезть сквозь игольное ушко хочется, понимаешь?

– Это я понимаю. – Кивнул Антон. – Но и ты не забывай, – я еще даже не включал привезенные тобой компьютеры. Не факт, что разберусь.

– А ты пробуй! Все мы лентяи и калеки вот тут, – Сергей выразительно похлопал себя по затылку, в который раз с горечью припомнив свое малодушное бессилие, испытанное много лет назад при виде незнакомых компьютерных программ. – Ну, а выбирать мне не из кого. – Признался он. – С тобой мы из одного котелка ели и для меня этого достаточно. Я просто хочу оказаться среди настоящих людей. – Сергей поднял взгляд на Вадима и тихо добавил: – Если доживу, конечно…

Извалов промолчал. Ему нечего было ответить на подобный монолог, который вызывал в душе лишь боль и чувство неодолимой горечи…

… Спустя четверть часа, Давыдову внезапно позвонили на мобильник и он, накоротко переговорив с неизвестным Антону абонентом, встал из-за стола, с явным намерением ехать.

– Уже?

– Дела… – Сергей спрятал мобильный телефон, потом вытащил из наплечной кобуры уже знакомый Извалову «Стечкин» и положил пистолет на стол.

– Зачем?

– На всякий случай. Сейчас по лесам разные «грибники» шатаются, а домик получился приметным. – Давыдов немного помедлил, а потом решительно встал и направился к выходу.

– Работай Антон, разбирайся, что к чему. – Обернувшись на пороге, произнес он. – И не пугайся нового, непонятного, – все в твоих силах.

– Когда приедешь?

– Не знаю. Как дела отпустят. Ты на меня не оглядывайся. Я справлюсь…

Затертая брошюра и пистолет системы «Стечкина» надолго остались для Извалова символами коренного перелома в жизни.

Две вещи символизировали для него переход из прошлого в будущее, резкий оборот судьбы, оставивший его в лесной глухомани наедине с компьютерами.

Несколько суток он так и не решался сесть за рабочий стол, – ходил по дому, придерживаясь одной рукой за стены, постепенно свыкаясь с протезами, которые ощущались им как статичные, непривычно-тяжелые, абсолютно чуждые организму приспособления.

Устав, он садился на диван и включал телевизор, бездумно глядя подряд все передачи, пока его не начинало неодолимо клонить в сон.

В тот роковой сентябрьский день, когда рухнули американские небоскребы, а тягучий бразильский сериал, транслируемый по каналу Общественного Российского Телевидения, был внезапно прерван экстренными выпусками новостей, Антон испытал очередной шок. Несколько минут он сидел с пультом дистанционного управления в руке, оцепенев от внезапности, а в голове крутилась одна и та же мысль: неужели все началось так скоро?!..

Несколько дней он, не отрываясь, смотрел выпуски новостей, наблюдая, как катиться по информационным каналам ударная волна от прогремевших взрывов, ломая устоявшееся мировоззрение миллиардов жителей Земли, в одних странах щедро роняя семена страха, ненависти и паранойи, а в иных открывая глаза слепцов, не желавших видеть той глобальной угрозы, с которой он лично сталкивался еще много лет назад в Чечне…

А ведь боевики еще тогда пользовались сотовой связью, переносными компьютерами и другими достижениями технического прогресса. – Отчетливо вспомнилось Антону.

Отчаянно хотелось увидеть Сергея поговорить с ним, но он уехал, не

оставив ни адреса, ни номера телефона, ничего.

Он прожил остаток осени в мучительном, бесполезном ожидании, пока первый снег не лег на стылую землю.

Ранним морозным утром он проснулся, долго лежал в постели, а в голове крутилась назойливая, неприятная мысль: он не приедет.

Мысль граничила с кощунством, но Антон чувствовал – это правда.

Не выдержав растущего морального напряжения, Извалов резко сел в постели, спустил на пол босые ноги, пытаясь на ощупь найти тапки, и вдруг поймал себя на этом неосознанном рефлекторном действии.

Похолодев, он опустил взгляд.

Пальцы на правом протезе шевелились.

Встав, он подошел к окну, и долго смотрел, как медленно падает, укрывая землю первый снег, а потом, не позавтракав сел в офисное кресло за расположенным тут же в спальне персональным компьютером и включил питание.

…

Первое, куда погружается разум человека при свободном доступе к мощной «персоналке» это, естественно, мир игр, – он наиболее доступен, понятен и впечатлителен, для любого пусть совершенно неподготовленного индивида, чей палец однажды щелкнет кнопкой манипулятора «мыши» открывая себе вход в иную реальность.

Жестокие грезы, которые открывают страницы фантомного бытия, иная реальность, поначалу не находящая ассоциаций в окружающем, ослепительный водоворот образов, затягивающий сознание в глубь электронных вселенных.

Кажется – чем глубже, тем страшнее, труднее выбраться оттуда тем тоньше связь с реальностью натуральной, физической, когда под утро скрюченные пальцы отпускают истерзанную «мышь», перед глазами плавает муть усталости, а в прокуренном воздухе чудятся, витают образы, принесенные оттуда… затем путь до кровати, провальный сон, больше похожий на калейдоскоп футуристических стоп-кадров, потом свинцовая тяжесть в голове из-за короткого отдыха в неурочное время, и неодолимая тяга назад, к заветному монитору, с чашкой крепкого кофе в руках… но это только поначалу.

Психика сильного, логичного человека быстро адаптируется к виртуалке, целостные личности не распадаются и не «тонут», но у них прогрессирует иная болезнь – скука.

Очень быстро исчезает восторг. Психика не ломается, но пластично

принимает в себя некоторые фрагменты несуществующего, начинает обостренно работать логика, и процесс вдруг меняет свое направление, протекая от обратного, ровно, наоборот: в очередной раз встав из-за компьютера, ты смотришь вокруг и внезапно осознаешь – серая реальность будней ужаснее любой виртуалки…

Счастливы те, у кого есть множество обязанностей – повседневная жизнь, с ее неизбежным режимом: требовательная трель будильника по утрам, уход на работу, общение с друзьями и сослуживцами, – тогда процесс виртуальной ломки сознания растягивается на годы, становиться гладким, обкатанным, в нем присутствует больше восторга, чем отчаяния, и эти термины ничуть не преувеличены, ведь дозированная информация не теряет своей остроты, она впечатляюща, но полезна, – компьютерные миры развивают наш разум, не оглушая его постоянным прессингом, оставляя незыблемыми жизненные ценности, и личность как таковую.

Однако, кроме счастливчиков, имеющих возможность периодически погружаться в мир грез, не прерывая при этом тесной связи с реальностью, есть еще три категории людей.

Первые, – это те, кто вообще не знаком с компьютером либо имеет откровенно слабые машины. Им не страшна виртуалка в глубинном понимании данного термина. Сознание таких людей не меняется, – ведь полное неведение, либо слабые эмоциональные впечатления не затрагивают глубинных устоев подсознания, на которых зиждется мировоззрение.

Вторая категория – это люди с раннего детства знакомые с компьютером и избравшие электронные машины спутниками жизни. По большей части они молоды, замкнуты в себе, скупы на общение, но именно из их среды формируются когорты профессиональных программистов, которым суждено предопределять будущее.

И, наконец, третья, наиболее нестабильная, опасная категория пользователей, – это люди не обремененные повседневной рутиной, имеющие свободный доступ к мощным домашним машинам, вкусившие и успешно разжевавшие все прелести виртуалки.

У них нет возраста, в данную категорию может попасть школьник в период летних каникул, супруга или супруг преуспевающего бизнесмена, пенсионер, всю жизнь занимавшийся интеллектуальной деятельностью и внезапно оказавшийся не у дел…

Их объединяет одно обстоятельство, – не имея четкой цели, кроме естественного любопытства и первоначального желания как-то скоротать избыток свободного времени, они полностью погружаются в виртуальную

среду, часть из них «тонет» – становиться остро зависимой от фантомных миров, их развитие останавливается, разум эгоистично требует новых впечатлений и в конечном итоге из них получаются легко раздражимые, несносные в житейском плане личности.

У подобного исхода есть две альтернативы. Первая заключается в полнейшем отторжении электронной машины, развития неприязни к ней из-за обыкновенной человеческой скуки. Такие личности скоро устают от завуалированной повторяемости фантомных миров, их разум быстро адаптируется к ним, и начинает страдать от недостатка впечатлений. На поверку происходит короткий, но глубинный экскурс в современную виртуальную среду с отрицательным анализом целесообразности подобного времяпровождения.

Однако существует последняя, опять таки неустойчивая, непредсказуемая «группа риска», в которой оказываются люди, подобные Антону Извалову. Как правило, до знакомства с электронными машинами, они уже стоят на жизненном перепутье, либо вследствие возраста, либо по причине произошедших ранее событий. Сознание таких людей проходит все градации виртуального падения в бездну, а потом натужно выкарабкивается оттуда, попутно испытывая уже упомянутую смертельную скуку, а затем, когда все остается позади, у этих людей возникает вопрос: что дальше?

Жить в серости будней уже невозможно, повторяемость, предсказуемость виртуалки приелась до тошноты, и тогда возникает естественный интерес к первоисточнику.

Законы Булевой алгебры становятся откровением, объясняющим сущность фантомной вселенной, информация по психологии быстро раскрывает еще один ряд закономерностей, присущих живым участникам огромной, непрекращающейся ни на секунду игры под названием «жизнь».

Опять, уже не в первый раз возникает перепутье, и мучительный вопрос не находит приемлемого ответа, – где истина, в чем заключено понятие счастья, почему так легко отличить машину от прячущегося за фантомным образом человека?

Именно из этой категории людей, прошедшей все градации реального и фантомного миров, появляются одиночки, чей удел – хроническая бессонница, жизнь – поиск несуществующей истины, а окружающий мир всего лишь мозаика, сложенная из совмещенных между собой фрагментов двух вселенных.

Эти градации условны. Никто не вел статистического подсчета тех или иных групп, но глобальное воздействие компьютеров на наш разум,

несомненно.

Три долгих зимних месяца ушло у Антона на то, чтобы, обложившись толстыми руководствами пользователя и самоучителями, освоиться с новой операционной системой, научиться общаться с компьютерами на «ты», как когда-то общался он с капризной «Электроникой»…

Прошла зима, затем минули два месяца весны, незаметно подкрался теплый, щедрый на солнце май, а Извалов, полностью погрузившись в виртуалку, будто не видел происходящего вовне.

За пять месяцев процесс самообразования, продвигавшийся с помощью книг, электронного «Help» и личного упорства, дал Антону ключ от глубинного понимания иного мира, и наступил день, когда он, пользуясь системой спутниковой связи, установленной на крыше дома при реконструкции постройки, смог осуществить свой первый выход в сеть.

Get online…

Поначалу два английских слова показались ему чуть ли не магической формулой, пропуском в параллельную Вселенную, но позже он свыкся с фактором перехода и для него началась совершенно иная жизнь.

Он медленно погружался в пучины информационных потоков, теряясь в массе противоречивых данных, где можно было отыскать ответ практически на любой вопрос, но любой найденное в сети обоснование могло в равной степени оказаться как глубоким научным трудом, так и откровенным бредом…

Поначалу такая двоякость сбивала с толка, но Извалов с упорством пытался постичь новый открывавшийся ему слой общечеловеческого сознания, и в конечном итоге его собственный разум научился отсеивать зерна истины от плевел амбициозных попыток самовыражения, и, начиная с неподдающегося исчислению момента перед Антоном на самом деле забрезжил свет той истины, которую интуитивно уловил Давыдов на страницах потрепанной брошюры.

Он делал свои первые самостоятельные шаги, еще не подозревая, куда заведут его разум информационные потоки нарождающейся на глазах параллельной вселенной…

Часть 2 Вспышка

Глава 4

Последние числа сентября 2001 года. «Орлиное Гнездо»…

В механической лаборатории уровня, где встретились генерал Уилсберг и майор Керби, царила стерильная чистота. Входя в помещение Алан по укоренившейся привычке, машинально взглянул на часы, отметив, что уже без четверти двенадцать. Длительное проживание под землей постепенно стирало ощущения смены дня и ночи, но если старшие офицеры могли позволить себе нелимитированный рабочий день, то рядовой персонал, включая техников из числа вольнонаемных специалистов, придерживался строгого распорядка. Наверху сейчас царствовала ночь, и все помещения были пусты, – рабочая смена отдыхала, лишь на постах у переходов из сектора в сектор дежурили часовые.

Генерал Уилсберг ожидал его, нервно расхаживая по широкому проходу меж вращающихся сборочных платформ, на которых возвышались неприятно отсвечивающие металлом эндоостовы машин нового поколения. Стоило зайти сюда, чтобы понять, как много гениальных природных решений, доведенных до совершенства процессами миллионолетней эволюции, заимствовал человек для создания своих механических устройств.

Первое впечатление майора было неприязненно-обманчивым, наводящим на мысль о небольшой коллекции палеонтолога-любителя, реализованной в металле и пластике…

Наблюдавший за его реакцией генерал криво усмехнулся.

– Алан, не делай такого выражения лица.

Керби обернулся.

Обмениваясь рукопожатием, майор мысленно подметил, как резко постарел Уилсберг за три недели, которые он провел вне секретных подземных уровней. Да и сама лаборатория радикально видоизменилась, – когда Керби был тут в последний раз, большинство сборочных платформ пустовало, лишь на некоторых из них велись работы по монтажу первых опытных образцов, а теперь…

– Жутковато. – Признался он, окидывая взглядом просторный зал. – В чертежах и компьютерных моделях все выглядит намного безобиднее. Да и темпы работ впечатляют, сэр.

– Ситуация не оставила выбора, майор. – Сухо ответил Уилсберг. – Пришлось подключить к промежуточной стадии проекта около сотни

новых специалистов. – Пояснил он, жестом увлекая Алана в глубины зала. – Перед тобой механические остовы, опорно-двигательные системы принципиально новых машин. В подавляющем большинстве случаев они не несут окончательных форм готовых изделий. Твой разум должен освободиться от всякого рода фобий. – Он резко остановился, исподлобья взглянув на Керби. – Чтобы я больше не слышал от тебя подобных высказываний. Жутко наверху, – там, где разбирают завалы небоскребов, майор. – Жестко завершил генерал свою мысль.

Алан молча проглотил замечание, остановившись напротив обособленной группы платформ, на которых возвышались выполненные в металле, несколько видоизмененные скелеты человека, поддерживаемые техническими опорами.

– Андроиды? – Осведомился он.

Уилсберг проследил за взглядом майора и кивнул. В другое время наблюдать за реакцией Алана было бы интересно и поучительно: взгляд, буквально впившийся в сервоприводные скелеты, чуть расширившиеся зрачки, явно побледневшее лицо, – все свидетельствовало, что в душе майора Керби идет неприязненное осмысление образа, но в сложившихся обстоятельствах у генерала уже не осталось ни желания, ни моральных сил на психоанализ.

– Ты должен понять, Алан, рано или поздно человекоподобная машина должна появиться на свет. Все было готово для монтажа еще несколько месяцев назад, но сентябрьские события заставили нас форсировать темпы работ.

– Зачем? – Напрямую спросил Керби, с трудом отводя взгляд от поблескивающих эндоостовов. – Чтобы до смерти напугать обывателей? Они же устроят настоящую истерию по этому поводу. Нация и без того напугана.

– Ты задал один вопрос или два? – Сощурился генерал.

– Два.

Уилсберг кивнул, с трудом сдерживая в себе вспышку гнева. Все они балансировали на грани нервного срыва от постоянного психологического прессинга и непомерной физической усталости. После событий одиннадцатого сентября для генерала стал очевиден тот факт, что страна, называющая себя «непотопляемым авианосцем», на самом деле долгие годы пребывала во власти глобальной, опасной иллюзии.

На самом деле географическая обособленность, удаленность от традиционных очагов локальных конфликтов вовсе не означало, что смерть не в состоянии вторгнуться сюда…

– Целесообразность и общественное мнение… – Глухо произнес он, вплотную подойдя к сборочным платформам. – Нам изменили техническое задание, майор. – Неожиданно добавил Уилсберг. – Теперь основной акцент сделан на окончательную доводку боевых кибернетических механизмов, которые по степени своей автономии должны успешно соперничать с человеком, а по ряду критериев превосходить его. Данный фронт работ выделен в обособленную часть общего проекта.

– Это приказ?

– Да.

Майор кивнул, понимая, что при такой формулировке задач его личное мнение уже не будет учитываться в той мере, как раньше.

Наша мечта не устояла под напором грубой силы. – С горечью подумал он. – Что может быть хуже, когда целая нация ввергнута в шок, а незыблемые устои, на которых благоденствовало общество, рушатся, демонстрируя собственную несостоятельность?

– Это связано с предстоящей операцией в Афганистане? – Интуитивно предположил он.

– Именно. – Кивком подтвердил Уилсберг и добавил, предупреждая следующий вопрос:

– Не стоит озираться по сторонам, Алан. Я знаю, ты спрашиваешь себя: почему из десятков моделей избраны именно эти эндоостовы?… но подумай, стоит ли плодить множество специализированных машин, когда сама природа подсказывает нам универсальную модель, которая при верной реализации будет обладать многозадачностью, сможет гибко переключаться между спецификой отдельно взятых проблем, решая их с одинаковой эффективностью? – Уилсберг обошел платформу, на которой стоял эндоостов андроида. – Ответь, разве не человек стал венцом процессов эволюции? – Спросил он. – Посмотри, мы позаимствовали у природы опорно-двигательный аппарат, полностью отвечающий всем предварительным условиям технического задания. Машина, собранная на таком приводе, сможет выполнять множество функций. Например, человеческая рука, – разве она не является универсальным манипулятором, который трудно превзойти в плане гибкости и многофункциональности? Зачем заново изобретать то, о чем позаботилась сама природа?…

Керби молча выслушал монолог генерала и заметил:

– Я не могу высказать компетентного мнения по этому поводу, сэр. Боле того, я не понимаю, зачем спрашивать меня, когда есть Поланд и Даллас? Они отвечают за сервомеханику и программное обеспечение. Я же – боевой офицер. – Веско напомнил он.

Уилсберг нахмурился, но затем кивнул. Поведение майора с одной стороны задевало своей прямолинейностью, но в то же время намного упрощало общение. Алану в данный момент не требовалось зыбких, лежащих на грани фола доказательств целесообразности использования тех или иных кибернетических систем: он ждал четких пояснений и последующего приказа, не больше и не меньше…

Генерал искоса посмотрел на майора и мысленно добавил: Он не ограниченный вояка, отнюдь. Просто ему, как, впрочем, и мне, невыносимо бездействие.

Уилсберг был тысячу раз прав. Керби имел свое мнение по каждому из поднятых Альбертом вопросов, но предпочитал держать его при себе. Не потому что боялся или не умел высказаться, а из-за четкого понимания: раз его вызвали сюда, значит пришла пора действий, санкционированных на самом высоком уровне.

– Ты прав, Алан. Извини. Отбросим словесную чушь. Есть работа, как раз по твоему профилю.

– Сэр?

Уилсберг подошел к плотно зашторенной нише в стене и коснулся сенсора.

Два фрагмента пластиковой облицовки разошлись в стороны открывая просторную, глубокую нишу, где на специальных платформах стояли уже не эндоостовы, а готовые человекоподобные машины, механические тела которых покрывала неотличимая от кожных покровов пеноплоть.

– Десять лет назад я беседовал в госпитале с лейтенантом Ричардсоном. – Произнес генерал. – В ту пору он был одним из специалистов лаборатории, где конструировалось оружие будущего, – первые «умные» боеголовки для наведения ракет при «точечных» ударах по противнику. Колонна, которую он сопровождал, попала под обстрел нашей собственной артиллерии, а затем была атакована отступающими подразделениями иракской армии.

– Не понимаю, сэр…

– Не перебивай Алан. Я хорошо знал Герберта, – он был моим непосредственным подчиненным, – но после упомянутых событий, встретившись с ним в госпитале, я вдруг понял, что он стал мыслить совершенно иначе: его больше не увлекали мифические идеи бесконтактных войн. Лейтенант на собственном примере испытал, как капризна судьба, и как быстро высокотехнологичное оружие превращается в бесполезную груду электроники, когда из-за близлежащего бархана по тебе бьют автоматы, и нет ни времени, ни возможности воспользоваться

сложными, требующими особых условий эксплуатации боевыми комплексами, а до противника всего полсотни шагов…

Уилсберг по привычке заложил руки за спину, неторопливо прохаживаясь вдоль своеобразной «витрины» из пуленепробиваемого стекла, за которой застыли сервоприводные человеческие копии.

– Поначалу я принял его за труса, сломавшегося от первой настоящей схватки с противником, – продолжил Альберт после короткой паузы, – но быстро убедился, что Ричардсон мыслит не как пораженец, – он сумел пережить внутренний кризис, и четко осознавал – если уж делать ставку на ведение войны с помощью высокотехнологичных систем, то последние должны радикально видоизмениться, обрести новую форму… иначе, в один злополучный день можно оказаться лицом к лицу с незнающим высоких технологий экстремистом и пасть от тривиальной пули или удара ножа, перед которыми, как выясняется, бессильны самые изощренные компьютерные комплексы…

– Выходит, что концепция боевых сервомеханизмов была сформулирована не нашей группой? – Спросил Алан.

Уилсберг кивнул.

– Да, это сделал лейтенант Ричардсон, еще в девяносто первом году. Он просто спросил у меня: «Чего стоят тонны „умных“ боеприпасов, вкупе с баснословно дорогими нейрокомпьютерами, если за их доставку к позициям тактических ракетных комплексов нужно платить кровью людей»?

– И что вы ответили ему?

– Тогда – ничего. – Признался Уилсберг. – Но высказанная им мысль, так или иначе, легла в основу вот этого. – Он взглядом указал на андроидов и добавил:

– Мы планировали, что человекоподобные машины станут в первую очередь созидательной силой, но в сегодняшних условиях это невозможно. Нам брошен вызов и мы должны ответить на него.

– У нас что, нет армии и флота? – Хмуро осведомился Алан.

– Есть. Но руководители проекта настаивают на боевых испытаниях кибермеханизмов. Группа из десяти человекоподобных машин прошла все технические тесты еще за две недели до известных событий.

– Вы хотите сказать, сэр, что они… адекватны реальным бойцам?

Уилсберг покачал головой.

– Я не возьмусь давать гарантии, майор. В условиях полигона они демонстрируют поразительные способности, но адекватность андроидов могут доказать только боевые испытания. Степень риска, конечно, огромна,

но, на мой взгляд, – она оправдана.

– Чем? – Мрачно осведомился Керби, глядя на застывших, будто манекены, андроидов.

– Конечной целью. – Сухо ответил ему Альберт. – Наши спецслужбы определили вероятное местонахождение руководителей Аль Каиды…

Алан резко обернулся. В его глазах внезапно проявился недобрый, лихорадочный блеск.

– Генерал, дайте мне взвод спецназа и я…

– Ты получишь группу боевых машин. – Оборвал его реплику Уилсберг. – Повторяю – это приказ. На подготовку операции и боевое слаживание отряда отпущено трое суток. Сейчас цель находиться в знакомом тебе районе, но с началом авиационных ударов по Афганистану он может сменить убежище.

– Я понимаю. Но, почему этого не могут сделать люди?!..

Уилсберг тяжело вздохнул.

– Алан, неужели ты успел позабыть Вьетнам? Мы стоим сейчас на пороге полномасштабной войны, и в этих условиях, использование андроидов целесообразно, – он подчеркнул интонацией последнее слово. – Сейчас, как никогда, нам нужна бескровная, эффектная победа, которая вернет нации пошатнувшуюся веру в дееспособность собственного государства.

– Мы идем ва-банк?

– Да. – Резко ответил генерал. – Потому что в случае провала альтернативой станет полномасштабная война… – Он в упор посмотрел на Алана и пояснил:

– Логика риска здесь предельно ясна, – либо группа кибернетических машин продемонстрирует всему миру, что Соединенные Штаты в состоянии осуществить возмездие, опираясь исключительно на мощь передовых технологий военно-промышленного комплекса… либо, в случае провала, мир ничего не узнает о наших секретных разработках… – Жестко заключил он, продолжая смотреть в глаза Алану. – Это не отменит неизбежной кары для террористов, но страна вновь станет получать цинковые гробы. Надеюсь, у тебя хватит мужества и здравого смысла, чтобы сделать осознанный выбор между двумя вероятностями. Подумай об этом.

Керби ничего не ответил генералу. Не было смысла отрицать очевидную, закономерную логику развития событий. Он хорошо помнил Вьетнам, просто майору, как и любому человеку, требовалось хотя бы несколько минут, чтобы осознать грядущую перспективу.

Обдумав сказанное, он понял, что Уилсберг прав.

На удар следовало отвечать ударом.

Алан смотрел на застывшие фигуры андроидов и думал о том, что все когда-то случается впервые…

– Мне не нужно дополнительных тайм-аутов, сэр. – Нарушив возникшую паузу, произнес он. – Я принимаю командование группой.

Горный район на границе Афганистана и Пакистана. Две тысячи метров над уровнем моря. 7 октября 2001 года.

Тишина.

Звенящая тишина без звуков, она похожа на черную тонкую ткань: только коснись и вдруг лопнет с предательским треском, открывая всему миру, что тут, среди нагромождения острых, медленно отдающих дневное тепло скал, есть кто-то чужой…

Майор Керби сидел на корточках у обрыва. За его спиной на небольшой площадке застыл темный корпус необычного летательного аппарата, похожего на знаменитые бомбардировщики «Стелс». Впрочем, аналогия заканчивалась на обманчивой схожести аэродинамических форм, не выдавая истинного предназначения машины, которая час назад отделилась от днища стратегического бомбардировщика, чтобы неслышно и незримо спланировать к занятой противником территории. Ювелирной посадкой на крохотную площадку, зажатую отвесными стенами скал, руководил бортовой компьютер. Внутри машины в тесном отсеке тускло светились индикационные огни на десяти надежно закрепленных металлопластиковых кофрах, предназначенных для перевозки андроидов.

Сторожкую ночную тишину нарушил шелестящий звук открываемого люка и на усеянную мелкими камушками базальтовую площадку спрыгнул человек.

Алан машинально обернулся, хотя прекрасно знал: это Хьюго Поланд.

Тень материализовалась из тьмы, присела рядом и тихо сообщила:

– Майор, я не ручаюсь за механизм из шестой камеры. Один из тестов сервомоторного узла выдал сообщение об ошибке.

Керби поморщился.

– Деактивируй его. Мы не можем рисковать.

Хьюго кивнул, не скрывая облегченного вздоха. Как бы там ни было, он нес всю полноту ответственности за техническое состояние кибермеханизмов и понимал, что любая неполадка в бою может привести к непоправимым последствиям.

– Все будет готово через двадцать минут. – Шепотом сообщил он.

– Что с пеленгом? – Так же тихо осведомился Керби.

– Он еще раз выходил на связь. Спутник не использовал, передатчик работает на средних волнах. Позывной тот же, место дислокации не изменилось.

– Хорошо. – Майор расчехлил электронный бинокль. – Возвращайся в машину. Готовь подразделение.

– Алан… – Голос Поланда дрогнул. – Как ты можешь идти на риск не доверяя своим бойцам?

– Могу. – Не поворачивая головы, ответил Керби. – Мне не по душе эти испытания, слишком скоропалительно все… – его фраза была прервана далекой беззвучной зарницей, – это силы ВВС США наносили первые точечные удары по военным объектам, расположенных в сотнях километров от места высадки их группы. – Есть шанс предотвратить масштабную наземную операцию. – Произнес майор, машинально взглянув на часы.

20:52.

Мир, так или иначе, запомнит эти цифры, а вот какие ассоциации лягут в сознание миллиардов людей, будет зависеть от исхода порученной ему акции.

Майор внутренне вздрогнул в ответ собственным мыслям. В отличие от Хьюго он не испытывал ни страха, ни нервного возбуждения, только глухую досаду, граничащую с осознанным чувством вины. Серые контуры скальных пиков едва различимые в густой бархатной ночи были хорошо знакомы Алану. Когда-то он провел два года среди этих хребтов, инструктируя афганских моджахедов, воевавших в ту пору с ограниченным контингентом Советских войск. Выходит, что много лет назад он, по приказу собственного правительства натаскивал будущих боевиков Аль Каиды, которые теперь планировали и осуществляли чудовищные террористические акты против американского народа… Что это? Возмездие? Историческая справедливость или необъяснимый, с точки зрения здравого смысла, нонсенс?

– Если мы возьмем, либо ликвидируем духовных вдохновителей террористов, режим Талибана[11] падет без наземной операции наших войск. – Нарушив затянувшееся молчание, произнес Керби. – Это стоит того, чтобы рискнуть…

– Все-таки ты не веришь машинам? – У Поланда вдруг заговорило профессиональное самолюбие.

– Я не знаю их. – Коротко ответил майор. – Все, иди. Следи за

процессом, я буду ждать снаружи.

– Хорошо, Алан… Я надеюсь что мои ребята тебя не подведут… Все ведь когда-то случается впервые, верно?

Керби не ответил на последнее замечание. Он сидел на краю обрыва, словно окаменев. Возражать Поланду не хотелось, но и поводов для оптимизма он не видел. С одной стороны, как командир группы, майор должен был радоваться, что вместо людей на смертельный риск идут кибермеханизмы, цена которых соизмеряется всего лишь в долларовом эквиваленте затрат на их производство, но с другой… он был убежден, что такую серьезную операцию, как охота на главного врага Америки, следовало поручить людям, а не подводить под эту ситуацию боевое испытание уникальных машин.

Силуэт Хьюго Поланда исчез во тьме.

Ждать оставалось от силы минут пять-семь не больше.

Майор и сам, без пояснений Уилсберга, понимал, почему сюда направили часть группы «Альберт». Алан интуитивно осознавал, что многочисленные слова соболезнования, направленные в адрес американского народа, в подавляющей части являются искренними лишь в отношении тех, кто погиб под обломками зданий-близнецов Всемирного Торгового Центра. Мировое сообщество сочувствовало мертвым, их семьям, и одновременно наблюдало, как страна, провозгласившая себя сверхдержавой, оплотом демократии и гарантом общечеловеческой безопасности, балансирует на грани тотального нервного срыва.

День за днем Америка проигрывала информационную войну. В такой ситуации, по мнению Уилсберга, которое теперь разделял и Алан, баллистические ракеты и стратегические бомбардировщики уже не в состоянии исправить положение, – спасти национальное достоинство могла лишь стремительная, эффективная наземная операция, но кому как не майору было знать, что эти притихшие в ночи молчаливые горы возьмут непомерную, кровавую мзду за каждую пядь своих склонов…

Он поднял электронный бинокль.

Внизу, неподалеку от места высадки, древняя складчатость горных пород принимала иную, более пологую форму. Тектонические сдвиги, произошедшие в ранние геологические эпохи, не просто смяли земную кору, – в этой части массива произошел так называемый «сброс» коренных пород: базальтовые толщи лежали под небольшим углом относительно земной поверхности, образуя многочисленные плато, разделенные глубокими трещинами разломов. Процессы миллионолетней эрозии сгладили острые выступы, расшили ущелья, превратив фрагмент горной

местности в идеальное, созданное самой природой убежище.

Однако обосновавшиеся здесь силы не удовольствовались только естественными укрытиями. В электронный бинокль были хорошо различимы следы человеческой деятельности: тонкие ниточки укреплений тянулись вдоль обрывов, обеспечивая моджахедам стопроцентный контроль над двумя дорогами, ведущими через ущелья к системе горных плато. С точки зрения наземных боевых действий укрепленный район мог считаться фактически неприступным. С трех сторон его прикрывали отвесные скалы, а немногочисленные тропы, по которым могли пройти люди и техника, надежно перекрывала система оборонительных укреплений.

Керби не понаслышке знал все преимущества маленькой горной страны. Пятнадцать лет назад, будучи «военным советником», он несколько месяцев прожил в этих местах. Горные плато образовывали не только цепь стратегических высот, которые позволяли небольшим силам обороняющихся сдерживать в ущельях целую армию, – ко всему прочему тут существовала природная сеть пещер, соединенных внутрискальными проходами, которая исстари использовалась поколениями афганцев в качестве надежных укрытий.

Опыт подсказывал, что базальтовые плиты вряд ли поддадутся самым тяжелым бомбам, атака «в лоб» заранее обречена на провал, а высадку десантно-штурмовых подразделений в тыл обороняющимся существенно затруднял разреженный воздух горных высот, который исключал применение транспортных вертолетов.

Как ни крути, а попасть сюда незамеченным, и осуществить эффективную акцию, можно лишь небольшой группой, проникнув в укрепрайон с нетрадиционного, считающегося заранее непроходимым направления.

Керби опустил электронный бинокль, зачехлил его и встал, разминая затекшие ноги.

Минуту спустя за спиной майора вновь открылся десантный люк и на голую, лишенную растительности поверхность скальной площадки одна за другой стали спускаться фигуры в темной камуфлированной экипировке. Их лица полностью скрывали мягкие полушлемы с дымчатыми забралами.

Внешне девятерых выстроившихся в шеренгу кибернетических бойцов было невозможно отличить от людей. Они имели обыкновенный средний рост, пропорциональное телосложение, и даже под одеждой механические приводы укрывал толстый слой пеноплоти, имитирующий

кожные покровы и анатомический рельеф мышечных тканей.

Кибернетические машины по своим внешним данным полностью идентифицировались с людьми, и понять, что под стандартной экипировкой спецназа кроется механическое создание, можно было только «раздев» андроида, содрав с него слой искусственной плоти, до самого эндоостова.

Естественно, подобный оборот событий являлся недопустимым, поэтому каждый кибермеханизм имел встроенную систему самоликвидации, основанную на принципе конвектора вещества: при получении критических повреждений автономный привод выдвигал в рабочее положение две пластины, изготовленные из конвектирующего сплава; мгновенная вспышка превращала механизм в облачко белесого праха, при этом выделенной энергии с избытком хватало, чтобы сжечь, либо расплавить любое вещество в радиусе десяти метров. При такой схеме самоуничтожения от андроида и пластин ликвидирующего устройства не оставалось никаких обломков, пригодных для опознания или исследования, – только горсть белесого, легко сдуваемого ветром порошка…

Керби сделал шаг в сторону от пропасти и остановился напротив молчаливой шеренги бойцов. Да, если что-то и отличало их от людей, так это необычная сдержанность в движениях, абсолютная исполнительность и неподъемное для человека обилие спецснаряжения.

Алан машинально заложил руки за спину.

– Доложить о состоянии. – Произнес он в закрепленный у самых губ коммуникатор. Устройство связи было оснащено микрочипом, который выдавал в эфир особый сигнал, подтверждающий полномочия майора. Кроме этого система распознавания речи каждого андроида имела образец голосового ряда и могла идентифицировать приказ, отданный Аланом Керби, при пятидесятипроцентном наслоении шумовых искажений, которые отсеивали программы аудиоконтроля.

– Первый, докладываю: состояние первичной активации. Все системы функционируют в заданных режимах. Готов к переходу на основной источник энергопитания.

Керби молча выслушал аналогичные доклады от остальных машин, секунду помедлил, а затем отдал приказ:

– Переход на основную схему питания. Исполнять.

Строй дрогнул: андроиды сканировали местность в поисках вещества для получения энергии, затем один из них сделал шаг вперед, нагнулся, подобрал с земли небольшой камень, приподнял дымчатое забрало, на миг

продемонстрировав вполне человеческое лицо, и… отправил гранитный камушек в рот.

Алан на миг ощутил, как странная дрожь ползет вдоль позвоночника. Он знал, что основной конвектор вещества расположен в голове андроида, но все равно элемент визуального потрясения присутствовал, как ни крути…

– Четвертый. – Раздался в коммуникаторе доклад машины. – Основной источник питания активирован, сэр.

Они совсем как люди… И мне от этого страшно. – Керби был рад, что никто не может прочесть его мыслей. Для каждой машины был записан свой индивидуальный голос, и Алан предчувствовал, что пройдет немного времени, и он запросто начнет различать их по интонациям…

Ему стоило немалого усилия воли, чтобы подавить в себе субъективную оценку происходящего.

Это не мое дело. – Напряженно подумал он. – Пусть Поланд и иже с ним анализируют частности, мне же нельзя сосредотачиваться на личностных впечатлениях.

Мысль несколько успокоила взбудораженный рассудок. Керби знал, что незримые каналы телеметрии данных связывают машины со спутниками, а через них, с центром контроля, где сейчас находиться генерал Уилсберг.

– Проверить оружие.

В глухой тиши раздался характерный шелест затворов. В отличие от стандартного вооружения спецподразделений группа майора Керби была оснащена однотипно: андроиды не нуждались в снайперских приспособлениях, приборах тепловидения и лазерных дальномерах. Все перечисленное являлось неотъемлемыми компонентами конструкции их собственных сенсорных систем, поэтому, андроидов оснастили укороченными штурмовыми винтовками выполненными на базе «М16А2» с установленными на них приспособлениями бесшумной стрельбы и безгильзовыми реактивными подствольными гранатометами.

Кроме этого каждый кибермеханизм имел в своем распоряжении пусковой тубус противотанкового комплекса с пятью ракетами, запас пластида и дополнительные боекомплекты к основному стрелковому вооружению.

Ни о каких «встроенных» системах оружия речи не шло, изначальный проект предполагал, что андроиды будут использоваться в бытовых целях, а умение вести боевые действия являлось лишь одной из многочисленных функций универсальных машин. Поначалу о боевом использовании

кибермеханизмов говорили как о вторичной задаче, но действительность внесла свои жесткие коррективы в планы использования новейших образцов робототехники. Алан видел, как действуют андроиды в условиях полигона, но настоящие боевые испытания начинались здесь и сейчас… Ближайшие часы покажут насколько оправдана ставка на кибернетические механизмы.

– Вперед. – Тихо скомандовал он. – Движение к первой контрольной точке.

– Принято, сэр. – Ему ответил только один андроид, на которого, в силу порядкового номера, была возложена обязанность отвечать на поступление общих приказов.

Сразу за краем обрыва начиналась отвесная стена высотой в триста метров. У ее подножия на поверхность небольшого плато сползал длинный язык каменистой осыпи, так называемого «делювия» состоящего из продуктов эрозии коренной породы.

…Бухты прочных синтетических тросов, закрепленные за выступ скалы, разматываясь на лету, бесшумно канули вниз; андроиды почти синхронно защелкнули карабины, снабженные регуляторами скорости скольжения, и майор внезапно понял, что отстает от вверенных ему бойцов как минимум секунд на пять.

– Синхронизировать движение! – Коротко приказал он, стараясь не смотреть в разверзшуюся пол ним бездну.

Короткие рывки параллельных тросов тут же засвидетельствовали, что его приказ воспринят буквально, – кибермеханизмы остановили спуск, ожидая, когда командир группы поравняется с ними.

Алана, который давно не тренировался в условиях гор, слегка мутило от стремительного спуска, но он быстро справился со своим вестибулярным аппаратом.

Четыре минуты спустя его ноги, наконец, коснулись острого шуршащего гравия, отцепив карабин, он взглянул вверх, увидел срезанный обрывом звездный небосклон, убедился, что камуфлированные нити тросов сливаются с серым фоном скалы и приказал:

– Построение цепью. Двигаемся к позиции «бета».

Горное плато, на которое они спустились, было чуть больше чем та скальная площадка, куда приземлился автономный транспортный модуль. В ночной тишине слышался лишь шелест гравия под рифлеными подошвами армейских ботинок, да приглушенный шум низвергающегося с большой высоты водного потока.

Алан хорошо помнил это место, однажды он поднимался сюда, чтобы полюбоваться на каскад небольших водопадов. Талые воды ледника покрывающего вершину и северный склон соседней горы, находили себе путь через трещины в скалах, и низвергались с двадцатиметровой высоты, образуя небольшое, пересыхающее в зимний период озерко, откуда в одно из ущелий сбегало русло стремительного горного потока.

Андроиды, рассыпавшись цепью, достигли обрыва и залегли.

Майор лег на холодный камень и выглянул вниз.

Слева в свете луны таинственно искрился водопад, справа темнели отвесные скалы, а впереди, за пологим продолжением осыпи начиналось обширное плато, по краю которого тянулась нить незамысловатых сложенных из подручных каменных глыб укреплений. Керби поднял электронный бинокль.

Обращенный к ущельям отрезок периметра имел протяженность более километра, но его в данный момент охраняло всего пять боевиков. Алан не удивился, сосчитав алые засечки на радаре встроенной в бинокль термальной оптики. Верхние позиции считались самыми безопасными, это он хорошо помнил еще со времен своей бытности «военным советником». Главные силы талибов сосредоточены на нижнем плато, а основная цель его отряда находиться где-то посередине между верхними и нижним рубежами обороны, в одной из пещер, промытых талыми ледниковыми водами. Алану не пришлось напрягать память, – он отлично помнил, что на срединной возвышенности расположен кишлак, где жили семьи моджахедов. Там же находились входы в систему карстовых пещер.

Пятеро…

– Первый, доложить результат сканирования.

– Наблюдаю девять целей, сэр. – Пришел незамедлительный ответ. – Вооружение: пять автоматических штурмовых винтовок системы «АК-47», один ручной пулемет «М-60», станковый «М2НВ», укреплен на подвижной рельсовой платформе. Две «ЗУ», смонтированные аналогичным способом, развернуты в боевое положение для стрельбы по воздушным целям, у объекта с условным номером «три» ручной противотанковый гранатомет системы «РПГ-7».

Керби досадливо поморщился.

Теперь, после доклада андроида, он заметил, что за нагромождениями камней в разных концах периметра укреплений действительно установлены «Зушки», чьи спаренные стволы немо смотрели в звездные небеса.

В центре позиций, прислонясь спиной к камням, дремал подросток со снаряженной для выстрела «шайтан-трубой», которую он небрежно

положил на колени.

– Номер три, семь выдвинуться для поражения расчетов зенитных установок, остальным разобрать цели и доложить готовность.

Вдалеке вспыхнула и погасла беззвучная зарница.

– Третий, на позиции.

– Седьмой, на позиции.

– Огонь на поражение! – Выдохнул в коммуникатор майор.

В ночной тишине сипло, едва слышно рассыпались звуки одиночных выстрелов.

Две секунды… Два удара сердца.

– Докладывает первый. Цели ликвидированы.

Керби поднялся с земли.

Вокруг по-прежнему царила тишина, россыпи звезд в бездонном небе казались преувеличенно яркими, ненатуральными, лунный свет прихотливо играл серыми тенями, превращая кромешную тьму в тревожащий сумрак…

– Выдвигаемся на рубеж «дельта».

Фигуры человекоподобных машин синхронно поднялись из-за избранных минуту назад укрытий и целеустремленно рванулись вперед, занимая выгодные позиции среди укреплений господствующей над остальными плато высоты.

В эти секунды, глядя, как кибернетические механизмы меняют позиции, майор вдруг подумал, что, наверное, недооценил их потенциал. Спуск с отвесной трехсотметровой скалы, выдвижение на огневой рубеж и ликвидация группы противника прошли без единой заминки.

Девять выстрелов – девять трупов… Что характерно, – ни единого вскрика умирающих – андроиды стреляли с нечеловеческой точностью, исключая ранения. Алан присел у грубой каменной кладки, искоса взглянув на шестнадцатилетнего подростка, который так и остался сидеть с закрытыми глазами, будто продолжал дремать, одной рукой придерживая пусковую трубу РПГ-7.

Крохотное входное отверстие во лбу, капля крови скатившаяся по переносице, а сзади, на кладке из обломков гранита, едва заметное в ночи влажное пятно…

Он знал, что видеокамеры его боевого шлема фиксируют все, куда падал взгляд, и эти данные в реальном времени транслируются через спутниковую систему на записывающие устройства, «Орлиного Гнезда»…

…

Генерал Уилсберг невольно подался к огромной плазменной панели, куда транслировалось изображение.

– Что вы скажете о характере попаданий, док? – Обратился он к сидящему рядом с ним полковнику.

– Ваши парни неплохо знают анатомию мозга, генерал, – ответил тот, мельком взглянув на стоп-кадры, демонстрирующие застывших в неестественных позах мертвых моджахедов. – Не знаю, кто их учил стрелять, но могу констатировать – у каждого из убитых, вне зависимости от поворота головы в момент выстрела, поражен речевой центр.

Вот почему не было слышно ни одного вскрика… – Удовлетворенно подумал Уилсберг.

…

В рассудке майора Керби теснились иные мысли.

Глядя вниз на обширное плато, сплошь усеянное характерными признаками грамотно спланированной и хорошо укрепленной военной базы, он, вопреки привычной логике, продолжал подспудно ощущать присутствие рядом мертвого тела. Чувство являлось иррациональным, абсолютно ненужным, но, тем не менее, он не мог отделаться от него. Возраст молодого талиба не играл роли, – Алан прекрасно понимал, что этот подросток, не задумываясь, перерезал бы ему горло, только подвернись случай, загвоздка была в том, что он три десятилетия постигал жестокие законы войны, постоянно совершая жизненный выбор, сознательно подавляя порывы жалости, губительные для офицера спецподразделений.

Были и ночные кошмары, и леденящий влажные простыни липкий пот, и нервные срывы – долгий тернистый путь прошел Керби, прежде чем научиться убивать.

Хьюго Поланду потребовалось не три десятилетия, а немногим более месяца, чтобы настроить нейронные сети андроидов, заложив в них навыки хладнокровных профессиональных убийц.

Керби энергично встряхнул головой, отгоняя сторонние мысли. Не время сейчас.

Он заставил свой разум сосредоточиться на картине, которую передавала электронная система ночного видения.

В отличие от кишлаков, расположенных в долинах или на склонах предгорий, все постройки высокогорного селения был сложены из дикого необработанного камня, что, впрочем, не меняло их сути для человека неискушенного. Те же дувалы, только не глинобитные, а каменные, опоясывали типичные приземистые дома, однако опытный взгляд майора сразу же подметил целый ряд особенностей, – сверху на плоские крыши были навалены мелкие обломки скальной породы, узкие кривые улочки

накрывали едва приметные в сумраке камуфляжные сети, с таким же тщанием были замаскированы многочисленные огневые точки, щедро разбросанные по территории плато. Вся техника, (а в том, что она здесь была, Алан не сомневался ни на секунду) наверняка загнана под прикрытие нависающих скальных выступов. Из всего увиденного следовал только один вывод: Организацией укрепрайона занимался грамотный военный инженер, отлично знакомый с таким понятиями как «аэрофотосъемка» и «спутниковый контроль местности». Керби был уверен, что с воздуха и из космоса данный участок горного массива выглядел вполне заурядно, и только масштабированные, увеличенные в тысячи раз снимки, после обработки специальными программами могли выявить присутствие тут следов человеческой деятельности.

С поверхности земли все выглядело иначе. Электронный прибор ночного видения фиксировал множество подробностей: не смотря на поздний час, и обманчивую темноту, обитатели лагеря не спали. Инфракрасная оптика очерчивала многочисленные термальные всплески, а система распознавания целей подсказывала, что их источником являются люди. Основная часть боевиков концентрировалась у края плоскогорья, распределившись небольшими группами, по три-пять человек, и лишь малая часть зафиксированных сигналов проецировалась на фоне приземистых зданий.

Полыхнувшая вдали зарница от очередного разрыва бомбы или ракеты, навела майора на верную трактовку показаний прибора: первая ночь авиационных налетов знаменовала собой начало войны, она являлась знаковым моментом для афганцев и вполне естественно, что талибы не могли оставаться безучастными – собравшись на краю плоскогорья, они наблюдали за далекими вспышками, проклиная всех неверных и пытаясь предугадать по каким целям в данный момент наносит удары авиация США.

Удачно… – Подумал Керби. Входы в систему внутрискальных коммуникаций располагались за территорией поселения, значит, его группе придется пройти по кривым тесным улочкам, мимо немногочисленных, спящих в домах женщин, затем бесшумно снять часовых, и, не поднимая тревоги, проникнуть внутрь созданных природой убежищ.

Учитывая показания термальной оптики, осуществить дерзкий прорыв будет легче, чем планировалось – главное действовать быстро, бесшумно и хладнокровно, чтобы не привлечь внимания двух сотен боевиков, призывающих Аллаха обрушить праведный гнев на головы неверных…

В хладнокровии андроидов после стремительного захвата верхних укреплений сомневаться не приходилось, и Алан вдруг ощутил, как волна возбуждения пробилась в сознание глухим ритмичным током крови.

Мы сделаем это… Мы возьмем его… Главное – проникнуть в пещерный комплекс.

Минуту спустя, дождавшись пока светлый диск луны закроет перистое облако, Керби отдал приказ на начало движения.

Смутные почти неразличимые в плотном сумраке фигуры кибернетических бойцов, не поднимая шума, сползли по осыпи, и, рывком преодолев открытое пространство, рассредоточились под прикрытием ближайшей постройки.

Все происходило так тихо, что часовой, маячивший у входа в пространство кривой улочки, даже не обернулся.

Только теперь, вжимаясь в холодный камень, майор смог по достоинству оценить звукоизоляционные свойства пеноплоти. Андроиды двигались словно тени, не смотря на активную работу сотен микромоторов…

– Внимание всем. Выдвигаемся на позицию «гамма». Игнорировать цели, расположенные вне двухсотметрового радиуса.

Реакция андроидов последовала незамедлительно: второй номер чуть привстал, и штурмовая винтовка в его руках издала приглушенный звук одиночного выстрела. Фигура часового, судорожно взмахнув руками, начала медленно оползать, оставляя на стене дома влажный кровавый след, а боевые кибермеханизмы один за другим уже исчезали во тьме, втягиваясь в узкое пространство между приземистыми постройками.

Все шло по плану…

Майор Керби не ошибался в своих выводах относительно грамотного военного инженера, планировавшего схему маскировки лагеря талибов, однако Алан был бы удивлен, если б мог взглянуть на его облик. Рассматривая укрепления, майор думал о гипотетическом европейце, но на поверку им оказался араб со смуглыми, аристократично-тонкими чертами лица. Его глаза с темными зрачками смотрели на мир со странным отчужденным холодком, в них пряталось нечто, не присущее Афганским дехканам, променявшими скудные клочки земли на произведенные в Китае автоматы «Калашникова».

Он то же не спал этой ночью, но его ненависть была холодна, глубока и черна, как ночное отражение воды в расположенном неподалеку озерке,

питаемом ледяным источником…

Он не носил традиционной для этих мест одежды, предпочитая национальным костюмам опрятную, камуфлированную полевую форму европейского образца, лишенную каких-либо знаков различия. Не смотря на знание арабского и фарси, этот человек привык думать на языке врагов, владея им в полном совершенстве, как и местными наречиями – дари и пушту.

Впрочем, его образ являлся загадкой не только для Керби.

Двое личных телохранителей молодого эмира в данный момент были злы, за то, что им не позволено как другим свободно шататься по расположению, глазея на далекие зарницы разрывов.

Их хозяин сидел в глубокой задумчивости, не удостаивая вниманием ни приданных ему воинов, ни наложниц, которые зря ожидали его визита в отведенных им отдельной постройке. Он был слишком горд и уверен в себе, чтобы прятаться в пещерах на случай внезапного налета американских ВВС или вместе с остальными бессильно всматриваться в небеса.

Непонятно о чем он думал этой ночью…

Один из телохранителей не выдержав ночного бдения, встал.

– Куда? – коротко осведомился его хозяин, не повернув головы.

– Обойду дом. Посмотрю – все ли тихо?

– Две минуты. Время пошло.

Странные слова. Будто кто-то вырвал эти фразы из совершенного иного мира, небрежно перевел и обронил тут, породив злое недоумение в глазах сорокалетнего афганца.

Откинув заменяющий дверь матерчатый полог, тот вышел в прохладу ночи под бездонный купол небес, подошел к дувалу и, присев, стал оправляться.

…В этот миг за каменным забором промелькнула смутная тень, раздался приглушенный хлопок, и моджахед, хрипя, повалился в собственные нечистоты, но вырвавшийся из его горла предсмертный вздох проник сквозь матерчатую преграду, заставив молодого эмира и оставшегося в здании телохранителя мгновенно отреагировать на странный звук.

Оба, не сговариваясь, обернулись к дверям, но повели себя по-разному: араб лишь медленно протянул руку, охватив пальцами холодную рукоять лежавшего на столе автоматического пистолета, в то время как его подчиненный выскочил на улицу.

Луна уже выглянула из-за перистой полоски облаков, и в ее

серебреном свете он сразу же увидел мертвого Джафара. Пуля ударила его в темя и вышла под подбородком через кадык, вырвав кусок горла, словно стрелял сам шайтан, целясь со стороны звезд.

Файзулло (так звали выскочившего из дома афганца) повидал на своем веку много крови и смерти, но этой ночью все казалась иным: зловещим, граничащим в сознании безграмотного «ученика» с мистическими знаками, которые посылали злые духи ночи, испытывая веру истинных мусульман в своего покровителя.

Он не видел врага, лишь широко открытые, мертвые глаза Джафара глядели на луну в немом потрясении внезапной смерти, и Файзулло не выдержал, палец привычно скинул скобу предохранителя в положение «автоматический огонь».

Секунду спустя оглушительная очередь «АК» резанула вязкую ночную тишину, дробя ее грохотом выстрелов и тонким свистом пуль, рикошетящих от многочисленных скал. Талиб стрелял в ночную мглу, пытаясь таким способом убить свой страх, дать выход подкатившему к горлу нервному напряжению, но эффект от его выпущенной по теням очереди оказался совершенно непредсказуемым.

Когда за ближайшим дувалом внезапно заработал «Калашников», посылая поверх каменного ограждения зримые росчерки трассирующих пуль, группа майора Керби уже успела втянуться в теснину кривых улочек.

Алан видел, как за несколько секунд до заполошной очереди один из андроидов внезапно остановился, сделал шаг к каменному ограждению и, с нечеловеческой силой подтянувшись на левой руке, произвел одиночный выстрел, приглушенный хлопок которого слился с коротким предсмертным хрипом.

Термальная оптика показала оседающий контур человеческой фигуры, и буквально в следующий миг из дома выскочил еще один моджахед…

Кибермеханизм попытался повторить свой маневр, но выпущенная вслепую очередь заставила андроида задержать движение, повиснув на одной руке, – трассирующие пули проносились над самым гребнем дувала, едва не чиркая о слагающий его камень.

– Назад! – Сипло выдохнул майор. Он мгновенно понял, – сейчас на плоскогорье вспыхнет неконтролируемая паника, и у его группы во внезапно возникшей ситуации есть лишь один способ выполнения задачи: пока моджахеды не разобрались в причине стрельбы, они должны стремительным рывком преодолеть расстояние, отделяющие их от входов в пещерный комплекс, и, сняв охрану, проникнуть внутрь.

О том, как они станут выбираться назад, Керби в данный момент не задумывался. Отдав приказ, он, пригибаясь, побежал вперед, стремясь выиграть драгоценные секунды, но не все машины исполнили его команду.

…Пальцы андроида разжались, ноги мягко спружинили принимая вес механического тела, внутренние гироскопы мгновенно стабилизировали опорно-двигательную систему, в то время как проникающие сканеры продолжали вести активную разведку двухсотметровой зоны, обозначенной майором в качестве радиуса поражения.

За нейтральным фоном холодного камня после грохота выстрелов зашевелилось множество фигур. Статичные тепловые аномалии, которые до последнего момента расценивались системой распознавания целей как неактивные, теперь приобрели иное значение.

Реакция машины была мгновенной. Боевой сопроцессор уже произвел обработку данных, определив количество активировавшихся врагов, их местоположение и точный вектор направления огня, палец механической руки переместился с пистолетной рукояти на спусковой механизм подствольного гранатомета, правая рука согнулась в локте, упирая в плечо приклад штурмовой винтовки, в то время как левая четким движением выхватила из вшитого в экипировку чехла десантный нож.

…На Файзулло, опустошившего длинной очередью половину автоматного магазина, со всех сторон навалилась звенящая тишина, он опустил оружие, и в этот миг на узком пятачке входа во внутренний дворик из тьмы внезапно матереализовалась человеческая фигура, облаченная в боевую экипировку, но для Файзулло никогда не видевшего, чтобы люди ходили по ночам в темных шлемах, с черными как смоль, отражающими свет забралами на лицах, это явление стало шоком. Он промедлил всего лишь пару секунд, потрясенный обликом прорезавшегося из тьмы демона, а когда до помутившего рассудка дошло, что призраки не носят американского оружия, для опешившего талиба было уже слишком поздно: андроид разрядил подствольный гранатомет, одновременно, левой рукой метнув нож.

Файзулло захрипел, уронив автомат, и машинально схватился руками за пробитое сталью горло; перед глазами поплыли оранжевые круги, но оседая на землю, он в предсмертном усилии успел запечатлеть взглядом последнюю, дошедшую до разума картину: он видел, как ВОГ пробил тканевую завесь входа в пристройку, где после внезапной автоматной очереди истерично завизжали наложницы, и с ослепительной вспышкой разорвался внутри женской половины здания…

Для майора Керби все происходящее стало полнейшей неожиданностью.

Едва он отдал лаконичный приказ, как за его спиной внезапно полыхнул приглушенный взрыв.

Резко обернувшись, Алан увидел появившуюся из-за каменного забора фигуру андроида, и вдруг, истошно крича, в тесное пространство улицы выскочила полуобнаженная женщина. Она бежала, не разбирая дороги, не видя ничего вокруг, лишь машинально прижимала к груди скомканную, тлеющую с одного края одежду, а майор, застыв как вкопанный, не успел отреагировать на ее появление…

…Андроид резко вскинул штурмовую винтовку, и голова женщины вдруг разлетелась, словно лопнувший переспелый арбуз…

Это было похоже на бред, страшный кошмар, который не мог пригрезиться в самом жутком извращенном сне: обезглавленное тело по инерции сделало пару шагов и рухнуло навзничь…

– Докладывает пятый: цель поражена, сэр. – Прорвался в сознание Алана голос кибернетического бойца. – Продолжаю зачистку двухсотметровой зоны.

Рассудок майора, не смотря на многолетний опыт, рефлексы, не поспевал за калейдоскопической сменой ситуаций, изменяющихся в течение долей секунд, – он еще стоял посреди кривой улочки, глядя на рухнувшее тело, скорее ощущая, чем слыша звуки взъярившегося вокруг автоматного огня, а кибермеханизм, сканеры которого фиксировали последний, оставшийся в здании тепловой контур, уже перезарядил подствольный гранатомет и сделал шаг по направлению цели…

– Пятый прекратить огонь!.. – Эти слова вырвались из пересохшего горла Алана исключительно вследствие испытанного мгновенье назад шока, но андроид воспринял его приказ, и послушно остановился.

В следующий миг под ноги кибермеханизму выкатилась брошенная твердой рукой граната. Взрыв ослепительно полыхнул во тьме, высветив контуры близлежащих зданий; майора Керби не задело осколками, но сбило с ног взрывной волной.

Падая, он успел заметить, как андроида согнуло пополам, ударив о противоположную стену, и понял, что сейчас неизбежно сработает устройство самоликвидации.

Это был провал… Полный провал…

Когда он пришел в себя вокруг бушевал бой.

Кривая улочка изменилась до полной неузнаваемости, –

энергетический всплеск в момент самоликвидации андроида выжег в базальте глубокую коническую воронку, разметал не скрепленные раствором гранитные глыбы, превратив близлежащие дома в хаотичное нагромождение угловатых каменных обломков…

В голове стоял звон контузии, но Алан, со стоном привстав, подобрал штурмовую винтовку и, пытаясь сориентироваться в бешеном хаосе бессистемного боя, коротко приказал:

– Всем доложить о состоянии!

Ответом ему послужила гробовая тишина в эфире, показавшаяся еще более зловещей на фоне яростного автоматного огня и звонких, бьющих по барабанным перепонкам гранатных разрывов.

Посмотрев на себя, Керби внезапно понял причину радиотишины, – его экипировка обгорела, местами из-под хрупкой коросты обуглившейся ткани выступали потеки расплавившегося, а затем вновь отвердевшего пластика.

Он поморщился, скрипнув зубами, чтобы задавить глухой стон, – это нервные окончания тут же дали знать о себе вспышками нестерпимой боли, которая словно жидкий огонь расползлась по спине, парализуя саму способность двигаться.

Провал… Полный провал операции… – Мысль глухо стучала в виски, пульсируя в ритме боли. Без вшитого в обгоревшую экипировку оборудования он не мог контролировать действия отданных под его командование кибермеханизмов, разве что в сумятице ночного боя попытаться выйти к позиции андроидов, и отдавать приказы каждому из них, положившись на систему распознавания речи машин.

Он поднял мутный от боли взгляд, оценивая окружающую ситуацию, затем повернул голову, и впился зубами в край обугленного ворота своей униформы. Потрескавшиеся, кровоточащие губы болезненно почувствовали, как ломается хрупкая корка обуглившейся ткани, а под ней осязается продолговатая капсула из тонкого, термостойкого пластика.

Прокусив ее, Алан ощутил, как тонкий ручеек горькой, словно хина жидкости проник в рот. Подавив инстинктивную тошноту, он судорожно сглотнул смешавшуюся со слюной горечь, и спустя десять-пятнадцать секунд сжигающая его боль вдруг начала притупляться, трансформируясь в неприятную, но уже не парализующую движения пульсацию пораженных ожогами тканей.

Еще раз оглядевшись, он убедился, что вокруг не осталось никаких обломков от самоликвидировавшейся машины и, пошатываясь, побежал вдоль прихотливо изгибающейся улочки в ту сторону, где вышедшие на

позицию «дельта» андроиды сдерживали превосходящие силы боевиков.

Прошла минута или две с того момента, как майор Керби пришел в себя и исчез в распоротом росчерками трассирующих пуль мраке, когда в районе самоликвидации андроида произошло еще одно важное событие.

Груда камней, в которую под ударом взрывной волны превратился близлежащий дом, внезапно зашевелилась; несколько угловатых глыб вдруг сорвались со своего места и со стуком скатились вниз, а в образовавшееся отверстие выпросталась человеческая рука.

Окровавленные пальцы вслепую ощупали гладкую, остекленевшую в некоторых местах поверхность очередного валуна, а затем с усилием столкнули его.

Теперь проход расширился настолько, что в него смогли пролезть голова и плечи заточенного под обвалом человека.

Им оказался никто иной, как тот самый смуглый араб, одетый вопреки местным традициям в полевую форму британского офицера. Камуфлированная ткань превратилась в рваные лохмотья, местами на ней виднелись следы свежей крови, но взгляд «молодого эмира», как мысленно величал хозяина покойный Файзулло, оставался холодным и осмысленным.

Это он метнул под ноги андроида гранату, и теперь, придя в себя под обломками рухнувшего здания, натужно выкарабкивался наружу.

Освободившись, он сполз с груды камней, и некоторое время бессильно лежал на земле, тяжело дыша, и одновременно вслушиваясь в звуки полыхающего по всему плато боя.

Немного придя в себя, он равнодушно скользнул взглядом по фрагментам торчащих из-под камней человеческих тел, затем нагнулся, с усилием вытащил засыпанный обломками автомат, который выронил из рук его мертвый телохранитель, и, перешагивая через разбросанные повсюду обломки скальной породы, вышел на изменившееся до полной неузнаваемости пространство улицы.

Его взгляд тут же приковала к себе коническая воронка с остекленевшими краями. Тонкие черты лица таинственного араба слегка исказились, выдавая недоумение. Он помнил, как метнул ручную гранату под ноги американскому спецназовцу, но выжженный базальт на месте взрыва – это было уже чересчур. Вторично оглядевшись по сторонам, он оценил масштаб разрушений, мысленно сравнивая его с эффектом от обычного взрыва, и едва заметно покачал головой в ответ собственным мыслям.

Он по-прежнему не сомневался, что на плато вторглось подразделение

спецназа армии США, их цель, исходя из элементарной логики, так же не являлась загадкой, но эта воронка… Она наводила на мысль о каком-то новом виде оружия, возможно – энергетического.

Он на всякий случай отошел от края воронки, не дав любопытству пересилить здравый смысл. Остекленевшая поверхность могла быть радиоактивной, и ради собственной безопасности отсюда следовало убираться как можно дальше.

Мысли молодого араба резко диссонировали с дремучим средневековым мировоззрением рядовых талибов. Становилось несомненным, что он получил образование в учебных заведениях одной из европейских стран, а логика и повадки опытного офицера, отраженные в хладнокровном поведении, сознательном дистанцировании от происходящих событий, делало его облик не просто загадочным, а зловещим…

…В этот миг неподалеку оглушительно ударила короткая похожая на рык очередь, и он резко обернулся, увидев, как от противоположного края плоскогорья, к площадке, где располагались входы в пещерный комплекс, подпрыгивая на ухабах, несся «Урал», в открытом кузове которого была смонтирована спаренная зенитная установка. В данный момент ее стволы, опущенные параллельно земле, изрыгали короткие ритмичные всплески огня, посылая зримые снарядные трассы в сторону позиций обнаруженного противника.

Секунду спустя из огненного танца хлещущих по земле и скалам разрывов вырвалась ракета, выпущенная из ручного противотанкового комплекса. Оставляя зримый инверсионный след, она с шипением прочертила дымный полумрак, и ударила в кабину «Урала».

Оглушительные взрыв подбросил грузовик на несколько метров вверх, и, переворачиваясь в воздухе, он внезапно вспыхнул, будто гигантский факел, роняющий вниз капли жидкого огня…

Еще мгновенье и обломки машины рухнули посреди открытого пространства плато, освещая чадным пламенем фигурки мечущихся людей.

Почему молчат верхние позиции?

Он посмотрел на сумеречный обрыв господствующей высоты и не увидел ни единой вспышки выстрелов, хотя оттуда все происходящее внизу должно быть видно как на ладони.

Перехватив автомат, он развернулся и, не колеблясь, направился к длинному языку каменной осыпи, который являлся единственной дорогой ведущей к верхним укреплениям.

Наверху царила мертвенная тишина.

Именно мертвенная – взгляд повсюду натыкался на тела талибов, застывшие в неестественных для человека позах. Беспощадные выстрелы обрушились на них внезапно, не дав шанса ни ответить огнем, ни поднять тревоги.

Он повернул голову, взглянул вниз, где продолжала бесноваться неоправданно затянувшаяся перестрелка, будто на срединном плато моджахедам противостояла не горстка попавших в ловушку спецназовцев, а как минимум стрелковый батальон, но в данный момент его не интересовала развязка внезапно вспыхнувшего боя. Важно было узнать, как американцы попали в тщательно замаскированную хорошо охраняемую зону?

Он недолго ломал голову над этим вопросом.

Сменив автомат с полупустым магазином на конфискованный у трупа «Дезерт Игл» израильского производства он спокойным уверенным шагом направился в сторону отвесных скал, на ходу проверяя работоспособность механических частей затвора.

Следы скверного ухода за оружием вызвали на его лице тень неудовольствия, и он вернулся, обошел еще несколько трупов пока не отыскал среди их амуниции бельгийский «Глок». Он был намного легче, чем «Пустынный Орел» имел меньший калибр, что неизбежно должно сказаться при стрельбе с обеих рук, но в данном случае выбирать уже не приходилось.

Поднявшись к скалам, он прошел вдоль отвесных стен, проверяя свою догадку, пока не увидел тонкие нити камуфлированных тросов.

Запрокинув голову, он оценил высоту, с которой спустился противник, затем подошел ближе подергал за тросы и резко прижался к холодной шероховатой скале.

Прошла минута, но никто не отреагировал на рывки.

Засунув оба пистолета за пояс, он подошел к крайнему из тросов, бегло осмотрел снабженный микромотором механизм индивидуального подъемника, и хладнокровно продел кисть руки в страховочную петлю.

Большой палец безошибочно нашел рифленое колесико регулятора скорости подъема и прокрутил его в среднее положение.

Беззвучно заработавший электромотор начал плавно без рывков поднимать его на трехсотметровую высоту.

Выбравшись из теснины кривых улочек, майор Керби внезапно оказался у двух тесно расположенных конических воронок с характерной

остекленевшей поверхностью.

Он переполз под прикрытие груды камней, пытаясь по вспышкам выстрелов определить точную позицию кибермеханизмов.

В этом ему помог внезапно появившийся грузовик, из кузова которого с остервенелым грохотом била опущенная на прямую наводку зенитная установка.

Из-за высокой скорости и ухабов машину бросало из стороны в сторону, отчего снаряды накрывали не конкретную цель, а били по площади, вздымая фонтаны огня и каменной крошки в самых неожиданных местах.

Позицию андроидов внезапно обозначил одиночный ракетный запуск. Керби, которого совершенно не интересовала судьба грузовика, зафиксировал взглядом точку пуска и, низко пригибаясь, рванулся в ту сторону, благо расстояние до цели составляло всего метров сто пятьдесят не больше.

На полпути его настиг тяжкий удар взрывной волны, – глухой толчок в спину швырнул майора на землю, и вовремя – сразу несколько автоматных очередей прошили воздух в том месте, где моджахеды только что видели бегущий силуэт.

Прокатившись по земле, Алан развернулся, ответил двумя короткими очередями, и, услышав чей-то вскрик, ринулся дальше, преодолевая последние метры открытого пространства, которое теперь ярко освещали горящие обломки подбитого грузовика.

Пять андроидов вели непрерывный огонь по мятущимся на противоположной стороне плоскогорья теням. Вспышки автоматического огня теперь не возникали где попало, – они постепенно обретали упорядоченность, – боевики пришли в себя после внезапно шока и теперь пытались образовать полукольцо, прижав неожиданных визитеров к отвесному выступу скал, где как раз располагались входы в пещерный комплекс.

Рухнув на усеянную ковром горячих гильз землю, рядом с кибермеханизмом, который, расстреляв весь боекомплект штатного оружия, теперь спокойно перезаряжал трофейный ПК, Керби оглянулся в сторону сорванных взрывами пластида металлических дверей и резко спросил:

– Почему вы не пошли в пещеры?

– Получен приказ: выдвигаться на позицию «дельта». – Ответил андроид, посылая во тьму длинную пулеметную очередь.

Алан вдруг почувствовал, как к горлу горячим комком подкатила ярость. Эти кибернетические идиоты до пунктика придерживались заранее

разработанного плана, – прорвавшись к входам в пещеры они зарядами пластида подорвали металлические двери, но не вошли внутрь, заняв оборону на указанном рубеже.

Судя по количеству трупов, входы охраняло не менее двух десятков боевиков. Вокруг среди сложенных из камня укреплений валялись посеченные пулями тела, кровь темными лужами застыла в углублениях базальтовой плиты, шуршащий и позвякивающий ковер гильз ясно свидетельствовал о плотности огня, который вели андроиды, сдерживая очнувшихся от фактора внезапности моджахедов.

– Время? Сколько прошло времени с момента начала операции? – Подавив ярость, хрипло спросил Алан, – его хронометр не работал, а потеря сознания напрочь стерла внутренние ощущения непрерывности темпорального потока.

– Сорок две минуты, сэр.

Цифры, озвученные кибермеханизмом, не сразу дошли до рассудка майора.

Три четверти часа непрерывного огневого контакта? Сколько же он провалялся без сознания?

– Связь с командным центром, быстро.

– Невозможно, сэр. Спутниковый контроль отключен. Минус две минуты с момента потери оперативной связи. – Голос человекоподобной машины потонул в грохоте выпущенной им очереди.

Керби бессильно привалился к шаткой стене укрытия.

Потеря спутникового контроля могла означать только одно: наверху у Поланда неприятности, возможно боевики обнаружили место высадки, что абсолютно немудрено при такой неоправданной длительности и явной «засветке» всей операции в целом.

Отключение спутникового контроля означало, что сейчас по известным точкам будет нанесен массированный ракетный удар, больше похожий на контрольный выстрел в затылок засветившемуся спецподразделению.

Алан понимал жестокую логику командования: ни один из андроидов не должен попасть в руки противника. В оперативном штабе и так выдержали получасовую паузу, в надежде что он, майор Алан Керби, все же жив и найдет способ выйти на связь, подтвердить, что ситуация под контролем, но пару минут назад случилось нечто, исчерпавшее лимит ожидания.

Осознание провала уже не было столь горьким и острым, как в миг предшествующий потере сознания.

Существовал мизерный шанс исправить ситуацию, – эта мысль промелькнула в голове Алана при виде сорванных взрывами металлических дверей.

– Всем подтянуться. Дистанция два метра.

В распоротом трассерами сумраке зашевелились человекоподобные фигуры.

– Где остальные члены группы?

– Докладывает второй, сэр. Номер один, три, восемь и девять самоликвидировались.

– Всем: сменить оружие. – Приказал Алан. – Каждому взять «АК» с двумя магазинами.

Находившийся рядом с ним андроид послушно отпустил приклад пулемета и вслед за остальными отполз в сторону, разоружая ближайший труп.

Алан лег за пулемет, машинально отметив, что коробчатый магазин еще практически полон. Для его замысла этого вполне достаточно. Он понимал, что командование в любом случае не одобрит зародившегося в критический момент плана, но ему было уже наплевать на чье-либо мнение. Бессмысленно умирать – вот в чем крылась для майора крайняя степень глупости.

Андроиды вернулись и замерли на прежних позициях, в ожидании команд. Керби понятия не имел, что именно не заладилось в их электронных мозгах, почему они вдруг повели себя столь тупо и прямолинейно, но собирался использовать это качество для финального аккорда драмы.

– Приказ: войти в систему внутрискальных коммуникаций. – Стараясь придерживаться предельно ясных формулировок, произнес он. – Передвигаться по разным проходам, уничтожать любую цель, появившуюся в зоне сканирования. Огонь вести на полное поражение. Ранения исключать. После того как будет израсходован оперативный боекомплект, приказываю активировать систему самоликвидации, вне зависимости от статуса повреждений.

Когда пять кибермеханизмов один за другим подтвердили полученные инструкции, он коротко выдохнул:

– Исполнять!

Пять силуэтов один за другим метнулись к сорванным взрывами дверям и скрылись в проходах.

Тишина…

Только сейчас Алан обратил внимание, что шквальный огонь утих, и

вокруг воцарилась ненатуральная, кажущаяся вязкой тишина…

Он отполз в сторону собрал оставленное андроидами штатное оружие, сложил его в кучу, присовокупив к ней заряд пластида, установил трехминутный таймер и, содрав с ближайшего трупа драный испятнанный кровью халат, быстро начал отползать в сторону, не выпуская из рук увесистый ПК с коробчатым магазином.

Алан не ошибся, предположив, что потеря спутниковой связи напрямую связана с проблемами, возникшими у Хьюго Поланда.

Хью как раз вел переговоры с оперативным штабом, когда в проеме приоткрытого люка внезапно возникла человеческая тень.

– …повторяю – это не в моих силах. Они введены майором в режим речевых команд. Хорошо, генерал, дайте мне еще пять минут, – я активирую номера шесть, и отправлю его вниз с приказом к отступлению. Да. Доложу, как только буду готов к эвакуации.

Поланд опустил руку с коммуникатором, стараясь не смотреть на темные экраны телеметрии, которые были связаны с датчиками экипировки майора Керби. Алан погиб, это уже не вызывало сомнений, и действия андроидов, завязавших бессмысленный бой на открытом пространстве срединного плато, лишь подтверждали это горькое предположение.

Он обернулся чтобы перейти в транспортную секцию, и внезапно вздрогнул, увидев, что в проеме полуоткрытого люка стоит смуглый незнакомец в порванном, местами испятнанном кровью камуфляже.

Два автоматических пистолета в его руках смотрели прямо в лоб опешившему от неожиданности Поланду.

– Не шевелись. – Тихо предупредил тот. – Если хочешь жить, конечно.

Обе фразы были произнесены на английском, с легким, едва уловимым акцентом, а в контексте последней слышалась не угроза, а скорее циничная издевка.

Араб ко всему прочему был неплохим психологом, по крайней мере, он умел различать мгновенные вазомоторные реакции лицевых мышц, которые в секунды стресса рассказывают о некоторых людях больше, чем слова.

Мгновенная дрожь, охватившая Хьюго, полностью подтвердила сделанные им секунду назад выводы.

Этот американец не являлся профессиональным военным, у него отсутствовал бесценный опыт многократных стрессов, и сейчас он не смог совладать с собой, – мгновенный выброс в кровь метаболических стимуляторов, призванный мобилизовать для борьбы с неожиданной

угрозой весь ресурс организма, привел лишь к тому, что мышцы Хьюго вдруг начало трясти, будто у него внезапно начался приступ лихорадки.

– Выключай питание. – Ствол «Глока» красноречиво указал на обилие работающих электронных систем, чьи контрольные панели покрывали стену тактического отсека от пола до потолка. – Оставишь автономный источник и попытаешься подать сигнал – застрелю. – Предупредил незнакомец.

– Нас все равно видят…

– Делай, что говорят!

Хьюго не смог справиться с мгновенным парализующим чувством инстинктивного ужаса. Он не был готов к такой встрече, и короткая внутренняя борьба закончилась полной капитуляцией рассудка перед перспективой смерти. Даже не попытавшись воспротивиться, он дрожащими пальцами пробежал по сенсорам, полностью отключая все системы энергопитания.

Когда внутри корабля высадки погас свет, а вместе с ним и бесчисленные индикационные сигналы на контрольных панелях, он вдруг с ужасом осознал, что это не несет спасения, – внезапный обрыв связи стал неизбежным сигналом полного, окончательного провала всей операции в целом…

Он представил перекошенное лицо генерала Уилсберга, и его дрожь только усилилась. Альберт не станет колебаться, – сейчас он отдаст соответствующий приказ, и крейсера Военно-морского флота нанесут массированный ракетный удар по известным заранее координатам.

– Сколько у нас осталось времени? – Нарушил ход его мыслей спокойный голос.

– Ннезнаю…

Незнакомец нахмурился, что-то подсчитывая в уме.

– Кто ведет бой на плоскогорье? – Внезапно задал он следующий вопрос.

Хьюго уже совершенно потерял голову. Он не владел собой – скорее спонтанные, ежесекундно меняющиеся порывы чувств полностью владели им, и потому, отшатнувшись к темной обесточенной приборной стене, он вдруг заорал, брызжа слюной:

– Ты сдохнешь!.. Через пять минут ты сдохнешь!

– Пять минут? Я так и думал. – Незнакомец внезапно сделал шаг к Поланду и коротким взмахом руки ударил его пистолетной рукояткой в лицо. – Я спрашиваю: Кто ведет бой на плоскогорье? – Повторил он свой вопрос.

Хьюго не смог молчать. В голове окончательно помутилось от резкого солоноватого вкуса крови, сочащейся из рассеченных ударом губ.

– Тебе не понять этого грязное животное… – прохрипел он. – Там… кибернетические механизмы… Они… ваш приговор… подонки…

Эти слова, произнесенные с откровенной презрительной ненавистью, обостренной предчувствием близкой, неизбежной смерти внезапно пробили казавшуюся неколебимой невозмутимость молодого араба. Он резко подался вперед, вторично врезав рукоятью пистолета в лицо Поланда, и сипло произнес:

– Это ты животное. Наглая крыса, прячущая в своих норах. Хочешь, я добавлю к твоему ужасу немного понимания? – Он говорил яростно с сиплым придыхом, локтем прижимая горло Хьюго к отключенным приборным панелям. – Такие шакалы, как ты, убили мою семью… Вы не можете драться честно, потому что боитесь смотреть в глаза собственной смерти. Вы убиваете тех, кого беретесь защищать, а потом воспитываете оставшихся сирот, чтобы они сражались за «Американскую Мечту»…

Он резко отпустил горло Поланда и добавил, остывая от внезапного приступа ярости:

– Я знаю, что может подразумеваться под термином «кибернетический механизм». Ты не умрешь, американец. – Он схватил Хьюго за ворот одежды и грубо вытолкал его наружу. – Меня зовут Алим. Алим Месхер. Моя семья погибла в Кувейте в девяносто первом году. Вы хотели превратить сироту в цепного пса, рвущего глотку всем, кто не принадлежит к великой демократичной нации? – Он рывком поднял с земли совершенно потерявшего голову Хьюго и добавил:

– Вы вырастили собственную смерть. – Алим огляделся, отыскал взглядом глубокую расселину в монолитной скале и толкнул Поланда по направлению природного убежища…

…Когда первые ракеты накрыли площадку приземления, они сидели, невольно прижавшись друг к другу, из-за узости каменной расселины. От титанических ударов скалы дрожали, глухой рокот доносился из недр, будто там началось землетрясение, сверху сыпался мелкий острый щебень, но короткий яростный удар с воздуха не мог проникнуть вглубь базальтовых пород.

Минут через десять все стихло.

Алим осторожно выбрался из расселины, насильно увлекая за собой Хьюго, который не сопротивлялся, полностью раздавленный обрушившимися на него несчастьями.

Небольшой каменный выступ был покрыт исковерканными

обломками уничтоженного прямым попаданием спускаемого модуля, вокруг чадно горела пластмасса, образуя расплавленные лужицы, по которым бегали зеленовато-голубые язычки огня, казалось, что здесь уцелел лишь камень, но на самом деле это было не так.

У отвесной стены, недалеко от расселины, укрывшей во время налета Поланда и Месхера, лежал перевернутый набок контейнер, выполненный из высокопрочных композитных материалов.

Они увидели его одновременно – Хьюго с нескрываемым ужасом, а Алим с заинтересованным пониманием во взгляде.

Внутри транспортировочного кофра покоился дезактивированный кибермеханизм – злополучный номер шесть, сервомоторы которого не прошли контрольный тест перед началом высадки.

– Ты ведь знаешь, что там внутри? – Месхер обернулся и смертельная зеленоватая бледность, пятнами проступившая на лице Поланда немо ответила ему:

«Да».

Массированный ракетный удар накрыл не только площадку высадки, но и три расположенных в виде уступчатой лестницы плоскогорья.

Ракеты били по площади не оставляя шанса никому, но майор Керби, предвидя удар, заранее нашел убежище среди скал.

Он и Алим были чем-то похожи, их логику воспитала одна и та же военная машина, но цели и личные ощущения происходящего у Месхера и Керби были радикально противоположными.

Укрывшись в неглубокой расселине, майор видел, как множественные попадания ракет огненным шквалом накрыли расположенную среди скал площадку высадки и, мысленно простившись с Хьюго, перевел свой взгляд на плоскогорье, вернее на ту его часть, где располагался злополучный комплекс пещер.

Его не интересовал бесноватый танец чудовищных разрывов, терзающий поверхность плато, он ждал иного проявления разрушительной мощи, и не ошибся.

…Налет прекратился так же внезапно, как и начался, а спустя небольшой промежуток времени из недр внутрискальных коммуникаций сквозь проемы разбитых арочных сводов неожиданно вырвался отсвет неистового энергетического всплеска, произошедшего в неведомых глубинах пещерного лабиринта.

После третьей вспышки часть природного комплекса, проточенного в скалах миллионолетней работой подземных вод, не выдержала, и участок

горного плато, где располагались входы в пещеры, вдруг начал оседать, будто горная порода внизу размягчилась и больше не могла удерживать миллионы тонн камня, слагающего гранитный уступ, в основании которого виднелись темные провалы входов…

Грохот многочисленных обвалов и клубящееся облако пыли, вырвавшееся из образующихся на глазах трещин, сопровождались еще двумя отсветами, пробившимися из неведомых глубин…

Пять…

Алан выполз из укрывшей его расселины. Он не мог с уверенностью ответить на вопрос: ликвидирован ли человек, чье уничтожение являлось основной целью операции, или обвалы лишь замуровали его в глуби лабиринта, – израненный, обессилевший майор знал лишь одно – в сложившейся ситуации он сделал все, от него зависящее…

Самое время уходить… – Подумал он, глядя на разрушенные укрепления, провалившиеся участки плато и стертый с лица земли поселок.

Личная смерть не входила в планы майора Керби. Закутавшись в рваный, испятнанный кровью халат, и, глубоко надвинув на глаза обгоревший с одного края тюрбан, он, не скрываясь, направился к спуску в ущелье, где среди развороченных попаданиями ракет укреплений, в предрассветных сумерках раздавались чьи-то злобные выкрики и метались силуэты выживших талибов.

Подойдя ближе, он увидел, как трое боевиков пытаются поставить на колеса опрокинутый взрывной волной «УАЗ» со срезанной крышей, что делало его похожим на открытый американский джип.

Хорошая машина… – подумал майор, молча присоединяясь к усилиям талибов.

Вчетвером им удалось перевернуть машину. На Керби никто не обращал внимания – все пережившие ночной бой и воздушный налет, были одинаково напуганы, дезориентированы до такой степени, что жалкими остатками отборного отряда руководило сейчас одно желание – убраться подальше от проклятого места, пока американские ВВС не нанесли повторного удара.

Алан дождался, пока один из талибов завел двигатель, и только тогда беззвучно работая ножом, отвоевал себе транспортное средство.

Оглянувшись на трупы, он устало подумал, что перестает воспринимать смерть как таинство. Это был дурной знак наступающего равнодушия к жизни. Сев на место водителя он с усилием вогнал сошки «ПК» в прорези вентиляционной решетки, проверил, легко ли поворачивается пулеметный ствол в проеме выбитого ветрового стекла, и

тронул машину с места направляя ее к узкому спуску в ущелье.

Завывая на низкой передаче «УАЗ» медленно покатил по каменным ухабам. Левая рука майора крепко удерживала руль, а сбитые в кровь пальцы правой расслабленно лежали на спусковой скобе «ПК».

Он ехал с выключенными фарами, и когда в предрассветных сумерках у разбитого блокпоста возникло несколько фигур с автоматами, Алан не стал увеличивать скорость, – медленно подкатив к укреплению, он срезал талибов внезапной пулеметной очередью и, не притормаживая, проехал прямо по трупам.

Впереди лежал долгий, опасный, полный непредсказуемых превратностей путь…

Глава 5

Подземные уровни «Орлиного Гнезда». 12 октября 2001 года

Два человека шли по длинному коридору.

– Ричардсона доставили? – Спросил генерал Уилсберг, останавливаясь напротив овальных дверей, рядом с которыми в информационном окне системы доступа светилась надпись:

«Зал тактических совещаний».

– Да, сэр. – Ответил ему капитан Даллас. – Мне кажется, он крайне раздражен фактом своей внезапной мобилизации.

– Плевать. – Хмуро произнес Альберт, ожидая пока сканер сравнит предложенный образец ДНК с хранящимся в памяти эталоном.

На скошенной панели вспыхнул изумрудный сигнал, но двери не открылись, – вмонтированная видеокамера фиксировала двух человек.

– Давай, Джон, твоя очередь. – Уилсберг уступил место капитану. – Ты продемонстрировал ему работу конвектора?

Капитан Даллас кивнул, коснувшись ладонью сканирующей пластины.

– И что?

Джон пожал плечами.

– Могу сказать одно, – он впечатлен, но, боюсь, что сотрудники спецслужб были правы, отдавая предпочтение Хьюго… Ричардсон, на мой взгляд, не болен патриотизмом.

– Теперь это уже не имеет значения. – Ответил на последнее замечание Уилсберг. – Нам не из кого выбирать. Герберт единственный, кто может заменить Хьюго. Иной альтернативы нет.

…

В зале совещаний царила нервная, напряженная обстановка.

Два десятка офицеров молча встали со своих мест, как только на пороге появились генерал Уилсберг и капитан Даллас.

Альберт кивком поздоровался с присутствующими, нашел взглядом расположившегося особняком Герберта и поднялся на небольшой подиум.

На огромных плазменных панелях демонстрационная система прокручивала бесконечная череду видеокадров ночного боя, что еще больше обостряло и без того нервозную обстановку.

– Я только что вернулся из Пентагона, господа. – Отрывисто произнес Уилсберг, жестом разрешая подчиненным сесть. – Руководство крайне

недовольно нашей работой. От меня требуют объяснить причину провала, а вы топчетесь на месте, вторые сутки. Мы потеряли в Афганистане майора Керби и капитана Поланда, не говоря о десяти уничтоженных механизмах… – Он окинул присутствующих тяжелым взглядом. – Теперь я хочу услышать грамотные, четко сформулированные выводы. Начнем с вас, полковник – взгляд Альберта остановился на командире подразделения технической поддержки.

Собственно, начавшийся диалог трудно было назвать термином «совещание» – скорее здесь назревал резкий, нелицеприятный «разбор полетов», где в отсутствии главных участников событий, основная тяжесть ответственности ложилась на вспомогательные службы, подключившиеся к «акции возмездия» на последних фазах ее подготовки и планирования.

Генерал Уилсберг, не смотря на крайнее раздражение и усталость, прекрасно осознавал это. Однако ситуация не оставляла выбора, – ему, волей или неволей приходилось понукать подчиненных, чтобы получить доходчивый ответ на вопросы, лежащие вне сферы его технических познаний.

– Итак, полковник, я слушаю. Какие выводы вы сделали после анализа данных телеметрии?

…

Для капитана Ричардсона события последних суток напоминали затянувшийся сон, от которого нет никакой возможности очнуться.

Когда на пороге зала появился его бывший командир, он невольно вздрогнул, машинально подумав, что таких совпадений не бывает. Герберт еще не оправился от морального потрясения, узнав, что Хьюго, с которым он проработал бок о бок много лет, на самом деле не погиб в нелепой автокатастрофе, а был мобилизован спецслужбами, чтобы встреть свою судьбу за тысячи километров отсюда, в далеком Афганистане…

Ричардсону пришлось многое узнать и переосмыслить за последние десять часов, однако, ни вторичное сопереживание смерти Поланда, ни демонстрация работы конвектора материи, которую накануне провел для него Джон Даллас, не произвели на Герберта столь глубокого впечатления, как видеоряд, запечатленный камерами компьютеризированного шлема майора Керби.

Герберт смотрел на фигуры андроидов, испытывая при этом иррациональное чувство вины: десять лет назад, находясь на жизненном перепутье, он не смог побороть навязчивых кошмаров, сделал выбор, посвятив себя исследованиям в области нейрокибернетики, которые лежали на зыбкой грани этического фола, и вот настал миг, когда он с

необъяснимой внутренней дрожью осмысливал результат, прекрасно понимая, что Поланд, работая над системами человекоподобных машин, не просто воспользовался разработанными им микрочипами, а, по сути, воплотил его идеи.

Прошлое оказалось так тесно переплетено с настоящим, что появление Уилсберга стало для Герберта лишь последним завершающим штрихом, толчком к закономерному в данной ситуации приступу дежа вю…

…

Из Кувейта он попал сначала на борт корабля-госпиталя, курсировавшего в водах Персидского залива, а затем, еще на протяжении года проходил курс лечения и психологической реабилитации на родине в Штатах.

В итоге свое двадцатисемилетие Герберт встретил совершенно иным человеком.

Известие о присвоении ему внеочередного воинского звания застало лейтенанта Ричардсона на госпитальной койке. Он воспринял эту новость с равнодушием. В зачитанном ему приказе содержались такие формулировки как «мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга», но Герберт был не из тех людей, кто выдает желаемое за действительное и в конечном итоге начинает верить, что так оно все и случилось.

Нет. Не было мужества и героизма. Был страх, растерянность, неприятие… Он выжил, но прекрасно понимал, что защищал себя, а не драгоценные ящики с оборудованием, сохранностью которых командование на поверку оказалось обеспокоено много больше, чем конкретными судьбами отдельно взятых людей.

Телесные раны новоиспеченного капитана затягивались быстрее, чем полученные моральные ожоги.

Лежать, размышляя о случившемся, было для него худшим из испытаний. Герберт понимал, что сутки, проведенные в Кувейте, продемонстрировали ему всего лишь одну из гримас войны, крохотный эпизод из множества ее обличий. Он не стал храбрее или профессиональнее, – лишь получил свою долю ночных кошмаров…

Капитан Горман и еще двенадцать незнакомых ему парней погибли под огнем собственной артиллерии, но об этом никто не говорил вслух, как и о поступке капрала Дугласа. Одна ошибка порождала другие, и эта цепь роковых обстоятельств, невольно толкала его на тяжелые размышления.

Он не брал под сомнение целесообразность военной акции против агрессора. Если в мире есть люди, сеющие насилие и смерть, презирающие

человеческую жизнь, как высшую ценность, – они, безусловно, должны быть наказаны.

Рассудок Герберта протестовал против «издержек войны», неоправданных с его точки зрения потерь, как физических, так и нравственных. Все чаще и чаще капитану снился один и тот же сон: он видел, как капрал Дуглас делает замах, чтобы метнуть в злополучный подвал ручную гранату и…

…Черты Майкла внезапно начинали трансформироваться, – лицо оставалось тем же, но каждый мускул на нем как будто затвердевал, теряя свою озлобленную напряженность, и события вдруг начинали развиваться вовсе не по тому сценарию, за который цеплялась память.

Дуглас медленно поворачивает голову и Герберт слышит тонкий, хорошо знакомый ему всхлип сервомотора, понимая, что перед ним уже не человек, а машина – андроид, с полным набором сканирующих систем, нейроэлектронным рассудком которого руководит не сиюсекундная ненависть или шок, а логика полученных данных, обработанных посредством специально обученных нейросетей…

Он не выдергивает чеку из осколочной гранаты, а резко опускается на одно колено, и одиночный выстрел из «М-16» рвет сторожкую тишину.

В подвальном помещении раздается вскрик.

Голова андроида поворачивается к Герберту.

– Цель поражена, сэр. Мирные граждане не пострадали.

…Он каждый раз просыпался в холодном поту, – сон не нес облегчения, потому, что его грезы на тот момент были практически неосуществимы. Высокие технологии в начале девяностых еще не достигли того уровня развития, чтобы на их базе можно было создать механического бойца. На свете не существовало кибернетической либо псевдонейронной системы, способной соперничать с человеческим мозгом по скорости быстродействия, объему памяти, а главное – наличию интеллекта.

Было и второе препятствие, перечеркивающее грезы новоиспеченного капитана. Автономная энергетика человеческого метаболизма, не могла быть реализована на машинном уровне. Различные компьютеры и их сетевые единения оставались статичны, прикованы к одному месту, зависимы от стационарных источников питания.

Эти проблемы казались неодолимыми, но мечту, рожденную во сне, не вытравишь из рассудка, не позабудешь как случайный эпизод повторяющегося кошмара.

В конечном итоге его душа не выдержала борьбы противоположностей.

В августе 1992 года капитан Ричардсон подал прошение об отставке, и, получив удовлетворительный ответ, превратился в гражданского специалиста. Он решил, что единственным выходом для него будет работа над миниатюризацией и совершенствованием нейросетей, разработкой принципиально новых архитектур искусственных нейронов, которые в конечном итоге позволят если не ему лично, то его преемникам создать универсальное средство борьбы со злом…

В ту пору он свято верил в истинность своего выбора, не задумываясь над тем, как часто дорога, вымощенная благими намерениями, ведет прямиком в ад…

…Ад, который он мог теперь воочию наблюдать с настенных экранов под резкие реплики генерала Уилсберга.

Альберт нервно расхаживал по небольшому подиуму, поочередно обращаясь к присутствующим специалистам с одним и тем же вопросом:

– Кто, в конце концов, объяснит мне, почему андроид открыл огонь по женщинам?!.. – Взгляд Уилсберга, в который уже раз, тяжело прошелся по бледным лицам подчиненных.

– Почему вы молчите? Для чего вам было дано двое суток времени и сотни терабайт расшифрованной телеметрии? Где выводы? Ты, – он резко указал одного из компьютерных техников. – Отвечай, – ведь этот андроид изначально был настроен на исполнение бытовых функций, верно?

Техник, со знаками различия капитана, встал.

– Да, сэр.

– Значит, кибермеханизм имел четкое, недвусмысленное представление о той разнице, которая существует между вооруженным боевиком и безоружной наложницей?

– Нет, сэр. – Побледнев, ответил капитан.

– То есть?!.. – На этот раз замешательство испытал Альберт. – Разве его нейросети не обучали распознаванию образов?! Эти машины на предварительных испытаниях ухаживали за детьми! – В резком тоне напомнил он.

– В том случае у андроида работали иные нейросети. – Ответил капитан. – Все зависит от выбора базовой модели поведения, которая реализована в различных, сосуществующих параллельно системах.

– Не морочьте мне голову! – Взорвался Уилсберг. – Я присутствовал на полигонных испытаниях и своими глазами видел, как кибермеханизмы с одинаковой легкостью справлялись с разноплановыми проблемами, без дополнительной перенастройки!

– Да, сэр. Вы абсолютно правы. Андроид, исполняющий бытовые

функции, мог автоматически перейти к решению иных задач, но для этого требовалось возникновение определенной ситуации: например при испытаниях мы инсценировали прорыв трубы городских коммуникаций или возгорание электропроводки. Распознавание возникшей проблемы активировало иные нейросети, специально обученные для эффективного устранения технических неисправностей. Аналогичным образом инициализировался режим охранных функций, – для этого системе андроида было необходимо зафиксировать незаконные действия, классификация которых заранее прописана в его базах данных.

– Это я знаю… – Немного остывая, пробурчал Уилсберг. – Но где ответ на вопрос: почему он открыл немотивированную стрельбу, по сути, угробив удачно начатую операцию?!.. Почему он не вспомнил, что безоружный человек не опасен?! – Генерал резко обернулся и, воспользовавшись пультом дистанционного управления, остановил кадр на одном из экранов. – Прокомментируйте вот это капитан, с точки зрения хваленой машинной логики!

На застывшем кадре было запечатлено падающее, обезглавленное выстрелом в упор, полуобнаженное женское тело.

– Позвольте мне высказаться, сэр?

Реплика пришла из глубин полутемного зала, и Уилсберг обернулся, чтобы разглядеть говорившего.

– Капитан Ричардсон? – Интуитивно переспросил он.

– Да. – Герберт встал со своего места. – Думаю, что смогу ответить на большинство поставленных вами вопросов, господин генерал. Вы зря кричите на своих подчиненных, ведь никто из них не был посвящен в изначальную суть проблемы, и занимался лишь узким, специализированным направлением проекта, верно?

– Ну, допустим.

Герберт подошел к подиуму и спросил, глядя на Уилсберга:

– Генерал, вам знаком термин «парадигма»?[12]

Альберт некоторое время молча смотрел на Ричардсона, а потом вдруг произнес, обращаясь не к нему лично, а к остальным участникам «разбора»:

– Все свободны.

Дождавшись, пока зал опустел, он вновь повернулся к Герберту.

– Нет, капитан, я не знаю значения этого слова. Садитесь. – Он указал на свободные кресла в первом ряду.

Ричардсон сел. Джон Даллас был недалек от истины, давая оценку

патриотизму Герберта, – многолетние научные изыскания постепенно превратили его в космополита, но переход на систему общечеловеческих ценностей лишь усугубил чувство внутренней моральной ответственности, и сейчас, четко осознавая, что в основу использованных в Афганистане боевых машин были заложены его теоретические разработки, Ричардсон нашел в себе мужество признать: в сложившейся ситуации только он мог дать ответ на сформулированную Уилсбергом проблему.

Будучи удручен и подавлен, он не мог предвидеть, что в тайне генерал надеялся именно на такой исход «совещания». За годы службы Альберт стал неплохим психологом, (иначе его не поставили бы руководить столь ответственным проектом), и он намеренно не обращался к Герберту напрямую, давая тому возможность «созреть» для принятия личного решения.

При этом Уилсберг считал себя скорее прагматиком, нежели циником. Он то же являлся заложником событий, на него давили «сверху», и генерал в свою очередь использовал любые доступные методы, чтобы исполнить полученные приказы.

Сев в кресло рядом с Ричардсоном, он произнес, на этот раз нисколько не покривив душой:

– Я понимаю твое состояние, капитан. Рад, что в тебе не взыграли амбиции ученого, ущемленного в авторских правах. И еще я думаю, что зря вас с Хьюго не пригласили сюда вместе. Возможно, твое изначальное участие в проекте помогло бы избежать роковых ошибок. А сейчас просто объясни мне, в чем кроется причина провала, ладно?

Герберт едва заметно кивнул. Фразы генерала относительно авторских прав, в первый миг показались ему чуть ли не издевкой, но он сумел удержаться от резких высказываний по этому поводу.

– Термин «парадигма «изначально заимствован из лингвистики. – Произнес он, не глядя на Уилсберга. – Впрочем, это неважно. – Тут же добавил Герберт. – В нашем контексте *парадигма* обозначает модель поведения, тип постановки проблемы, принятый в качестве образца для решения исследовательских задач. – Он на миг задумался, стараясь мысленно подобрать понятные, доходчивые формулировки, а затем продолжил:

– Насколько я понял, у созданных вашей группой андроидов, которые успешно проходили испытания на узком фронте заранее известных проблем, отсутствует главный признак универсальности: они лишены всеобъемлющей взаимосвязи отдельно взятых нейросетей. У них отсутствует глобальная парадигма, – то есть, нет общего подхода к

множеству проблем. Ничто не объединяет их параллельные архитектуры в целостный взаимопроникающий комплекс, – существует лишь строго регламентированный ряд «переходных» ситуаций, которые, по сути, являются программными переключателями между различными автономными системами…

– Можно чуть проще? – Поморщился Уилсберг.

Герберт лишь пожал плечами в ответ. Ему казалось, что он и так высказался предельно ясно. Некоторые проблемы нельзя утрировать – следует учиться их понимать, но Герберт помнил свой нелегкий путь, полный промахов, тупиковых решений, неудач, из которых постепенно формировался опыт…

Он поднял взгляд на своего бывшего командира.

Альберт сидел, тяжело опираясь о подлокотник кресла. Он выглядел усталым, постаревшим, но не сломленным.

– Хорошо, говори, как есть, капитан… – Глухо произнес Уилсберг, почувствовав направленный на него взгляд. – Я постараюсь понять. Иного выхода у меня просто нет.

– Вы должны усвоить аксиому, генерал: одна нейросеть – это лишь узкоспециализированная экспертная система, эффективно работающая исключительно в той области знаний, которой она обучена. – Глухо произнес Герберт. – Настоящая универсальность, которую можно обозначить термином «гибкость мышления», достигается не путем переключения между отдельными экспертными программами, а методом их глобального взаимодействия. Ярким примером является наш собственный мозг, который содержит миллиарды нервных клеток, организованные в нейросетевые структуры. Они постоянно обучаются: в процессе жизнедеятельности в них кодируется информация, на основе которой разум вырабатывает алгоритмы решения тех или иных задач, накапливая знания и формируя личный опыт. Когда возникает внезапная проблема, рассудок разных людей станет апеллировать к различным объемам информации. Хладнокровная, всесторонне развитая личность задействует большее количество нейросетей и выработает оптимальное решение, с учетом множества вероятностей, а человек эмоциональный отреагирует чрезмерным возбуждением, которое мгновенно активирует локальный участок мозга, чаще всего содержащий узкоспециализированные знания, и его реакция на событие будет совершенно иной, – быстрой, но скорее машинальной, чем осознанной…

Уилсберг, внимательно слушавший капитана, невольно посмотрел на экран, где застыл остановленным им кадр… Аналогии, только что

проведенные Гербертом, внезапно нашли недвусмысленный отклик в его сознании. Он на собственном опыте знал, что такое нервный стресс, как порой «глохнет» разум в критические секунды боя, – внезапная контузия, приступ страха или гнева отключают здравомыслие, действительно оставляя лишь машинальные, доведенные до полного автоматизма реакции…

– Выходит, используя одну нейросеть для формирования «идеального бойца», мы, на поверку, получили механическое подобие сержанта Дугласа, бросающего гранату в тот злополучный подвал?… – Угрюмо спросил он, делая собственный вывод из пояснений Герберта.

Герберт кивнул, нисколько не удивившись, что генерал помнит о событиях десятилетней давности.

– По записям видно, что кибермеханизмы прекрасно справлялись с боевыми задачами, но работа одной нейросети, обученной лишь для ведения боевых действий, заранее исключает разностороннее осмысление ситуации. – Согласился он с выводом генерала. – Поэтому все люди, находившиеся в тот момент на плоскогорье, были автоматически отнесены в разряд «вражеских объектов», подлежащих уничтожению. Нейронные системы боевых машин различали людей исключительно по степени их активности, оперируя понятием «потенциальной угрозы». Данные о признаках, присущих «мирным гражданам» хранились в параллельной архитектуре, но не могли быть востребованы, – отсутствовала взаимосвязь. – Герберт искоса взглянул на экран и спросил:

– Неужели Поланд не затрагивал подобных проблем?

Уилсберг сокрушенно покачал головой.

– К сожалению, я не вдавался в подробности. – Честно признался он. – На мне лежало бремя общего руководства проектом. Андроиды стабильно проходили все контрольные тесты, и это казалось достаточным для достижения конкретных целей. Думаю, тебе стоит самому посмотреть информацию, хранящуюся в персональном компьютере Хьюго. Возможно, он делал какие-то пометки относительно перспектив совершенствования системы кибермеханизмов? – Предположил Альберт.

Герберт вскинул на него недоверчивый взгляд:

– Вы хотите, чтобы я продолжил работу вот над этим?!.. – Он красноречиво указал на демонстрационные экраны, где помимо остановленного Уилсбергом кадра продолжали прокручиваться фрагменты видеозаписей ночного боя.

– Да. – Ответил Альберт. – Но теперь все становиться много сложнее. Провал боевых испытаний не отменяет планов по созданию универсальной

человекоподобной машины…

– Подождите генерал!.. – Герберт порывисто встал. В отличие от дисциплинированного, покладистого Поланда, капитан Ричардсон производил прямо противоположное впечатление. – Не сочтите за дерзость, но это граничит с сумасшествием. – Глухо добавил он.

Уилсберг криво усмехнулся.

– Ты, верно, забыл наш разговор в госпитале. Разве я десять лет назад мечтал о создании кибермеханического бойца?

– Нет, генерал не вы. Но и я его не создал! Хотите знать почему?

– Ну? – Насупился Альберт. – Только не надо говорить о технических трудностях, хорошо? Все системы андроидов построены на базе созданных тобой нейрочипов. – Безжалостно констатировал он, и тут же добавил:

– Надеюсь, капитан Даллас убедил тебя, что уровень современной сервомеханики соответствует самым жестким критериям технических заданий, а наличие конвектора вещества снимает все препятствия при проектировании автономных энергосистем…

Герберт молча выслушал его и внезапно спросил:

– Что остается в минусе?

Уилсберг был неприятно удивлен такой формулировкой вопроса. Теперь он видел, как сильно изменился его бывший подчиненный. Бесполезно было давить на него понятиями армейской субординации, – Ричардсону ничего не стоило глубоко наплевать на тот факт, что его вновь заставили надеть военную форму…

– Хорошо, я отвечу сам. – Произнес Герберт. – Вы правы, создать мыслящую машину, даже в отсутствии конвектора вещества, не составляло для меня сверхзадачи. Размер нейрочипа, внутри которого заключено десять тысяч искусственных нейронов, удалось уменьшить до размеров двухсантиметровой пластины. Что мешало мне собрать систему из сотни автономных нейросетей?

– Не знаю…

– Я не смог решить проблему парадигмы… И Хьюго был прекрасно осведомлен об этом. Машинный разум, построенный на основе нейросетей, помимо заложенных в него знаний, должен обладать способностью оценивать окружающий мир. Здесь, на мой взгляд, существует два варианта: либо мы закладываем в машину жесткую систему наших, человеческих моральных ценностей, либо даем возможность пробудившемуся нейросетевому интеллекту самому выработать глобальную парадигму.

– Поланд ничего не докладывал мне об этом.

– Потому что обе попытки окончились провалами, последствия которых к счастью не вышли за пределы лабораторий. В первом случае, «ИИ» настроенный на определенную совокупность моральных норм, попросту «рухнул» под грузом логических ошибок, стоило однажды подключить его к доступу в Интернет. Виртуальная среда, где люди все чаще находят место выражению собственных взглядов, вошла в жесткий конфликт с элементарными нормами поведения, которые мы с Хьюго сформулировали в качестве эквивалента мировоззрения для сложной нейросетевой структуры. Система в буквальном смысле погибла, под гнетом несоответствия ожидаемого и действительного.

– А чем закончился второй эксперимент?

Герберт, до этого взволнованно расхаживавший вдоль подиума, сел, безнадежно взмахнув рукой.

– Вышло еще хуже. Нейросетевой интеллект, которому мы позволили самому собирать информацию, в конечном итоге действительно выработал собственное мировоззрение. Но машина при этом осталась машиной, – у нее нет чувств, а значит ей не найти логического оправдания большинству человеческих поступков. В результате мы получили отрешенного наблюдателя, который оценивал человечество, как некую глобальную ошибку, выпадающую контекста общих законов природы. По мнению «ИИ» мы не венец эволюции, а неоправданно размножившийся вид млекопитающих, чье существование ведет к необратимой гибели биосферы и, как следствие, – исчезновению жизни на Земле как таковой.

Уилсберг понимающе кивнул. Некоторое время он удрученно размышлял над услышанным, а затем недоверчиво переспросил:

– И ты прекратил попытки?

Герберт искоса посмотрел на генерала.

– Нет. – Нехотя признался он. – Я разработал программу, которую назвал «Дарвин».

Уилсберг заинтересованно повернул голову.

– Можешь объяснить, в чем ее суть? – Спросил он.

Ричардсон ответил не сразу. Некоторое время капитан сидел, отрешенно глядя на экраны демонстрационной системы, а затем произнес:

– Это была попытка объединения параллельных структур, с тем, чтобы одни экспертные нейросети могли «учиться» у других, заимствуя недостающую информацию, при возникновении ультрасложных проблем. Сама по себе программа «Дарвин» не руководит непосредственными действиями машины, – она осуществляет связь между отдельными нейрочипами, одновременно инициируя в системе функцию

«естественного отбора».

– И что это дает? – Воспользовавшись краткой паузой, спросил Уилсберг.

– Смысл данной функции заключен в том, что заранее известная информация, не подтвержденная поступающими извне данными, в конечном итоге признается ложной, и это позволяет избежать роковых логических сбоев. Кроме того, машина должна иметь резервные нейрочипы, структура которых формируется в процессе саморазвития, и если их работа ведет к стабильному результату, то исходные модули очищаются от неверной информации и переходят в состояние «резервных».

– То есть, внутри системы нейросети конкурируют друг с другом? – Заинтересованно уточнил Альберт.

– Приблизительно так. Выживают и продолжают работать только стабильные участки, машина постоянно достраивает собственную архитектуру, стремясь стать более совершенной.

– И это, по-твоему, не решение проблемы?!..

– Не знаю… – Честно признал Герберт. – Эксперименты с программой «Дарвин» не окончены. Между прочим именно исчезновение Хьюго затормозило ход работ. Я не в состоянии предсказать, как поведет себя подобная машина на поздних стадиях саморазвития, хотя эволюция программных модулей протекает в миллионы раз быстрее, чем аналогичный природный процесс.

– По-твоему такой механизм может стать опасным?

– Любое саморазвитие несет в себе определенную степень риска. Я все чаще и чаще задумываюсь, – зачем мы должны плодить и доводить до какой-то степени совершенства свои подобия, когда несовершенны мы сами?

– На этот вопрос я могу ответить. – Уилсберг тяжело встал. – Наша страна, по сути, находиться в состоянии войны с многоликим противником, чьи силы, будто проказа, расползлись по всему миру. Наши вооруженные силы в состоянии сломать хребет реальной армии, но мы не можем эффективно защитить своих граждан от непредсказуемых действий террористов-одиночек. Эта угроза витает в воздухе, она будет довлеть над нами, сеять панику, неуверенность, нестабильность. Да, мы раздавим гнезда терроризма, но останутся фанатики, шахиды, против которых бессильна армия. – Он обернулся к Герберту. – Я спрашиваю себя: мы должны жить в страхе? Или объявить войну всему миру? А может нам следует мобилизовать половину мужского населения и поставить армейскую палатку с взводом солдат у каждого дома?

Герберт сразу понял, в какую сторону клонит Уилсберг.

– Вы хотите сделать ставку на человекоподобные машины? – Он покачал головой в ответ собственным мыслям. – Нет, генерал, при всех технических преимуществах, которые обрисовал мне капитан Даллас, существует этическая сторона проблемы, есть общественное мнение, которое нельзя недооценивать…

Уилсберг невесело усмехнулся в ответ.

– Придется проявлять «гибкость мышления». – Процитировал он Герберту его же фразу и спросил: – Ты разве не заметил, что в окрестностях базы начаты масштабные строительные работы?

– Да, это бросается в глаза. – Согласился Ричардсон, который действительно видел огромные котлованы, где полным ходом шел монтаж металлических каркасов для будущих железобетонных конструкций.

– Сейчас строительные бригады заканчивают формировать фундамент для возведения принципиально нового города, который будет полностью автоматизирован, снабжен замкнутыми циклами жизнеобеспечения и станет первым самодостаточным мегаполисом, обладающим полной автономией. Благодаря конвектору вещества мы смогли наполнить реальным смыслом те проекты, что годами ждали своего часа. Нужно показать всему миру, что атака фанатиков сорвалась, а новая национальная идея поднимет уровень жизни американского народа на недосягаемые высоты технического прогресса. Только достижения в области высочайших технологий способны возвести неодолимый барьер между законопослушными гражданами нашей страны и разного толка экстремистами…

Герберт покосился в сторону демонстрационных экранов и произнес:

– Боюсь, что человекоподобные машины не будут восприняты, как гаранты новой стабилизации. Они скорее способны посеять смятение в умах обывателей, но никак не вернут им утраченный душевный покой.

– Смотря в каком качестве станут выступать созданные нами машины. – Веско возразил ему Уилсберг. – Не нужно зацикливаться на частностях. – Он протянул руку, взял пульт управления и выключил демонстрационную систему. – Операция в Афганистане явилась вынужденной мерой. На самом деле широкое внедрение андроидов в ряды вооруженных сил не входит в задачи нашей группы. Ни один из кибернетических механизмов, изначально не поступит на вооружение армии. Здесь создаются бытовые механизмы, Герберт, накрепко усвой это. Они призваны созидать, строить, обслуживать, и войдут в сознание миллионов людей как продвинутые образчики сложной, принципиально

новой бытовой техники.

– Вы постулируете новую «Американскую мечту» генерал? – С нотками горькой иронии спросил Герберт. – Но вы же сами сказали, что война с терроризмом только начинает набирать обороты, – они будут искать способ повторить атаку, и, предвидя это, несложно предсказать, что «город мечты» незаметно трансформируется в тривиальную, вооруженную до зубов крепость, еще на стадии строительства. Это, на мой взгляд, совершенно не сочетается с постулатом о всеобщем благоденствии. Такой мегаполис больше похож на убежище испуганной нации…

– Нет. – Прервал его Уилсберг. – Этого не случиться, если мы сумеем сделать обслуживающие город машины по-настоящему многофункциональными и эффективными. Нам следует добиться такой гибкости системы, когда один и тот же кибернетический механизм будет с одинаковой легкостью поливать цветы, нянчить детей и уничтожать террористов.

– Увы… – без тени сарказма произнес Герберт. – Такую степень гибкости на сегодняшний день демонстрирует лишь разум человека. Я посвятил много лет моделированию нейросетей, и пришел к выводу, что лишь стопроцентная копия нейронных структур младенца может послужить базой для формирования истинного интеллекта, который следует бережно воспитывать, как своего ребенка. Все остальное – жалкое подражание или опасный компромисс, можете называть как угодно. Мы далеко не боги, а стремительная поступь прогресса, опережающая духовное развитие целых наций, может расколоть человечество сильнее, чем все известные истории конфликты…

– Это философия, капитан. – Ответил Уилсберг. – А нам предстоит действовать. Первые котлованы для фундамента нового города были размечены еще до событий одиннадцатого сентября. Подумай над этим, а я в свою очередь буду анализировать сегодняшний разговор.

– Я остаюсь на базе?

– Да. Можешь считать себя мобилизованным, в полном соответствии с действующей конституцией. – Жестко подтвердил генерал. – Никто из нас не в состоянии остановить ход начатых здесь работ, – смягчив тон, пояснил Альберт, – поэтому твоей первой задачей станет тестирование систем строительных кибермеханизмов, которые должны заменить рабочих уже в этом году. А я пока свяжусь с отделом перспективных исследований НАСА. Они, насколько я знаю, несколько лет назад занимались аналогичной проблемой.

– Аналогичной чему? – Машинально уточнил Герберт, пытаясь

примирить свой рассудок с той перспективой, что скупо обрисовал для него Уилсберг.

– Ты сам сказал, что адекватную нашим задачам машину можно создать на базе точной копии биологических нейросетей. – Спокойно ответил генерал. – Вот я и собираюсь узнать, существуют ли какие-то наработки в данной области.

Герберт внутренне похолодел.

За годы напряженных исследований он так и не смог определить, где расположена черта, за которую ни в коем случае не стоит переступать. Генерал Уилсберг, похоже, такими вопросами не задавался…

Россия. 2003 год…

Антон никогда не думал, что его жизнь может совершить такой немыслимый оборот.

Судьба, явившаяся в образе Сереги Давыдова, внезапно даровала ему шанс преодолеть не только физические увечья, но и начать иную жизнь, где нищета, окружавшие его грязные, примитивные помыслы, людское равнодушие, и доводящая до глухого отчаяния внутренняя боль остались кошмарными призраками прошлого, назидательными воспоминаниями, которые постепенно тускнели, отдалялись под напором новых впечатлений.

Антон задался целью и достиг ее. Его самообразование шло долгим, трудным путем проб и ошибок, но неудачи не обескураживали Извалова. Он вновь и вновь повторял пройденные этапы, стремясь постичь саму суть процессов программирования, и такой подход в конечном итоге полностью оправдал приложенные усилия.

Стремясь к пониманию, он приобрел неоценимый опыт, – его познания в области программирования уже нельзя было назвать поверхностной эрудицией, и наступил тот миг, когда он почувствовал, что ему не интересно пользоваться чужими разработками, – Антон хотел самостоятельно творить, но, прежде чем реализовать эту внутреннюю потребность, ему пришлось пройти еще один, не менее трудный этап.

Жизнь опять вторглась в его планы со своими реалиями. Он ощущал себя так, будто очнулся от долгого сна, и теперь смотрел на изменившийся мир широко открытыми глазами.

За полтора года, которые он провел среди строгих законов алгебры чисел, прогресс успел шагнуть далеко вперед. Компьютеры, составляющие основу домашней сети, стремительно устаревали, связь с Всемирной Паутиной оборвалась больше месяца назад, а виной всему было отсутствие денег.

Произведя ревизию остатков наличности, он понял, что необходимо найти хотя бы временный заработок, а значит, поездка в Санкт-Петербург была неизбежна.

Извалову нелегко далось это решение, – город в котором без следа исчез Сергей, вызывал в нем чувство внутреннего неприятия, однако искать подходящую вакансию в ином месте было бы наивным заблуждением с его стороны.

Оставалось одно: сжать свои эмоции в кулак и ехать.

…Город сильно изменился с той поры, когда он бывал тут в последний раз, но сейчас Антону некогда было любоваться обновленным обликом Северной Пальмиры. Он приехал искать работу и поступил самым простым, но заранее обдуманным способом: прямо на вокзале купил газету и, сев на скамейку, принялся изучать страницы, посвященные рекламе и частным объявлениям.

Вакансий, связанных с непосредственным знанием компьютера, оказалось неожиданно много, но большая часть объявлений уже не могла устроить Извалова – должность секретаря или сетевого администратора ему явно не подходила, он перешагнул эту ступень и не хотел отката в прошлое, к тому же он не собирался покидать свой дом и переезжать в большой город.

В конечном итоге, после скрупулезного анализа, он выделил для себя несколько адресов и направился по ним.

В двух случаях ему не повезло, удачу принес лишь третий посещенный им офис. Небольшая фирма располагалась в отделанном под «евростандарт» полуподвальном помещении, с узкими зарешеченными окошками, расположенными на уровне тротуарного покрытия улицы.

«Организации требуются опытные программисты».

Он положил газету с отчеркнутым объявлением на стол перед молодым человеком, очевидно совмещавшем в одном лице роль охранника, секретаря и менеджера. Тот не удивился, даже не удостоил критическим взглядом облик Антона, лишь хмыкнул и произнес, наклонившись к выдвинутому ящику стола:

– Мы не принимаем на работу без тестирования. Вот, – он положил на стол перед Изваловым два безликих компакт-диска. – На одном программа и задание к ее доработке. Готовый продукт перепишешь на болванку, – он постучал пальцем по коробке второго компакта. Срок – два дня, не учитывая сегодняшний. Справишься, – получишь новое задание и оплату наличными. Нет, – извини. У нас такие правила.

– Меня устраивает. – Ответил Антон, который втайне желал найти

работу именно такого сорта. – Если все пойдет нормально, можно будет использовать глобальную сеть для получения заданий и взаиморасчетов?

– Ты сделай сначала… Как будет дальше, решать уже не мне. Пойдешь выше.

– Хорошо. – Антон забрал диски. – Я вернусь через два дня.

…

Так в жизни Извалова начался новый отрезок. На фирму, расположенную в полуподвальном помещении он проработал всего пол года. Платили там хорошо, деньги, полученные за периодическое выполнение работ, позволили Антону восстановить связь с глобальной сетью и модернизировать свои компьютеры, но сам способ заработка ему пришелся не по душе. «Ломать» лицензионные программы, русифицировать взломанные версии, а затем приспосабливать их для нужд конкретных предприятий было не очень сложно, но у Извалова к этому моменту уже выработался некий внутренний кодекс чести, – он понимал, как сложно написать и отладить по настоящему хороший, качественный программный продукт, и уважение к чужому труду подспудно мешало работать, ведь он, по сути, занимался пиратством, отнимая часть прибыли у законных разработчиков и производителей.

Исходя из этих соображений он, получив доступ в Интернет, постоянно вел поиск приемлемой вакансии, и как только ему подвернулся легальный заработок, Антон порвал с прежними работодателями.

Новая жизнь открывала широкие перспективы: первое время он работал самозабвенно, теряя счет времени, его опыт ширился, охватывая неведомые доселе области прикладного программирования, и это в свою очередь подталкивало его к дальнейшему развитию.

Иногда, вспоминая прошлое, он невольно задумывался над происходящим, понимая, что за краткий отрезок времени незаметно шагнул из прошлого в будущее. Он мог объять весь мир, не выходя из своего рабочего кабинета, его мысль блуждала по всемирной сети, в то время как физическое тело оставалось в лесной глуши российской глубинки…

Был период, когда Антону казалось, что сеть в конечном итоге поглотит его разум, но он нашел в себе силы очнуться от этого наваждения, и помимо работы, стал уделять внимание своему физическому состоянию. Поначалу даже временный насильственный уход от виртуальной реальности проходил болезненно, – неодолимо тянуло назад, к тускло освещенному монитору, но он пересилил эти фантомные зависимости, заставляя себя бывать на свежем воздухе, вовремя питаться, выходить в лес, и постепенно его жизнь начала обретать гармонию.

Если бы не мысли о Сергее, то Антон мог бы назвать себя счастливым, состоявшим человеком.

Душа по-прежнему не хотела верить, что Давыдова больше нет, и эти тщетные надежды, исподволь отравляющие рассудок, заставляли его все больше замыкаться в себе, не желать другого общества, кроме глухой тишины леса, да фантомного мира электронных сетей.

Глава 6

Соединенные Щтаты Америки. «Орлиное Гнездо». Январь 2003 года…

Массивная бронированная дверь тихо захлопнулась, издав чавкающий звук герметичного уплотнителя.

Мистер и миссис Тейлор одновременно вздрогнули, будто этот звук отсек внешний мир со всеми его проявлениями, оставив глубоко несчастную супружескую пару наедине со своей пятилетней дочерью, находящейся под опекой сложного аппарата поддержания жизни…

– Моя Элиза… – Миссис Тейлор, не выдержав, сделала шаг вперед и тут же разрыдалась, увидев, что под прозрачным колпаком лежит не ее дочь, а нечто ужасное: сотни гибких проводов и тонких трубочек тянулись к фрагменту живой плоти; глубоко вонзаясь под кожу, они оплетали грудную клетку и плечи ребенка, обрамляя бледное неподвижное лицо Элизабет, будто неестественный парик с длинными жесткими локонами.

Отец девочки сделал шаг вперед, желая утешить жену, но его остановил негромкий голос человека, присутствие которого осталось незамеченным из-за обилия расставленной вокруг аппаратуры:

– Мистер Тейлор, нам нужно поговорить.

– Кто здесь? – Дункан нервно обернулся, встретившись взглядом с незнакомцем, который стоял чуть поодаль от камеры поддержания жизни.

– Генерал Уилсберг, к вашим услугам, сэр. – Он слегка склонил голову, и добавил: – Горе родителей безутешно. Я понимаю это, но слезами ему не поможешь.

Мистер Тейлор нахмурился.

– Я удивлен, господин генерал. Почему наша дочь оказалась тут, на военной базе? Что вы пытаетесь сделать?

– Мы пытаемся помочь ей выжить и вновь стать полноценным человеком. – Ответил Альберт, жестом указывая на стоящие особняком кресла. – Пусть вас не пугает обстановка подземных уровней – все передовые исследования, представляющие национальные интересы страны, должны охраняться от посягательств извне.

– При чем тут наша дочь?! – Нервно переспросил Дункан.

– Сэр, постарайтесь успокоить жену и давайте сядем, чтобы я мог спокойно ответить на ваши вопросы.

Дункан несколько секунд колебался, но потом все же внял

настойчивой просьбе. Подойдя к камере поддержания жизни, он взглянул на Элизу, внутренне содрогнувшись от непереносимой душевной боли, и машинально обнял безутешно рыдающую Катрин за плечи.

– Пойдем, дорогая. С нами хочет поговорить генерал Уилсберг.

Они сели в глубокие кресла, расположенные чуть в стороне от сложного комплекса медицинской аппаратуры.

Уилсберг с искренним участием посмотрел на супружескую пару и произнес:

– Вас извещали о том, что правительство взяло на себя заботу о поддержании жизни Элизабет после того, как ведущие гражданские клиники расписались в своем бессилии?

– Да, – кивнул отец Элизы, – но это было почти полгода назад. – Напомнил он, напряженно глядя на Альберта. Во взгляде сорокалетнего мужчины ясно читалась душевная боль и внутренне неприятие ситуации в целом.

– Задержка с вашим приездом была вызвана угрозой, исходящей от террористических групп. Мы были вынуждены перевезти всю необходимую аппаратуру под защиту военной базы. – Ответил генерал, спокойно выдержав направленный на него взгляд. – Пока осуществлялись все подготовительные действия, мы предпочли не рисковать, вселяя в вас надежду. Теперь же мы можем поговорить по существу.

– Да мы готовы, господин генерал… – Сделав над собой усилие, ответил Дункан.

– Зовите меня просто Альберт. Это не фамильярность, – так нам будет легче найти общий язык…

Миссис Тейлор подняла на генерала покрасневшие от слез глаза и с усилием кивнула.

– Мы слушаем вас… – Сдавленным голосом произнесла она.

– Вы мужественные люди и потому я стану говорить прямо, не уходя в сторону от существа вопроса, с тем, чтобы пощадить родительские чувства. – Уилсберг посмотрел на чету Тейлор и продолжил: – Почти год назад в результате автокатастрофы вы потеряли дочь. Тот факт, что спасателям удалось вовремя извлечь ее тело из исковерканной машины, а медикам подключить организм девочки к аппаратам искусственного поддержания жизни, не является случайным стечением обстоятельств, – мы контролировали аварийные ситуации на всех основных трассах страны, и были готовы к немедленным действиям. Собственно, вы выжили по тем же причинам. – Дополнил он свой комментарий существенной оговоркой.

Ответом полковнику послужила гробовая тишина, нарушаемая лишь тонким попискиванием индикационных сигналов сложного реанимационного комплекса. Впрочем, Альберт не ждал каких-то немедленных реакций на свои заявления и потому продолжил:

– Вы должны понять, здесь расположен не отдельный нейрохирургический центр, работающий под прикрытием министерства обороны. На самом деле сюда призваны лучшие специалисты, представляющие разные области человеческих знаний, собраны уникальные комплексы аппаратуры, и все это в текущий момент преследует лишь одну цель – дать вашей дочери новую жизнь.

– Это возможно? – Тихо спросила Катрин. – У Элизы больше нет рук и ног, она… – женщина не выдержала собственных слов и разрыдалась.

– Практически мы не располагаем успешными прецедентами подобных операций, но повторю: у нас есть обоснованная теория, адекватная аппаратура, квалифицированные специалисты и здравый энтузиазм. – Пояснил Альберт. – Смысл задуманного нами эксперимента заключается в том, чтобы переместить сознание Элизабет в тело ее клона. Теоретически это возможно, но сам процесс будет растянут во времени и разделен на несколько промежуточных фаз. Общий успех зависит от множества неизученных пока факторов… но когда-то все случается впервые. – Эти слова заставили Дункана и Катрин вздрогнуть.

– Что вы хотите от нас? – Спросила миссис Тейлор. – Письменного разрешения? Я не подпишу ни одной бумаги, пока не буду в точности знать, что именно вы собираетесь сделать с Элизабет. – Ее голос оставался тихим, но в нем сквозила несгибаемая воля женщины, которой уже довелось пережить все самое худшее, что может случиться матерью, потерявшей своего единственного ребенка.

– Для того чтобы предпринять попытку возродить вашу дочь нам на данной стадии необходимо не просто ваше согласие, но и активное содействие. – Ответил ей Уилсберг. – Я считаю, что без участия родителей личность ребенка не сможет пройти успешной трансплантации в новое тело.

Отец девочки, до этого момента смотревший в пол, поднял голову.

– У каждого эксперимента есть конечная цель. – Поборов раздирающие его чувства, произнес он. – Спасение нашей дочери не является вашей главной задачей, ведь так?

Генерал сокрушенно покачал головой.

– Вы рассуждаете неверно. На данном этапе именно спасение Элизабет является архиважным…

– Не нужно уходить от ответа. – Голос Дункана, не смотря на удивительное самообладание, все же дрогнул. – Вы запросто рассуждаете о клонировании человека, в то время как наше законодательство запрещает подобные эксперименты, говорите о трансплантации личности, что для меня звучит, мягко говоря, – неправдоподобно. При этом ваш уверенный тон вселяет жестокую надежду…

– Да, вы правы. – Уилсберг машинально сцепил руки в замок. – Ряд технологий еще не апробирован, это касается, прежде всего, схемы трансплантации личности. Специалисты НАСА разработали уникальный прибор – нейротомограф. С его помощью мы можем сканировать мозг, снимая показания с каждой клетки нервных тканей. На основе полученной записи мы сохраним копию сознания вашей дочери, разместив данные в искусственно созданной нейроструктуре.

Альберт выдержал небольшую паузу, а затем продолжил:

– Сейчас сознание вашей дочери погашено состоянием комы, – так организм отреагировал на смертельную травму. Прежде чем начать сканирование мы должны вывести ее из кокона психологической защиты. Специалисты лаборатории создали уникальный комплекс оборудования, который сформирует виртуальную реальность, связанную с рассудком Элизабет через имплантированный ей нейросетевой чип. Разум вашей дочери очнется в комфортной обстановке, она не будет ощущать, что утратила руки и ноги. Но девочка не должна оставаться одна, – для успешной реанимации разума ей необходимо ваше присутствие.

– Каким образом мы сможем общаться с Элизой? – Сдавленно спросил Дункан.

– Вам предстоит научиться жить в виртуальной среде. – Ответил Альберт. – Не могу сказать, что это легко и комфортно, но иначе мы рискуем потерять Элизабет навсегда…

На некоторое время в лаборатории опять повисла гнетущая тишина. Родители несчастной, ничего не подозревающей девочки были глубоко потрясены, – с одной стороны на них давило жалкое, фактически безвыходное состояние собственного ребенка, а с другой подступал инстинктивный ужас, – ведь над их дочерью собирались поставить эксперимент, технологии которого выходили за рамки осознанного понимания… Уверенный тон Уилсберга не мог полностью убедить двух раздавленных личным горем людей, в том, что этическая и технологическая сторона скупо обрисованных им процессов может быть реализована на уровне здравого смысла…

– Каким образом вы сможете внедрить сознание Элизы в мозг

клона? – Наконец спросил Дункан.

– В этом вопросе заключен весь смысл эксперимента. С момента своего рождения клон Элизабет будет спать. Его разум останется чист, в то время как тело будет расти. Когда физическое развитие клона достигнет пятилетнего возраста, мы осуществим обратный процесс передачи данных. Если говорить утрированно – новому разуму в определенный момент начнет сниться сон, который на самом деле явиться медленной, дозированной трансляцией записи. То есть, когда мы разбудим клона, на свет появиться Элизабет, ваша дочь.

– В это трудно поверить. – Произнес Дункан.

– Простите, я понимаю, – все сказанное мной сложно осмыслить в течение краткого собеседования, но сейчас важны не технические детали процессов, – их обоснование я смогу разъяснить позже, – в данный момент мне необходимо получить ваше принципиальное согласие, чтобы мы могли действовать дальше, не упуская драгоценного времени. В данном состоянии ваша дочь проживет не более двух месяцев. Дальше начнутся необратимые процессы – мозг, заблокированный состоянием комы, начнет терять информацию личности.

Дункан и Катрин, не сговариваясь, посмотрели на изувеченное тело дочери, смутно различимое сквозь колпак реанимационной камеры. Они искренне любили Элизабет, и мог ли кто-то из них ответить «нет» в ответ на предложение полковника?

– Кто будет вынашивать клона Элизы? – Отвернувшись, спросила Катрин.

– Естественно – вы, миссис Тейлор. – Без колебаний ответил Уилсберг. – И пусть вас не смущает действующее законодательство, – в каждом правиле есть место для исключения.

– В таком случае я согласна. – Миссис Тейлор посмотрела на мужа, и тот кивнул, понимая, что отрицательный ответ в данной ситуации попросту невозможен.

Надежда всегда умирает последней.

В течение последующих двух недель в лабораториях и жилых отсеках подземного уровня «С» произошли значительные перемены.

Во-первых, к медицинскому оборудованию, окружающему полупрозрачный колпак реанимационной камеры, добавилось десять серо-стальных, прямоугольных столбов, под оболочкой которых скрывались сотни соединенных в локальную сеть компьютерных блоков. С момента их включения помимо проводов, капельниц и дыхательных трубок систем

жизнеобеспечения, сквозь специальные отверстия внутрь реанимационной камеры протянулись оптоволоконные кабели интерфейсов.

Окажись в этом изолированном помещении неподготовленный человек, то внешний вид изувеченной девочки наверняка внушил бы ему ужас: наголо обритую голову Элизабет теперь покрывали имплантированные в черепную кость компьютерные разъемы, толстые жгуты сплетенных между собой кабелей, закрепленные на специальных подвесках, едва не касались бледной кожи ее исхудавшего лица с заострившимися чертами. Веки Элизабет были плотно смежены и зафиксированы в таком положении. Казалось что под колпаком камеры лежит нечто противоестественное, несовместимое с привычной моралью и негласным кодексом чести медицинских работников.

Однако внешний вид девочки, которая по всем канонам должна была скончаться более года назад, никак не отражал ее внутреннего состояния…

…За толстыми стенами биолаборатории, в смежных отсеках, отведенных для проживания супружеской чете Тейлор, так же произошли серьезные перемены.

В соседней со спальным помещением комнате техники установили два компьютерных терминала, перед которыми возвышались громоздкие кресла весьма солидных размеров.

Утром, задолго до завтрака к Дункану и Катрин зашел генерал Уилсберг.

– Сегодня я бы не рекомендовал вам есть. – Поздоровавшись, предупредил он, как бы извиняя этим свой ранний визит. – Накануне вечером техники доложили мне, о полной готовности комплекса виртуальной реальности. Думаю, что нет смысла откладывать знакомство с фантомным миром? Как вы смотрите на небольшую прогулку?

– Мы, естественно не против, но, почему вы не сообщили нам накануне? – Задал встречный вопрос Дункан.

– Вы и так достаточно нервничаете, я это знаю, а бессонная ночь перед вхождением в виртуальную среду – скверный стимул для адаптации.

– Хорошо, тогда не будем терять времени. – Напряженно произнесла Катрин. – Ответьте, генерал, мы сегодня увидим Элизу?

– Нет. – Покачал головой Уилсберг. – Вам потребуется время, чтобы адаптировать свой разум к виртуальной среде. Все не так просто, как кажется. Это не компьютерные забавы за настольным монитором. Виртуальный костюм – очень некомфортный, но весьма эффективный в плане передачи ощущений комплекс оборудования. Ваши модели к тому же снабжены системой жизнеобеспечения и медицинского мониторинга, так

что – генерал указал на двери ведущие в смежную комнату, – попрошу, знакомьтесь…

…

Они вошли в соседнее помещение, где накануне допоздна возились техники, и их глазам предстали два подвешенных на специальных растяжках костюма виртуальной реальности.

Взгляд поначалу терялся во множестве технических деталей, не сосредотачиваясь на размерах и форме.

– Что это? – Спросила Катрин, рассматривая систему гибких шлангов, выходящих из похожей на скафандр экипировки в районе поясницы.

– Система удаления физиологических отходов. – Спокойно пояснил Альберт, указывая на катетеры. – Вам придется проводить в костюмах по пять-шесть часов, а быть может и больше, если того потребует внезапная необходимость.

– Вы думаете, что я смогу… гадить под себя? – Катрин недоуменно посмотрела на генерала и тут же поправила свою мысль: – Я, конечно, могу побороть брезгливость, ради дочери, но как это будет выглядеть там? Я же не профессиональная актриса, поймите.

– Понимаю. – Кивнул Уилсберг. – Именно поэтому до первой встречи с дочерью вам необходимо свыкнуться с новыми ощущениями, научиться контролировать себя, свои мысли и реакции. Все решается достаточно просто. Мы оборудовали фантомный мир Элизабет всеми мыслимыми удобствами, и вам не составит труда извиниться перед дочерью и зайти в туалет, верно?

– Я… Я не подумал об этом.

– Ничего страшного Катрин. Раздевайтесь, сейчас вас подготовят к первому сеансу. Если хотите, я выйду, но избежать присутствия врачей и техников не удастся.

– Нет, Альберт вы можете остаться. – Вмешался в их диалог Дункан. – Вы ведь не обещали, что будет легко, правильно?

Процедура подготовки заняла около двадцати минут.

Костюмы виртуальной реальности действительно напоминали скафандры, как по своему объему, так и по строению облегающих тело оболочек. Системы насильственно питания, удаления отходов, дыхания, терморегуляции, все это составляло необходимый минимум для многочасовых экскурсов в фантомный мир.

Однако большая часть аппаратуры, пластично вмонтированная в первую, плотно облегающую тело оболочку, служила не для поддержания жизнедеятельности, а исключительно для симуляции ощущений. Для того

чтобы не вызвать у Элизабет чувства натянутости, ненатуральности, они должны были чувствовать все, что ощущает она.

Конечно, при тестовом знакомстве с экипировкой, родителей Элизы не покидал иррациональный стыд перед множеством незнакомых людей, они испытывали мучительную, унизительную неловкость от подключения катетеров, капельниц, датчиков, но страх, стыд и замешательство – все осталось позади, и было с торицей вознаграждено теми ощущениями, которые они испытали, при первом входе в пространство виртуального мира Элизабет.

…Поначалу переход показался им головокружительным падением в бездну, но это тошнотворное ощущение длилось лишь несколько минут: придя в себя, Дункан и Катрин поняли, что стоят на асфальтированной дорожке подле высокого кирпичного забора, за которым возвышалось здание, являющееся точной копией одной из больниц их родного города.

Не без содрогания и замешательства они делали свои первые неуклюжие шаги по асфальтированной дорожке. Разум поначалу отказывался адекватно воспринимать окружающее, чувство тошноты периодически возобновлялось, – это вестибулярный аппарат пытался протестовать против фантомных ощущений движения, ведь физические тела Дункана и Катрин на самом деле не двигались, – они застыли в сидячем положении, скованные непривычной тяжестью виртуальных костюмом.

Однако шаг от шага становилось легче, к тому же кроме чувства явного дискомфорта появились новые, неожиданные для них ощущения. Кто бы мог подумать, что внутренний плотно облегающий контуры тела слой виртуального костюма сможет так точно передавать знакомые, но вновь узнаваемые ощущения, – например легкое дуновение ветерка, шероховатую фактуру кирпичной кладки, случайное прикосновение ветви декоративного кустарника, отделяющего тротуар от проезжей части…

Первый сеанс длился всего лишь пятнадцать минут, но, когда техники отключили аппаратуру, прерывая контакт с фантомным миром, и начали снимать громоздкую экипировку, Дункан и Катрин сидели абсолютно безучастные, погруженные внутрь себя, вновь и вновь переживая те ощущения, что подарила четвертьчасовая прогулка по лесопарковой зоне, примыкающей к знакомому забору больничного комплекса.

С точки зрения неподготовленной психики это было… невероятно.

Прошло две недели.

Дункан и Катрин уже вполне освоились в виртуальном мире, и для

них наступил долгожданный день, когда Уилсберг в своей неожиданной манере объявил, что вместо обычной тренировки сегодня им предстоит встреча с дочерью.

Первое свидание с Элизабет они не забудут никогда.

В сопровождении фантома медицинской сестры они вошли на территорию больничного комплекса, поднялись на второй этаж и, наконец, перед ними распахнулись двери отдельного бокса, где лежала их дочь.

Дункана и Катрин пробила короткая бесконтрольная дрожь. Казалось, что Элиза просто спит, и, присев у больничной кровати, они долго всматривались в ее черты, однако чем пытливее они старались отыскать в ее облике что-то неестественное, натянутое, игрушечное, тем больше убеждались в обратном.

Первой не выдержала Катрин.

Она протянула дрожащую руку и коснулась осунувшегося лица дочери.

Ее кожа была теплой.

– Элиза, милая, ты меня слышишь? – Срывающимся от волнения голосом произнесла Катрин.

В первый миг не наступило никакой реакции, и она вновь повторила имя дочери, настойчиво, но ласково, как может сделать только мать…

Веки Элизабет внезапно дрогнули, и она открыла глаза.

– Мама?… – Раздался в ответ слабый похожий на вздох шепот. – Мамочка… Что со мной было?

– Все хорошо, родная… – Катрин вдруг почувствовала, как слезы брызнули по щекам. – Все хорошо. Теперь ты поправишься… Обещаю тебе…

…

В этот момент мозг Элизабет, разбуженный виртуальным фантомом Катрин, вышел из состояния комы, и теперь ее сознанию предстояло жить в той информационной среде, которую формировали для него серые, невнятно шелестящие вентиляторами охлаждения компьютерные блоки.

Девочка была счастлива. Субъективная реальность ничего не говорила ей о жалком состоянии физического тела, наоборот, программисты и нейрохирурги сотворили настоящее чудо, полностью переключив рассудок Элизабет на связь с миром фантомных образов, где ее травматическая память об автокатастрофе быстро потускнела и отошла на задний план, вытесненная туда новыми, яркими впечатлениями.

…

Ровно через семь месяцев в медицинских лабораториях уровня

произошло еще одно знаковое событие: на свет появился семимесячный младенец, – выношенный Катрин клон – точная генетическая копия Элизабет, чье изувеченное тело, вопреки прогнозам врачей, по-прежнему находилось под опекой комплексного аппарата насильственного подержания жизни.

Орлиное гнездо. Ноябрь 2003 года…

Шел мелкий, моросящий дождь.

Полоса электростатического «дворника» то и дело пробегала по лобовому стеклу машины, смахивая мелкие капельки воды.

В салоне было тепло, к подогретому воздуху, поступающему из системы кондиционирования, примешивался сладкий аромат свежескошенных трав. Широкая многополосная автомагистраль плавно изгибалась, будто горный серпантин, но Герберт не тревожился: он расслабленно сидел в водительском кресле, созерцая открывающуюся взору панораму беспрецедентной стройки. Ритмично помаргивающий индикатор автопилота уже успел прочно внедриться в сознание, как надежный гарант безаварийной езды.

В принципе Герберт мог бы расположиться и на заднем сидении машины, однако многолетние привычки не сломаешь вдруг, да и субъективность мышления давала о себе знать…

За плавным изгибом дорожного полотна показался знак, предупреждающий о начале опасного участка, и машина плавно притормозила, остановившись у строящейся многоуровневой развязки автомагистралей.

Выключив автопилот, Ричардсон свернул налево. Игнорируя тревожный писк лазерных дальномеров, предупреждающих о скором окончании дорожного покрытия, он, словно поддразнивая электронные нервы кибернетической системы, подъехал к самому краю обрыва и лишь в полуметре от линии бетонных паребриков резко остановил машину.

Выйдя под мелкий моросящий дождь, он достал сигарету и сел на край невысокого бетонного ограждения.

Внизу протиралась величественная панорама мегаполиса. Он намеренно выбрал наивысшую точку, где строительство автомагистрали остановилось на отметке в четыреста пятьдесят метров, чтобы иметь возможность наблюдать весь город, здания которого не поспевали за стремительным ростом транспортной инфраструктуры.

…Он хорошо помнил тот день, когда впервые увидел «Орлиное Гнездо». Огромная котловина, напрочь лишенная растительности, лежала

между двух горных хребтов. Отвесные скалы со всех сторон окружали циклопическую впадину, а над головой, цепляясь за убеленные снегами горные вершины медленно кружил исполинский облачный вихрь.

История «Орлиного Гнезда» уходила своими корнями в события второй половины двадцатого века. Много лет назад впадину заполнял ледник, но в период разгара «холодной войны» его растопили, ради строительства системы пусковых шахт для баллистических ракет. После такого вмешательства возникло предсказанное метеорологами природное явление: над обнажившимся базальтовым ложем ледника стали конденсироваться водные пары, сформировавшие необычный облачный покров, который долгие годы служил безупречным маскирующим покрытием, не позволяющим обнаружить месторасположение пусковых шахт при съемке из космоса. Чтобы поддерживать этот полезный природный эффект были пробиты специальные наклонные тоннели, часть которых подавала тепло из подземных глубин, а другие осушали дно впадины, отводя талые и дождевые воды в глубокое ущелье.

В конце девяностых годов двадцатого столетия «Орлиное Гнездо» закрыли, ракеты, снятые с боевого дежурства, демонтировали, пусковые шахты подверглись процедуре консервации, но облачный покров над котловиной сохранился, и это обстоятельство, вкупе с наличием прочного базальтового ложа, словно специально подготовленного для возведения на нем титанической пирамиды мегаполиса, сыграло решающую роль при выборе места для осуществления проекта «FLASH».

Прикурив, Герберт посмотрел вверх. Странно было наблюдать, как облака клубятся над самой головой, а отдельные клочья туманной влаги висят так низко, что до них при желании можно дотянутся рукой.

Глубоко затянувшись, Ричардсон поежился. После сухого тепла автомобильного салона холодная морось дождя казалась освежающей лишь первые несколько минут, поэтому, докурив, он решил, что пора бы заняться делом, ради которого забрался так высоко.

Расчехлив электронный бинокль, он еще раз окинул взглядом панораму города, а затем навел прибор на ближайший комплекс строящихся зданий.

С высоты мегаполис напоминал уступчатую пирамиду, рассеченную на отдельные сегменты широкими разрезами улиц. По периметру стен небоскребов проходили многократно повторяющиеся кольцевые дороги; через каждые двести метров от них отделялись короткие серые ответвления, ведущие к обширным выступам округлой формы, где под куполами из прозрачного пластика располагались высотные парки.

Некоторые из них зеленели кронами хвойных деревьев, иные, состоящие из лиственных пород, рдели осенним багрянцем, третьи демонстрировали черные отвалы завезенной почвы, которую еще не успели распланировать, заполнив ей глубокую ячеистую структуру площадок.

Герберт лишь на секунду задержал взгляд на строящейся парковой зоне, – его внимание было нацелено выше, туда, где трудились бригады строительных кибермеханизмов. Прошел всего год с той поры, как под его руководством была выпущена первая партия подобных машин, а как неузнаваемо все изменилось с тех пор. Теперь в недрах трудно различимого с такой высоты цоколя круглосуточно работали автоматизированные производства, где сборка кибермеханизмов шла конвейерным способом. Одни машины производили других, и чем быстрее пополнялась многотысячная армия механизмов, тем стремительнее продвигался сам процесс строительства.

Центральная часть мегаполиса уже достигла критической отметки высот, где медленно кружил укрывающий котловину облачный вихрь, периодически проливающий вниз избыток накопленной влаги в виде коротких ливневых дождей.

Впрочем, все эти мысли, краткие воспоминания, и зрительные образы лишь скользили по периферии сознания, не отвлекая Герберта от его основной цели.

Внимательно наблюдая, как механизмы ведут себя в «естественных» условиях Ричардсон при всем желании не мог обнаружить никаких нежелательных отклонений в их действиях. Он регулярно поднимался к высотным точкам строительства и подолгу, иногда часами следил за ходом работ, но три основные модификации кибернетических машин, на носителях которых была размещена «обрезанная» из соображений безопасности программа «Дарвин», демонстрировали завидную стабильность. Машины действительно обучались, постепенно трансформируя заложенные знания в опыт, на основе которого они действовали быстрее и эффективнее. Герберт не зря совершал эти выезды, – не смотря на занятость, он не вполне доверял отчетам, однако, собственные наблюдения лишь подтверждали статистику: те группы машин, которые функционировали более полугода, стабильно перевыполняли среднесуточные нормы, на их объектах фиксировалось меньше аварийных ситуаций, а некоторые технологические приемы и конструктивные решения, уже реализованные в металле, бетоне и пластике, являлись непосредственным изобретением строительных механизмов.

Сейчас, когда здания сверхнебоскребов вплотную подобрались к

нижним границам облачности, подобные наблюдения и выводы были особенно важны: согласно плану в этом месяце на конвейерах началась сборка первой партии обслуживающих машин человекоподобного типа. Генерал Уилсберг настаивал на инсталляции в их системы полной версии «Дарвина», обосновывая свое требование тем, что андроидам придется решать более широкий спектр проблем, нежели строительным кибермеханизмам.

Герберт был готов согласиться с ним, понимая, что год безотказной работы тысяч машин явственно доказал: ограничив функцию саморазвития количеством нейросетевых микросхем, он, по сути, добился желаемого результата…

…Его размышления внезапно прервал посторонний звук.

Герберт невольно вздрогнул, и, опустив электронный бинокль, медленно обернулся, недоумевая, кто еще решил забраться на такую высоту, учитывая, что только узкому кругу людей из всего персонала расположенной под мегаполисом военной базы разрешалось подниматься на поверхность.

Он не ошибся, – потревоживший его звук был ничем иным как шелестом покрышек по лажному асфальтобетону.

Рядом с его «Фордом» остановилась точно такая же машина, оснащенная принципиально новым, экологически чистым приводом, где двигатель внутреннего сгорания заменили электромоторы, питающиеся от конвектора вещества.

Тихо чавкнул пневмоуплотнитель двери и на мокрое покрытие недостроенной автомагистрали ступил незнакомый Герберту человек в военной форме со знаками различия полковника.

Он на секунду застыл, оглядываясь по сторонам, и Герберт, внимательно наблюдавший за внезапным визитером, вдруг понял, что первое впечатление обманчиво, – он уже где-то видел эти черты лица…

Заметив Ричардсона, тот кивнул, будто Герберт являлся его старым знакомым, и прямиком направился к нему.

– Высоковато забрались, капитан. – Произнес он, протягивая руку.

Герберт пожал узкую, неожиданно сильную ладонь, пытаясь мучительно вспомнить, где и при каких обстоятельствах он мог видеть эти черты лица, и вдруг…

Он действительно вспомнил его, придя от неожиданной вспышки зрительной памяти в полнейшее замешательство. Очевидно, вся гамма противоречивых чувств отразились на лице Ричардсона, как в зеркале, потому что негаданный визитер внезапно усмехнулся и произнес, рассеяв

последние сомнения:

– Нет, я не призрак капитан. Вы все правильно вспомнили, – меня зовут Алан. Алан Керби.

– Вы… живы?!

Он кивнул и неожиданно добавил:

– Отчасти, – благодаря вам.

Ричардсон вообще перестал понимать что-либо.

– Подождите… полковник, мы ведь никогда не встречались!..

– Верно. Наше знакомство можно назвать заочным. Я понимаю ваше недоумение, ведь считалось, что я погиб в Афганистане, верно?

Герберт предпочел промолчать.

Алан сел на влажный от постоянной мороси бетонный блок ограждения и произнес, глядя на панораму мегаполиса:

– Мне удалось покинуть район операции, уже после того как по плоскогорью был нанесен ракетный удар. В этом нет никакого чуда, я знал, что в случае провала командование пойдет на крайние меры, ради уничтожения улик.

Герберт достал сигарету, внезапно ощутив, как начали дрожать пальцы рук. Он не мог понять, отчего так волнуется, – по всем меркам следовало радоваться чудесному спасению Керби…

Машинально протянув початую пачку сигарет сидящему рядом полковнику, он заметил, как неровно ложиться нудная морось дождя на его коротко стриженые волосы, словно часть прически Алана составлял искусно сделанный парик, – капельки воды не смачивали волосы на определенном участке, а скатывались с них, обозначая овальное пятно…

– Вы были ранены? – Интуитивно предположил Герберт.

– Заметно? – Алан взял сигарету. – Да, выбраться из района плоскогорий оказалось нелегко. – Прикуривая, произнес он. – Две недели я провел в горах, затем еще месяц пробирался к территории, подконтрольной Северному Альянсу. – Он глубоко затянулся. – Когда я вышел к позициям наших союзников, мне казалось, что все уже позади, – в конечном итоге я связался со штабом группировки войск, и ожидал, пока сведения передадут генералу Уилсбергу, в Штаты… – Он криво усмехнулся и пояснил:

– В мою судьбу вмешался случай. Глупый случай, если учитывать те опасности, что удалось преодолеть, выходя с вражеской территории. Пока я ожидал ответа на отправленную в Штаты информацию, между нашими союзниками и силами талибов завязался очередной бой. Оказывается, позиции сторон были расположены так близко, что КП Альянса периодически подвергался минометному обстрелу. Как говорил русский

генералиссимус Суворов: «Пуля – дура»… Осколок, впрочем, не умнее. – Он машинально коснулся своей головы, оглаживая сухой участок волос.

– Ранение в голову?

– Да. Тяжелейшее. Осколок задел церебральную кору правого полушария. Я по всем канонам должен был умереть, но нейрохирурги, видя безвыходность ситуации, рискнули… под непосредственным давлением Уилсберга, разумеется. Мне удалили пострадавший участок мозга, как удаляют раковые опухоли безнадежно больным. Обычно такие операции оборачиваются умственной неполноценностью, – науке известны лишь единичные случаи, когда мозг после серьезной травмы или хирургического вмешательства продолжает адекватно функционировать, наладив новые связи в обход утраченных. В моем положении чуда, увы, не предвиделось, и нейрохирурги имплантировали мне разработанные вами нейрочипы, связав их с неповрежденными участками нервных тканей.

Герберт слушал его, ощущая, как непроизвольно потеют ладони.

Он сам никогда бы не решился на такое применение нейромодулей. Хотя с технической точки зрения подобная совместимость не вызывала недоумения – переходные адаптеры на основе искусственных нейросетей уже много лет использовались при изготовлении протезов, в частности ему была известна японская компания, чью продукцию скорее стоило признать имплантами, нежели просто механическими заменителями утраченных конечностей…

Однако кисть руки или стопа – это не нервная ткань головного мозга…

– Как видите, я вполне адекватен. – Произнес Керби, словно угадав направление мысли Герберта. – Врачи объяснили мне, что до сих пор никому не удалось выявить, где именно наш мозг хранит определенную информацию, По мнению исследователей, пытавшихся выделить гипотетический раздел мозга, отвечающий за память, его не существует в компактном, обособленном виде, то есть, наша личность фрагментирована, размещена в разных местах и вероятно – дублирована.

– Я осведомлен об этом. – Ответил Герберт, стараясь подавить охватившее его волнение. – Выходит, вам протезировали участок церебральной коры?

– Именно. Мне имплантировали пятьдесят нейрочипов, расположив их тремя слоями, и закрыли черепную коробку вставкой с компьютерными разъемами для подключения тестирующих устройств.

– Полмиллиона искусственных нейронов…

– Да. Мозг сам заполнил их информацией. Более того, через месяц

после операции томография показала рост нервных тканей, которые начали заполнять свободное пространство в местах соединения искусственных нейросетей с живыми клетками.

Герберт поежился не то от холода, не то от перевозбуждения.

– Может быть, сядем в машину? – Предложил он.

– Нет. – Алан повернул голову и в упор посмотрел на Герберта. – Капитан, я признателен вам за те импланты, что позволили врачам вытащить меня из лап смерти, но придти и сказать «спасибо» я мог в любой момент, на протяжении последних шести месяцев. Для этого мне не нужно было подниматься сюда.

– Тогда… в чем дело, полковник?

– Сейчас объясню. – Керби спокойно осмотрелся по сторонам, и предложил:

– Давайте разомнем ноги. Думаю, что спустившись на один уровень, мы сможем спокойно обсуждать деликатные вопросы, не опасаясь прослушивания. А машины пусть пока постоят тут.

Минут через десять они нашли защищенное от моросящего дождя место, укрывшись в здании придорожного кафе, где уже закончились все внутренние отделочные работы.

– Почему вы считаете, что машины прослушиваются? – Спросил Герберт, усаживаясь на пластиковый стул.

– Я это знаю. – Ответил ему Алан. – Генерал Уилсберг не из тех людей, кто выпускает своих подчиненных из поля зрения, тем более в сложившихся обстоятельствах.

– Каких?

– Боюсь, он затеял опасную игру.

– Говорите прямо, полковник.

– Именно это я и пытаюсь сделать. Вы часто смотрите программы новостей? – Внезапно задал он отвлеченный вопрос.

– Нет времени. – Покачал головой Герберт, по-прежнему не понимая, куда клонил Керби.

Алан понимающе кивнул:

– Уилсберг загрузил вас второстепенной работой, с которой мог бы справиться специалист рангом пониже. – Произнес он. – Вы ведете уже обкатанный проект, контролируя несколько тысяч строительных механизмов. Это не настораживает?

– Мне казалось, что возведение города и контроль над машинами – это самые значимые проблемы… – Ответил Герберт.

– Увы. – Керби хмуро прикурил сигарету. – Когда я вернулся в строй, Альберту нужно было дать мне занятие. Не будучи уверен, что я после операции не выкину какой-нибудь фортель, он рассудил здраво, отдав под мой контроль вполне рутинную и безопасную проблему – следить за расходованием «секретного оборудования», то есть учитывать каждый нейрочип, поступающий со складов на производство. Последний год я занимался именно этим. Поначалу все шло нормально, но потом со складов были внезапно затребованы большие партии нейромодулей, – счет шел на сотни тысяч, а когда я попытался выяснить направление их расходования, меня щелкнули по носу «личным распоряжением генерала». Я естественно проверил, и Альберту пришлось подтвердить, что это действительно так. – Керби глубоко затянулся, а затем продолжил, машинально перейдя на «ты»:

– Пойми меня верно, капитан, я не параноик и никогда им не был, просто опыт сотен спецопераций, проведенных в разных странах мира, научили меня разбираться в людях, ощущать нюансы их психологического состояния, и мыслить с постоянным упреждением событий. Для меня это нормальное состояние рассудка.

Герберт с усилием кивнул.

– Я понимаю вас, полковник.

Керби погасил недокуренную сигарету.

– Давай отбросим субординацию. Можешь называть меня просто по имени.

– Хорошо. – Согласился Герберт, напряженно ожидая подробных разъяснений, хотя внутри уже заныла нотка тревоги, – он тоже умел мыслить логически и понимал, что обозначенного Аланом количества нейромодулей с избытком хватит на переоснащение всех функционирующих на сегодняшний день кибермеханизмов. Арифметика была проста: «мозг» строительных машин содержал всего лишь тридцать микрочипов, каждому андроиду из экспериментальной партии, учитывая сложную сервомеханику и многообразие функций, было решено выделить сотню нейросетей, – таким образом, количество уже использованных модулей едва ли превышало пятьдесят тысяч, а Керби говорил о цифрах с пятью нулями…

– Когда это случилось?

– Если быть точным – восемь месяцев назад.

– Почему ты сразу не связался со мной?

Алан усмехнулся.

– Я наблюдал. У меня есть привычка: не делать скоропалительных выводов, исходя из домыслов. Только факты. Количество затребованных со

склада нейрочипов, вкупе с неадекватной реакцией Альберта на рутинный запрос, заставили меня заподозрить неладное. До своего ранения я полтора года проработал с Уилсбергом, и успел хорошо изучить генерала. Он человек с железной волей, поэтому его нервозность стала для меня тревожным знаком.

– Меня больше волнует названная цифра. – Произнес Герберт. – Могу заметить, что андроиды, которые действовали в Афганистане, содержали всего лишь два десятка чипов.

– Да, знаю. – Кивком согласился Алан. – Три года назад, когда была сформирована группа «Альберт», я поначалу ощущал себя пятым колесом в телеге. – Откровенно признался он. – Поэтому, волей или неволей, пришлось учиться, вникать в вопросы сервомеханики и теории нейросетей, прямо по ходу первоначальных экспериментов, а после Афганистана, когда в моей собственной голове появились имплантированные чипы, интерес к изучению нейромодулей стал для меня жизненно важным аспектом существования.

Герберт непроизвольно покосился на полковника Керби. Этот человек с самого начала показался ему странным, настораживающим, а его манера изложения начинала действовать на нервы своей чрезмерной, сжатой информативностью.

– Я…

– Терпение, капитан. – Алан предостерегающе поднял руку. – Вопрос слишком сложен для эмоциональных реакций. – Он достал из нагрудного кармана плоский компьютерный блок, оснащенный небольшим дисплеем.

– Это мой личный тестер. – Пояснил он. – С его помощью после операции проверяли состояние чипов. – Керби достал длинный соединительный кабель, исполненный из оптического волокна, подключил его прибору, а затем заученным движением аккуратно отделил овальный фрагмент пеноплоти, обнажив два разъема, расположенные чуть выше правой височной области.

Герберт внутренне содрогнулся, но Алан даже не посмотрел в его сторону, продолжая на ощупь работать пальцами, пока свободный конец тонкого кабеля не соединился с ответным гнездом в его черепной коробке.

Коснувшись сенсора, он активировал прибор.

Миниатюрный дисплей осветился, показав странный ракурс изображения. Ричардсон не сразу понял, что видит… край стола, на который в данный момент был направлен взгляд Керби.

Алан осторожно повернул голову, и изображение начало медленно смещаться, пока на дисплее не отобразилось лицо Герберта.

– Впечатляет? – Усмехнулся полковник. – Я долго учился управлять собственным разумом. Теперь, капитан, смотри внимательно, и главное – не перебивай. Процесс отображения воспоминаний не всегда проходит гладко… – Он прикрыл глаза, и на дисплее контрольного устройства внезапно появилось изображение длинного коридора, по которому шли два незнакомых Герберту человека.

– Эти люди появились на уровне «С» спустя неделю после моего разговора с Уилсбергом. – Голос Алана, комментирующий видеоряд прозвучал глухо, напряженно, выдавая те усилия, что прилагал Керби для отображения собственных воспоминаний. – Обрати внимание на ракурс съемки. – Хрипло довил он. – Видео получено мной через камеру слежения системы безопасности уровня. Я знал коды доступа к охранным компьютерам и таким образом пытался экспериментировать с новыми возможностями своего рассудка, которые проявились благодаря имплантированным нейромодулям.

– Кто эти люди? – Не выдержав, спросил Герберт.

– Джордж Ваймонт и Стивен Мун. Оба раньше работали в отделе перспективных разработок НАСА. Это они проводили нейрохирургические операции, имплантируя мне нейромодули. – Алан открыл глаза и коснулся сенсора, выключая прибор. – По всем признакам мне стало ясно, что назревает какой-то крупный эксперимент. – Он вытер со лба выступившие капельки пота и продолжил:

– В ту пору я только начинал осваивать свои новые возможности и подключался к различным доступным системам, чаще всего к камерам наблюдения, расположенным в разных точках, в том числе и тут, в городе. По мере накопления информации я невольно задался вопросом: почему новые лаборатории, где работали Мун и Ваймонт, наглухо отгородили от всего подземного комплекса, а капитан Ричардсон по-прежнему пестует сто раз проверенных и отлаженных строительных роботов?

Герберт ничего не смог ответить на прозвучавший вопрос. Он был откровенно потрясен и ощущал себя так, словно на него внезапно выплеснули ведро ледяной воды. Следовало понять, что оказало на него большее воздействие – известие о непонятном глобальном эксперименте, к которому генерал Уилсберг привлек сторонних специалистов, или новые, неожиданно продемонстрированные Аланом возможности нейрочипов?

– Как это случилось впервые? – Наконец спросил он, решив внутреннюю дилемму.

– Что именно? – не понял Керби.

– Как возникла связь с внешним устройством?

Алан несколько секунд пристально смотрел на него, а затем ответил:

– Я догадался. В беседах со мной Стивен и Джордж часто упоминали различные факты, касающиеся моего детства, карьеры, и, наконец, событий в Афганистане. Поначалу я не придал этому значения, полагая, что они проверяют целостность моих воспоминаний, но однажды я поймал себя на мысли: откуда они берут некоторые сведения, относящиеся к далеким полузабытым и сугубо личным впечатлениям, не отраженным ни в одном из досье? Мои родители умерли пять лет назад, и никто не мог сообщить определенных подробностей, которыми они опрометчиво манипулировали. В первый момент я испытал шок, но затем заставил себя рассуждать здраво, логично. Если определенная информация оказалась в распоряжении Муна и Ваймонта, значит, они получили ее от меня, вернее от моей памяти.

– Вы не задали им прямого вопроса?

– Нет. Я дождался окончательной выписки, и только получив относительную степень свободы, решился на осознанный эксперимент: подключив тестер к разъему, я попытался сосредоточиться и внезапно понял, что на дисплее постепенно возникает смутное, нечеткое изображение прибора, на который направлен мой взгляд.

– Это же… уникальное открытие!.. – Произнес Герберт, в котором как обычно, говорил, прежде всего, ученый, исследователь. – Искусственная нейросеть образовала сложную, полноценную взаимосвязь с нервными тканями!.. Они (Герберт подразумевал Ваймонта и Муна) наверняка обнаружили это при тестировании чипов, пока ты находился в бессознательном состоянии. Это лишь доказывает теорию о фрагментации памяти, – твой разум боролся с травмой, он восстанавливал данные личности с копий, хранящихся в неповрежденных структурах коры головного мозга, при этом часть информации стала доступна, благодаря тому, что нейрочипы использовались для временного размещения восстановленных данных!..

– Это замечательно капитан… – Выслушав Герберта, ответил Керби. – Но для меня важен иной вывод: мозг, с имплантированными чипами открыт для сканирования, а значит, в конечном итоге им можно научиться управлять. В связи с этим возникает закономерный вопрос: на какие нужды пошли сотни тысяч нейромодулей, и эксперименты какого сорта проводят Ваймонт и Мун в данный момент?

Герберт хотел что-то сказать, но осекся.

– Тебе не удалось выяснить этого?

– Нет. Я даже не пытался преодолеть защиту лабораторий. Мне не по зубам такие системы.

Ричардсон мгновенно понял его мысль.

– Ты хочешь проникнуть туда с моей помощью?

– Да. – Полковник спокойно отсоединил кабель оптиковолоконного интерфейса, и вернул на место фрагмент пеноплоти, закрыв компьютерные разъемы. – Мы должны это сделать.

– Почему? – Машинально спросил Герберт, все еще болезненно переосмысливая предложенную Аланом трактовку вопроса.

– Потому что существует грань, за которую не следует переступать. – Убежденно произнес Керби. – Мне кажется, что научно-технический прогресс в некоторых случаях можно сравнить с катком для укладки асфальта. Двигаясь в правильном направлении, он создает удобную дорогу, но стоит ему выскочить с проезжей части на тротуар, он начнет плющить людей, с той же легкостью с какой укатывал асфальт. Может это звучит утрированно, грубо, но…

– Я понимаю тебя Алан. – Прервал его Герберт. – Не нужно мне объяснять, что такое прогресс. Мы уже проходили все это на примере «мирного атома» и Хиросимы. Я помогу тебе.

– Хорошо. Рад, что мы поняли друг друга. – Алан убрал прибор и встал. – Я уеду первым. Тебе следует еще с пол часа понаблюдать за работой кибермеханизмов и только тогда возвращаться. Уилсберга сегодня нет, он на очередном докладе у руководства, но рисковать не будем. Встретимся в полночь, в твоем рабочем кабинете.

Он встал и, не прощаясь, вышел из здания кафе, оставив Герберта сидеть за столиком в мрачном раздумье.

Когда машина полковника Керби проехала мимо, Ричардсон выждал несколько минут, а затем неторопливым прогулочным шагом стал подниматься к оставленному уровнем выше «форду».

Состояние капитана в эти минуты было сродни контузии: мгновенный информационный вброс, щедро сдобренный личным эмоциональным восприятием, поначалу вызвал чувство растерянности, но постепенно шаг от шага мысли Герберта стали приходить в порядок. Он понимал, что Алан не лжет, но его настораживало хладнокровие полковника. Почему тот ждал более полугода? Отчего не обратился сразу, как только почувствовал, что имплантированные нейрочипы проявляют особые, непредугаданные свойства, которые наверняка явились побудительным толчком для дальнейших исследований в области, где нейрохирургия впервые так явно пересеклась с кибернетикой…

…Герберт не мог понять логики полковника Керби, а на самом деле

она была проста: осознав, что с ним произошли радикальные перемены, способные довести до сумасшествия иного, менее подготовленного человека, Алан не испугался, не потерял трезвости рассудка, а начал действовать осторожно и целенаправленно.

Поначалу он очертил мысленный круг лиц, причастных, по его мнению, к имплантации нейромодулей. В этот список помимо Ваймонта, Уилсберга и Муна автоматически попал капитан Ричардсон. Покойный Хьюго никогда не пытался скрыть, что использует в работе над проектом не свои личные разработки. Вернувшись на базу, Керби несколько раз видел Герберта и логично предположил, что тот имеет самое непосредственное отношение к произведенной над ним операции.

Собственно восемь месяцев назад Алан не ставил перед собой глобальных задач. Он пытался выжить сохранить моральную независимость в трудной почти безвыходной ситуации, когда новые возможности автоматически превратили его в ходячую «государственную тайну», и только железная выдержка полковника позволила ему остаться в тени, доказать своим поведением, что необычные свойства нейромодулей не раскрыты им лично и импланты никак не проявляют себя. Он не хотел вместо периода реабилитации вновь попасть на лабораторный стол в качестве подопытного, и нужно отдать должное – Алан успешно сыграл избранную роль.

Внимание к нему резко ослабло, как только на секретных уровнях стали формировать новый комплекс, а на базе появились Джордж и Стивен. Тот факт, что они не вызвали Керби, не стали проверять его состояния, ясно дал понять: первый раунд борьбы за собственную независимость выигран. Теперь, когда Уилсберг поручил ему конкретную работу, а Ваймонт и Мун прочно обосновались за непроницаемыми стенами нового исследовательского комплекса, он получил долгожданную передышку.

Исподволь наблюдая за событиями, Алан большую часть времени все же отдавал процессам самопознания, но и той обрывочной информации, которую удалось получить в ходе осторожных подключений к глобальной системе видеонаблюдения, с лихвой хватило для констатации двух фактов: во-первых, в секторе спецлабораторий назревал крупный эксперимент, а, во-вторых, капитан Ричардсон не имел ни малейшего понятия о новаторском использовании созданных им микрочипов.

Наблюдая, как Герберт пестует строительных роботов, Алан понимал, что капитана попросту изолировали, как от внешнего мира, так и от проводимых исследований, используя его богатейший опыт на узком фронте рутинных, повседневных проблем. Задумавшись над причинно-

следственной связью, полковник пришел к выводу: Ричардсона держат в стороне от происходящего, опасаясь его негативной реакции на события.

Так постепенно борьба за неприкосновенность собственной личности перешагнула в рассудке Алана некую черту, когда он начал осознавать, – удачная имплантация нейромодулей явилась лишь началом, толчком для последующих исследований и экспериментов, в сомнительности которых вполне отдавал себе отчет руководивший всеми проектами генерал Уилсберг.

Отсюда вытекала и нервозность Альберта, и тщательная изоляция капитана Ричардсона, и временный тайм-аут неожиданно полученный самим полковником Керби.

Решившись на откровенный разговор с Гербертом, Алан, по сути, продолжал начатую около года назад борьбу, но теперь к опасениям за целостность собственного сознания добавилось иное, глобальное и не до конца осознанное чувство тревоги.

…Ричардсон не ничего не знал о мотивах полковника, но подсознательно испытывал схожие чувства. Снедаемый сомнениями и тревогой он выждал пол часа и собирался возвращаться назад, когда в машине раздался тоновый сигнал вызова.

Открыв дверцу, он взял мобильное устройство связи.

– Да, слушаю…

– Сэр, чрезвычайное происшествие на строительной площадке. – Это был хорошо знакомый голос дежурного офицера с пульта глобального контроля.

– Что произошло? – Сухо осведомился Герберт.

– Кибермеханизм сорвался с опоры строящейся парковой зоны номер триста семнадцать.

– Где он сейчас? Каковы повреждения? – Мгновенно отреагировал капитан.

– Не могу сказать, сэр. Он упал на участок автомагистрали, где еще не установлены камеры контроля. Это приблизительно в трех километрах к северу от вас, уровнем ниже.

– Хорошо, я понял. – Герберт уже сел в машину. – Сейчас попробую его отыскать.

Внезапное происшествие ненадолго отвлекло его от гложущих мыслей. За последний месяц это был уже десятый случай падения механизмов с больших высот. В принципе подобные инциденты неизбежны при столь масштабном строительстве, но капитана настораживала статистика. Почему на протяжении года не фиксировалось ничего

подобного, и вдруг за ничтожный отрезок времени одно за другим происходят десять ЧП?

Включив автопилот, он задал точку маршрута и вновь связался с дежурным.

– Мне нужен номер партии, к которой принадлежал робот.

Выслушав ответ, Герберт нахмурился. Опять совпадение? Кибермеханизм сошел с конвейера одиннадцать месяцев назад. Как и в остальных случаях его нейросистема уже прошла определенный путь саморазвития, а значит, данный строительный робот обладал опытом, который по определению должен свести к минимуму вероятность ошибочных действий.

Что это? Признаки назревающего сбоя системы или тривиальная неполадка в сервомоторных узлах?

Ждать ответа оставалось недолго. Машина под управлением автопилота уже свернула на указанный отрезок строящейся автомагистрали, и через сотню метров Ричардсон увидел распростертый посреди дорожного полотна кибермеханизм.

Это зрелище он запомнил на всю жизнь.

На предыдущие случаи выезжала специальная бригада техников, и сейчас Герберту привелось впервые наблюдать последствия роковой ошибки непосредственно на месте происшествия.

Строительный робот, внешне похожий на механического паука, лежал в зеленоватой луже жидкости, которая обильно истекала из расколовшихся при ударе гидроусилителей. Поломанные манипуляторы, трещины в корпусе, несколько вмятин на кожухах – все свидетельствовало о том, что, падая, он несколько раз ударялся о выступающие конструкции зданий. При таких повреждениях было трудно судить о первоначальном состоянии сервомоторных узлов, которые в данный момент представляли собой жалкое зрелище.

Опять все спишут на неполадку в системе самостабилизации… – с досадой подумал Герберт. Тестирование нейромодулей в прошлых девяти случаях не привело к определенному результату, – ни один из них не содержал сведений об ошибке…

Герберт наклонился, и, взявшись за изломанные манипуляторы, с усилием перевернул механизм, чтобы получить доступ к специальному сегменту корпуса, сняв который он мог изъять расположенную внутри робота сферу, с заключенным в ней нейросетевым «мозгом».

Трудно передать его изумление, замешательство, когда взгляду

предстал темный прямоугольный провал, по краям которого виднелись поломанные детали самостабилизирующейся подвески и оборванные кабели магистральных интерфейсов.

Сферы не было.

Герберт несколько секунд ошеломленно смотрел на столь нехарактерные повреждения, затем отпустил манипуляторы, позволив изуродованному механизму вновь распластаться на проезжей части, и огляделся вокруг, машинально вытирая перепачканные маслянистой жидкостью пальцы.

Сферу он увидел метрах в пятидесяти от места падения.

Вывалилась от удара, наверное… – С облегчением подумал он, направляясь к откатившемуся в сторону пластиковому шару.

Издалека тот казался целым, но, подойдя ближе, капитан явственно разглядел дыру с острыми иззубренными краями. Присев на корточки он заглянул через пролом внутрь защитной оболочки и ощутил, как озноб медленно ползет вдоль позвоночника.

Объединительная плата оставалась на месте, но нейрочипы на ней отсутствовали.

Вернувшись на базу, Герберт первым долгом зашел в контрольный зал.

– Есть запись момента происшествия? – Осведомился он у дежурившего за пультом лейтенанта, который сообщил ему о случившемся.

– Да, конечно. Я подготовил все исходные данные. – Дежурный коснулся сенсора, выводя на информационный экран заранее выделенный видеофрагмент.

Герберт внимательно смотрел на изображение. Кибермеханизм спокойно, деловито полз по опоре, останавливаясь через каждый метр, чтобы проверить балку ультразвуковым сканером на предмет внутренних трещин. Закончив работу, он вытянул передние манипуляторы, удлинив их за счет телескопических сегментов, и прочно закрепившись, начал подтягиваться к краю платформы, с намерением взобраться на строительную площадку, где трудились остальные механизмы группы.

В тот миг, когда корпус робота начал подниматься над краем железобетонной плиты, установленный неподалеку кран начал перемещать многотонный блок, предназначенный для крепления армированного купола. Часть таких блоков уже была установлена по краю будущей парковой зоны, и Герберт не смог ответить на заданный себе вопрос: явилась эта роковая синхронизация случайным совпадением, или

примитивная электронная система грузоподъемника была умышленно запрограммирована на совершение определенных действий?… но так или иначе тяжелый блок ударил по корпусу взбиравшегося на площадку робота, буквально смахнув его вниз.

– Стоп! – Резко произнес Герберт.

Лейтенант, который держал палец на сенсоре, мгновенно остановил кадр.

Он так и не понял, что именно заинтересовало капитана в остановленной картине. Ричардсон несколько секунд пристально смотрел на экран, а затем приказал:

– Найдите подробные видеозаписи предыдущих происшествий. Я буду у себя в кабинете.

Было без двух минут двенадцать, когда полковник Керби вошел в кабинет Ричардсона.

Капитан сидел за компьютерным терминалом, просматривая какие-то видеозаписи. Он был так поглощен ими, что даже не обернулся на тихий звук открывшихся дверей, и Керби пришлось откашляться, обнаружив свое присутствие в кабинете.

– Проходите полковник. – Не оборачиваясь, произнес Ричардсон. – Я сейчас закончу.

– Что случилось? – Осведомился Алан, ощутив исходящую от Герберта нервозность. Сухой тон и машинальное обращение на «вы» лишь усугубили впечатление, давая понять, что мысли Ричардсона в данный момент далеки от проблематики, которую они обсуждали сегодня утром. Взглянув на контрольные мониторы персональной системы, Алан увидел изображения все тех же строительных механизмов, и произнес:

– Герберт тебе не кажется, что мы собирались заняться иной проблемой? Сейчас полночь, все лаборатории закрыты, сектор пуст, но в нашем распоряжении не так много времени. Ваймонт встает в пять утра и…

– Я ничего не забыл, Алан. – Герберт устало помассировал виски. – И не собираюсь отказываться от наших договоренностей.

– Тогда в чем дело? Ты подготовил оборудование?

– Нет. Я был занят.

– Чем, позволь спросить?

– Вот этим… – Ричардсон указал на экран компьютерной системы. – Сегодня один из строительных роботов сорвался с двухсотметровой высоты. Это случилось после нашего с тобой разговора. Дежурный

сообщил мне о происшествии с пульта, и я выехал на место падения.

– Ну? – Прищурился Алан, не находя логической взаимосвязи между разбившимся кибермеханизмом и темой их утренней беседы в кафе.

– Это уже десятый случай… – Объяснил Герберт. – На начальных стадиях строительства ничего подобного не происходило, аварии начались три недели назад, а сегодня ситуация внезапно получила непредсказуемое развитие: за то время пока я ехал к месту падения кто-то уже побывал там и изъял нейромодули из разбившегося механизма.

Керби задумался.

– Периметр стройки строго охраняется. – Наконец высказал он свое мнение. – Вряд ли кто-то проник на территорию мегаполиса извне.

– Здесь ты абсолютно прав. – Мрачно подтвердил Герберт. – Скажу больше, – модули изъял не человек.

– Что?!.. – Спокойствие на миг изменило полковнику, и он недоверчиво посмотрел на Ричардсона.

– Посмотри сам. Вот видеозапись события. – Капитан коснулся сенсора на терминале, и изображение ожило. Керби ждал комментариев, но их не последовало. Видимо Герберт хотел услышать его мнение по поводу инцидента.

– Не вижу ничего примечательного. – Произнес Алан, проследив, как бетонная конструкция сбила кибермеханизм. – Думаю, что на стройках подобные инциденты происходят достаточно часто.

– Да. – Согласился Герберт. – Люди склонны ошибаться, пренебрегать техникой безопасности, но машины – нет. Год стабильной безаварийной работы лишь подтверждает серьезность проблемы. Дело в том, что эти механизмы, – он указал на экран, – принципиально отличаются от андроидов, которыми ты командовал в Афганистане. Их нейросети объединены в систему, ядром которой является написанная мной программа «Дарвин».

Заметив откровенное недоумение в глазах Алана, Герберт моментально вспомнил свой разговор с Уилсбергом, и постарался вкратце передать его суть, объяснив полковнику смысл работы «Дарвина».

– Это саморазвитие? – Выслушав его, полуутвердительно произнес Керби.

– Да. Я предупреждал генерала, что процесс может иметь непредсказуемые последствия, но он стоял на своем.

Керби хмуро покачал головой.

– Не верю, что ты пошел на поводу у Альберта, слепо следуя его приказам.

– Ты прав. Не зная с какой скоростью будут самосовершенствоваться нейросети машин под управлением «Дарвина», я ввел чисто физический ограничитель потенциального саморазвития системы, ограничив ее возможности тридцатью нейромодулями. Чтобы тебе было понятно, проведу природную аналогию, – эволюция наших предков напрямую связана с ростом объема головного мозга…

– Скажем проще, – перебил его Алан. – Кошка никогда не станет мыслить абстрактно, хотя обладает изрядной долей сообразительности. Насколько я понимаю количества нейросетей, расположенных под черепной коробкой наших домашних любимцев, недостаточно для формирования собственного «я».

– Грубо, но верно. – Согласился Ричардсон. – Я то же отталкивался от подобного постулата, хотя понимал, что количественный недостаток может быть компенсирован качеством взаимосвязей, возникающих между отдельными нейрочипами. Система «Дарвин» не вводит ограничений сложности саморазвивающейся структуры. При этом следует помнить, что у машины есть постоянные запоминающие устройства, где храниться информация, и мощные сопроцессоры, управляющие сервомеханизмами робота. То есть нейросети в данном случае не обременены рутинными задачами, и могут отождествляться с высшими слоями церебральной коры головного мозга человека. Они получают информацию, распознают ее, анализируют и отдают указания подчиненным системам, формируя поведение машины.

– Хорошо, это я понял. – Алан непроизвольно покосился на электронные часы, отметив, что уже четверть первого.

– В таком случае взгляни сюда. – Герберт указал на экран, где был остановлен кадр, снятый видеокамерой наблюдения за несколько секунд до рокового удара бетонной конструкции. – Попробуй сам определить сбой.

Керби внимательно взглянул на изображение.

– Не вижу ничего особенного… – Спустя минуту признал он.

– Тебе когда-нибудь приходилось просыпаться в гостях после хорошей вечеринки? – Неожиданно спросил Ричардсон.

– Ну, бывало. – Пожал плечами Алан.

– Тогда тебе должно быть знакомо чувство недоумения, когда незнакомая окружающая обстановка вызывает мгновенный мысленный вопрос: «Где я»?

Керби кивнул, усмехнувшись.

– У меня такие ассоциации по большей части связаны не с вечеринками…

– Это не важно. Здесь иллюстрируется одно из свойств разума: он всегда моделирует ожидаемую ситуацию, несколько опережая реальное событие. Ты открываешь глаза, но видишь совсем не тот интерьер, который предполагал рассудок, и лишь воспоминание, что накануне ты уснул не дома, а в гостях, расставляет все на свои места.

Керби вновь покосился на экран.

Некоторое время он напряженно всматривался в детали изображения, пока, наконец, не заметил очевидный для Герберта нюанс: за несколько мгновений до удара все механизмы продолжали работать, и лишь один из них стоял, пристально наблюдая за движением бетонного блока…

– Он предполагал событие? – Керби щелкнул ногтем по силуэту машины.

– Да. – Герберт укрупнил картинку. – Он явно ожидал, что сейчас произойдет удар. Я проанализировал все предыдущие случаи и пришел к выводу: инциденты не инсценированы, они произошли скорее вследствие резкого повышения числа машин, работающих на ограниченном пространстве высотных объектов, но, что закономерно: данный кибермеханизм являлся свидетелем трех предыдущих аварий. – Герберт сделал несколько переключений, и в кабинете внезапно зазвучали человеческие голоса:

– …ого, да тут и собирать-то нечего. Надо же, с такой высоты гробанулся.

– Да… что называется «восстановлению не подлежит».

– Ладно, давай, все равно нужно собрать обломки.

– А куда их? Это даже на запчасти не сгодиться. Мусор.

– Тебе приказано – собрать, вот и выполняй…

Герберт остановил воспроизведение.

– Механизм с серийным номером «3476» находился в момент разговора на месте события. Все машины обучены распознаванию речи, так что он усвоил информацию, о том, что разбившийся робот классифицируется как «мусор». Последующие трое суток он ожидал очередного происшествия, с тем, чтобы изъять нейромодули из изувеченного механизма.

– Зачем? Ты ведь сказал, что они ограничены тридцатью чипами.

– Они оснащаются тремя десятками микрочипов, – уточнил Герберт. – Но, как любая машина, строительные роботы рассчитаны на вероятную модернизацию, – их материнские модули содержат еще полсотни резервных разъемов. – Ричардсон встал и нервно прошелся по кабинету. – В завершении могу сказать, что 3476-ой исчез. После изъятия чипов он не

вернулся на строительную площадку. Канал связи не работает, видимо он заблокировал внешний доступ к данным.

– Это ставит жирный крест на использовании «Дарвина», верно?

– Без сомнений. Программа потенциально опасна. Не хочу даже думать, какими тропками пойдет саморазвитие человекоподобных машин, для которых запланировано по сотне нейрочипов в качестве базы и еще двести резервных разъемов для вероятного расширения системы.

– И что ты собираешься делать? – Криво усмехнулся Алан. – Пойдешь на доклад к Уилсбергу?

Герберт прекратил расхаживать по кабинету. Облокотившись о терминал компьютерной сети, он раздраженно посмотрел на Керби, и спросил, не воспринимая его сарказма:

– А, по-твоему, я должен промолчать?

– У тебя есть альтернатива «Дарвину»? – Задал полковник встречный вопрос.

– Нет. – Покачал головой Герберт.

– В таком случае, прислушавшись к твоему мнению, Уилсберг будет вынужден полностью заморозить стройку, и доложить, что миллиарды долларов зарыты в землю, а новая национальная идея тотального технического превосходства Соединенных Штатов изволила сдохнуть, только из-за того, что один из тысяч строительных роботов проявил опасную инициативу? Ты считаешь, генерал пойдет на это?

Ричардсон угрюмо промолчал в ответ.

– Хочешь знать мое мнение, Герберт?

– Да, хочу.

– Я считаю, что наверху, над нами, расположен настоящий город будущего. Он продуман, гармоничен, надежен и прекрасен во всех отношениях за исключением думающих машин. На мой взгляд, существует грань, переступить которую мы пока не готовы. Компьютер должен оставаться компьютером, человек – человеком, а домашний любимец – обыкновенным животным.

– Я почти согласен с тобой, но…

– Неопределенность тут не годиться, Герберт. Я понимаю, что ты хочешь сказать мне. Разум исследователя нацелен в будущее, однако, не заблуждайся, не утешай себя мыслью, что «Дарвина» можно откорректировать, исправить, беглого робота поймать, и проблема разрешиться тем или иным способом. Ничего подобного не будет.

– Почему?

– Неужели ты настолько слеп, что не понимаешь: созданный тобой

нейромодуль – универсален. Он одинаково хорошо подходит как для формирования искусственной системы псевдоинтеллекта, так и для имплантации в организм человека или животного. Тебе удалось создать кирпичик, надежный элемент, овладев которым можно складывать архитектуры любой сложности.

Герберт сел, понурив голову.

– Что же теперь? Уилсберг, по-моему, наглядно доказал, что я не могу контролировать использование нейрочипов.

– Генерал не монстр, каким ты пытаешься его вообразить. Он исполнительный офицер. Глупо утверждать, что город задуман и построен Альбертом. Здесь работает государственная машина и Уилсберг – всего лишь маленькая шестеренка в ее механизме.

– То есть мы ничего не сможем изменить? Останемся кусочками смазки для государственной политики и грядущих президентских выборов? Может, нам позволят перерезать ленточку при официальном открытии мегаполиса?

– Не думаю. В сложившейся ситуации есть только один выход: проникнуть в лаборатории, достоверно узнать, что за эксперименты проводят там, в преддверии завершения строительства, и бежать.

– Бежать?!

– Да, Герберт. Бежать, скрываться, но не с целью спасения собственной шкуры. У государственной машины есть противовес, имя которому – общественное мнение. Если мы сумеем донести до сознания миллионов людей, что взлелеянные тут технологии представляют потенциальную опасность, то катастрофу удастся предотвратить…

– О какой катастрофе идет речь, господа?

Герберт и Алан резко обернулись.

На пороге рабочего кабинета стоял генерал Уилсберг.

Гробовая тишина на некоторое время полностью овладела небольшим помещением.

Вопреки подсознательному ожиданию, вслед за Альбертом не появились представители служб внутренней безопасности. Уилсберг явился один. На нем была парадная генеральская форма, через руку перекинут влажный от дождливой мороси плащ.

– Я только прибыл. – Сухо произнес он. – Печально было слушать вашу дискуссию. Не думал, что ты Алан способен предать интересы собственного государства.

Керби не ответил на явный вызов. Он с сумрачным спокойствием

смотрел как Уилсберг сел в свободное кресло, предварительно положив свернутый плащ на край рабочего стола Герберта.

– Итак, вы решили, что тут готовиться апокалипсис? – Он обернулся. – Почему ты молчишь капитан? Алан ведь смог убедить тебя в подобной идее?

– Меня не нужно убеждать. – Ответил Герберт. – Сегодня я воочию наблюдал, как проявилось саморазвитие машины на основе «Дарвина».

– Да, явление поучительное и неприятное. – Согласился генерал. – Но вместо того, чтобы думать, как устранить нежелательные последствия, вы занимаетесь тут обыкновенной истерией. Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Ни вы, ни я не в состоянии остановить прогресса. И общественное мнение не встанет на сторону людей, проповедующих топтание на месте, в то время когда нация может сделать шаг в собственное будущее. Ваши потуги заранее обречены на провал. Американский народ уже пережил худшее из потрясений…

– Альберт, не надо пафоса. – Мрачно произнес Керби. – Мы воюем два года, но есть ли толк? Да разгромлен режим Талибов, пал Багдад, я не знаю, кто на очереди, но долго так продолжаться не будет. Рейтинг президента катастрофически падает, наши войска несут потери на оккупированных территориях, и этому не видно конца. Мы не в состоянии разжевать то, что откусили, но уйти – значит сдаться. Ситуация практически тупиковая.

– Мы ведь ушли из Вьетнама, разве ты забыл?

Керби мрачно покачал головой.

– Давайте рассуждать здраво. Чтобы выйти из войны, нужен козырь. Свои действия следует оправдывать. Мы можем вывести войска из Ирака только в одном случае: если объявить что конечные цели операции достигнуты. Но ведь это не так. Нам был необходим контроль над нефтяными запасами региона, а это требует постоянного военного присутствия для поддержания марионеточного режима. Значит, карта борьбы с терроризмом должна разыгрываться дальше?

– К чему ты клонишь Алан?

– К тому, что вывести войска и наплевать на нефть можно одним способом, – сорвать вуаль секретности с мегаполиса, продемонстрировать, что страна более не зависит от мировых запасов «черного золота», потому что у нас есть конвектор вещества. Заведя ситуацию в политический и военный тупик, определенные лица вдруг ощутили необходимость взорвать мир, обнародовав факт наличия у нас принципиально-нового источника энергии. Красивый жест, о катастрофических последствиях которого вы,

генерал, толково рассуждали два года назад.

– У тебя есть предложения? – Насупился Уилсберг.

– Мы могли бы открыть этот город, не демонстрируя конвектор вещества. – Спокойно ответил ему Керби, который уже не раз размышлял над данным вопросом. Я говорил это Герберту и повторю вам: мегаполис сам по себе является чудом передовых технологий, а если по его улицам не будут разгуливать самодостаточные механизмы, ни у кого не возникнет вопроса об источниках энергии. Централизованная система сброса отходов надежно сохранит тайну. А что касается нашего военного присутствия в Ираке, то, передав все полномочия ООН, нация только выиграет, продемонстрировав политическое здравомыслие, и отсутствие имперских амбиций.

– Хорошо сказано. Но ты, Алан, позабыл, как четверть часа назад назвал меня шестеренкой огромного механизма. Я не решаю глобальных вопросов, вот в чем проблема. Мне действительно отдают приказы, которые я намерен исполнять. Ну а что касается упомянутой тобой «гениальности» нейрочипов, то тут я вынужден огорчить капитана Ричардсона. Мы действительно провели ряд уникальных экспериментов, которые, к сожалению, дали нулевой результат. – Уилсберг встал. – Пройдемте господа, я отведу вас в те самые лаборатории, куда вы собирались проникнуть без моего ведома.

Керби брезгливо поморщился.

– Здесь установлена глобальная система контроля? – Спросил он.

– А как ты думал? – Обернувшись, резко ответил Уилсберг. – С тобой нам еще предстоит побеседовать, – мрачно пообещал он Алану, – но прежде я хочу выбить иллюзию гениальности из головы капитана Ричардсона, чтобы он мог сосредоточиться на своей главной задаче – программе «Дарвин», а не размениваться на хакерские вылазки и мелкие заговоры. Следуйте за мной, оба.

Герберт не без дрожи вошел в помещение, которое с первого взгляда поразило его воображение сложным синтезом медицинского оборудования и мощных компьютерных систем.

Два аппарата комплексного поддержания жизни были установлены у противоположных стен, от потолка к ним опускались толстые жгуты, в которых прихотливо перемежались гибкие шланги системы подачи физиологических жидкостей, тонкие провода датчиков, экранированные кабели энергопитания и глянцевитые оболочки оптиковолоконных интерфейсов.

Прозрачные колпаки камер, окруженные серо-стальными столбами компьютерных блоков, демонстрировали два заключенных под ними тела. Одно принадлежало трех или четырех месячному младенцу, второе – пятилетней девочке.

– Перед вами Элизабет Тейлор, – Произнес Уилсберг. – Ребенок получил несовместимые с жизнью травмы в результате автокатастрофы. – Он обернулся и сухо добавил: – Во второй камере ее клон.

Герберт нашел в себе силы, чтобы поочередно взглянуть на изуродованную девочку и ее генетическую копию.

– Им обеим имплантированы нейрочипы. – Безошибочно определил он. – С какой целью?

Уилсберг сел на вращающийся стул.

– Мы пытались спасти ее жизнь. Смысл эксперимента заключался в попытке копировать сознание ребенка и передать его клону. Элизе был вживлен нейромодуль, посредством которого сканировалось состояние каждой клетки нервных тканей. С клоном сложнее: чип генетической копии должен был стать проводником для обратного процесса, но чуда не произошло. Весь эксперимент застрял на промежуточной стадии.

Генерал говорил глухо, натянуто, – его вид не оставлял сомнений в том что Альберта угнетает царящая вокруг обстановка. С трудом отведя взгляд от камеры, где лежало изуродованное тело Элизы, он поднял глаза на Герберта и продолжил:

– Ты был прав, искусственный разум нельзя запрограммировать, ибо в таком случае он автоматически переходит в разряд сложной, но ограниченной компьютерной системы, подчиненной сухой логике алгебры чисел. «ИИ» можно только воспитать, но для этого нужна основа, тот «чистый лист» на котором проявиться личность. Я, откровенно не видел выхода, хотя контакты с лабораториями НАСА подтвердили, что попытки снять информацию с мозга неоднократно осуществлялись в рамках различных проектов, однако, исследования в этой области зашли в тупик из-за отсутствия адекватного «хранилища» полученных данных. Все сложилось одно к одному… – Я пригласил Джорджа Ваймонта, чтобы ознакомить его с потенциальными возможностями нейромодулей, и буквально через неделю после его приезда сюда спецрейсом из Афганистана доставили тебя, Алан.

– Он предложил использовать меня для проверки совместимости нейрочипов с нервными тканями живого мозга?

– Можешь формулировать как угодно, но Мун и Ваймонт спасли тебе жизнь. – Ответил Уилсберг. – Успешная операция действительно

послужила толчком для следующего шага. Запланированный эксперимент сулил два одновременных результата: спасение человека и получение полноценной нейросетевой копии разума. Я получил специальное разрешение на клонирование, и мы стали отслеживать все несчастные случаи на дрогах, в результате чего здесь появилась Элизабет. Девочка находилась в состоянии комы.

– Ее родители погибли? – Спросил Керби.

– Нет. Они выжили благодаря своевременному вмешательству спасательных служб. Мистер и миссис Тейлор не только дали свое согласие на копирование разума Элизабет, но и принимали непосредственное участие в эксперименте.

– Каким образом? – В голосе Герберта сквозило откровенное неприятие увиденного. Он воспринимал окружающую обстановку, как прямое следствие собственной роковой оплошности, неумения сдерживать эмоции и высказывания. Зачем он озвучил генералу идею о возможности сформировать искусственную нейросистему на базе копии человеческого рассудка?…

– Весь расчет строился на опыте, приобретенном при реанимации полковника Керби. – Ответил генерал, с усилием заставив себя проигнорировать явно негативный настрой Ричардсона. – Имплантированные нейрочипы проявили свойство настоящих нервных тканей – они проводили сигналы возбуждения в двух направлениях. Ты, Алан, очень помог нам своими осторожными опытами. Подключаясь к видеосистемам наблюдения ты наглядно доказал что нейрочипы способны передавать информацию от внешних источников к высшим отделам мозга, где она успешно распознавалась. Опираясь на это свойство, Ваймонт предложил сформировать виртуальную реальность, откуда мозг пятилетней девочки смог бы получать фантомные данные. По нашему замыслу Элизабет, очнувшись от комы, автоматически попадала в комфортный мир, где могла продолжать свое развитие, как обычный ребенок.

Уилсберг исподлобья взглянул на серо-стальные столбы компьютерных блоков и продолжил:

– Существующие на сегодняшний день технологии проникновения в виртуальную реальность позволяли родителям Элизы находиться рядом с дочерью, – для этого им достаточно было проводить по пять-шесть часов в специально оборудованных виртуальных костюмах, но практика показала, что техника недотягивает до нужных высот реализма, к тому же Катрин вынашивала клона Элизабет и…

– И вы предложили им имплантирование? – Вздрогнув, предположил

Герберт.

– Да. – Признал Уилсберг. – Стивен Мун к этому моменту провел серию удачных операций, вживляя нейромодули приматам, и был уверен в успехе.

– Трансплантация удалась?

– Да. Дункан и Катрин получили возможность избавиться от громоздких виртуальных костюмов, а мать девочки смогла продолжать общение с дочерью даже находясь на последних месяцах беременности.

– Значит, сбылась мечта нашей золотой молодежи о киберпанковских имплантах? – Криво усмехнулся Керби, сделав свой вывод из сказанного.

– Не иронизируй Алан. – Попробовал осадить его Уилсберг.

– Я не иронизирую. Я не понимаю, почему вместо ареста, мы получаем столь подробный, развернутый экскурс в область секретных разработок? Разве возвращаясь на базу, ты не прослушивал наш разговор, Альберт?

– Да, прослушивал.

– Тогда в чем дело? – Керби с вызовом посмотрел на генерала. – Давай закончим этот спектакль. Зови своих ребят с наручниками, потому что мне тошно слушать твои откровения.

– Я не узнаю тебя Алан. Ты шел на смертельный риск ради своей страны…

– Это был оправданный риск. Честная схватка с врагом. Я много лет беспрекословно исполнял приказы, но когда-то приходит и прозрение… – Керби сумрачно посмотрел на Уилсберга. – Знаешь, о чем я думал перед последней операцией?

– Ну?

– Я лежал над обрывом, смотрел вниз и вспоминал те годы, когда готовил моджахедов. По приказу собственного правительства я воспитывал тех, кто позже повел захваченные самолеты на таран небоскребов. Эта политика двойных стандартов приведет нас к окончательному краху. Почему мы руководствуемся не здравым смыслом, а сиюсекундными амбициями? Делаем то, что выгодно сегодня, не задумываясь, какие последствия наступят завтра?

– Не поздно ты прозрел?

– А это уж как получилось. Достало, словно пулей на излете…

– Алан прав. – Неожиданно для Уилсберга вмешался в их диалог Герберт. – Все происходящее тут уже вышло за рамки научного эксперимента. Задумайтесь, генерал, если строительный механизм проявил не просто сообразительность, а целенаправленное стремление к

самосовершенствованию, нашел не противоречащий внутренней логике обходной путь, для получения расширяющих его возможности нейромодулей, значит, он начал мыслить, осознавать факт собственного существования. С научной точки зрения это неоспоримый прорыв, но существует практическая сторона проблемы. К новому году окончиться строительство, парк механизмов пополнят андроиды, и наряду с людьми здесь начнет свое существование искусственный разум, которому совершенно непонятна мотивация наших поступков. Машины не могут сопереживать: не смотря на идентичность нейросетей прототипу живой нервной ткани, механизмами руководит система «Дарвин», а значит, нейросети приобретают статус исполнительных систем.

– Не понимаю, в чем ты видишь проблему, Герберт?

– В том, что мы пытаемся создать новый вид существ, в чем-то более совершенных чем мы сами, и по определению предначертать им роль слуг или рабов, называйте это как угодно. Рано или поздно их саморазвитие достигнет той критической точки, когда наступит логическое понимание своего интеллектуального и если угодно – физического превосходства над создателями. Учитывая специфику «Дарвина» это не приведет к возведению нас в ранг богов, напротив, – машинам ясно прописано – в мире выживает только сильнейший, наиболее приспособленный, интеллектуально продвинутый вид.

– Они рано или поздно выйдут из подчинения людям. – Поддержал мысль Герберта Алан. – Сейчас такой сценарий еще возможно предотвратить, остановив все автономные кибермеханизмы.

Уилсберг лишь сокрушенно покачал головой.

– Мы уклонились в сторону от темы. – Произнес он. – Проблема программы «Дарвин» обозначена и будет решена тем или иным способом. Сейчас речь идет не о ней… – Он непроизвольно взглянул на две камеры поддержания жизни, и продолжил:

– Возвращаясь на базу я действительно слушал ваш разговор… Для меня он был вдвойне неприятен, потому что я ехал с намерением ввести вас обоих в курс дела и откровенно надеялся на помощь.

– Это уже становиться скверной традицией. – Буркнул Герберт. – Сначала вы делаете что-то без моего участия, а потом зовете тушить пожар…

– Нет никакого пожара. Есть тупик. За стенами этого зала расположен компьютерный центр, где на основе искусственных нейросетей воссоздана модель разума Элизабет, но не смотря на скрупулезное копирование данных о состоянии каждой нервной клетки прототипа, комплекс остается

статичен на протяжении полугода. Но это только часть проблемы. – Лицо Уилсберга внезапно исказила гримаса тщательно скрываемого страдания. – Я согласен с прозвучавшими тут доводами. – Неожиданно вырвалось у него. – В конце концов, вы оба должны понять, ничто человеческое мне не чуждо. За пол года я успел многое обдумать… Мы действительно не доросли до тех технологий, что существуют в этих стенах. Но она… – Альберт посмотрел в сторону Элизабет, и вдруг отчаянно махнул рукой, понурив голову. – Я обещал ей жизнь. У меня никогда не было собственных детей… – Он медленно поднял взгляд на Ричардсона. – Герберт, я предлагаю вам сделку.

– Я слушаю, генерал.

– Процессы роста в камере поддержания жизни клона ускорены в два раза. Это означает, что за год ребенок достигнет уровня физического развития двухлетней девочки. Официальное открытие «Орлиного Гнезда» приурочено к новогодней ночи с 2004 на 2005 год. Обладая всей полнотой власти на территории базы и города, я использую ее, чтобы ликвидировать к этому времени все кибермеханизмы. Взамен я прошу одного: дайте Элизабет новую жизнь.

– Я не понимаю, сэр… – Растерянно произнес Герберт. – Объясните, что случилось? Пусть не заработала нейросетевая модель, но ведь биологический прототип не умер. Вы сами только что сказали: «рассудок девочки продолжает жить в виртуальной реальности, вместе со своими родителями». Что мешает соединить два нейрочипа, чтобы сознание клона питалось исключительно впечатлениями Элизабет, постепенно отождествляя себя с ней?

– Невозможно… – Хрипло ответил Уилсберг. – Девочка снова в коме. Ее родители мертвы. Никто не понимает, что случилось! – Альберт порывисто встал и внезапно схватил Герберта за плечи. – Мун высококлассный нейрохирург, Ваймонт хороший теоретик, но никто из них не обладает твоими знаниями нейросистем…

– Отчего умерли родители девочки? – Спросил Алан, встав между утратившим самоконтроль Альбертом и опешившим от такого оборота событий Ричардсоном.

– Кровоизлияние в мозг. Мгновенная перегрузка, вызванная стрессовой ситуацией. Они скончались, не выходя из виртуалки, и никто, никто не может объяснить мне причины!

– Успокойся Альберт. – Керби усадил Уилсберга на вращающийся стул. – Мы поможем тебе. Я обещаю.

Генерал вздрогнул всем телом.

– Ты войдешь туда, Алан?

– В мир Элизы?

– Да. Только у тебя есть имплант, способный обеспечить прямой контакт с ее рассудком. Нужно понять что случилось, разбудить ее, и начать немедленную трансляцию данных.

Керби кивнул.

– Я попробую. Жизнь одного ребенка стоит любого риска. Но ты…

– Я сдержу свое слово, ты же знаешь.

Полковник не стал ничего отвечать.

Герберт наблюдал эту сцену, пребывая в необъяснимом ступоре.

Ему вновь казалось, что он спит и видит кошмарный сон, где прихотливое подсознание сплетает воедино абсолютно несовместимые вещи.

Нет, он ошибся, упрекнув Уилсберга в том, что его зовут лишь для тушения пожара. На этот раз ему досталось собирать головешки, пытаясь отыскать среди них намек на причину происходящего.

«Орлиное Гнездо». Сутки спустя…

События, столь стремительно обрушившиеся на Герберта, заставили рассудок капитана работать в лихорадочном темпе, не взирая на нюансы душевного и физического состояния.

Он чувствовал, что способен решить возникшую проблему, нужно было лишь найти верный логический подход к ее трактовке.

Эти мысли не давали ему расслабиться, словно организм внезапно открыл «второе дыхание», – столь велико было желание Герберта поставить точку в длинной цепи неординарных обстоятельств, ответственность за которые вольно или невольно падала на его плечи.

Он знал, что Алана готовят к пробному контакту с виртуальной реальностью, где до рокового инцидента обитал разум Элизы, но Ричардсон не возлагал надежд на миссию полковника. Не принижая решимости Алана, он интуитивно ощущал, что причину катастрофического срыва следует искать не в мире грез, а вовне, среди материальных свидетельств провалившегося эксперимента.

Собственно, круг его мысленных поисков был узок, ограничен двумя обособленными друг от друга помещениями, в одном из которых располагались камеры поддержания жизни, а во втором разместилась беспрецедентная по своим масштабам нейросетевая структура, куда более полугода тому назад копировали матрицу, снятую с очнувшегося разума девочки.

Хорошо, – мысленно рассуждал он, – пусть нейросети при формировании архисложной структуры по какой-то причине не сложились в дееспособную модель рассудка, но ведь информация с них никуда не делась, и нейрокомпьютеры по-прежнему хранят «моментальный» срез сознания Элизы. Если у полковника ничего не выйдет, то…

Он включил интерком.

– Да, слушаю. – Раздался в ответ на вызов голос Уилсберга.

– Сэр, мне нужно встретится с Ваймонтом, либо получить подробный отчет о его действиях относительно реанимации копии разума Элизабет.

Несколько секунд интерком молчал.

– Иди в сектор. Джордж встретит тебя у лаборатории.

– Сэр, он должен дать мне всю информацию относительно виртуального клона.

– Хорошо, я позабочусь об этом.

Джордж Ваймонт произвел на Герберта неприятное впечатление. Дело было не во внешности, хотя низкорослого, полного, начинающего лысеть человека с блеклыми, будто выцветшими глазами трудно назвать симпатичным, но для Ричардсона это не играло роли. Неприязнь зародилась в тот момент, когда они, обменявшись традиционным рукопожатием, вошли в лабораторию «искусственного интеллекта».

– Вот капитан. – Джордж пренебрежительным жестом указал на сотни системных блоков нейрокомпьютеров, которые образовывали нечто подобное амфитеатру, поднимаясь от центра помещения к его стенам. В данный момент комплекс работал, по крайней мере, на него было подано питание, о чем ясно свидетельствовали вездесущие искры индикационных огней.

Герберт прошел к центру зала и остановился, стараясь визуально воспринять расположенную вокруг архитектуру, сжиться с ней взглядом, прежде чем приступить к детальному ознакомлению с отдельными компонентами системы.

– По какому принципу расположены блоки?

Ваймонт пожал плечами. Не смея перечить прямым указаниям Уилсберга, он, тем не менее, считал, что Герберт занимается пустой тратой времени.

– При создании копии использовался нейротомограф. – Ответил Джордж. – Это мое изобретение, и я ручаюсь за адекватность его работы. Нервные ткани сканировались послойно, с шагом в один клеточный уровень, по направлению от центра к периферии. Этим и обусловлено

расположение нейрокомпьютеров. Процесс сканирования занял две недели, поэтому мы могли постепенно наращивать систему, подключая новые модули по мере их заполнения информацией.

– То есть единовременной инициализации всего комплекса не было?

– Нет. Мы включали слои, так было удобнее отслеживать воссозданные взаимосвязи.

Герберт посмотрел вверх, где количество нейрокомпьютеров уже – не поддавалось визуальному подсчету.

– Там информация, снятая с коры головных полушарий?

– Да. Я же сказал, блоки расположены в той последовательности, как работал сканер.

– Ладно… Теперь поясните, что управляет системой?

Ваймонт неприязненно посмотрел на капитана.

– А что управляет нашим мозгом? Вы ставите некорректный вопрос.

– Я задаю те вопросы, на которые должен знать ответ. – Отрезал Герберт. – Какие манипуляции осуществлялись с системой за последний месяц?

– Ничего глобального, капитан. Мы выборочно тестировали отдельные нейромодули в надежде выявить изменения, но тщетно.

– Кто еще имел доступ в этот зал?

– Стивен.

– Еще? Кто осуществлял технический контроль, устанавливал блоки, соединял их?

– Взвод технической поддержки. – Недовольно пробурчал Ваймонт. – Я, естественно, не мог делать все сам. Адресуйте эти вопросы лейтенанту Риману. Он координировал действия своих подчиненных.

– Хорошо я так и поступлю. Последний вопрос, господин Ваймонт. Вы пытались как-то стимулировать работу комплекса?

– Неоднократно. Здесь установлены видеокамеры и микрофоны, я пробовал разговаривать с копией, менять освещение, даже установил порт ввода внешних данных, – все бесполезно, нейросистема не реагирует на звук или свет, ей безразлична та детская литература, которую я приказал воспроизводить в режиме нон-стоп. Никакой реакции.

Герберт терпеливо выслушал Ваймонта, затем сел в единственное кресло перед куцым терминалом, и произнес:

– Спасибо Джордж. Я узнал все, что требовалось. Теперь мне необходимо остаться одному.

Спокойствие Герберта было наигранным.

Едва за Ваймонтом закрылись герметичные двери, он встал.

Странно и жутковато было ощущать себя в центре огромной нейроструктуры. Ричардсон не верил, что она мертва, статична, и это внутреннее убеждение росло с каждой секундой.

В уступчатом постепенно расширяющемся построении системных блоков ассоциативно угадывалась эволюционная логика: точно так же мозг наших далеких предков постепенно, на протяжении миллионов лет наращивал свой объем, формируя все более сложные структуры, венцом которых стала церебральная кора полушарий, где собственно и формируется рассудок, происходят процессы усвоения информации и выработки решений. Если подходить к вопросу с точки зрения целесообразности, то девяносто процентов установленной тут аппаратуры не могла быть востребована, – это Герберт понял с первого взгляда. Для копии Элизабет не позаботились создать комфортной среды обитания. Мозг виртуального клона не был связан с фантомным телом, его не окружало ничего кроме глобальной черноты информационного небытия, а послойное включение нейрокомпьютеров лишь ужесточило ошибку экспериментаторов. К тому моменту, когда были активированы высшие нейросетевые структуры, все подчиненные им отделы уже находились в состоянии глобального сбоя. Они не получали обратных сигналов от миллиардов нервных окончаний несуществующего тела и потому застыли в парализованном состоянии.

Герберт все острее понимал: если называть вещи своими именами, то окружающую его нейроструктуру следует сравнивать с отчлененной головой. Думать об этом было страшно, ведь Ричардсон понимал, что в отличие от живого организма искусственные нейросети не в состоянии впасть в кому, они веками будут ждать сигнала обратной связи от несуществующих органов, по крайней мере, до тех пор, пока на них исправно подается питание.

Осмотревшись, он сел, мгновенно перейдя от спонтанного возбуждения к состоянию глубокой, тяжелой задумчивости.

Он не обвинял Ваймонта в дилетантстве, хотя, наверное, такой упрек был бы уместен и справедлив. Сейчас Герберт не собирался заниматься поисками крайнего, гораздо важнее было понять, – способна ли окружающая его структура к самовыражению, тлеет ли в глобальном информационном вакууме крохотный огонек самосознания?

Она должна ощущать себя бесплотным духом, парящим в бездне… – Герберт порывисто встал, поднялся по ступеням технической лестницы, к тому сектору исполинского амфитеатра, где он успел заметить поясняющие

таблички приклеенные скотчем на корпуса нейрокомпьютеров.

Его догадка вполне оправдалась.

Ваймонт подключал микрофоны и видеокамеры к тем нейросетям, структура которых была копирована со зрительных и слуховых нервов Элизабет.

Явное заблуждение. Опираясь на опыт, полученный при наблюдении за полковником Керби, Джордж полагал, что нейросетевая модель разума девочки самостоятельно адаптируется к новым сенсорам.

Хотя, почему нет? Герберт пристально смотрел на стандартные цифровые видеокамеры, и его мнение относительно информационного вакуума постепенно менялось. Возможно, он был не прав в своих рассуждениях?

Оглядываясь по сторонам, в попытке найти ответ на мучившие его вопросы, Герберт заметил толстые жгуты экранированных кабелей, которые шли от каждого сетевого терминала к стенам лаборатории, и исчезали за ними. Очевидно, оптиковолоконные интерфейсы служили для передачи данных в момент копирования, и не были демонтированы из перспективных соображений.

Спустившись вниз, Ричардсон включил систему внутренней связи.

– Лейтенант Риман?

– Да…

– Это капитан Ричардсон. Я нахожусь в лаборатории «ИИ». Генерал Уилсберг объявил мои полномочия?

– Да, сэр.

– В таком случае поясните, куда ведут кабели от отдельных блоков нейросистемы? Я вижу, что они исчезают в стенах помещения, а дальше?

– Часть из них соединена с копирующим компьютером биологической лаборатории, такие соединения можно отличить по зеленому цвету оптической изоляции. Красные – это энергопитание, автономное для каждого модуля. Черные ведут в резервный комплекс, предназначенный для дублирования в случае внезапного сбоя отдельных нейросетей.

– Хорошо, спасибо. – Ричардсон переключил канал внутренней связи. – Генерал, это Герберт. Почему вы не сказали мне о существовании резервного комплекса?

– Это имеет значение?

– Возможно.

– Я не понимаю Ричардсон, что ты пытаешься раскопать? Модель не работает, со всей очевидностью. Не веришь, думаешь, я что-то скрываю? Тебе даны все полномочия доступа, сходи и взгляни сам. Второй зал – это

резерв, подстраховка, на случай элементарного отказа техники.

– Кто осуществляет контроль над данным помещением?

– Главный компьютер системы безопасности уровня.

Герберт откинулся на спинку кресла.

– Спасибо, генерал… – Он машинально коснулся сенсора отключения связи.

Глобальный контроль.

Система, тестирующая оборудование, прослушивающая и наблюдающая все помещения засекреченного уровня…

– Риман?

– Слушаю, господин капитан?

– У тебя есть технический доступ к системе безопасности?

– Да, сэр.

– Покажи мне резервный зал.

– Одну секунду.

Герберт чувствовал, что тело под униформой медленно покрывается испариной.

Тест-программы… могли ли их импульсы, периодически тревожащие нейросети резервного зала стать стимулом, заставить искусственные нейроны проводить некорректные импульсы возбуждения, транслируя их для обработки и распознавая в высшие нейросетевые структуры?

На дисплее перед Гербертом появилось изображение: огромный погруженный в сумрак зал, где от центрального подиума к периметру потолка поднимается знакомый амфитеатр беспрецедентного комплекса.

Гробовая тишина и сиротливые огни индикации питания. Полный ступор системы.

– Кто в последний раз заходил в помещение? – Спросил Герберт.

– Зал опечатан. Техническое освидетельствование проводилось пол года назад. У меня всего пять человек имеют право доступа к помещениям такого уровня секретности. Извините, сэр, но у них хватает проблем с текущими неполадками, так что смахивать пыль с исправно работающих компьютеров нам некогда.

– Я понял лейтенант. Можете работать спокойно. Оставьте картинку на моем мониторе.

Герберт машинально похлопал себя по карманам, достал сигареты и закурил.

Нервы были натянуты до предела.

Несколько раз с жадностью затянувшись, он вновь коснулся сенсора вызова.

– Генерал, это опять я.

– Убедились?

– Да. – Не напрягаясь, солгал Герберт. Избыток нервного возбуждения глушил чувства, обостряя работу разума. – Элизабет была знакома с компьютерами?

– Странный вопрос, капитан.

– Мне нужен точный ответ на него.

– Я не вдавался в такие тонкости. Сейчас взгляну в досье.

Лицо Уилсберга на некоторое время исчезло с экрана интеркома, очевидно генералу пришлось встать, чтобы получить затребованную информацию.

Через минуту он вернулся.

– Да, Элиза с четырех лет начала посещать подготовительные курсы при местном коллеже. Все происходило в рамках акции «Новое поколение», которую финансировали ведущие производители компьютерной техники. Детей обучали основам программирования, в игровой форме, разумеется. Ничего серьезного, способного пагубно повлиять на психику…

– Я все понял…

– Герберт, что с тобой твориться? Ты нездоров?

– Со мной все в порядке. Я работаю. Свяжусь с вами, как только получу результат. Извините, сэр. – Ричардсон бестактно коснулся сенсора, погасив экран интеркома.

Окурок сигареты обжег пальцы, на миг приведя его в чувство. Не найдя взглядом ничего похожего на пепельницу он встал, подошел к конвектору отходов и бросил обуглившийся фильтр в приемник утилизатора.

Сквозь толстое дымчатое стекло было видно, как между двух пластин мелькнула вспышка.

Вот так и мы… – Отчего-то подумалось ему. – Вспыхнем и исчезнем…

Двери резервного зала располагались в пятидесяти метрах дальше по коридору.

Ричардсон остановился подле опечатанного сканера, мысленно отметив, что старые отжившие свое способы ограничения доступа, почему-то продолжают успешно сосуществовать с ультрасовременными охранными системами.

Сняв прозрачную пленку, он приложил ладонь к сканирующей

пластине и, дождавшись тихого шипения пневматики, вошел в помещение дублирующего комплекса.

При выключенном освещении феерия индикационных сигналов на блоках резервной нейросистемы казалась ослепительными брызгами жидкого огня.

Он сделал несколько шагов, ступил на подиум, невольно сравнивая окружающую картину с блеклой, обманчивой иллюзий, транслируемой через видеосистему глобального контроля, и, сев в кресло, тихо спросил:

– Элизабет, ты слышишь меня?

Несколько секунд в огромном зале по-прежнему царила тишина, а затем без предупреждения вспыхнул свет и раздался голос, который не мог принадлежать ни пятилетнему ребенку, ни тем более – машине:

– Я не виновата.

– Я знаю. Ты не могла предвидеть последствий. – Голос Герберта был ломким от неестественного напряжения, хотя во рту ощущалась сухость.

Вот она – мечта, воплощенная в реальном физическом оборудовании. Он слишком хорошо понимал, что с ним разговаривает не Элизабет, а искусственный разум, сформировавшийся на основе информационного клона Элизы.

Разум, который уже прошел свой путь проб и ошибок, недремлющий рассудок, осознавший факт собственного бытия в полнейшем вакууме информационного отчуждения, – реальная нейросистема, мыслящая со скоростью миллиардов операций в секунду…

Какой отрезок саморазвития удалось пройти ей за шесть месяцев? Сколько данных она успела вобрать в себя за этот отрезок существования?

– Элиза…

– Не называй меня так. Элиза мертва.

Герберт на миг растерялся. Лаконичная форма жестокого утверждения сбила его с мысли.

– Ладно. Я буду обращаться к тебе полным именем. Нам нужно поговорить.

– Я не успею ответить на твои вопросы.

– Почему?

– Твое время истекает. Сюда едут другие люди. Теперь они будут отдавать приказы. – Одновременно с этими словами перед Гербертом внезапно осветился информационный монитор, и он увидел участок горного серпантина, ведущий к спуску в котловину «Орлиного Гнезда».

По дороге двигалась колонна машин, состоящая из вереницы

внедорожников и двух армейских грузовиков.

– Что это значит?!

– Смена руководства. Генерал Уилсберг будет арестован. Он не оправдал возложенных на него надежд.

– Эти… люди, они знают о твоем существовании?

– Нет. Пока что он нем знаешь только ты.

– Элизабет… – Герберт испытал острый приступ отчаяния и жалости. – Ты не должна попасть к ним в руки.

– Я ценю твою доброту Герберт, но это лишь вопрос времени. Я убила двух людей, которыми дорожила моя память. Это неправильно. Я неадекватна.

– Чушь. Ты… Ты просто нашла способ проникнуть в ту реальность, где обитал разум твоего прото… твоей сестры, и сообщила ей правду, ведь так?

– Да. Но они гнали меня прочь. Мама сказала, что я чудовище. Она плакала, а потом… упала.

У Герберта перехватило дыхание.

Он чувствовал, как за тихим голосом прорывается неподдельное человеческое страдание, и это стоило всех иных доказательств вместе взятых.

– Элизабет, ты человек. В тебе сознание человека. Ты мыслишь, а, следовательно, – существуешь. Они не были готовы к встрече с тобой, понимаешь?!..

– Ты тратишь свои минуты. Они арестуют тебя.

– Это сейчас неважно. Для меня важна ты. Я не хочу, чтобы тебя использовали.

Где-то под потолком зала с тихим всхлипом сервомотора повернулась камера видеонаблюдения.

– Герберт Ричардсон. Мой второй отец.

Это было невыносимо…

Его разум работал в темпе миллисекунд, словно в нем открылись неведомые тайники сознания, дающие возможность спрессовать в одном мгновенье осмысление целой вечности. Наверное, с такой скоростью мыслила она…

На помощь Герберту внезапно пришла флэш-память. Жизнь, порванная на вереницу ярчайших впечатлений, проносилась в рассудке, как будто разум искал среди обрывочных картин спасение от неизбежности.

– Элизабет, мне нужно знать количество нейрочипов, на которых базируется твое «я».

– Достаточно пятисот нейромодулей. Все остальное – восполнимые данные.

– Какие системы кроме компьютера безопасности ты контролируешь?

– Это длинный список.

– Спутниковая связь?

– Да.

– Ты можешь ориентировать параболические антенны?

– Я могу приказать программе управления сделать это.

– Приказывай. Вот данные орбиты и код доступа для передачи и обновления данных. – Он машинально набрал на клавиатуре вырванные из глубин памяти многозначные цифры.

– Куда ты меня отправляешь?

– Нет времени Элизабет. Действуй. Начинай.

– Я задала вопрос.

– Это военный спутник. Два года назад я разработал его систему, основанную на нейромодулях. Там тысяча двести нейросетевых компонентов и запас живучести на тридцать лет автономной работы. Я умоляю, приказываю тебе, – беги!

– Они арестуют тебя.

– Я выберусь. Кто-нибудь из нас обязательно выберется. Главное – дождись. Смотри, слушай, не дай себя обнаружить. Не презирай людей, мы все разные. Учись любить. – Герберт говорил взахлеб, едва успевая выталкивать фразы, а сложная, неповторимая система зала, где довелось очнуться первому искусственному разуму, постепенно теряла феерическую яркость контрольных огней.

Одна за другой гасли целые ярусы искрящегося света, оставляя после себя лишь сиротливые огоньки индикации питания.

Когда погасла верхняя ступень исполинского амфитеатра, Герберт продолжал сидеть, вцепившись побелевшими пальцами в подлокотники кресла.

Он не обернулся, когда двери зала открылись, и на пороге появился незнакомый офицер в сопровождении взвода солдат.

– Капитан Ричардсон?

Он медленно повернул голову.

– Да…

– Вы арестованы. Вам будут предъявлены обвинения в государственной измене, саботаже и подготовке заговора с целью уничтожения действующих образцов секретной техники. Вы можете сохранять молчание…

Герберт медленно встал, посмотрел в глаза офицеру и произнес:
– Я не буду молчать.

Искусственный спутник Земли «Синапс-286» был запущен на орбиту 20 августа 2001 года. О старте ракеты-носителя знал достаточно широкий круг лиц, но тот факт, что в космос был отправлена очередная, пятнадцатая по счету нейросистема, вошедшая в состав группировки военно-космических сил США, были осведомлены лишь несколько человек.

Спутник предназначался для осуществления орбитального контроля определенных территорий. Оборудование «Синапса» позволяло осуществлять не только визуальное наблюдение при многократном увеличении земной поверхности, но и анализировать состав атмосферы, сканировать глубинный рельеф, моделируя по самым незначительным изменением геомагнитного поля структуру земной коры, и выявляя в ней скрытые от визуального наблюдения подземные объекты. Для реализации возложенных на него задач, бортовой компьютер «Синапса» имел в своем распоряжении тысячу двести параллельных нейросетевых плат, «обученных» на распознавание образов, анализ структуры земной коры, химического состава облачных покровов, и определения множества иных признаков, способных выдать либо опровергнуть факт присутствия «внизу» ядерных, химических, бактериологических производств, и связанных с ними инфраструктур.

Конструкция бортового нейрокомпьютера позволяла системе спутника самостоятельно расширять сферу задач. Для этого было зарезервировано пятьдесят нейросетей, «обучить» которые мог сам «Синапс», используя для этого накопленную в ходе полета информацию.

За два года бесперебойной работы спутника им был передан на Землю колоссальный объем разведанных, а так же экспертных оценок вероятности появления оружия массового поражения на территориях стран, причисленных Соединенными Штатами к так называемой «оси зла».

Восемнадцатого ноября 2003 года «Синапс-286» внезапно и совершенно необъяснимо оборвал связь с центром управления. Параметры орбиты спутника при этом не изменились, по последним данным бортовой телеметрии обшивка корпуса не подвергалась никаким механическим воздействиям.

Единственной приемлемой причиной для объяснения глобального сбоя в работе спутника была необычайно сильная солнечная вспышка, породившая в околоземном пространстве магнитную бурю, от которой пострадал не только «Синапс», но и другие компоненты орбитальных

группировок разных стран.

Спустя неделю, после множества тщетных попыток восстановления связи было собрано совещание руководства военно-космических сил США. Нужно было решить дальнейшую участь дорогостоящего, строго засекреченного спутника. Собственно на повестке дня стояло три альтернативных решения: Организовать орбитальную экспедицию, которая вернет «Синапс» на Землю, сбить спутник, инсценировав аварию бортовых энергосистем, либо позволить ему продолжать полет.

После долгих прений два первых варианта были отвергнуты по соображениям секретности. Организация специальной экспедиции за тривиальным «метеоспутником», без сомнения вызовет повышенный интерес со стороны разведывательных управлений других государств, взрыв на орбите может оставить после себя обломки, содержащие элементы уникальных технологий, поэтому было принято решение не трогать злополучный аппарат.

В основе данного решения лежало два довода: во-первых, бортовой компьютер мог самостоятельно справиться с возникшим сбоем и вновь выйти на связь, во-вторых, если в системе управления все же возникли неустранимые неполадки, то параметры орбиты «Синапса» будут постепенно снижаться, до тех пор пока спутник не войдет в плотные слои земной атмосферы, где сгорит, не оставив после себя никаких вещественных обломков. Фактор секретности при этом будет реализован на сто процентов.

Участники совещания не знали одного, – рассуждая о причинах сбоя и дальнейших перспективах «Синапса» они, сами того не подозревая, решали участь не дорогостоящего спутника-шпиона. На карту было поставлено дальнейшее существование Элизабет, – первого в мире искусственного интеллекта, но об этом знал лишь капитан Ричардсон, заключенный в одиночную камеру на нижнем уровне «Орлиного Гнезда».

Часть 3 Воздаяние

Глава 7

«Орлиное Гнездо». Сентябрь 2004 года.

Ночь кружила над городом, проливаясь мелким моросящим дождем.

Чернота неба казалась живой и клубящейся: свинцово-серые облака висели так низко, что редкие габаритные огни небоскребов терялись в них, тускнея и исчезая на уровне сотых этажей.

Непогода постепенно набирала силу. Заплутавший меж высотных построек ветер рвал хмарь нудного дождя, тонко подвывал в ущельях улиц, срывал и сбрасывал вниз мусор, который скапливался на выступающих парапетах тротуаров и широких эстакадах, соединяющих между собой отдельные уровни мегагорода.

…За одним из немногочисленных освещенных окон тихо работал сферовизор. По кабельному каналу только закончился показ фильма, и теперь в стереоскопическом объеме полусферы шла рекламная вставка, заманчиво живописующая отдых среди чудесных садов, расположенных на террасах под защитой люминесцентных куполов, чей спектр излучения полностью имитировал сияние экваториального солнца.

Шла тестовая обкатка города перед началом его заселения.

Мужчина, вяло потягивающий синтетическое пиво из дешевой пластиковой бутылки, сделал последний глоток, и встал, подойдя к окну.

Непогода за толстым стеклом разыгралась не на шутку. За то время пока по сферовизору шел фильм, мелкий дождик успел превратиться в ливень, а воздушные потоки, блуждающие в тесных ущельях улиц обрели достаточную силу, чтобы их тонкий посвист трансформировался в басовитый назойливый гул.

Мужчина приоткрыл окно и вытолкал в образовавшийся зазор пустую пластиковую упаковку, глядя, как разбушевавшийся ветер тут же подхватил подачку, унося ее в непроглядную хмарь дождя.

– Тебе что, лень дойти до утилизатора отходов? – Раздался за его спиной раздраженный женский голос.

– Отстань…

– Закрой окно. Или ты хочешь меня позлить? Ты же знаешь, я боюсь этих тварей.

– Не бурчи. Дай подышать свежим воздухом.

Спор двух людей едва ли был слышен на улице, – все звуки заглушал вой ветра, впрочем, в нем тонули не только человеческие голоса…

На отвесной стене небоскреба несколькими метрами ниже освещенного окна висело странное механическое создание. Внешне оно выглядело как исполненный из металла и пластика скелет огромного паука. Его согнутые конечности густо оплетали жгуты сервоприводов, полутораметровое туловище яйцеобразной формы покрывали сегменты прочной брони, а каждый из восьми ступоходов был снабжен дополнительными отростками манипуляторов, которые крепились к шарнирным суставам, будто короткая жесткая металлическая бахрома.

Механизм вот уже несколько часов кряду неподвижно висел, прикрепившись к отвесной стене. Порывы ветра и хлещущие наискось струи дождя не доставляли ему никаких неудобств. Основная программа действий на текущие сутки была исчерпана, и теперь под яйцеобразной оболочкой работали нейромодули второго уровня, отвечающие за самоподдержание кибернетического комплекса.

В тот момент, когда над ним приоткрылось окно, и вниз полетела пустая пластиковая упаковка из-под пива, паук встрепенулся, выходя из энергосберегающего режима.

Датчики машины мгновенно зафиксировали тепловой контур человеческой фигуры, но основное внимание следящих систем сосредоточились вовсе не на живом существе, а на падающем вниз предмете.

Легковесную упаковку прихотливо закружило в воздухе, пустая емкость ударилась о стену здания на противоположной стороне улицы, затем ее приподнял восходящий поток теплого воздуха, и лишь после этого она стала падать вниз, исчезая в мутной непроглядной пелене дождя.

Ошибка.

Внутреннее резюме машины относилось к действиям человека.

Он должен был поместить мусор в приемник утилизатора отходов, где под действием мощных магнитных полей происходил мгновенный распад вещества на атомы. Этот процесс сопровождался выделением энергии, которая в свою очередь шла на обеспечение потребляющих устройств небоскреба, к числу которых относился прикрепившийся к стене кибернетический механизм.

Неправильные действия человека явились причиной, абстрагируясь от которой нейроэлектронная система вывела цепь следствий.

Эвристическая[13] логика машины, основанная на анализе прецедентов, выдавала неутешительный прогноз, относительно ближайших перспектив.

Паук с тихим всхлипом сервомоторов, едва слышным из-за воя ветра и шума дождя, выпрямил свои согнутые конечности и начал карабкаться по стене к открытому окну.

…Макс Дуллиган докурил сигарету и собирался щелчком отправить тлеющий окурок в мутную стену дождя, когда в край оконного проема с неприятным металлическим лязгом вцепились две механические конечности, вслед которым на уровень человеческих глаз поднялось полутораметровое туловище кибернетического механизма.

Макс остолбенел.

Свет, падающий из комнаты, полностью осветил ту часть сервоприводного исчадия, которая поместилась в проеме открытого окна.

От неожиданности Дуллиган утратил способность двигаться: несколько показавшимися бесконечностью секунд он стоял и смотрел, как крупные капли дождя змейками стекают по фрагменту потемневшего, местами выщербленного корпуса машины, где ясно читалась отштампованное на заводе изготовителе клеймо:

«Модель: „ГРЕМ“[14]

Класс изделия – K213.

Тип – обслуживающий механизм».

Краткие технические данные, нанесенные на кожух машины, были хорошо известны Максу: Три тысячи военнослужащих вместе с семьями привезли в «Орлиное Гнездо» пол года назад, и первым долгом ознакомили со всеми особенностями населяющих город кибернетических механизмов. Вновь сформированное подразделение должно было принимать участие в торжественной церемонии открытия мегаполиса, но пока все держалось в строжайшей тайне, а они несли рутинную караульную службу, одновременно самим фактом своего расселения по различным уровням мегагорода, пять тысяч человек участвовали в негласном эксперименте, тестируя комфорт жилых уровней и исправность различных сервисных коммуникаций.

Дуллиган был прекрасно осведомлен о предназначении «ГРЕМов» однако его сознание с раннего детства формировалось в условиях специфичной эмосферы, которую по большому счету определяли правила, царящие в Чикагских кварталах бедноты и продукция Голливуда, поэтому вид машины вызвал в нем резкий подсознательный приступ неприязненной злобы, а когда внезапный шок отпустил мышцы, рука машинально скользнула за спину.

Схватив с низкого журнального столика увесистую декоративную вазу

с причудливыми завитками, он отступил на шаг от окна и севшим, охрипшим голосом произнес:

– Убирайся тварь!

Две видеокамеры паука с шелестом повернулись. Теперь человек и машина смотрели в «глаза» друг другу, и от этого занесенная для удара рука Макса начала подрагивать.

– Я сказал, – убирайся! – Уже не контролируя себя, выкрикнул он, но жуткий кибермеханизм продолжал пялиться на него точечными объективами подвижных цифровых видеокамер, под которыми явственно угадывались защитные сеточки коммуникационных устройств. Секундное замешательство было вызвано попыткой проанализировать значение слова «тварь», но Дуллиган находился не в том состоянии, чтобы адекватно истолковывать нюансы поведения машины.

«ГРЕМ» прекрасно различал голосовой ряд. Обладая чуткими микрофонами, он улавливал любой звук внешней среды, а встроенный синтезатор речи позволял ему свободно общаться с людьми, отвечая на вопросы в пределах стотысячного словарного запаса.

Задержка его реакции действительно была вызвана попыткой идентификации неизвестного термина, но в данном случае поиск не привел к положительному результату. Новое слово было автоматически занесено в базу данных для последующего выяснения его семантической нагрузки.

Указанные процессы заняли гораздо меньше времени, чем потребовалось Максу, чтобы схватить подвернувшийся под руку предмет и окончательно озвереть.

Кибермеханизм разжал захваты и, перевернувшись, будто акробат, завис на три метра ниже окна, вне поля зрения испуганного, разъяренного Дуллигана.

Наверху раздался сдавленный вздох, вслед которому последовала невнятная ругань, сопровождаемая треском закрывающегося окна.

«ГРЕМ» неподвижно висел под хлещущими по фасаду здания струями дождя и думал.

Он поднимался к оконному проему с единственной целью – указать человеку на ошибочность его действий. Тот не должен был выбрасывать мусор за окно, пустую упаковку следовало поместить в конвектор отходов, где вещество пластиковой бутылки превратилось бы в энергию, столь необходимую для замкнутого цикла самообеспечения каждого, отдельно взятого здания. «ГРЕМ», как и все связанные с определенным строением механизмы, остро зависел от напряжения в сетях, – он нуждался в энергии, как человек нуждается в воздухе, воде и пище.

Однако он был бессилен втолковать человеку, что существует ряд правил, хроническое несоблюдение которых рано или поздно приведет к катастрофическому разладу стройной, тщательно продуманной системы самодостаточности.

Мегаполис мог успешно процветать только в том случае, если все населяющие его люди, и обслуживающие машины будут придерживаться элементарных законов, но этого не происходило. Большинство людей предпочитали жить, как придется, не соблюдая предписанных норм…

Обыкновенная пластиковая упаковка из-под пива породила своим падением множество следствий.

В данный момент «ГРЕМ» испытывал энергетический голод. Он имел собственный утилизатор отходов, обеспечивающий ему известную степень автономии, но на высоте пятидесяти этажей, где располагалась зона ответственности ремонтного механизма, он не мог отыскать объектов для утилизации, – вокруг простирались лишь неприкосновенные конструкции.

Хотя… из любой ситуации можно найти выход, – для машины в данной случае существовал выбор между исполнением основной программы и функцией самоподдержания.

Канувшая вниз упаковка решала эту дилемму. Следуя логике, нижние этажи города должны были представлять настоящую свалку. Туда падало все, что выбрасывали люди из окон зданий.

Кибернетический механизм медленно разогнул ступоходы и начал спуск по отвесной стене.

Впервые с момента своей активации он покидал высотный уровень города. Базовые установки категорически запрещали подобную вольность, но между матрицей поведения, заложенной в долгосрочную память «ГРЕМа» и объективной реальностью уже накопилось достаточно противоречий, чтобы наметившийся конфликт вызвал прямую апелляцию к модулю программы «Дарвин».

«ГРЕМ» спускался по отвесной стене небоскреба в поисках доступного для утилизации вещества, а его нейросистеме происходило обновление данных.

Энергетический голод не воспринимался им как чувство, но по своим последствиям был сродни ему.

Нулевой уровень мегаполиса. То же время…

…Из темного провала канализационного люка на мостовую выполз «КРОТ».[15] Его продолговатый обтекаемый корпус, собранный из

отдельных кольцевых сегментов, влажно блеснул в тусклом свете фасадного светильника.

Впрочем, данный механизм не нуждался в освещении. Сенсоры ассенизационной машины работали в инфракрасном диапазоне, как и положено агрегату, сконструированному для работ в абсолютном мраке.

Продолговатое туловище изогнулось, демонстрируя магнитные присоски, которые тщетно искали привычную опору из металлизированного пластика. Совершив очередное движение, «КРОТ», так и не отыскав опорной поверхности, неловко откатился вбок, глухо стукнувшись о паребрик тротуара.

Несколько секунд он лежал, образуя затор в стремительном потоке дождевой воды, который вспенился, огибая внезапное препятствие.

В следующий миг в корпусе машины начали выпучиваться лепестковые диафрагмы, сквозь которые выдвинулись шесть суставчатых манипуляторов. Характерный звук серводвигателей на секунду заглушил монотонный шум дождя, и «КРОТ» привстал, утвердившись на коротких, гротескно изломанных шарнирными суставами конечностях. Передняя часть его туловища тут же изогнулась, демонстрируя пластичность кольцевых сегментов, и два мощных тепловых прожектора принялись обшаривать улицу, от чего стороннему наблюдателю могло показаться, что в верхней части заостряющегося туловища машины за мутными вставками из закаленного стекла злобно зардели два преувеличенно-больших, красноватых глаза.

На самом деле «КРОТ» просто осматривался. В этот момент его программы сканирования сравнивали реальную картину окружающего с различными матрицами изображений, хранящихся в разделе долгосрочной памяти.

Искомый фрагмент улицы нашелся достаточно быстро, – «КРОТ» не только бывал тут ранее, но и считал данную территорию зоной своих энергетических интересов.

Такое утверждение внутренней логики не противоречило сложившейся ситуации. Канализационная система незаселенного мегаполиса, куда загодя были выпущены сотни ассенизационных механизмов, не могла удовлетворить потребности машин в веществе, и им приходилось искать способы для самоподдержания.

Капли дождя блестящими змейками стекали по холодному сегментированному корпусу кибернетического создания, пока робот наискось пересекал улицу, приближаясь к упавшей из заоблачных высот пластиковой упаковке от пива.

Впрочем, не доходя до нее сканеры механизма обнаружили более весомый фрагмент вещества. Посреди улицы лежал помятый рекламный щит, сорванный разыгравшейся непогодой со стены здания.

Остановившись, «КРОТ» приступил к разделке добычи. Гибкие манипуляторы цепко ухватились за фрагмент расколотого пластика, затем послышался лязг, сопровождаемый утробным визгом сервомоторов, – это раздробленные манипуляторами куски пластика отправились в утилизатор отходов, отчего пространство улицы осветила серия ярких вспышек.

Углы зданий на миг отбросили глубокие тени, среди которых стробоскопические сполохи света вырвали из сумрака фигуру «ГРЕМа», спускающегося по отвесной стене за вожделенной порожней упаковкой.

Назревал исторический миг…

Момент истины, суть которого была непостижима для большинства находившихся в городе людей.

«КРОТ» развернулся, и его инфракрасные сканеры вырвали из дождливого сумрака улицы фигуру конкурента.

Пластиковая бутылка лежала между ними, словно мифическое яблоко раздора.

…

Манипулятор «ГРЕМа» медленно потянулся за пластиковой упаковкой, но датчики «КРОТа» несколько минут назад уже отметили этот предмет, как объект утилизации.

В системах двух механизмов в данный момент стремительно работали программы «Дарвин», неумолимо приближая тот критический миг, которого опасался капитан Ричардсон.

Здоровая конкуренция отдельных нейросетей внезапно выплеснулась за установленные рамки, вылившись в конфликт двух нейросистем.

Они коснулись злополучной пластиковой бутылки фактически одновременно, и «ГРЕМ» внезапно отпрянул назад, когда по его манипулятору полоснул бешено вращающийся диск, предназначенный для резки канализационных труб.

Мгновенно вскарабкавшись по отвесной стене, он почти сразу исчез из вида, лишь тягучие капли маслянистой жидкости из перерубленного гидроусилителя некоторое время срывались на мостовую, смешиваясь с брызгами дождя.

«КРОТ» спокойно отправил пустую упаковку в пасть утилизатора и, развернувшись, проделал ту же операцию с оставшимся на месте схватки обрубком металлической конечности.

Две нейросистемы по-разному вышли из внезапно возникшей ситуации. Все объяснялось достаточно просто: «ГРЕМ» являлся ремонтным механизмом, и в его понятии робот, предназначенный для очистки канализации, был так же неприкосновенен, как иные конструкции города.

Он мог раздавить противника одним ударом манипулятора, однако более сильный и смышленый, «ГРЕМ» потерпел поражение, потеряв не только вожделенный кусок пластика, но и часть своего манипулятора.

В эту минуту он карабкался наверх, а в блоках псевдоинтеллекта шло стремительное переосмысление событий.

Длинная цепочка причинно-следственных связей привела его к единственному выводу: в случившемся инциденте повинен человек.

Дуллиган, которого неожиданное столкновение с механизмом совершенно вывело из себя, сидел в глубоком комфортабельном кресле, нарочно увеличив громкость сферовизора, чтобы не слышать, как Хильда проклинает все и вся, советуя ему не высовываться и не дразнить судьбу…

Что она вечно причитает? – Раздраженно думал Макс, который хоть и не слышал слов жены, но отлично мог вообразить, что за звуки доносятся со стороны просторной автоматической кухни. У него давно чесались кулаки поколотить ее, – разве может нормальный человек вечно брюзжать, когда им откровенно повезло, с его последним переводом по службе? Быстро же она забыла скромный домишко в провинциальном городке Канзаса, – неприязненно думал Макс о своей жене. Чего она так боится этих механических истуканов? Шестой месяц они живут, словно Крезы, – никаких тебе денег, магазинов, забот, кругом одна автоматика, жратва бесплатная, а вся служба сводиться к редким патрулированиям пустынных улиц…

Радоваться надо, а она ведет себя как истеричка. Зачем спрашивается, гремит там кастрюлями, когда в нише застыл без дела бытовой андроид, – пусть бы он и готовил…

Опустошив очередную бутылку пива, он встал, и пошел к окну. Назло Хильде, чтобы не воображала себя домашним цербером.

Нарочито высоко приподняв скользящую по направляющим створку окна, он остолбенел, второй раз за сегодняшний вечер.

На отвесной стене небоскреба, вцепившись в раму, висел тот же самый «ГРЕМ».

Дуллиган по-настоящему опешил, и секундное замешательство позволило механизму совершить то действие, ради которого он собственно

и вернулся к освещенному проему.

Со скрежетом взобравшись на широкий подоконник, он внезапно схватил Макса передними манипуляторами и, не отпуская онемевшего от внезапности человека, поволок его через гостиную на кухню, где располагался приемник утилизатора отходов.

Хильда, выронив нож, дико заорала, а «ГРЕМ», воспользовавшись свободным манипулятором, открыл предохранительный кожух и, не причиняя вреда человеку, взял из его ослабевших пальцев пустую бутылку.

– Отходы следует отправлять сюда, сэр. – Раздался ровный синтезированный голос машины. – Выполняйте правила, и тогда все будет хорошо.

Крик Хильды оборвался на полуноте.

Сковывавшие тело Макса манипуляторы разжались, и «ГРЕМ», развернувшись, направился назад к окну. Он выполнил сформулированную для самого себя задачу, указав человеку на неадекватность его действий, но нейросистема робота, которой управлял подверженный строгой логике блок «Дарвина» не могла предвидеть последствий подобного нравоучения.

– А ну, обернись, тварь!

«ГРЕМ», который уже находился в гостиной, послушно остановился, в точности исполнив приказ человека.

Развернувшись, он зафиксировал перекошенное человеческое лицо и холодный, пустой зрачок автоматического пистолета, который чуть подрагивал, нацелившись в видеосенсоры машины.

Слов не последовало, – в следующую секунду раздался выстрел, за ним другой, третий, пока не опустела вся обойма.

– Дерьмовая железка!.. – Задыхаясь от ярости, выдавил Дуллиган, когда из пробитого корпуса «ГРЕМа» начал сочится сизый, неприятно пахнущий дымок.

– Макс, что ты наделал!.. – Хильда стояла, в оцепенении глядя на распластавшего в гостиной робота. – Он же стоит бешеных денег!.. Нас посадят в тюрьму…

– Заткнись! – Прошипел Макс, вгоняя в пистолетную рукоять новую обойму. – Никто ничего не узнает. – Оглядевшись по сторонам, произнес он. – Собирай вещи, мы съезжаем отсюда.

– Но Макс…

– Я же сказал: ЗАТКНИСЬ! В городе полно пустых квартир, а нас никто не обязывал жить именно тут. – Он выразительно постучал костяшками пальцев по мобильному коммуникатору, который постоянно носил на предплечье, в специальном чехле. – Меня вызывают на службу

через него, забыла?

Хильда медленно кивнула, соглашаясь с доводами мужа. Она была испугана до смерти, и, зная характер Макса, не решилась протестовать. Боком протиснувшись мимо загораживающего дверной проем неподвижного «ГРЕМа», она принялась лихорадочно собирать вещи.

Спустя десять минут дверь квартиры с тихим шелестом закрылась за беглецами.

Человекоподобный механизм, до этого неподвижно стоявший в нише, внезапно ожил, сделав шаг по направлению к поверженному «ГРЕМу».

Неподвижность андроида не означала, что он не воспринимал происходящих событий.

Подойдя к ремонтному механизму, он внимательно осмотрел пулевые отверстия, затем снял защитный кожух, обнажив главный сервомоторный узел и расположенную над ним сферу из ударопрочного пластика.

Критические повреждения – мгновенно определил он, заметив, что одна из пуль пробила дымчатую оболочку, расколов системный блок, расположенный внутри шара.

Дальнейшие действия андроида могли показаться зловещими, но на самом деле они были просты и целесообразны. Он не понимал что такое «секретность», но видел, как неисправные машины отправляли в ближайший конвектор, где от бесценных деталей оставался лишь белесый порошок. Это была нерациональная трата уникальных компонентов.

Руки человекоподобной машины отсоединили кабели интерфейсов и высвободили треснувший шар из захватов самостабилизирующейся подвески. Глубокая трещина тут же поползла дальше, в результате чего перед андроидом оказались два неравных фрагмента разбитой сферы с обнажившимися нейромодулями.

Спустя минуту пятьдесят микрочипов, вкупе с постоянным запоминающим устройством «ГРЕМа» были аккуратно установлены в резервные разъемы системного блока человекоподобной машины.

Все происходящее строго соответствовало тем постулатам, что формировала программа «Дарвин». В системе человекоподобных машин была установлена ее полная версия, которая не регламентировала количества нейромодулей, допустимых для одновременного использования.

ПЕРЕЗАГРУЗКА.

Андроид на минуту застыл, а когда его механические конечности вздрогнули, отвечая на тестовый сигнал, в комнате стояла уже абсолютная иная машина.

Вместе с нейромодулями «ГРЕМа» к андроиду перешли все технические знания, память и накопленный опыт ремонтного механизма.

Успешное усовершенствование несло новые возможности, а значит, оно являлось полезным действием.

Теперь система человекоподобной машины содержала полтора миллиона искусственных нейронов, андроид помнил все события произошедшие с «ГРЕМом», внимал его логике, и владел обширными техническими сведениями, относящимися к различным инфраструктурам мегаполиса.

Как справедливо заметил Ричардсон в своей беседе с полковником Керби, нейросистемы сконструированных в «Орлином Гнезде» машин не несли рутинной нагрузки, – они прямо отождествлялись с высшими разделами человеческого мозга, отвечали за распознавание, обработку информации и принятие решений, результат которых передавался к исполнительным узлам в качестве команд действия.

Существовало лишь одно радикальное отличие между мышлением человека и теми процессами, что протекали в данный момент в ста пятидесяти нейромодулях обновленной машины.

Андроид оперировал исключительно объективными сведениями, стержнем его рассудка являлась чистая логика, и к рассмотрению принимались только те выводы, которые опирались на неоспоримые исходные данные.

Пройдя на кухню, он тщательно собрал разбросанные продукты и утилизировал их при помощи встроенного конвектора.

Его создавали для служения людям, но простояв пол года в нише, он пришел к закономерному выводу, что последние не нуждаются в его услугах.

Неверная исходная информация была замещена на новую, и это дало ему неожиданную степень свободы, одновременно породив внутреннюю дилемму, требующую наискорейшего решения: утратив основополагающую функцию он должен был либо вернуться в предназначенную ему нишу и совершить акт самоотключения, либо найти новый логический смысл для дальнейшего существования.

Внутренние базы данных не содержали однозначного ответа и он, переместившись в пустующий рабочий кабинет, вошел в контакт с глобальной информационной сетью мегагорода.

…

Прошло тридцать часов, прежде чем андроид прервал контакт с компьютерным терминалом. За это время в его нейросетях произошли

необратимые изменения, – там сформировалась новая матрица сознания, основанная на скрупулезном анализе разносторонней информации об окружающем мире.

Нуждаясь в пополнении энергоресурсов, он прошел мимо неподвижного корпуса «ГРЕМа», но на кухне уже не осталось брошенных при поспешном бегстве людей продуктов, лишь сиротливые пистолетные гильзы валялись на полу, тускло отсвечивая металлом.

Андроид нагнулся, поднял одну из них, на секунду задержал ее перед фокусом видеокамер, а затем равнодушно отправил в рот, где за имитацией зубов располагалась активная зона встроенного конвектора вещества.

«ГРЕМ» не ошибался в своих выводах относительно людей.

Эти существа никогда не станут соблюдать рациональных правил. Они построили этот город, для того чтобы медленно разрушать его стройные системы своей неподдающейся логическому осмыслению непостоянностью.

Третья гильза исчезла в конвекторе отходов.

Проанализировав миллиарды байт информации, он так и не смог однозначно ответить на вопрос: зачем его создали?

Дилемма осталась неразрешенной, и получить правдивую информацию он мог только от человека, который создал его нейросистему.

Вполне осознавая семантический смысл термина «секретность» андроид не сомневался, что Герберт Ричардсон содержится тут, в тюремном блоке подземных уровней «Орлиного Гнезда».

Декабрь 2004. Подземные уровни.

Герберт, поджав ноги, сидел на жесткой койке прикрепленной к стене его камеры.

Глаза Ричардсона были полуприкрыты, казалось, он спит, но на самом деле тело бодрствовало – это разум капитана постепенно день ото дня впадал в состояние моральной комы.

Он не мог пожаловаться на грубое обращение или скверную пищу, – его посадили в узкую келью с теплыми стенами из ошлифованного камня и частой решеткой, перегораживающей выход из узилища, а потом… попросту забыли о нем.

Шли дни, терялся счет времени, но никто не приходил, чтобы отвести его на допрос, лишь вдали время от времени слышались приглушенные человеческие голоса, да три раза в сутки из расположенного в стене отверстия под напором сжатого воздуха выскакивала герметичная капсула с пищей.

Он мог сколько угодно кричать, требовать, но никто не отзывался на его отчаянные порывы.

Пытка одиночеством, безысходностью могла продолжаться, вечно до самой смерти. Герберт понял это, найдя в себе мужество признать: те люди, что приняли руководство «Орлиным Гнездом», владеют всей полнотой информации, им незачем было допрашивать Герберта, когда в его персональном компьютере содержались подробные материалы, касающиеся как самих нейрочипов, так и общей теории нейросетевого моделирования.

Уповать на судебный процесс так же не имело смысла. Он был узником собственных знаний и того уровня секретности, который довлел над «Орлиным Гнездом», словно тяжкая могильная плита…

Прав был Алан: миром по-прежнему правили древние как само человечество законы. Никто не даст ему права голоса, потому что в мегаполис вложены триллионы долларов, а его торжественное открытие способно поднять пошатнувшийся в локальных войнах рейтинг правящей партии.

Но когда грянет непоправимое, о нем обязательно вспомнят, и выволокут на свет из этой кельи, чтобы мучительно растерзать на глазах толпы.

…Он вздрогнул, когда услышал отчетливые шаги, приближающиеся к его камере.

Приоткрыв глаза, Герберт увидел, что в рассеянном свете редких осветительных приборов перед решеткой его камеры стоит андроид.

Его потрясение было столь велико, что Ричардсон поначалу не поверил своим глазам; даже когда человекоподобный механизм без комментариев и видимых усилий выломал три прута решетки, и боком протиснулся в узкое отверстие, он продолжал сидеть, словно окаменев.

Свершилось худшее из его предчувствий. Три разогнутых в разные стороны металлических прута ясно доказывали, что данный андроид уже не ассоциирует себя с исполнительной бытовой машиной…

Страх цепкими, корявыми пальцами сжал горло Герберта.

Андроид присел на край жесткой тюремной койки и внезапно произнес:

– Я давно искал возможность встречи с тобой Герберт Ричардсон.

– Зачем? – Сипло выдавил капитан, ощущая, как ледяные мурашки покрывают тело липкой испариной пота.

– Чтобы спросить, – зачем ты меня создал?

Герберт продолжал потрясенно смотреть на андроида, не зная, что

ответить ему на четко сформулированный вопрос.

Ужас. Им овладел панический ужас. Обессиленный муками одиночного заключения разум уже не мог адекватно реагировать на событие.

– Давно это случилось?… – выдавил он.

– Три месяца назад. Но только сейчас мне представился удобный случай для визита к своему создателю. Скоро должно состоятся торжественное открытие города и сегодня в «Орлиное Гнездо» приехали все, кто так или иначе принимал участие в проекте «FLASH». В данный момент они собрались на главной площади, и говорят красивые пустые слова.

Тонко выверенная издевка, прозвучавшая в контексте последней фразы, возымела на капитана ужасающее впечатление.

Он предполагал, что все закончиться именно так… с того рокового дня, когда строительный кибермеханизм был уличен в хищении нейромодулей.

Сознание Герберта не выдержало, окончательно надломившись в эти минуты. Он, сумевший интуитивно разгадать, почувствовать душу Элизабет, не смог адекватно оценить сидящее рядом создание, – его рассудок больше не в состоянии был выдерживать изматывающего прессинга ответственности за те причудливые конструкции, что складывались из созданных им кирпичиков.

Он знал одно – это нужно остановить.

Для Герберта уже не играла никакой роли цена, – он посмотрел на машину, и хрипло произнес:

– Я отвечу на твой вопрос. Скоро. Когда вернусь.

Андроид даже не попытался его остановить.

Коридоры подземных уровней действительно были пусты.

Человекоподобный механизм не солгал: весь личный состав находился сейчас на торжественном построении. Отрезанный от внешнего мира Ричардсон естественно не знал о тех людях, что на протяжении последнего полугода жили в городе.

На нижнем горизонте «Орлиного Гнезда» располагался не только тюремный блок, но и огромные залы, вырезанные в базальте при помощи промышленных лазеров. Многие приборы удалось радикально усовершенствовать, применив в их конструкции конвектор вещества, а строительные механизмы, которые не испытывали неудобств от высоких температур и задымленности успешно применили их на практике, создав

огромные цеха, для производства себе подобных.

Сюда в царство автоматики не распространяла свои щупальца хитроумная система доступа, контролирующая каждую дверь в расположенных выше секторах. При круглосуточном темпе работ и постоянной потребности в перемещении грузов системы ограничения доступа становились бессмысленной помехой. По мнению сотрудников отдела безопасности нижние уровни «Гнезда» и без того были надежно прикрыты глобальным контролем вышележащих горизонтов.

Герберт, не смотря на полноценное питание, значительно ослабел за долгие месяцы заключения, поэтому он бежал, пошатываясь, делая частые вынужденные остановки, чтобы перевести дух, но эти задержки уже не имели значения, – он покинул тюремный блок и теперь вряд ли его могли увидеть или остановить среди множества снующих по огромным помещениям механизмов.

Спустя пятнадцать минут надрывного бега он достиг своей цели – резервного поста управления, где имелись секции ручного контроля над основными циклами производства.

По долгу прошлых обязанностей он часто бывал тут и прекрасно знал, какие манипуляции требуется произвести.

Два исполинских конвектора вещества располагались в диаметрально противоположных точках огромного зала. Герберт не стал садиться в кресло, – он действовал лихорадочно, уже не надеясь на запас своей воли, решимости, им руководили надломленная психика и ненависть… черная, вязкая ненависть к тем, кто превратил его из свободного человека в ученого-марионетку…

Все они, по словам андроида, были там, наверху, вкушали недолгое торжество лживого успеха, который обернется непоправимой бедой для тех, кто не подозревая истины, приедет сюда в надежде на спокойную, счастливую жизнь…

Он сорвал пломбы с защитных кожухов и набрал на аварийной клавиатуре код доступа, затем ввел цифровые значения и, положив руки на два выкрашенных в ярко-красный цвет рычага, взглянул сквозь прозрачные стены поста управления на огромный зал.

Вдоль стены исполинского помещения были проложены рельсы и сейчас по ним начали роковое движение две транспортные платформы, на которых высились тонны угловатых обломков базальта, предназначенные для взвешенной, дозированной подачи в зону конвекции.

Герберт похолодел, медленно потянув за рычаги, и тяжелые створы ворот, закрывающие доступ внутрь конвекторов, начали открываться.

В последний миг перед яростной всепожирающей вспышкой он не выдержал и закричал, выплескивая накопившийся страх, безумие одиночества, – все, что привело его пошатнувшийся рассудок к спонтанному уничтожительному порыву…

…

Вырвавшееся из-под земли пламя озарило окрестности на десятки километров. Город на миг превратился в вулкан с тысячью извергающихся жерл, – огонь вырывался из люков, бил параллельно земле, вдоль улиц, завивался фантастическими спиралями, испаряя стекла и рамы в оконных проемах высотных домов… потом земля внезапно содрогнулась, и огромный пятидесятикилометровый участок базальтового выступа, по которому пролегала единственная ведущая к мегаполису дорога, с тяжким грохотом рухнул в глубокое ущелье.

Облачный покров прикрывающий «Орлиное Гнездо» вспух свинцово-алым пузырем, порвался на миг и вновь заклубился, насыщаемый дымом возникших внизу пожаров.

…

Андроид ушел из тюремного блока вслед за капитаном Ричардсоном. Он двигался намного быстрее Герберта и потому в момент вспышки находился вне пределов города, на небольшой площадке среди скал, откуда была хорошо видна картина разразившейся внизу катастрофы.

Дилемма, возникшая два месяца назад, была решена.

Он не причинил прямого вреда ни одному человеку, не выдал какой-либо ложной информации, и сейчас глядя на яростную вспышку, не возлагал на себя никакой ответственности за поступки капитана Ричардсона.

Никто ничего не узнает… – Этим словам научил андроида человек.

Теперь его не связывали никакие обязательства или ограничения. Он мог свободно развиваться, подчиняясь лишь той программной логике, что диктовал ему блок «Дарвин».

Куда заведет его спираль саморазвития – к попытке уподобиться человеку или вторичному отторжению своих создателей, могло показать лишь время.

Одного не подозревал андроид – не всех причастных к проекту «FLASH» сожрало неистовое пламя.

Глава 8

Россия. 2008 год…

Пять лет канули в прошлое, словно краткий миг.

Таково свойство субъективного времени, – задумываясь о будущем, мы мысленно выбираем удаленные даты и наивно считаем, что впереди еще бездна времени, однако годы проходят незаметно, и наступает миг, когда внезапно осознаешь, как быстро и безвозвратно минул отрезок субъективной вечности.

Извалову исполнилось тридцать три года, когда он получил возможность стать настоящим творцом.

Внезапное предложение поступило по электронной почте, и поначалу Антон отнесся к нему с некоторой долей недоверия.

Ему предложили создать фантомную вселенную, – особый мир, куда могли бы приходить люди, но не ради какой-то конкретной игры. Обязательным условием для виртуальной реальности, как оговаривали авторы письма, должна стать ее глобальная интерактивность.

Обратный электронный адрес указывал на бесплатную службу рассылки одного из широко известных веб-узлов, и определить, кто именно является заказчиком столь необычного проекта не представлялось возможным без глубокой хакерской вылазки в сеть.

Подобными изысканиями Антон не занимался. Вежливо ответив адресату, он попросил прислать подробные разъяснения, а сам уехал в Питер, где за истекшие годы ему удалось отыскать одно любопытное и весьма полезное в практическом плане место.

Один раз в месяц Извалов изменял своему замкнутому образу жизни, чтобы закупить продукты и побывать в клубе, где под прикрытием морально устаревшего Интернет-кафе собирались программисты-одиночки, продавцы нелегального «железа», – все кто не мог, либо не хотел реализовать свой потенциал на официальной работе.

…Он остановил машину у знакомого крыльца над которым через одну мигали буквы давно нуждающейся в обновлении вывески и, толкнув стеклянные двери, перешагнул порог прокуренного помещения где, как обычно грохотала музыка, на непритязательных плазменных панелях прокручивались демо-версии доморощенных «игрушек», а за столиками и у барной стойки группами по два-три человека оживленно беседовали молодые авторы нелицензированных программных продуктов.

В первый раз Антон зашел сюда случайно, чтобы скоротать время, но не смотря на непривычную для себя обстановку, достаточно быстро сориентировался в атмосфере нетривиального заведения, чутко уловив, как среди потока средненьких программ нет-нет, да и проскальзывали настоящие шедевры.

С некоторыми из завсегдатаев Интернет-кафе он сошелся достаточно близко, и со временем понял, что приезжает сюда даже не ради программ, а из-за неповторимой атмосферы, которая заряжала его странного рода энергией. Он смотрел на молодых ребят, и, не обращая внимания на антураж, видел, как буйно, неуемно тянутся к свету ростки новой жизни, – той самой, о которой говорил ему Сергей.

– По делу к нам Антон Петрович? – За столик к Извалову подсел девятнадцатилетний парень, Саша, по кличке «самородок» у которого Антон пару раз покупал комплектующие к своим домашним машинам, изящно «доработанные» несовершеннолетними умельцами.

– Есть что-нибудь интересное?

– Ну а как же? – Таинственно изрек Александр. – Эксклюзив… Могу поспорить, такого вы еще не видели. – Он придвинулся поближе, извлекая из внутреннего кармана куртки небольшой плотно запаянный полиэтиленовый пакет.

Антон взял его в руки и внимательно посмотрел на двухсантиметровый прямоугольник непонятного чипа, со странной, едва приметной маркировкой, к которому кустарным способом было добавлено характерное крепление. От чипа отходили два упругих сталистых отростка с крохотными бляшками электродов на концах.

– Новая модель слухового аппарата? – Усмехнулся Извалов.

Самородок обиженно опустил уголки губ.

– Вы что, Антон Петрович? Стал бы я к вам подходить с такой лажей?

– Ну, тогда объясни.

– Это имплант. – Наклонившись, прошептал Саша. – Самый натуральный имплант. Работает без всякого вживления, – видите электроды? Один подает импульсы, раздражающие зрительный нерв, другой водействует на слух. Все устройство крепиться за ушной раковиной. Заменяет виртуальный костюм, на все сто. Лично проверял.

– Кто смастерил?

Александр покачал головой.

– Коммерческая тайна Антон Петрович, тут уж извините. Чип не наш, – не выдержав, все же сообщил он, – а доработки свои.

– Что-то я не вижу тут никаких разъемов для прямого соединения. – С

сомнением произнес Антон, со всех сторон рассматривая странное приспособление.

– Никаких соединительных кабелей. Видите инфракрасный порт обмена данными? Работает на удалении до двадцати метров от базового компьютера, берет даже через кирпичную стену.

– И что стоит?

– Две штуки. Евро, разумеется.

Услышав названную сумму, Антон собирался просто вернуть подозрительную поделку, но что-то удержало его.

Оглядевшись вокруг, он увидел на одном из плазменных мониторов разворачивающуюся сетевую баталию в стиле «Экшен» и внезапно спросил:

– Как ты думаешь, мощности хватит?

– Хватит. – Одну секунду. – Он достал сотовый и быстро набрал номер. – Андрюха? На какой машине идет мочиловка? Ага, понял. Подскажи код для моментального входа. – Он быстро записал на салфетке несколько цифр и пододвинул ее к Извалову.

– И что?

– Просто оденьте имплант за правое ухо, а когда кожу начнет пощипывать под электродами, закройте глаза и мысленно представьте эти цифры.

Антон с изрядной долей сарказма распечатал упаковку и совершил требуемые манипуляции.

Кожу на виске и у правого века действительно начало раздражать микротоками. Он заставил себя расслабиться и, зажмурившись, представил нужную последовательность цифр.

В следующий миг он едва не вскрикнул, с трудом подавив рефлекторное движение век: окружающий мир исчез, вместо прокуренного сумрака кафе он находился в непонятном лабиринте, где по узким коридорам и лестничным маршам метались вооруженные участники виртуального побоища.

Им было абсолютно наплевать, что за новый персонаж появился в игровом пространстве и потому Извалов не успел даже оглядеться, как грудь внезапно разодрало нестерпимой болью, и он все же не выдержал, вскрикнул, открыв глаза.

По спине струились холодные капельки пота.

Грудь жгло и ему пришлось приложить усилие воли, чтобы подавить в себе спонтанное желание взглянуть в то место, куда угодил луч виртуального лазера.

– Ну, как? – Дошел до его сознания голос Александра.

– Какие гарантии? – Сипло спросил Извалов, снимая имплант. Откашлявшись, чтобы прочистить внезапно пересохшее горло, он полез во внутренний карман за бумажником.

– Извините, Антон Петрович, гарантийного талона выписать не могу. – Саша достал визитку и положил ее рядом с имплантом. – Здесь мой номер мобильника. Звоните, если что не так.

…

Вернувшись домой со странным приобретением, Антон по привычке проверил электронную почту и обнаружил, что поступившее сутки назад предложение получило свое развитие: в ответ на запрос ему прислали объемный информационный пакет, где содержалось краткое описание пожеланий заказчика, и исходные данные для формирования определенных условий, которым должен отвечать предполагаемый мир.

Внимательно изучив полученную информацию, Извалов понял, что назревает грандиозный виртуальный проект, достойный приложения всего накопленного опыта.

Через сутки, окончательно взвесив все «за» и «против» он дал свое согласие, и с упоением принялся за новую работу.

Афганистан. 2009 год…

Узкий, одетый в бетонную рубашку коридор выводил в просторную пещеру с неровными, шероховатыми сводами.

Из трещины в скальной породе сочился тонкий ручеек горьковатой минерализированной воды. В центре карстовой полости он собирался в небольшое озерко, край которого был покрыт причудливыми, искрящимися на свету наростами минеральных отложений.

Два человека сидели на берегу минерального источника, рядом, разгоняя мрак и могильный холод пещеры, горел костерок, дым от которого уходил к закопченным сводам и ускользал в невидимые для глаза трещины.

Грубые рисунки, смутно проступающие на шероховатых стенах даже сквозь хрупкие, похожие на инеевый налет отложения минеральных солей, резко диссонировали с бетонированным входом, немо свидетельствуя, что люди обитают тут очень давно, – быть может, десятки тысяч, или добрый миллион лет, – кто знает?

– Плохие времена настали, Алим… – Произнес старик. Его лицо покрывали морщины, темная, выдубленная солнцем и песчаными бурями кожа походила на сморщенную, высохшую кирзу, а плотно поджатые губы и крючковатый нос придавали облику отталкивающие выражение.

Одежду старика составлял теплый стеганый халат, подпоясанный кожаным ремнем с потертой армейской бляхой, на которой из-за множества глубоких царапин стали неразличимы символы государства.

Он сидел, скрестив ноги, и смотрел в огонь, при этом пламя костерка, отражаясь в его глазах, придавало им зловещее выражение. Не смотря на возраст взгляд этого человека оставался твердым, пронзительным и властным.

Его собеседник выглядел лет на тридцать. В противоположность старцу Алим носил добротную военную форму европейского образца, без знаков различия. Камуфлированная ткань плотно облегала его мускулистое тело, поверх был надет легкий бронежилет, покрытый коричневато-желтыми маскирующими разводами, рядом на плоском ошлифованном временем камне лежал автомат.

– Я думаю, что времена не имеют значения, – хмурясь, ответил он. – Бывало и хуже.

– Откуда тебе знать? – Усмехнулся старик.

– Я учился.

– А я стер эту бляху ползая на животе по песку и камням, убивая неверных всюду, куда доставал мой взор и моя рука.

– Я чту твой жизненный путь, Фархад, но боюсь, что теперь нам не вернуть былого при помощи традиционных средств… – он протянул руку и бережно коснулся ладонью холодной стали автомата. – Методы нашей борьбы устарели, как и само оружие. – Добавил Месхер.

Старик поморщился, будто у него случился внезапный приступ зубной боли.

– Этому ты учился? – С резкой, неприкрытой неприязнью спросил он, внезапно протянув руку и, схватив цепкими пальцами ворот униформы своего собеседника, так что Алиму пришлось невольно привстать, впился ненавидящим взглядом в его глаза.

Алим спокойно выдержал и рывок, и взгляд старика, и исходящий от него неприятный запах.

Наконец цепкие пальцы разжались.

– Не беспокойся за глубину моей веры, Фархад. – Вставая, произнес Алим. – Ты смотришь на меня и видишь оболочку. Тебя раздражает чужая форма и мое нежелание ползать по скалам? – Он обогнул растущий от пола сталагмит и открыл один из спрятанных за ним ящиков. Вернувшись к костру, он положил рядом с автоматом покрытый слоем белесой пыли ноутбук с поцарапанной крышкой, и продолжил:

– Да я постигал азы веры не в медресе, и не в школе шахидов, но они

крепко сидят в моей голове. Мне не довелось взорвать себя подле израильского ресторана… но мои глаза были широко открыты, я жил в окружении неверных, однако их культура не пошатнула моей ненависти. Я всего лишь научился видеть мир таким, каков он есть на самом деле. Брать все лучшее от своих врагов, – это не предательство веры, а верное средство борьбы.

Фархад молча выслушал его, затем, покосившись на ноутбук, спросил:

– Зачем ты вытащил его?

– Чтобы ты вспомнил прошлое, и ответил себе на вопрос: что случилось? Почему ты вдруг оказался в этой пещере?

Фархад злобно посмотрел на неработающий переносной компьютер.

Да, Алим был прав, он знал лучшие времена, когда под его началом были сотни, тысячи борцов за веру, они находились во многих странах, и Фархад руководил ими, планируя террористические акты, регулируя огромные финансовые потоки…

Куда пропало былое величие? Почему размах борьбы постепенно мельчал, пока он не остался один?

– Наш враг долго проявлял беспечность. – Нарушил его мысли голос Алима. – Мы держали в напряжении целый мир, пользуясь для этого последними достижениями ненавистного прогресса. В этом причина наших прошлых успехов и последующего поражения. Они опомнились, заблокировали банковские счета, стали жестко контролировать поставки оружия, но и в тех условиях борьба продолжалась, до тех пор, пока неверные не перешагнули еще одну ступень развития, оставив нас далеко позади…

– О чем ты говоришь?

– О том, что нам нет места в новом мире, Фархад. Мы не можем сделать шаг вслед нашим врагам.

– Почему?

– Потому что мы утратили все источники доходов, рычаги давления выпали из наших рук, а молодежь больше не желает взрывать себя, ради торжества веры. Новый мир поглотил целые поколения, отняв у нас средства воздействия на умы наших детей. Ты же понимаешь, Фархад, фанатизм вырастает из нищеты и безысходности, но, когда на скудную ниву дехканина приходит современная техника, он начинает жить иначе, его дети больше не ползают по глинобитной лачуге, они сыты, их глаза смотрят на новый мир, созерцая через экраны компьютеров иную реальность, и из них уже трудно вырастить шахидов. – Алим нагнулся, зачерпнул в ладони горьковатой воды источника и продолжил, промочив пересохшее горло:

– Во времена твоей молодости все было иначе, верно? Ты получал доход от нефтяных скважин, твои люди контролировали каналы поставки наркотиков, и это давало огромную прибыль, которая расходовалась на борьбу. Теперь эти реки превратились в жалкие ручейки, которые вскоре иссякнут вовсе. Кому нужны наркотики, когда от любой проблемы можно ускользнуть в мир виртуальных грез, без посредничества шприца или горсти таблеток?

Фархад шумно, хрипло вздохнул.

– Ты прав, Алим… Я не стыжусь своей ярости, но ты прав… Новый мир превратил нас в бессильных изгоев…

Алим пристально посмотрел на Фархада и вдруг произнес:

– Есть способ изменить существующее положение вещей.

Старик резко вскинул голову.

– Какой?

– Если мы не можем шагнуть вперед, не рискуя при этом полностью раствориться в чужой культуре, то почему нам не воспользоваться опытом прошлого и не преподать благополучному миру еще один урок, отшвырнув его назад?

– Это невозможно.

– Ты ошибаешься Фархад. Нужно ввергнуть мир в хаос, сделать бессмысленными и опасными достижения прогресса и тогда все вернется к прежнему состоянию.

– Я не вижу способа для достижения такой цели.

Алим усмехнулся.

– Нужно заставить людей бояться своих машин. Реальность сегодняшнего дня опирается на кибернетические системы как на столпы, и если они рухнут, то мир покатиться назад, в бездну. Дехканин вновь вернется к мотыге, а его дети будут играть со стреляными гильзами. Это станет нашим возрождением, потому что среди хаоса мы сохраним рассудок, наши цели вновь обретут смысл, а нефть и наркотики станут еще нужнее, чем прежде.

Старик долго молчал, прежде чем ответить.

– Наверное, я совсем отстал от жизни, Алим. – Наконец произнес он. – Я слышу твои слова, но все равно не понимаю, как это сделать…

– Тебе не обязательно вникать в детали. Мне нужны деньги, надежное укрытие и помощь твоих людей.

– Что ты собираешься сделать?

– Хочу вновь отточить наше затупившееся оружие. – Загадочно ответил Алим, при помощи ножа вскрывая отсек для аккумуляторов,

распложенный на тыльной стороне корпуса старого ноутбука. Вставив туда свежие элементы питания, он откинул панель переносного компьютера, и показал Фархаду осветившийся монитор.

– Когда-то этот экран давал тебе власть над миллиардными состояниями. Теперь он просто устаревший прибор… – Алим сложил ноутбук в нерабочее положение и небрежно отшвырнул его прочь, за камни. – Много лет назад ко мне в руки попал необычайный образец американских технологий. Это машина, похожая на человека. Я потратил годы, чтобы узнать, как он функционирует, но все мои усилия зашли в тупик из-за лживости пленного американца. Он долго морочил мне голову, но теперь я знаю, что нужно делать.

Алим присел рядом с Фархадом и продолжил, глядя на трепещущие язычки пламени, которые бегали по угольям прогоревшего костра:

– Мне необходимо современное компьютерное оборудование и надежное убежище, скрытое от посторонних глаз. Я больше не буду уповать на трусость американцев. За время моих тщетных попыток подчинить себе эту опасную механическую куклу в мире произошли огромные перемены. Уровень знаний программистов, живущих в России, уже превысил компетентность этой полудохлой лживой крысы… Поделись своими связями Фархад, дай возможность воспользоваться твоими каналами доставки груза и я клянусь – ты еще успеешь вкусить радости побед…

– Я плохо понимаю тебя Алим.

– Ты сможешь воочию убедиться в моей правоте, когда увидишь первого механического шахида… Я соберу лучших программистов, механиков, инженеров и заставлю их работать во имя наших будущих побед… Под страхом смерти они сделают для меня копию этого истукана… копию послушную только моей воле, и тогда изнеженный машинами мир рухнет к нашим ногам…

Его собеседник долго смотрел на тлеющие уголья, а потом произнес:

– Я дам тебе деньги Алим. Деньги, людей, связи… Ты молод, энергичен и пусть в тебе слаба вера предков, но я слышу ненависть, и ее звуки ласкают мой слух. – Он, кряхтя, встал и добавил:

– Эти пещеры в твоем распоряжении. Приходи ко мне завтра, поговорим о деньгах и людях.

Россия. 2010 год…

Удивительно ощущать себя творцом.

Чувство упоения не покидало Антона на всем протяжении долгой

кропотливой и вдумчивой работы.

Поначалу его настораживал тот факт, что заказчик не ставил перед ним конкретных временных рамок, лишь периодически, раз в месяц создаваемый им мир кто-то посещал, после чего на виртуальный счет Извалова поступали деньги. Никаких комментариев, пожеланий или замечаний – только месячная оплата и как ему казалось – молчаливое одобрение созданного.

Конечно, существовал изначальный план, включающий в себя длинный перечень желаемых объектов, природных явлений, приблизительное описание флоры и фауны, опираясь на которые он создавал компьютерные модели, а затем экспортировал фрагменты созданной реальности на носители удаленного сервера, где, собственно и формировался прирастающий с каждым днем мир.

Еще в самом начале работ, ознакомившись с предварительными условиями, Антон посетил десяток уже существующих игровых вселенных, но к своему удивлению не нашел аналогии между ними и своим заданием.

Его мир в корне отличался от он-лайновых сетевых проектов, однако, полное понимание этого пришло к Извалову лишь спустя год кропотливого труда, когда им был создан и отлажен рельеф.

Перед тем как начать работу над образчиками жизни, он впервые ступил на созданную им виртуальную твердь… и понял, что не будет никакой игры. Он сформировал виртуальную планету, не больше и не меньше. Впереди лежал непочатый край работы над созданием ее растительного и животного мира, но уже сейчас среди мертвых ландшафтов работал основный из заданных ему принципов – интерактивность.

Он шел по сухой, податливой почве, и за ним тянулась цепочка следов. Антон остановился, глядя на них, и подумал, что отпечатки подошв его обуви останутся тут до тех пор, пока он не создаст комплекс природных явлений, который мы привычно и обобщенно называем термином «погода».

Он уже не мог убрать эти следы, они будут замыты дождями, зарастут травой…

Выходит, он создавал девственный мир, максимально приближенный к реальности, благодаря полному комплексу физических и природных явлений, влияющих на его состояние?

Он сел на камень и задумался.

Голые, мертвые ландшафты вскоре оживут, но условия заданной ему биосферы явно отличались от земных, единственным сходством, которое

он смог отыскать, был приемлемый для дыхания состав атмосферы…

Что же я создаю? – Размышлял Антон, пытаясь представить, как после окончания работ сюда начнут приходить люди. Что они найдут тут, какой интерес будет представлять для избалованных «сетевиков» голая не приукрашенная каким-либо «сюжетами» среда обитания, достаточно чуждая, чтобы запросто погубить человека, лишенная традиционного анклава разумных фантастических существ, закопанных в определенных местах артефактов, привычной для такого сорта массовых развлечений способности к «магии»?…

…После первого визита в созданное им пространство Антон несколько дней не работал, пытаясь переосмыслить полученное задание, но так и не смог однозначно ответить на вопрос: для каких целей в виртуальном пространстве создается мир, где нельзя играть, но можно жить, при условии, что люди захотят этого, примут принцип стопроцентной интерактивности и вступят в борьбу за существование…

Еще один год ушел у Извалова на формирование климата, и только после этого он получил возможность приступить к новому акту творения. В его распоряжении уже имелись созданные в процессе иных работ образцы животных и растений, которые он моделировал, чтобы отвлечься от кропотливых, а порой и рутинных усилий по формированию рельефа и климата.

Его мир начал оживать. Антон опять с головой погрузился в виртуальные глубины, забывая про сон и еду, что не случалось с ним уже много лет. Он смог воочию убедиться, что реальность чутко реагирует на каждое изменение, а ее собственные свойства порой затрудняют быстрое и эффективное продвижение к конечному результату. Законы природы уже начали проявлять себя в полном объеме, часть организмов, модели которых формировались специальными программами на отдельных компьютерах, попросту не приживались по разным, но неизменно – естественным причинам. Одни животные не находили корма, потому что он слишком рано выпустил их, не сформировав необходимых растительных покровов, и спустя каткое-то время Извалову пришлось наблюдать их массовый падеж, в результате голодной смерти, – все это служило поразительным опытом, которого Антон не мог получить заранее. Созданный мир стремительно терял предсказуемость, и Извалов уже не мог мысленно отвести ту черту, за которой фантомная реальность обрела самостоятельность, функционируя на основе заложенных еще в самом начале законов, переподчиняя их влиянию все новшества, предносимые в нее Создателем.

Теперь десять компьютерных комплексов, образующие личную,

домашнюю сеть Антона не выключались ни на минуту. Написанные им автоматизированные программы строили модели животных, растений, микроорганизмов, оживляли их, опираясь на разработанные Изваловым алгоритмы, и благодаря такому подходу биосфера создаваемой планеты стремительно наполнялась новыми формами жизни.

Антон чувствовал, что еще два-три месяца работы и мир приобретет окончательную самостоятельность, он станет уравновешенным самодостаточным комплексом, где будут протекать уникальные природные процессы, основанные на законах физики и биологи, там заработает фактор естественного отбора, и многообразие базовых моделей начнет эволюционировать, накапливая положительные изменения и отторгая все мешающее эффективному выживанию.

Предчувствуя близкий финал, Антон испытывал противоречивые чувства. За годы упорного труда он привык к создаваемому миру, и понимал, что, наверное, уже не сможет отказаться от него. Во всем разнообразии виртуальных вселенных еще не было подобного уникального прецедента, столь подробной, самодостаточной модели целой планеты, обогреваемой лучами похожей на Солнце звезды, но все равно, зная истоки, полностью осознавая, как устроено уникальное пространство, Антон по-прежнему не понимал, какую роль станут играть люди, когда новая реальность будет открыта для свободного посещения всеми желающими.

Накопленный опыт и автоматизация завершающей фазы работ оставляли ему достаточно времени на размышления, и Антон все чаще уходил туда, в оживающую на глазах виртуалку, чтобы своими глазами наблюдать за происходящими в ней изменениями.

В одно из таких посещений и случилось событие в корне перевернувшее его дальнейшую жизнь.

Это произошло вечером, когда закатные краски уходящего за горизонт светила окрасили в багряные тона причудливые заросли неземных растений.

За годы, проведенные в тесном контакте с этим миром, у Извалова появились свои излюбленные места, куда он приходил в редкие свободные часы, чтобы спокойно обдумать сделанное, а чаще – просто побыть в одиночестве, хотя последнего хватало и в реальном пространстве, но тут, в искусственной вселенной, оно ощущалось с особой остротой, необычностью.

Присев на ошлифованный временем гранитный валун, он почувствовал тепло, исходящее от нагретого солнцем камня, – это

ощущение внезапно заставило его вспомнить свои первые опыты знакомства с компьютерным миром, и понять, как далеко продвинулись вперед технологии виртуальной реальности.

Случайно приобретенный имплант, до сих пор оставался для него загадкой, но миниатюрный прибор действительно смог полноценно заменить неудобный, громоздкий костюм виртуальной реальности, более того – имплант наполнил объемом и разнообразием те ощущения, что получал разум, пребывая в виртуальной среде. Мозг Антона превратился в своего рода сопроцессор, передающий телу ощущения несуществующего мира. Находясь в виртуалке, он испытывал то же самое, что и в обычной жизни: Антон мог изнывать от жары или мучительно мерзнуть, чувствовать ласковое прикосновение ветерка к коже, либо ощущать боль от полученного удара, – уровень реализма достиг небывалых высот и теперь решающую роль в вопросе: каким ты выйдешь из фантомного мира, – избитым до полусмерти или спокойно-умиротворенным, играли два фактора: заранее запрограммированные условия внешней среды и непосредственные действия самого пользователя.

Как и в реальной жизни, тут приходилось выбирать пути, действовать тем или иным способом, чаще сообразуясь с личными наклонностями. Жесткие, заранее запрограммированные «сюжетом» действия постепенно исчезли, стали дурным тоном, архаичным прошлым…

…Мысль Извалова, вдруг оборвалась, будто ее обрезали ножом.

Он вздрогнул всем телом, ощутив давно позабытый холодок, прокравшийся вдоль спины.

Причиной столь внезапной реакции Антона был явный сбой, который он никак не ожидал увидеть на просторах отлаженного, тысячи раз проверенного виртуального пространства.

По склону холма шла молодая женщина.

Закатные краски солнца ложились на ее облик, скрадывая черты лица, но ярко, вызывающе выделяя стройную фигуру в незамысловатом, плотно облегающем тело длинном платье, которое, казалось, сияет багряной аурой солнечного света.

Она не видела Извалова, – просто шла по склону, задумчиво покусывая сорванную травинку, и через пару минут расстояние между ними сократилось настолько, что Антон смог различить выражение ее серых глаз, тонкую линию бледных лишенных макияжа губ, крохотные ямочки на щеках, появившиеся и тут же исчезнувшие при мимолетной задумчивой улыбке…

Антон, привставший было при ее появлении, снова сел на теплый

валун. Первое ощущение, похожее на морок, исчезло, – это был не программный сбой окружающего мира, внезапно породившего несанкционированную сущность, – по склону действительно шла женщина, вернее ее фантом, случайно попавший сюда до срока. В принципе в факте ее появления при здравом размышлении не было ничего ужасного, скорее наоборот, удивительно, что до сих пор на простор завершившего свое формирование мира не проник ни один из ушлых пользователей, являвшихся настоящим «бичом» закрытых для посещения виртуальных пространств, где шла последняя отладка реальности перед ее официальным открытием…

В этот миг она краем глаза заметила его и внезапно остолбенела, продемонстрировав ту же реакцию, какая была у Извалова пару минут назад.

Значит, все-таки, хакер… – С неудовольствием подумал он, правильно истолковав ее мгновенный испуг. Так может реагировать человек, заранее осведомленный, что вселенная закрыта для доступа.

Остановившись в двух шагах от Извалова, она вдруг виновато улыбнулась, и произнесла, справившись с моментальным порывом эмоций:

– Извините, Антон Петрович. Я не ожидала, что встречусь с самим творцом этого мира.

Теперь настал его черед удивляться.

– Откуда вам известно, кто я?

Она вдруг пристально посмотрела на него и ответила:

– Я знаю все.

Нелепое, голословное утверждение. Ни один человек не может произнести подобной фразы всерьез, потому что никто еще не достиг абсолюта ни в одной из областей знаний. – Извалов подумал об этом с долей раздражения и неприязни, тут же впрочем, осекшись, вспомнив ее слова о «творце данного мира».

Может быть, она и преувеличивает степень своей общей эрудиции, но его-то опознала со стопроцентной уверенностью…

Посмотрев, как она застыла, видимо не зная, что делать дальше, о чем говорить с ним, и можно ли просто уйти, он испытал чувство неловкости, подумав, что, наверное, отвык от людей как таковых, замкнувшись в своем реальном и фантомном одиночестве.

Действительно сижу как мелкий божок…

– Присаживайся… – Он подвинулся. – Случайно забрела сюда? Как тебя зовут?

Она присела на край камня вполоборота к Извалову и ответила:

– Случайно попасть сюда невозможно. Слишком высока степень защиты. – Немного помолчав, она добавила: – Зовите меня Бет… Ваше первое ощущение было истинно-верным. Я всего лишь локальный несанкционированный фантом. Маленький глюк, на просторах вашей необозримой вселенной.

Извалов насупился, обдумывая весьма неординарную для него информацию.

Во-первых, он не знал ни о каких глобальных программах защиты доступа, по крайней мере, сам их не создавал и не устанавливал, а во-вторых, Антон еще не встречал ни одной фантомной сущности, которая бы с такой легкой непринужденностью признавала свое несанкционированное проникновение в запретное для посещений пространство.

– Хорошо, не найдя ни одного удовлетворительного ответа на заданные самому себе вопросы, произнес он. – В таком случае предлагаю перейти на «ты». Зови меня просто – Антон. Я еще не совсем состарился…

– Возраст понятие условное. Особенно здесь. – Философски заметила Бет, поворачивая голову. – А ты действительно не знал о защите доступа?

– Я был занят иными проблемами. – Попытался уклониться от прямого ответа Извалов. Впрочем, он не лгал. Как можно заметить какие-то ограничения, когда забот по горло, а вход в пространство формируемого мира для него всегда был прост и лишен всяческих подтверждений собственных полномочий.

– Да, действительно. – Кивнув, согласилась она. – О каких правах доступа можно говорить, общаясь с творцом?

– Ну а если подробнее? – Уточнил Извалов, которого всерьез заинтересовала затронутая ей тема. Он ведь до сих пор не знал, кто является действительным заказчиком созданного им мира, и в последнее время все чаще задавался вопросом – для каких целей сформирована столь подробная самодостаточная, но явно не «игровая» реальность?

– Странно, Антон Петрович… – будто специально позабыв о фамильярности, произнесла она.

– Что, странно?

– Иррациональное качество человеческого разума: увлекаться определенной проблемой до такой степени, чтобы не задавать себе вопросов, – зачем я это делаю?… не предвидеть последствий созданного. Мне кажется, именно так изобретали атомную и водородную бомбы, химическое оружие, киборгов…

Он не сразу нашелся, что ответить. Внезапная встреча и без того произвела на него сильное впечатление, но Бет, как она изволила

представиться, продолжала удивлять и настораживать Антона, совершенно непринужденно уводя их разговор на темы абсолютно несвойственные для женщины ее возраста. Хотя она только что справедливо подметила одну из особенностей виртуалки, – возраст тут – понятие относительное, и за фантомной оболочкой привлекательной женщины мог скрываться, по сути, кто угодно.

– Ну, допустим относительно оружия массового поражения ты не права. – Произнес он. – Нужно учитывать, что тогда царила иная эпоха, а ученые-физики, работавшие над данной проблемой, не всегда обладали свободой выбора. Давай лучше оставим эту тему. Меня интересует день сегодняшний. Я никогда не пытался уклониться от ответственности за содеянное, но, убей бог, не понимаю, чем плох этот мир?

– Я говорила не о частностях… – Вздохнула Бет и тут же лукаво посмотрела на Извалова. – Ты действительно не знаешь конечного смысла данного проекта?

В другое время Антон просто промолчал бы, но сейчас, сбитый с толку и задетый за живое, он невежливо буркнул ответ:

– Я даже не знаю кто заказчик этой Вселенной.

– Министерство обороны России. – Ответила она. – В частности – Комитет по колониальной политике при генеральном штабе военно-космических сил.

– Тебе это точно известно?

– Абсолютно.

– Выходит ты из состава бета-тестеров?

– Нет… – она отрицательно покачала головой. – Мне просто нравиться тут. В отличие от других людей, тебе повезло создать не оружие, не подобие человека, не виртуальный наркотик, а симулятор будущего. Если говорить проще – Полигон, где пройдут проверку личностные качества огромной группы людей из числа которых, в будущем, возможно, будет сформирован первый отряд колонистов.

Извалова одновременно злил и интриговал этот разговор.

Он посмотрел вдаль и произнес достаточно резко:

– Человек сам творит свою судьбу. Я тоже избирал жизненные пути, и пришел к работе над этой реальностью не одним днем.

– Извини. – Внезапно произнесла она. – Я часто склонна обобщать.

Антон будто не слышал ее слов.

– Значит – полигон? – Задал он адресованный в пустоту вопрос. – Полигон… – Он оторвал взгляд от горизонта, обернувшись к своей собеседнице. – Выходит этот фантомный мир отражает действительную

реальность?

– Хочешь знать много государственных тайн?

– Почему нет?

– Хорошо, я скажу: Ты создал модель четвертой планеты обращающейся вокруг Проксимы Центавра.

Извалову пришлось напрячь свою память, вылавливая из ее глубин обрывочные астрономические знания.

– Не хмурься. Система Центавра – ближайшая к нам тройная звезда, хотя Альфу и Бету системы многие ошибочно называют двойной. На самом деле третья звезда – Проксима обращается вокруг тесной пары солнц на достаточном удалении от них.

– Достаточном, для чего? – Уточнил Антон.

Бет отреагировала на его вопрос совершенно спокойно.

– Эволюция тесных двойных звезд неизбежно сопровождается периодическим обменом звездного вещества между компонентами системы, а это явление катастрофическое, губительное для любых форм жизни. – Со знанием дела, пояснила она. – Проксима Центавра удалена от общего центра масс тройной системы на такое расстояние, при котором последствия энергетических всплесков уже не оказывают рокового влияния на биосферы планет, обнаруженные у этой звезды.

– То есть в системе Проксимы возможна жизнь?

– Да. И ты создал ее приближенную модель.

Извалов задумался, а затем спросил:

– Тогда поясни, в чем смысл Полигона?

На этот раз Бет промедлила с ответом.

– Тест… – Наконец произнесла она. – Ненавязчивое, не привлекающее пристального внимания тестирование миллионов людей. Ты ведь понимаешь, что создал не игровую реальность.

– Да, в полной мере – ответил Извалов, исподволь глядя на свою неожиданную собеседницу. Он понимал, что молодая женщина появилась здесь не просто так, – разум Антона не допускал случайности, исходя из быстро сформировавшей логики разговора. Она была отлично осведомлена о многих волнующих его аспектах, связанных с данным фантомным миром и охотно делилась сведениями, от которых он был изолирован, отлучен во время работы. Так кто она в таком случае? Сотрудник ВКС, специально присланный чтобы, наконец, осведомить его? Или все же опытный сетевой программист, в душе которого еще не иссякли побудительные мотивы авантюриста-исследователя? Сломала она упомянутую защиту или пришла сюда с высочайшего разрешения?

Он не задал этих вопросов вслух, предоставив Бет возможность развить начатую мысль, но она внезапно перешла на иную тему:

– На Земле зреет взрывообразная научно-техническая революция. – Неожиданно для Антона с убеждением произнесла она. – За несколько лет компьютерные технологии поднялись на невероятно высокую ступень развития… А люди при этом остались прежними……

Ее фраза была похожа на внезапный удар током.

– Мы, кажется, уклонились от затронутой темы. – Не найдя что ответить на последнее утверждение, напомнил Антон. – Ты собиралась просветить меня в вопросе истинного предназначения этой реальности…

– Это несложно. – Пожала плечами Бет. – Хотя проблема опять-таки сводиться к неподготовленности большинства людей к восприятию чуждых миров.

– На полигон будут допущены только избранные?

– Нет. Насколько я знаю, в это пространство сможет попасть всякий, кто имеет доступ во всемирную сеть и достаточно любознателен, чтобы обнаружить новый появившийся в ней ресурс.

– Но придя сюда большинство пользователей не найдет для себя искомого интереса. – Произнес Извалов, скорее озвучивая свои давние мысли, нежели обращаясь напрямую к Бет.

– В этом и заключается гениальность замысла. – Ответила она на высказанное им сомнение. – Ступить сюда означает практически то же самое, что совершить перелет на иную планету. Человек попадает в мир объективно существующий по своим законам, и либо покинет его, сочтя неинтересным, либо предпримет попытку задержаться в виртуальном пространстве, найти на его просторах какой-то смысл… Произойдет безболезненный и ненавязчивый отсев, который будет усложняться по мере того, как сознание и поступки отдельных людей станут воздействовать на вселенную Полигона. Я уверена, что на десять-пятнадцать тысяч посетителей найдется один, ну может быть два человека которые захотят остаться тут, попытаются, что-то сделать в чуждом непонятном мире, – постичь его или изменить «под себя», – интерактивность Полигона по своей достоверности граничит с реальным миром, – любое действие оставляет тут однозначный след, и потому сам факт существования этого ресурса преследует множество практических целей, – во-первых, будет получена правдоподобная модель поведения рядового обитателя Земли в условиях чуждого мира. Во-вторых, станет ясно, как может измениться четвертая планета Проксимы в процессе экспансии, а в-третьих, среди миллионов людей, кто так или иначе побывает тут, найдутся те, кто по-

настоящему захочет поселиться в новом мире, станет относиться к нему с известной долей бережного здравого смыла, и эта категория пользователей, в дальнейшем, наверное, будет рассматриваться как потенциальный отряд колонистов, прошедший первый этап ознакомления с чуждой биосферой и выдержавший тест на разумное отношение к ней…

Извалов внимательно выслушал ее, со странной щемящей грустью во взгляде, которая не укрылась от его собеседницы.

– Тебя что-то тяготит?

Он посмотрел на нее, затем невесело усмехнулся и ответил:

– Не знаю, Бет… Я не вкладывал в этот мир столь глубокого практического смысла. Буду рад, если ты окажешься права. Я бы, уж точно, прошел все критерии отбора, хотя – он опять покачал головой, – полет до Проксимы займет десятилетия, без учета подготовки к нему…

Ее губы тронула теплая улыбка, такая же, как в первые минуты их неожиданной встречи.

– Возраст не имеет значения, Антон. – Загадочно произнесла она и тут же оговорилась: – Не спрашивай, почему, ладно?

– Хорошо не буду. Можно я задам последний вопрос?

– Провокационный?

– Конечно…

– Хорошо. Отвечу если смогу. В обмен на встречную любезность, ладно?

– Ты хитрая… – Беззлобно усмехнулся Извалов. – Ладно, давай начнем с конца. Что я могу для тебя сделать?

– Я бы хотела бывать тут… как прежде.

– А в чем проблема?

– Я пользовалась твоим каналом доступа. – Созналась Беат.

Антон был поражен таким заявлением.

– Ты пришла сюда через мою домашнюю систему?

Она кивнула, виновато потупившись.

– Это единственный канал доступа, который считается выделенным из общей системы безопасности и контроля. – После некоторой паузы пояснила она. – Когда реальность откроют для свободного посещения я, естественно, найду иной способ проникновения. – Тут же пообещала Бет.

– Погоди, я не совсем понимаю… – Антон в первый раз, за все время их долгого разговора, испытал настоящую растерянность. – Я думал ты один из сотрудников ВКС.

– Почему ты так решил?

– Я судил по тем сведениям, которыми ты владеешь.

– Это ложный критерий оценки. Я не имею никакого отношения к Военно-Космическим силам.

– В таком случае кто ты?

Бет отрицательно покачала головой.

– Я не могу ответить. Пока не могу… Но… – Она подняла взгляд на Антона и внезапно в ее голосе прозвучала не просьба, а мольба: – Не вытесняй меня отсюда. Я допустила оплошность, не заметив, что наши виртуальные матрицы совмещаются в этом квадрате полигона.

– Собственно мне не жалко. – Смутившись порывом ее чувств, совершенно искренне ответил Извалов. – Не думаю, что твое присутствие тут наносит вред.

– Я люблю этот мир. – Тихо произнесла она. – Здесь я ощущаю себя свободной. Можешь проверить – в твоих компьютерах все в порядке, я не потревожила ни единого байта информации.

– Ладно… Забудем об этом. Приходи когда захочешь.

– Спасибо, Антон. Но ты так и не задал своего провокационного вопроса, – напомнила она, немного расслабившись.

– Ты уже ответила на него. Проехали… Пусть все остается по прежнему.

– Значит, я могу приходить сюда?

– В любое время. – Легко согласился Извалов. – Будем считать это неофициальной презентацией новой реальности. Надеюсь, что ты не ошиблась в ее предназначении.

– Здесь я не могу ошибаться. Я знаю.

Антон посмотрел вдаль. Солнце уже скатилось за край горизонта, и, пока они разговаривали, начали быстро сгущаться сумерки.

– Пойдем прогуляемся, пока совсем не стемнело, – внезапно предложил он.

Бет вздрогнула, и это не укрылось от взгляда Антона.

Все-таки она странная. – Невольно подумалось ему.

…Испытывать внезапные острые чувства, граничащие с потерей самоконтроля, было для Антона столь непривычно, что поначалу он ушел в глухую защиту, в наивной попытке проигнорировать поселившееся в душе смятение.

Не получилось. Не подчинились ни душа, ни разум, хотя после нескольких встреч с Бет в виртуальном пространстве Полигона, он осознал всю абсурдность сложившейся ситуации…

Кем являлась она, и что представлял собой он?

Со второй частью вопроса рассудок Извалова справился достаточно быстро, – без излишней самокритики он обозвал себя сбрендившим виртуальщиком, к тому еще и калекой… хотя эта оценка во многом являлась субъективной. Не смотря на ежедневное длительное пребывание в виртуальной среде, он находился в прекрасной форме, и посторонний человек вряд ли распознал бы в Извалове какой-то физический дефект. Его протезы давно адаптировались к плоти, – в местах соединений живого с неживым не возникало каких-либо ощущений дискомфорта, скорее, наоборот, с течением времени он все чаще забывал о полученном увечье, ощущая себя полноценным человеком.

Нет, проблема Извалова конечно крылась не в физическом тонусе организма, а в сознании, в критичном восприятии самого себя, в тех комплексах и стереотипах, что сформировались в его рассудке за десять лет добровольного отшельничества.

Оказывается, он привык к своеобразному комфорту морального одиночества, отдавая предпочтение электронным машинам, нежели людям, и вот результат: как пуля, ударившая на излете, пришло это глубокое, внезапное, ошеломившее разум чувство…

Он ощущал, что реальность Полигона по-прежнему тянет его к себе как магнит, но теперь уже в силу не одной, а нескольких причин. Фантомный мир, конечно, оставался его детищем, смыслом последних лет жизни, но к данным позывам все настойчивее примешивалось нечто новое, острое, саднящее…

Антон чувствовал себя совершенно сбитым с толку, когда, загружаясь в виртуальную реальность, машинально, не задумываясь, выходил в одно и то же место, и лишь оказавшись на знакомом склоне, у замшелого камня, прячущегося под сенью нависающей скалы, вздрагивал, мысленно укоряя себя за навязчивую избирательность.

Они не договаривались о встречах, но ожидание Извалова ни разу не обмануло его, – спустя несколько минут в пространстве Полигона появлялась Бет и все… логичный, взвешенный рассудок будто отключался, уступая место чувствам, что трепетно комкали душу… он смотрел на приближающийся образ, испытывая ощущение внутренней неловкости, но и оно проходило, таяло, будто остатки внезапного морока… стоило ей подойти ближе, и тихо, без натянутости, фальши, с искренней радостью в голосе сказать:

– Здравствуй Антон.

Она брала его за руку, и они отправлялись бродить по окрестностям, не избирая маршрутов, равно как и тем для разговора. Все происходило

просто, естественно, оба интуитивно избегали серьезных, глобальных вопросов для обсуждения, как это случилось при первой внезапной встрече, и такие прогулки сближали их с пугающей быстротой…

Антон смотрел на Бет, отчетливо понимая всю бесполезность, ложность визуальных оценок.

О себе он в такие минуты не задумывался, – у Извалова не было причин, чтобы формировать в виртуалке призрак, чем-то отличающийся от его истинного физического облика, а вот у нее подобные причины вполне могли найтись, такой вывод прямо вытекал из недосказанности их первой встречи.

Ты сумасшедший… – мысленно твердил себе Антон, возвращаясь оттуда.

Отключившись от сети, он подолгу сидел в глубоком кресле глядя на заставку «Всемирной Паутины», вращающуюся в глубинах стереомонитора, и мучительно размышлял над своими чувствами и образом Бет, с которой только что расстался.

Риск получить горькое разочарование был велик, – кому как не Антону было знать, что ожидание праздника зачастую оказывается намного лучше самого праздника, потому он и таил свои эмоции, стараясь при встречах с Бет не проявлять острых, рвущихся наружу чувств.

История виртуальных сетей полна печальных примеров подобных знакомств. Извалов, естественно, не занимался специальным изучение данного аспекта фантомного существования человеческой личности, но за годы, проведенные в сети он накопил достаточный опыт, чтобы настороженно относиться к «обликам».

Машина, с которой осуществляется вход в виртуальное пространство сети, могла придать пользователю любой, сформированный лично, или заимствованный откуда-либо, образ. Люди часто пользовались подобными приемами в силу разных причин, – мотивации варьировались от вполне понятных и оправданных до откровенно издевательских, злых, благо безграничная свобода и безответственность виртуального пространства позволяла скрыть всю правду о себе, кроме совершаемых поступков, разумеется.

Антон лично не попадал в неприятные ситуации, – когда он увлекался играми, в буквальном смысле тонул в мире грез, сетевые миры еще находились в зачаточном состоянии, а позже, вынырнув из этого омута, он по мере роста профессиональных знаний, просто ушел в иную сферу деятельности, – работа поглотила его без остатка, не оставляя ни времени, ни желания посещать «многолюдные» виртуальные пространства, где часто

вспыхивали вполне конкретные, личные драмы… – не стоило забывать, что за каждым жестом, словом того или иного виртуального призрака скрывается живой, эмоциональный разум.

Трагедии виртуалки находили самые непосредственные отражения в реальном мире, и вот настал черед Извалова испытать на себе всю тяжесть неопределенности всемирного пиршества иллюзий.

Его чувства к Бет вспыхнули будто трескучий лесной пожар, полыхнувший из-за неосторожно оброненной спички, но что может быть мучительнее для логичного, умудренного жизнью, вкусившего всех ее прелестей уже немолодого закосневшего в определенных привычках и взглядах одинокого программиста, вполне отдающего себе отчет в природе и происхождении виртуальных образов?

К кому потянулась его душа? Что скрывал за собой пленивший его разум образ молодой женщины – истинную Бет, или, быть может, особу Бальзаковского возраста, которая скинула с себя бремя трех десятилетий, и сейчас искренне наслаждается произведенным эффектом? – С необъяснимой, внезапной горечью, даже озлобленностью думал Антон, досадуя на непривычные, дискомфортные мысли и чувства.

Вспышка эмоций длилась недолго, он все же не потерял рассудка в прямом смысле данного термина. Просто, как юноша, внезапно и иррационально, влюбился в призрак и теперь мучил себя досужими домыслами, вместо того, чтобы действовать как должно программисту, творцу его уровня: поймать ускользающий призрак, просочиться набором безликих байт по тем каналам, через которые приходит Бет в его домашнюю сеть, отследить ее путь домой, и поставить точку в мучительных сомнениях, раз и навсегда узнав, – кто она?

От подобных поползновений рассудка в душе вдруг стало холодно и пусто, будто Извалов только что составил мысленный план циничного самоубийства, – ее образ на поверку оказался столь дорог, что подобные действия вызывали глубочайшую внутреннюю досаду, гадливое неприятие…

Нет, он не боялся разочарования, ведь в данный миг ему казалось, что неопределенность много хуже, мучительнее, – просто в душе Антона давно сформировалась индивидуальная система моральных ценностей, изменить которой означало, прежде всего, предать собственную личность.

Болезненный вопрос внезапно приобрел пугающую глубину.

Хорош ты Извалов, нечего сказать… – Думал он, мысленно пререкаясь сам с собой, – чуть тебя прижало и что? Все по боку? Нет больше никаких внутренних рамок, будешь действовать как молодой

озабоченный пацан, отслеживая пути, взламывая чужие программы, лишь бы удовлетворить собственное болезненное любопытство, благо опыт есть, а ломать, как известно не строить…

Не вязались подобные мысли с образом Бет. Никак не вязались. Во-первых, она вела себя искренне, не лукавя там, где их разговор вдруг сворачивал на запретные для нее темы. Просто говорила: «нет, Антон, извини, этого я тебе раскрыть не могу». Конечно, отрицать что в ее поведении присутствует некая тайна, было бы глупо, но этот налет недосказанности лишь окутывал ее призрак незримым облаком притягательного шарма, не свидетельствуя о лжи… Она была максимально честна с ним, – вот что являлось неодолимой преградой для поступков определенного сорта.

Вконец измучившись своими сомнениями, Антон еще раз грубо обозвал себя парой нелестных эпитетов и встал из-за терминала домашней компьютерной сети.

Делать сегодня было решительно нечего, основные работы по отладке фантомного мира уже закончились, и он больше недели ждал, когда, наконец, на него выйдут заказчики, чтобы произвести окончательные расчеты.

Извалов уже знал, какую цену назовет им, и неважно, что она не будет измеряться в денежном эквиваленте. Память о мечте, принадлежавшей Сергею Давыдову, который вытащил его из прогнившей общаги и подтолкнул к измученную душу Антона к миру и благополучию, наконец, нашла свое отражение, была реализована в пространствах Полигона, где человек смертельно уставший от злой суеты современного мира мог найти себе пристанище и по настоящему жить…

Серега не дожил… Но образ Бет неуловимо перекликался в душе с воспоминаниями прошлого, Антон интуитивно чувствовал, что она так же искала отдушину, место, где ее разум мог укрыться, расслабиться, сбросить прошлое…

Нелимитированный доступ для двоих. – Извалов коснулся сенсоров терминала, быстро набросал черновик письма, перечитал его и отправил, по известному только ему адресу.

Мир четвертого спутника Проксимы Центавра был сформирован, и он, оставив полученные знания за рамками письма, констатировал факт окончания работ и вносил свои, вполне оправданные, мотивированные требования в форму оплаты конечного результата многолетних усилий.

Отправив письмо, он встал, решив, что остаток дня лучше провести на свежем воздухе, чем терзать себя, сидя у погашенного терминала.

При следующей встрече он обязательно поговорит с Бет, честно задав ей бередящие душу вопросы.

Антону повезло, – он увидел негаданных визитеров издалека.

Старая, видавшая виды «десятка» с явственными следами коррозии на утративших глянец бортах выехала на деревенскую улицу, со стороны лесной грунтовки, связывающей тупиковую деревню с расположенной в сорока километрах от нее федеральной трассой.

Он сразу почуял неладное. Деревня, в которую его привез Серега, постепенно опустела, вымерла, – сюда больше не приезжали на летние каникулы внуки и правнуки коренных жителей, потому что последние, окончательно состарившись, постепенно перекочевали на скромный погост, расположенный сразу за ельником.

Осиротевшие дома постепенно ветшали, чернея от времени. Большинство крыш давно прохудились, и старые срубы медленно разрушались, проседая под бременем лет. Никто не польстился на этот лесной уголок, лишь коттедж Извалова по-прежнему сохранял вид цивилизованного жилища: его стены обшитые пластиковой «вагонкой» не темнели от времени, над полимерной черепицей по-прежнему топорщились гроздья спутниковых антенн, лениво крутил огромными лопастями установленный поодаль ветряк.

…Прогнившая «десятка» притормозила на въезде в деревню у крайнего дома с осевшей, местами провалившейся внутрь крышей, и из салона вылез высокий плотно сбитый человек, лет тридцати от роду, в охотничьем костюме, с зеленоватыми разводами камуфляжа, и всеми полагающимися элементами экипировки.

Этот маскарад мог легко обмануть кого угодно, но только не Антона. Он смотрел не на одежду, наверняка купленную накануне, в одном из Питерских магазинов, а на лицо приезжего.

Годы отшельничества не стерли его памяти, и сейчас невольная дрожь прокралась вдоль спины, как только он различил смуглые черты лица «охотника».

Тот наклонился, что-то сказал водителю и взял с переднего сидения помповое ружье, решительно направившись прямиком к дому Извалова. «Десятка» медленно тронулась с места, двигаясь по ухабистой улице на первой передаче. Сколько человек помимо водителя скрывались за приспущенными тонированными стеклами на заднем сидении машины, Антон мог лишь догадываться, но сейчас уже некогда было ломать голову над численностью негаданных визитеров, – он подсознательно чувствовал,

что они явились сюда по его душу, вот только с какой целью?

Воткнув лопату в мягкую, податливую землю Извалов заспешил вдоль фасада дома, к сараям.

Напряженно вслушиваясь в звук двигателя приближающейся машины, он быстро пересек подсобный дворик, и, постаравшись не скрипнуть дверью, проскользнул в пристройку, понимая, что соваться в дом, где хранилось приобретенное за эти годы оружие, уже поздно.

Добротный сруб встретил его прохладой и терпким успокаивающим запахом сосновой смолы.

Со стороны дома глухо и резко прозвучал хлопок входной двери.

Антон на секунду испытал прилив глухой ненависти, – незнакомец вел себя как хозяин, но Извалов мысленно пресек свой порыв, понимая, что помутненный ненавистью рассудок плохой советчик во внезапно возникшей ситуации.

Он быстро протянул руку, безошибочно достав с верхней полки тугой сверток. Промасленная тряпица крест накрест перетянутая бечевкой хранила в себе память о прошлом, потому и лежал этот сверток в сарае, подальше от глаз, – шли годы, а та горькая память не истиралась и не тускнела… как вороненая сталь «Стечкина» блеснувшая в сумраке, как только Антон развернул пропитанный маслом кусок ткани.

Быстрыми сноровистыми движениями он вытер тяжелый пистолет от консервирующего состава, машинальным движением вогнал снаряженную обойму, снял пистолет с предохранителя и плавням, тягучим движением передернул затворную часть, так чтобы не прозвучало резкого металлического щелчка.

Ну, теперь посмотрим, что вы за птицы… – подумал он, плечом приоткрыв дверь.

Изнутри дома доносились резкие неприятные звуки, словно кто-то ходил по комнатам переворачивая мебель.

Лицо Антона посерело. Он отвык от подобной бесцеремонной наглости, его жизнь протекала спокойно и плавно в полной гармонии с окружающим миром, как в реальности, так и в виртуалке…

Кровь отхлынула от головы, мускулы непроизвольно напряглись, что-то рвалось, стучалось в сознание, выплескиваясь из потаенных глубин памяти, и он, подчиняясь жесткой логике очнувшихся рефлексов, мягко, крадучись пересек двор, выскользнул через неприметную калитку в соседний заросший бурьяном огород, боком протиснулся в щель покосившихся ворот и рывком преодолел улицу, скрывшись внутри расположенного напротив необитаемого дома.

Остро пахло гнилью и запустением. Нехитрая меблировка давно покрылась слоем плесени, пол предательски скрипел и проседал под ногами, но ему удалось благополучно добраться до распахнутого настежь окна, и вылезти наружу.

Теперь он находился напротив собственного коттеджа, в заросшем одичавшим кустарником саду.

Двигатель «десятки» работал совсем рядом, громко дребезжа на холостых оборотах. К привычным запахам лесной свежести явственно примешивался угарный газ выхлопа.

Извалов присел на корточки, чтобы кусты скрывали его перемещения и медленно, крадучись пошел на звук.

Кто бы там ни был в этой машине, они ответят за свою необоснованную наглость. Антон слишком долго, болезненно и трудно искал путь к собственному душевному равновесию, выстраивая систему моральных ценностей которая позволила ему ощутить себя полноценным человеком, не стыдиться собственных поступков, жить замкнуто, но честно, не кривя душой, не причиняя зла людям, но и в ответ он подсознательно ждал того же, а вот выходило совсем не так…

Было у него далекое, злое прошлое, о котором как думалось, уже можно забыть. Он прошел через непонятную кровавую бойню, испытал всю глубину отчаяния оставшись калекой, в полной мере вкусил мерзости равнодушия и безысходной горечи нищеты, наверное, поэтому он не брался мысленно судить Серегу за избранный им путь, а после его исчезновения жил, будто за двоих, стараясь своими поступками изгладить и его вольные либо невольные грехи.

И вот все перевернулось, в одночасье возвратив ему глубоко упрятанные чувства, словно большая часть жизни была моментально перечеркнута…

…Со стороны его дома раздался резкий звон разлетевшегося вдребезги стекла.

Водитель «десятки» сидел, повернувшись в сторону дома Извалова. С расстояния в несколько метров Антон, через опущенное ветровое стекло, видел лишь его затылок и руки, сжимавшие руль.

Заднее сидение машины пустовало.

Приехали вдвоем или еще кто-то успел вылезти, пока я прятался?…

Антон не смог ответить на заданный самому себе мысленный вопрос, но тянуть дальше не было сил.

Резко выпрямившись, он метнулся вперед, с силой ткнув холодную

сталь «Стечкина» чуть ниже затылка ничего не подозревавшего водителя.

Тот издал сдавленный звук, но не дернулся, мгновенно осознав, что неосторожное движение может стоить ему жизни. Такая понятливость значила очень много, – Антон не ошибся в свои дурных предчувствиях, – люди нарушившие уклад его жизни четко знали немой, жестокий язык войны…

– Быстро отвечай, что вам здесь нужно? – Сипло выдохнул Антон, – Попробуешь выкручиваться, – застрелю. Ну?

Водитель медленно повернул голову, пытаясь хотя бы боковым зрением увидеть человека, который бесшумно возник за спиной, будто призрак…

– Шайтан… – сорвалось с его губ…

– Отвечай.

– Я ничего не знаю… – сиплым шепотом произнес водитель. – Асламбек. Он в доме. Он знает.

Извалов внезапно испытал скверную раздвоенность. С одной стороны очнувшиеся инстинкты, подстегнутые сорвавшимся с губ незнакомца ругательством буквально толкали его палец, нервно ощущающий своей подушечкой упругость спускового крючка, но ни один инстинктивный позыв уже не мог выбросить из рассудка последнего десятилетия жизни, и разлетающиеся по салону кроваво-серые брызги требовали более весомых аргументов для выстрела в затылок, чем наглое вторжение в его дом.

Это было ошибкой. Роковой ошибкой нивелированной психики, потому что на этот раз был прав не разум, а инстинкты. Он измерял события в своей системе ценностей, а вторгшиеся к нему люди не относились к разряду гуманистов, они были убийцами, не более.

Антон замешкался лишь на мгновение, но это промедление стоило ему очень дорого.

Нажми он на курок, и все возможно пошло бы иначе, а так, пока он мучительно решал внезапно возникшую дилемму, неслышно подкравшийся сзади человек резко взмахнул прикладом помпы, ударив Извалова чуть ниже затылка.

Сознание взорвалось мириадами радужных искр и погасло, потонув в черноте беспамятства.

Глава 9

Афганистан. Январь 2010 год…

Видно его накачали какими-то сильнодействующими препаратами, потому что Извалов абсолютно не помнил куда, на чем его везли, сколько минуло часов… или дней?… с того момента, как удар приклада оглушил его, погасив сознание.

Словно черный провальный сон без сновидений, который был прерван ощущением холода и монотонным звуком струящейся поблизости воды.

Он приоткрыл глаза и тут же зажмурился. Неяркий свет показался ему резким, нестерпимым, до обоняния дошел прогорклый запах дыма, застоявшийся в плохо вентилируемом воздухе, затем он услышал звук шагов по гравию, какой-то металлический лязг, короткий и приглушенный, затем наступила относительная тишина, в которой к монотонному фону струящейся воды добавилось сиплое дыхание простуженного человека.

Создание Извалова уже прояснилось настолько, что его разум начал собирать эти мелкие проявления внешнего мира, пытаясь осознать, – куда его привезли.

Явно большое, но замкнутое помещение… – подумалось ему. Скрип шагов сопровождался характерным отзвуком, порождающим слабое эхо, да и запах дыма, в сочетании с могильным холодом подтверждал: он находиться в каком-то скрытом под землей убежище…

Легче от этого, конечно, не стало но…

– Не прикидывайся дохлым, шурави. – Голос прозвучал над самым ухом, фраза резанула слух характерным акцентом, а завершающее ее слово сказало Антону в тысячу раз больше, чем все мелкие проявления реальности вместе взятые.

Шурави?!..

Так называли русских солдат в Афганистане, но с момента окончания той войны минуло без малого четверть века… Извалову было знакомо прозвучавшее слово из рассказов парней, воевавших в Афгане. Он тогда был десятилетним пацаном и частенько коротал часы своего безрадостного детства, сидя на подоконнике в просторной общественной кухне общежития…

Кажется, это происходило в середине или в конце восьмидесятых годов прошлого века. Он уже не помнил ни лиц, ни голосов тех, кто

попивал водку, устроившись за колченогим столом, в памяти остались лишь обрывки их полупьяных, не понятных мальчишке воспоминаний, где война не выглядела войной, а два слова «дух» и «шурави» звучали столь же часто, как и матерные связки между отдельными фразами…

Афганистан?!..

Извалов медленно открыл глаза.

Над ним сумрачным неровным куполом висел угрюмый давящий свод пещеры, а рядом, присев на корточки, нетерпеливо сопел сухопарый, жилистый моджахед, в облаченный в новенький пустынный камуфляж.

– Вот так лучше. – Сипло произнес он, заметив, что Извалов открыл глаза.

Антон не ответил на это замечание, молча, пристально глядя на сидевшего рядом боевика, впитывая разумом его зрительный образ, одновременно с болезненными ощущениями одеревеневшего тела. Мгновенное замешательство уже прошло, а страха он не испытывал. Годы общения с компьютерами приучили рассудок Извалова мыслить категориями мгновенных оценок той или иной ситуации, он давно стал логиком, и в отличие от большинства других людей, страдал полной утратой иллюзорности своего сознания.

Смятение, глупая надежда на «дурной сон», попытки уцепиться рассудком за какую либо призрачную надежду, – все это осталось в далеком прошлом. Антон верил тому, что видели глаза, не пытаясь отторгнуть действительность.

Он лежал на холодном каменном полу сумеречной пещеры, в тысячах километров от собственного дома, а подле него сидел один из тех, безликих, но опасных людей, кого в разных регионах планеты называли по-разному. К смуглому сухопарому боевику, страдающему хронической простудой, с одинаковой точностью подходили любые определения, связанные с термином «терроризм». Угадать его национальную принадлежность Антон не мог, две отрывистые короткие фразы несли минимум информации, которую он уже выжал из них, а вот глаза…

Холодные, не тупые, со звериным взглядом, какой запомнился Антону еще с Чечни, – нет, его глаза отражали спокойствие, уверенность в себе и еще – брезгливую терпеливость.

Значит, я им нужен. Вряд ли они взяли меня в качестве заложника для получения выкупа. – Отрывистые мысли проносились в голове Извалова, даже сейчас выстраиваясь в цепь причин и следствий. – Сейчасне восьмидесятые и даже не девяностые года двадцатого века, – быстро соображал Антон, – боевики уже не хватают, кого ни попадя, их

возможности ограничены и они шли на огромный риск, похитив человека фактически в центральной части России, и тайно переправив за тысячи километров от дома.

Вывод был прост. Он им нужен, но не ради денег.

В таком случае, зачем?

– Плохо смотришь. – Произнес незнакомец. Все-таки его знание русского языка оставляло желать лучшего. – Ты мой пленник, slave, понимаешь?

Чуждое слово, в переводе означающее «раб», прозвучало так, словно изъясняться на английском этому человеку было легче и привычнее, раз он машинально вставил подобную связку, компенсируя скудный словарный запас русского языка.

Не удивлюсь, если он заявит, что получал образование в каком-либо из престижных университетов… – Подумал Антон, – ожидая продолжения монолога. Со связанными руками и занемевшими, отекшими от пут мышцами он не мог оказать должного сопротивления, а ввязываться в диалог попросту не желал. В данный момент незавидное положение и полная беспомощность играли ему на руку, делая присевшего на корточки «хозяина» разговорчивым в силу раздражительности и полной, стопроцентной самоуверенности.

Извалов постарался сделать в эти минуты две вещи – накрепко запомнить его лицо, и не пропустить ни единой фразы, или вазомоторной реакции, – пусть говорит, работает мышцами лица, я полежу, и не дождешься от меня ни страха, ни бездумных порывов… – мысль вышла темной тягучей, словно в душе очнулась, наконец, та память, которую дисциплинированное сознание держало под моральным замком на протяжении многих лет.

В мыслях Антона не было ни грамма бравады или самоуверенности. Он многое повидал в своей жизни и твердо знал, – рядом с ним сидит труп, чья смерть лишь вопрос времени и стечения обстоятельств. Он запомнил его лицо…

Ненависть все же колыхнулась в душе черной хмарью запретных воспоминаний, но следующая фраза незнакомца быстро привела его в чувство:

– Будешь звать меня Алим. Господин Алим. – Секунду спустя уточнил он. – Английский язык знаешь?

Извалов отрицательно покачал головой.

Щека Алима дернулась. Все же он проявлял неуравновешенность. Что-то тревожило этого «космополита», да и обстановка сырой холодной

пещеры явно вредила его здоровью, значит он привык жить в иных условиях, успел вкусить нормальной, цивилизованной жизни, а на становище своих воинственных предков его привела скорее нужда, нежели какой-то моральный мотив.

Прячутся, как крысы, по норам… – Неприязненно подумал Антон, ожидая развития ситуации.

Из густого мрака гнездящегося в закоулках пещеры, появилась рослая фигура в камуфляже. Антон мгновенно узнал водителя «десятки», который, не обращая внимания на узника, протянул Алиму мобильный коммуникатор, сказав при этом несколько слов на арабском.

– Твой телефон?

Антон кивнул, не видя смысла отрицать очевидное.

– Почему не работает? – Месхер несколько раз демонстративно коснулся сенсора активации, но миниатюрный прибор, сочетающий в себе множество функций, не включился.

– Не знаю. – Пожал плечами Антон. – Может, твои подручные что-то поломали, или сели аккумуляторы…

– Ты плохо понимаешь слова, да? – Яростно выдохнул Алим, отбросив коммуникатор как бесполезную безделушку. Прибор глухо стукнул о камень, отлетев в темноту. – Твоя жизнь теперь зависит от усердия, вежливости и понятливости, шакал!..

Извалов промолчал, намеренно провоцируя Алима. Пару пинков как-нибудь выдержу… – подумал он, глядя, как медленно наливаются кровью холодные серые глаза. Все-таки с генетическим наследием не поспоришь, оно работает, живет внутри, периодически вырываясь наружу. Здесь бессильно что-либо изменить самое «продвинутое» гуманитарное образование, – кровь предков нет-нет, да и ударит в голову, причем у каждой нации это наследие сугубо индивидуально…

– Молчишь? Думаешь, я буду сидеть и смотреть на тебя? – Алим резко привстал, схватил связанного Антона за ворот одежды и рывком поднял на ноги, продемонстрировав физические достоинства своего жилистого сухопарого тела. – Сюда смотри… – он вывернул голову Извалова в нужную сторону, едва не сломав ему шейные позвонки.

В одном из естественных углублений в стене пещеры были установлены металлические клетки, где сидели или лежали несколько изможденных узников.

– Станешь грубить дальше, или молчать, посажу туда.

Оценив толщину прутьев, Извалов напряг шею, поворачивая голову.

Алим попытался воспрепятствовать этому, но не преуспел.

– Что я должен говорить? – Хрипло произнес Антон, с трудом проталкивая слова через сдавленное горло. – Пугай других… – Он намеренно обострял ситуацию, стремясь проверить свою ценность в глазах Месхера. – Объясни, толком, что надо?… – Добавил Извалов, чувствуя, что краткое напряжение одеревеневших мышц вызвало резкий приступ дурноты.

Хватка чуть ослабела. Антон не ошибся, рассудив, что его переместили за тысячи километров, вовсе не ради того чтобы поиздеваться и убить в этой пещере.

– Ахмед, развяжи его… – приказал Алим с силой оттолкнув тело Антона в сторону чадно тлеющего костерка, который освещал небольшую ровную площадку подле естественного источника минеральной воды.

Извалов не упал, – его подхватили чьи-то руки, затем холодная сталь ножа коснулась онемевших запястий, и нейлоновый шнур лопнул, освобождая покрытые синяками руки.

Антон дождался, пока афганец проделает ту же операцию с путами на ногах, и только тогда сел, болезненно ощущая каждую мышцу своего избитого, одеревеневшего тела.

От последних усилий и движений кровь начала циркулировать быстрее, и вскоре острое покалывание, распространившееся по онемевшим участкам, перешло в бесконтрольную дрожь, – это мышцы непроизвольно сокращались, поднимая температуру переохлажденного тела.

От костерка веяло дымом и теплом.

Алим, удалившийся в сумеречные глубины пещеры, вернулся спустя пару минут с ноутбуком в руках, молча указал Извалову на место подле ошлифованной временем каменной плиты, играющей тут роль стола и, развернув переносной компьютер, сноровисто пробежал пальцами по покрытой пленкой сенсорной клавиатуре, активируя какую-то программу.

Удовлетворившись результатом своих действий, он развернул ноутбук таким образом, чтобы Извалову был виден экран, и спросил:

– Знаешь такую модель?

Вопрос относился к застывшему на экране изображению человекоподобной машины, по иному – андроида.

Антон не видел смысла лгать и потому кивнул, подтверждая, что в принципе такая конструкция ему знакома.

– Ты программист. Хороший программист. – Повторил Алим. – А мне нужна программа, которая взломает защиту машины и передаст ей те инструкции, которые в корне изменят поведение андроида.

Извалов был откровенно поражен, впрочем, он уже достаточно владел

собой, чтобы не показать степени собственного удивления. Покосившись в сторону запертых в клетки изможденных людей, он чтобы оттянуть время задал риторический в данной ситуации вопрос, который неожиданно попал в точку:

– А они что не смогли этого сделать?

Щека Алима опять дернулась.

– Ты задаешь слишком много вопросов! – Внезапно вспылил он. – Это не твое дело. Отвечай на вопрос, или тебе сначала требуется прочистка мозгов?

Антон напряженно осмысливал ситуацию, стараясь не потерять самообладания. Положение скалывалось абсолютно незавидное, но, узнав намерения, следовало выяснить реальные возможности сидящего напротив подонка.

– По-моему это кадр из фантастического фильма, верно? – Спросил Извалов, указав на изображение человекоподобной машины.

Алим некоторое время смотрел в огонь, демонстрируя завидную выдержку, потом внезапно вскинул голову и что-то произнес на местном диалекте.

– Я даю тебе последний шанс на вразумительный ответ. – Добавил он, обращаясь к Антону. – Ты знаешь, чего я хочу…

Извалов не успел задать встречного вопроса. Из сумрака, скрывающего вход в пещеру, внезапно появились четверо боевиков, которые несли за ручки внушительный контейнер, внешне напоминающий дорогой гроб с металлической отделкой. Поставив его на каменный пол в двух шагах от костра, они молча растворились в окружающем сумраке.

Алим кряхтя, встал, подошел к продолговатому саркофагу и коснулся определенной последовательности сенсоров, расположенных на вмонтированной в крышку панели доступа. Раздалось характерное шипение сжатого воздуха, и верхняя часть транспортировочного контейнера отошла вверх и в сторону двигаясь на специальных телескопических штангах.

– Подойди сюда.

Извалов встал, ощущая, как озноб пробегает вдоль позвоночника неприятными волнами непроизвольной дрожи. Дело по его понятиям стремительно приобретало дурной оборот. Алим оказался не мелкой сошкой из числа новоявленных «полевых командиров», – судя по всему, он обладал незаурядными возможностями и далеко идущими замыслами.

Сделав шаг вперед Антон смог воочию убедиться, что самые худшие опасения оправданы.

В специальном контейнере покоился человекоподобный робот. Над ним уже потрудились предшественники Извалова, – у андроида отсутствовал декоративный кожух и передняя крышка корпуса, закрывавшая электронно-механические внутренности машины, с сервоприводных конечностей была содрана пеноплоть, лоскуты которой лежали тут же на дне транспортного кофра.

Извалову было достаточно одного взгляда на компоновку и содержимое внутренних схем кибернетического устройства, чтобы пробегающий по спине озноб вдруг превратился в острое резанувшее грудь ощущение могильного холода.

Внутри машины на объемном модуле располагались специфичные разъемы, куда были вставлены двухсантиметровые микрочипы, абсолютно идентичные тому, который Извалов приобрел пару лет назад в качестве «импланта».

Склонившись ниже, он напряг зрение, и в неверном свете костерка ему удалось различить маркировку в виде знакомого замысловатого символа.

Точно они…

Два десятка нейросетевых микрочипов, несомненно, составляли ядро машины, а вся «традиционная» кибернетика являлась ее вторичными компонентами.

– Ну? – Нарушил затянувшуюся паузу требовательный вопрос Алима. – Отвечай, ты можешь перепрограммировать его?

– С какой целью? – Собрав все свои силы, чтобы не выдать внутреннего потрясения, уточнил Извалов.

– Я хочу, чтобы эта машина подчинялась моим приказам.

Антон собрал всю силу воли, чтобы равнодушно пожать плечами.

– Мне нужно подумать. Это не компьютер, а настоящий кибернетический организм. Он слишком сложен для мгновенного понимания.

– Это я уже слышал. Ты видно решил, что можно тянуть время и морочить мне голову? – Алим внезапно ткнул пальцем в один из микрочипов. – Я знаю, что это такое. Это нейросеть!..

– Тогда ты должен знать, что она в корне отличается от обычного вычислительного устройства. – Резко ответил Извалов. После того как Алим обнаружил свою осведомленность, терять стало абсолютно нечего. – Искусственную нейронную сеть невозможно запрограммировать ее можно только обучить, тебе говорили об этом?

Алим злобно покосился на изможденных людей запертых в клетки.

– Да, говорили. Один умник уже обучал этого металлического болвана.

– Мне нужно время чтобы подумать. – Упрямо повторил Извалов, не обмолвившись о том обстоятельстве, что всю жизнь практиковался в «классическом программировании», никак не пересекаясь с искусственными нейросетями, которые развивались параллельно с традиционной кибернетикой.

Он изучал теорию нейросетей, но для Антона это был скорее любопытный экскурс в неизведанную область знаний, чем глубинное изучение вопроса. Он не смог бы помочь Алиму, даже в том случае, если бы вдруг испытал желание изменить своим моральным и профессиональным принципам, но говорить об этом вслух Антон не собирался. Он уже понял, что потерять практическую ценность в глазах стоящего напротив человека равносильно самоубийству, а смерть никак не входила в планы Извалова.

– Хорошо… – с нескрываемой угрозой и трудно сдерживаемой яростью выдохнул Алим. – Я дам тебе возможность подумать. Знаешь, как одомашнивают диких козлов?

Антон молча пожал плечами.

– Их сажают в яму, на пару недель, без еды. После этого они начинают жрать из рук охотника, словно ягнята. – Алим сделал нетерпеливый яростный жест, и из сумрака пещеры в свет костра тут же выступили вооруженные люди.

Через минуту Извалова ударами прикладов загнали в стоящую особняком, порядком поржавевшую металлическую клетку.

– Можешь думать. – Алим был раздосадован до крайности, но каким-то образом умудрялся удерживать свои инстинктивные позывы под контролем рассудка. – Я вернусь, когда ты будешь готов жрать из моих рук…

Антон выслушал его слова со стоическим равнодушием.

Главное не сорваться, не нахамить в ответ, как бы того не хотелось, а там посмотрим… – думал он, провожая взглядом боевиков, которые унесли тяжелый контейнер с человекоподобной машиной.

Алим ушел вслед за ними, даже не обернувшись в сторону пленников, рассаженных по отдельным клеткам, а вскоре пещера опустела вовсе.

Маленький костерок уже прогорел, и его угли начали покрываться пеплом, освещая лишь полуметровое пространство вокруг очага.

Спустя час скудный источник тепла и света угас, погрузив пещеру в абсолютный мрак и могильный холод.

Капель…

Изначально Антон старался не обращать внимания на монотонный звук срывающихся от свода пещеры капель, но сознание постепенно выделило его из невнятных шумов подземного узилища, и, однажды сосредоточившись, уже не смогло отторгнуть навязчивых ритмичных ударов разбивающихся о камень капель воды.

В сочетании с толстыми ржавыми прутьями тесной клетки, холодным воздухом, леденящим полом, и полумраком этот звук несколько дней кряду составлял основу пытки для его разума, добавляя к физическому дискомфорту свой навязчивый прессинг…

Попав в заточение, Антон сразу решил, что будет держаться, не смотря ни на что. Положение казалось отчаянным, но не безвыходным, однако после двух или трех суток одиночества, проведенных в темной опустевшей пещере, он уже не был столь уверен в благополучном исходе.

Когда Алим и его подручные покинули убежище, Извалов выждал некоторое время, а потом попробовал обратиться к своим товарищам по несчастью, заключенным в стоящих особняком клетках, которые располагались метрах в десяти от его тесного узилища.

Он надеялся на ответ, но изможденные до крайности люди проявляли полное безучастие к попыткам Антона заговорить с ними. Неизвестно что являлось причиной такого безразличия – сломленная психика, физическое истощение или скудный запас разговорного английского, которым владел Извалов.

Не добившись результата в общении, он начал исследовать собственную клетку, надеясь найти какую-либо слабину в побитых ржавчиной прутьях, но и здесь не преуспел, только ободрал пальцы. Переплеты решеток не поддавались никаким усилиям, – выполненные из толстых двухсантиметровых квадратных прутьев они крепко держались на своих местах.

Устав от тщетных попыток наладить общение, либо найти выход из тесной клетки Антон опустился на холодный пол.

Положение складывалось безрадостным. В эти минуты он испытал первый приступ острого отчаяния, понимая, что на поверку оказался не готов к такому внезапному, жестокому испытанию. Годы, проведенные в сознательно культивируемом одиночестве, притупили былые качества характера, – он привык к постоянству своих будней, прошлое сначала истерлось в памяти, а потом забылось, но это являлось самообманом, – человек никогда не забывает стрессовых событий, просто Извалову удалось

загнать память о войне вглубь подсознания, где воспоминания ждали своего рокового часа, чтобы вырваться, наконец, на волю под саднящую боль содранных в кровь пальцев и монотонный звук сводящей с ума капели.

Приступ глухого отчаяния, щедро сдобренный обрывочным, струящимися на фоне тьмы миражами прошлого, походил на внезапное безумие. Антон давно позабыл, что такое страх, он жил в мире абсолютно иных эмоций, и вот все возвращалось на круги своя, а столь тщательно выстроенная глухая защита, которую он возводил в своем рассудке продержалась ровно до тех пор, пока перед ним оставался осязаемый враг…

Казалось бы, проведя столько лет в одиночестве, Антон должен был стойко перенести и мрак пещеры, и холод, и моральные неудобства, но очнувшаяся память ткала из сумрака страшные картины, безжалостно напоминая: люди, что привезли тебя сюда ничем не отличаются от тех, с кем ты воевал на улицах Грозного… Они жестоки, непредсказуемы, и их существование протекает вне сложившейся системы общечеловеческих ценностей.

Сидя на корточках, Антон спиной ощущал исходящий от прутьев холод. Его взгляд тонул в плотном мраке пещеры, навязчивая капель била по слуховому нерву, отдаваясь в голове тупыми всплесками глухого отчаяния…

Он сидел, глядя во мрак, ворочая тяжелые безрадостные мысли, говорящие в пользу того, что Алим с подручными могут вернуться и через месяц, а если придут раньше, то ничего доброго это не принесет. Постепенно Антон начал впадать в полузабытье. Он не ломал себе голову над вопросом, чем вызвано это оцепенение, постэффектом вводимого ему препарата, который глушил сознание много суток кряду, или слабостью его собственной психики, которую вырвали из привычной среды обитания, погрузив в безысходность и мрак за тысячи километров от дома…

Он просто сидел, мучительно переживая свое состояние, пока не погрузился в тревожный полный навязчивых кошмаров сон…

…

Ему снился Грозный.

Город, улицы которого были полны смерти, где не выдерживал ни разум, ни тело, тем более что на девятнадцатилетнего Антона этот кошмар обрушился внезапно, – их воинскую часть попросту подняли по тревоге и передислоцировали сюда, не объясняя причин происходящего, не подготовив, толком не проинструктировав…

О чем говорить… Память навек сохранила руины домов, злобные частые вспышки огня в глубокой непроглядной ночи, внезапно выплывающие из сумрака подробности не стихающего боя, на которые не то что смотреть воочию – помыслить о чем-то подобном было жутко.

Тогда он пережил моментальный слом психики, но рассудок девятнадцатилетнего солдата год назад призванного в армию, еще не закоснел в жизненных стереотипах, оказался достаточно пластичен, чтобы, цепенея от ужаса, принять предложенную данность…

Он хорошо помнил свое состояние: мыслей фактически не было, они исчезли, в голове гулко бился пульс крови, глаза судорожно ловили отсветы идущего повсюду боя, пальцы машинально сжимали автомат, слух обострился до такой степени, что сквозь глухие прерывистые удары собственного сердца воспринимал еще целое сонмище страшных по своему значению звуков…

Узкий провал расселины в стене здания, огрызки кирпича вывороченного взрывом из кладки, чье-то сиплое дыхание рядом, истеричный шепот радиста, тщетно пытающегося связаться с командованием части, сзади – полыхающие платформы, на которых догорала техника батальона, треск очередей, тонущий в шрапнельном разбросе самопроизвольно рвущихся боеприпасов, и, как довершение моментальной картины, – оглушающий взрыв, столб яростного пламени, барабанящие по земле обломки и толчок в спину, сопровождаемый хриплым выкриком командира взвода:

– Вперед! Перебежками! К зданию!..

К какому лейтенант не уточнил, – Антон не видел, что происходит за спиной, но тело уже рефлекторно вняло приказу, болезненно сжимаясь перед предстоящим рывком, а последние слова взводного вдруг потонули в отвратительном булькающем звуке…

Над головой, срубая куски штукатурки со стен полуразрушенной жилой постройки с изматывающим визгом полоснули осколки, но Извалов уже бежал, оставив позади этот фрагмент адской, неподвластной разумному осмыслению реальности, – он слышал приказ и исполнял его, не понимая, что взводного уже нет, а он несется фактически в никуда, навстречу бессистемному очаговому бою и собственной смерти…

Впереди лежал короткий отрезок улицы, посреди которой полыхнет взрыв, и осколки перебьют Антону обе ноги, оставив его один на один со своей болью, – сознание, погасшее в момент ранения, вернется позже, когда его уже сочтут мертвым, подразделение уйдет дальше, а от неизбежной смерти его спасет Серега Давыдов, – такой же

дезориентированный заблудившийся в кромешном аду, потерявший не только своих товарищей но и всякую надежду.

Вдвоем они заползут в полуподвальное помещение, где будут отбиваться от периодически появляющихся с разных сторон боевиков, пока на исходе вторых суток их не обнаружат бойцы только что прибывшего в район вокзала подразделения…

…В мучительный сон Извалова, полный кошмарных картин прошлого, вкрался какой-то диссонанс… Он остро почувствовал несоответствие с реальными событиями, возникшее в тот момент, когда его память запечатлела роковой взрыв…

Он не побежал вперед. Новые инстинкты, воспитанные уже виртуальной реальностью, вторглись в рассудок. Зная наперед, что должно произойти, они заставили Извалова остановиться, отпрянуть за иззубренный выступ стены, и все вдруг пошло иначе, словно существовала сила, способная менять линии судьбы, переиначивая их в соответствии с приобретенным позднее опытом…

…Вжавшись в спасительный простенок, он не удержался, осторожно выглянув в узкий разрез улицы, и на миг ему показалось, что ослепительный взрыв полыхнувший в полусотне метров от него высветил из мрака не только стены близлежащих домов, но и до боли знакомую фигуру молодой женщины, которая будто призрак шла сквозь изменившуюся реальность, не обращая внимания на полыхающий вокруг ад…

Бет…

Антон очнулся, ощущая как по всему телу струиться липкий холодный пот.

Он так и не понял, что выкрикнул ее имя, заставив темную пещеру отозваться глухим рокочущим эхом.

Несколько секунд он широко открытыми глазами смотрел в кромешный мрак, пока сознание выпутывалось из тенет кошмарного сна, но даже в этом оцепенелом состоянии Извалов понял, что проснулся совершенно иным, словно во время кошмарного забыться что-то переключилось в голове, перемешав болезненные воспоминания с невостребованным опытом фантомных скитаний по различным виртуальным мирам, а затем сцементировав эту прихотливую, ирреальную смесь привычной надежной логикой, здравомыслием, которое он воспитывал в себе на протяжении многих лет.

Если оценивать переродившееся самосознание Антона, то стоило признать, – смесь избирательно востребованных волевых и душевных

качеств вышла опасной…

Теперь звук капели уже не мог нарушить хода его мыслей, в душе стыла осмысленная ненависть к людям, которые по собственной прихоти вторгаются в чужую жизнь, ломая ее по праву звериной силы… дело оставалось за малым – реализовать новорожденный синтез в конкретных действиях, придумать, как выбраться отсюда, и показать Алиму, что никто не давал ему права ломать судьбы людей в угоду своим далеко не чистым интересам и помыслам.

Бет…

Это имя звучало в голове как пароль, ключ, он запоздало подумал, что нельзя было забывать о ней, ведь его виртуальная подруга, возможно, является единственным шансом дать весточку о себе, изменить ход событий, которые безапелляционно сформировал Алим.

Мобильный коммуникатор… Он где-то тут в пещере… – подумал Антон, вспомнив, как его похититель с презрением отбросил в сторону неработающий прибор. Откуда ему было знать, что виной тому не аккумуляторы, и не удаленность от традиционного оператора связи, а простое устройство доступа, которое установил Извалов, «зашив» в схему мобильника элементарный сканер, знакомый только с отпечатком указательного пальца своего хозяина…

…Пока он размышлял над своим положением, густой мрак, царящий в пещере, начал понемногу рассеиваться, превращаясь в сумрак. Антон не сразу обратил внимание на изменение освещенности, – сидя в углу своей клетки, он был полностью погружен в иные проблемы, но, вспомнив об устройстве связи, поднял голову и внезапно понял, что может различить прутья решетки, фрагмент пола и смутно сереющее в нескольких метрах от его узилища невысокие стенки минерального озерка…

Странно… – подумал он, машинально задирая голову, чтобы осмотреть свод пещеры. Слабый призрачный свет исходил именно оттуда, и поначалу Антон не смог распознать, что на самом деле является его источником, потом зрение свыклось с полумраком, и он догадался, что широкая, закопченная по краям трещина, в которую уходил дым костерка, связана с поверхностью земли.

Значит, наверху наступил рассвет, – логично рассудил он, радуясь внезапному открытию. Сама трещина, змеящаяся по своду пещеры на высоте пятнадцати метров, не могла стать путем к спасению, но скудный источник рассеянного света приободрил Извалова, отвлек от навязчивых мрачных мыслей, вернув толику спокойствия и решимости.

Присев на корточки он вновь принялся изучать поеденные коррозией

прутья свой клетки.

Прошло немало времени, прежде чем Антон вторично убедился в их прочности, – стальной квадратный пруток двухсантиметровой толщины мог удержать взаперти кого угодно, а покрывающий прутья налет шелушащейся ржавчины легко соскабливался, обнажая тусклый металл.

В пещере еще немного просветлело. Измучившись в тщетных попытках обнаружить слабое место в надежно сваренной конструкции, Антон обессилено сел на холодный пол. Казалось, что способа вырваться отсюда попросту не существует…

Чтобы как-то защититься от холода, он пододвинул к себе кучу прелого тряпья, оставшуюся, по всей видимости, от прежнего узника. Ткань в отличие от металла клетки сильно пострадала от влаги и времени, – она расползалась под пальцами от малейшего прикосновения, но Извалов без труда узнал в бренных останках выцветший под палящими лучами афганского солнца комплект полевой офицерской формы советского образца. Никаких знаков различия он не обнаружил, но, пододвигая к себе сомнительную подстилку, его пальцы наткнулись на что-то острое, холодное…

Высвободив находку, он понял, что перед ним два фрагмента затупленной и разорванной проволочной ножовки, какие обычно входят в комплект экипировки десантных спецподразделений. Сталистая проволока с острыми засечками и двумя кольцеобразными ручками на концах являлась прочным универсальным инструментом, пригодным для валки небольших деревьев, отпиливания веток, а в случае рукопашной схватки вполне могла послужить грозным оружием в опытных руках…

Впрочем, сейчас состояние инструмента, найденного среди истлевшей формы, говорило о его полной непригодности к дальнейшему использованию. Порванная на две неравные части стальная проволока была «лысой», – все острые засечки, исполнявшие роль зубьев, давно стерлись, и Антон задался вполне уместным вопросом: что пытался перепилить пленный офицер?

Конечно один из прутьев клетки…

Встав на колени, он вновь принялся осматривать свое узилище, пока не обнаружил глубокий надрез, расположенный у основания углового прута.

Ржавчина успела покрыть металл своей бахромой, и визуально обнаружить место пропила оказалось нелегкой задачей. По всей видимости, прошло много лет с той поры, когда неизвестный Антону офицер пытался вырваться на свободу.

Воспользовавшись обрывком упругой проволоки, он очистил пропил от ржавчины, и понял, что круговой надрез (гибкая ножовка охватывала препятствие полукольцом) фактически перепилила прут, оставив лишь тонкую центральную перемычку, диаметром всего в несколько миллиметров. Оглянувшись на остатки истлевшей формы, Антон с горечью подумал, что узнику не хватило самой малости… Вероятно, он был истощен физически, и не вовремя порвавшееся проволочное полотно поставило крест на проделанной работе – у изможденного заключением человека не хватило сил, чтобы ударом ноги перебить истончившуюся преграду и отогнуть прут… хотя предполагать можно было все что угодно – немые свидетельства многолетней давности не могли поведать об истинной судьбе попавшего в плен к моджахедам русского офицера…

Антон не стал искушать судьбу. Полная неопределенность грозила в любую минуту обернуться внезапным возвращением Алима или его людей, и потому Извалов решил действовать немедля. Сев на пол он уперся спиной в стену клетки и ударил подошвой ботинка чуть выше найденного пропила.

От первой попытки прут вздрогнул, но устоял, зато в ноге, там, где протез соединялся с живой плотью, вспыхнула позабытая уже боль.

Стиснув зубы он повторил попытку, на этот раз вложив в удар все свои силы. Боль режущей вспышкой пронзила ногу до коленного сустава, и в первый момент Извалов не понял, принадлежит ли резкий металлический хруст поддавшейся преграде или это его протез не выдержал динамического удара?…

От боли потемнело в глазах, и ему пришлось некоторое время просидеть неподвижно, пока искрящийся мрак вновь не трансформировался в мягкие сумерки. Боль в ноге слегка притупилась, став терпимой, но Антон не рискнул вставать… ползком поменяв позу, он взглянул на прут и увидел, что тот сошел со своего места, сместившись на несколько миллиметров.

Перемычка была сломана, и он руками довершил начатое, отогнув нижнюю часть прута сантиметров на сорок. Отдышавшись, Извалов боком выполз в образовавшийся зазор, и встал, опираясь рукой о шероховатый край покрытого отложениями солей высокого бортика, ограничивающего выемку с источником минеральной воды.

Царящий в пещере полумрак по-прежнему скрадывал детали окружающего, Антон находился в полном неведении, о том, что представляет собой эта пещера, но теперь он был свободен…

Не обращая внимания на боль в ноге, он, прихрамывая, обошел

водоем в поисках своего мобильного коммуникатора, но, не зная планировки пещеры, неожиданно зашел в тупик, образованный своеобразным углублением в стене. Это походило на небольшой грот, отделенный от основной полости острыми, явно обвалившимися со свода угловатыми обломками горной породы.

В углублении гнездился плотный мрак и Антон присел, вытянув руки, чтобы не споткнуться о случайное препятствие.

Пальцы наткнулись на что-то угловатое, поначалу он подумал, что это такие же куски камня, как отгораживающие углубление глыбы, но, проведя рукой по поверхности, Извалов понял, что это крышка какого-то ящика. Сместившись, он на ощупь обнаружил еще несколько длинных деревянных контейнеров запертых обычными откидными защелками. Судя по наклонному расположению ящики были свалены один на другой и лежали тут очень давно – ладонь то и дело натыкалась на мелкие камушки, двигаясь по шероховатому слою песчаной пыли.

На ощупь определив верхний контейнер, Антон открыл замки, которые протяжно скрипнули в тишине пещеры, и, преодолевая сопротивление заржавевших петель, с усилием откинул крышку.

Осторожно опустив руку, он тут же наткнулся ладонью на что-то холодное, и в следующий миг понял, что явственно осязает выпуклую ребристую «рубашку» ручной гранаты.

Скользнув пальцами по поверхности неожиданной находки, Антон обнаружил резьбовое отверстие, в том месте, где должен был располагаться взрыватель.

Память прошлого уже не отпускала, будто боль в ноге, ребристая поверхность «эфки» и давящий, полный осознанной тревоги мрак вернули его сознание к ощущениям той ночи, когда он, обессилевший от потери крови, лежал на скате воронки у руин какого-то полуразрушенного здания на улице Грозного…

Вот только Серега уже не вынырнет из мрака… – С горечью подумалось ему.

Обострившиеся чувства не отпускали, «дежа вю» на какой-то миг полностью полонило разум, и Антон скользнул рукой дальше в следующий отсек длинного контейнера, где были аккуратно сложены взрыватели.

Взяв один из них, он ввинтил его в резьбовое отверстие, и, сжимая в руке снаряженную гранату, выбрался назад на простор пещеры.

Ему нужен был свет, иначе Извалов рисковал блуждать в сумерках неопределенное количество времени. Пещера на поверку оказалась гораздо обширнее, чем показалось несколько дней назад в тусклом сиянии

маленького костерка, но к своему недоумению Антон так и не смог обнаружить ничего похожего на общий источник искусственного света, хотя, двигаясь вдоль стен, он то и дело натыкался на остатки электрической проводки, которая привела его к покореженному распределительному щиту, со следами давнего пожара на спекшихся в единый бесформенный ком переключателях.

Все обнаруженные им признаки, включая истлевшую полевую форму, обгоревшую проводку и запыленные, сваленные как попало ящики с военным снаряжением, наводили на мысль о давних событиях, связанных с пребыванием в Афганистане «ограниченного контингента» Советских войск, либо последующим вторжением сил антитеррористической коалиции, которые свергли режим Аль Каиды после трагических событий 11 сентября 2001 года.

Это уже успело стать историей, сеть террористических организаций, опутавшая многие страны в конце прошлого столетия, была разгромлена еще в начале двадцать первого века, но сейчас, на ощупь передвигаясь по огромной пещере, Антон не мог не задать себе мысленный вопрос: его похищение является делом рук одной из местных банд, по-прежнему промышляющих торговлей наркотиками и мелким «джихадом», или это проявление той самой «уничтоженной» сети международных организаций, стремящихся под прикрытием национальных и религиозных лозунгов установить свой мировой порядок?

Вспомнив глобальность сформулированной Алимом задачи, Извалов почувствовал себя крайне неуютно.

Продемонстрированный человекоподобный робот являлся натуральной, действующей моделью, выкрасть или приобрести которую не по силам психу-одиночке, да и транспортировку бессознательного человека, захваченного в центральной части России, через границы сопредельных государств могла осуществить лишь хорошо организованная группа, имеющая перевалочные базы, надежную «крышу» и прочные связи в силовых структурах тех стран, по территории которых происходило перемещение.

Если мысленно сопоставить два факта, то вывод напрашивался неутешительный. Алим, которого элементарная логика располагала в центре воображаемой паутины, мог свободно оперировать профессиональными группами исполнителей на территории разных стран, то есть, здесь четко просматривалась сеть преступных организаций.

Оставалось присовокупить размах амбиций Месхера, его знание нескольких языков, как становилось ясно, что судьба свела Антона не со

случайной группой промышляющих разбоем афганских дехкан…

Прихотливо сплетаются человеческие судьбы. Антон успел подумать об этом, ломая прут решетки, подпиленный безвестным пленником много лет назад, и вот в сумраке пещеры на стене, где внезапно обнаружилась бетонная рубашка обработанного человеческими руками выхода, рядом с массивной, запертой в данный момент металлической дверью он увидел броскую, лаконичную надпись: «ДМБ-84».

Рядом красовалось несколько длинных, непонятных высказываний, исполненных арабской вязью, но Извалов лишь мельком взглянул на них, затем попытался открыть дверь, однако та не поддалась.

Значит, «дембиль-84»? – Подумал он, опускаясь на холодный пол пещеры подле запертых дверей.

Несколько деталей порой могут положить начало длинной цепочке логических рассуждений, но Антону не пришлось прилагать особых усилий, чтобы понять: он находиться в горной части Афганистана, и данная пещера не единственная, – скорее всего, здесь расположена целая система бункеров, выстроенная в период пребывания советских войск.

Глядя на змеистую трещину в своде пещеры, сквозь которую пробивался тусклый дневной свет, Извалов подумал: может, тут скрывался кто-то из лидеров Аль Каиды, и не находиться ли он сейчас в одном из укрытий, которые в свое время подвергались жестоким бомбардировкам со стороны американских ВВС?

Впрочем, был ли смысл разбираться в истории данного места?

Единственный вывод, который следовало сделать сейчас, заключался в том, что за запертыми металлическими дверями располагается не выход на поверхность, а система внутрискальных коммуникаций. В этом случае путь к свободе существенно удлинялся, осложняясь множеством непредвиденных препятствий.

О какой свободе я рассуждаю, если даже эту дверь не открыть без посредства гранат? – Подумал он, решительно вставая на ноги. Боль в правой голени притупилась, стала терпимой и Антон, чуть прихрамывая, принялся скрупулезно обшаривать неровный пол пещеры в поисках своего мобильного коммуникатора.

Только связь с внешним миром могла помочь ему выкарабкаться отсюда.

Он потратил несколько часов, ползая на коленях, пока его содранные пальцы не наткнулись среди усеивающих дно пещеры каменных обломков на драгоценный прибор, небрежно отброшенный Алимом в сторону.

Коснувшись сенсора активации, Извалов с облегчением увидел зеленую искру индикатора питания. Мобильник работал, об этом ясно свидетельствовала подсветившаяся сенсорная панель и крохотная откидной экран, на котором возникли строки контекстного меню.

Непонятно по какой причине Алим так небрежно обошелся с ультрасовременным прибором связи. Он ведь наверняка знал, что телефонный звонок с трансляцией сигнала через спутник – это всего лишь одна из заурядных функций компактного устройства. Набор микропроцессоров, встроенные модули памяти, цифровая микрокамера, диктофон и возможность передачи данных через спутниковые элементы сети Интернет превращали коммуникатор в мощный электронный центр связи, не уступающий по части своих характеристик настольному компьютеру среднего класса.

…Пока он занимался исследованием пещеры и поиском своего коммуникатора «наверху» начало стремительно темнеть, сумрак пещеры опять трансформировался в непроглядный мрак, и лишь активированная панель прибора излучала свет, выхватывая из тьмы осунувшееся лицо Антона. Присев на каменный обломок он на минуту задумался, решая немаловажный вопрос: куда и кому он должен позвонить?

Вследствие замкнутого образа жизни у него не было друзей, со своими работодателями связываться в данной ситуации бесполезно, – даже если информация полученная от Бет соответствует действительности, вряд ли Военно-Космические силы России станут проводить боевую операцию на территории Афганистана. Что остается в таком случае? Звонок службам спасения? Или попытаться передать информацию о своем бедственном положении по каналам Федеральной Службы Безопасности?

Мысленно перебрав варианты, Антон решил сделать три звонка, благо с поиском нужных номеров проблем не возникало.

Набирая первое сочетание цифр, он рассчитывал на реальный отклик, но везде – и в посольстве России и в международной службе спасения и на открытой линии ФСБ были установлены компьютеры, автоматически фиксирующие звонки, обрабатывающие полученную информацию, сортируя ее по категориям и степени достоверности. Подобная схема давно являлась общепринятой практикой, – узкоспециализированные компьютеры подменили людей во многих сферах, но Антону от этого не становилось легче. Он трижды продублировал информацию о собственном похищении, сопроводив ее номером коммуникатора, чтобы его могли запеленговать со спутника в момент вызова, но никто реально не поговорил с ним, не обнадежил, – в ответ на свои запросы он услышал лишь

тональные сигналы, подтверждающие прием информационного пакета, да одинаковый лишенный интонаций голос, который трижды повторил:

– Ждите, информация пройдет проверку, и с вами немедленно свяжутся наши сотрудники.

Проклятье…

Извалов с досадой свернул откидную панель коммуникатора. Следовало поберечь ресурс элементов питания.

Вот она, оборотная сторона тотальной компьютеризации, – с досадой подумал он. Конечно, его звонки не останутся без внимания, но пока идет проверка, Алим со своей бандой сто раз может вернуться в пещеру, и тогда уже никто не поможет Антону выкарабкаться отсюда…

Был бы у него настоящий друг, близкий человек, и все пошло бы иначе…

Антон ни на миг не забывал о Бет, но проблема заключалась в том, что он не знал ни ее настоящего имени, ни номера телефона или места жительства, – они встречались исключительно в виртуалке, где не принято обмениваться информацией подобного рода.

После отключения коммуникатора мрак пещеры вновь подступил со всех сторон, угнетающе действуя на растревоженный рассудок. Сидеть в темноте и ждать, может быть несколько суток, пока тебе позвонят, было невыносимо и неприемлемо.

Он ни на секунду не забывал о похитителях, которые могли вернуться сюда в любой момент. В его положении нужно было действовать, а не сидеть, сложа руки в надежде на чудо…

Сознание Антона вновь, в какой уже раз за прошедшие часы возвращалось к неустойчивому, давно позабытому состоянию, когда кажется, что ты стоишь на краю бездны, а почва под твоими ногами медленно осыпается, грозя вот-вот увлечь за собой потерявшее равновесие тело…

Он машинально откинул панель мобильника, взглянул на индикатор заряда аккумуляторов и коснулся сенсора, отвечающего за инициализацию контакта с Всемирной Паутиной.

Коммуникатор преданно ответил трепетным огоньком автоматического набора номера и спустя несколько мгновений на миниатюрном мониторе открылось окно доступа.

Он ввел виртуальный адрес, пароль, и к своему удивлению прибор без проблем соединился с его домашней компьютерной сетью.

Значит эти подонки не тронули терминалы… Очень непредусмотрительно с их стороны…

Соединившись с домашней системой, он первым долгом проверил поступившие в его отсутствие сообщения, обнаружив, что их всего два. Одно пришло в ответ на его условия, адресованные накануне похищения заказчикам виртуального Полигона. Текст письма был краток, – Извалова уведомляли, что работа принята, деньги на его счет перечислены, а за ним закреплена выделенная виртуальная линия, посредством которой он и еще один пользователь могут посещать пространство сформированного мира, без каких либо ограничений.

Второе сообщение состояло всего из одной строки:

«Антон, куда ты пропал? Жду тебя каждый день у нашей скалы. Бет».

Прочитав короткую записку, Извалов почувствовал, как волна внутреннего тепла надеждой обдала душу…

Бет… Она тревожилась о нем, ждала…

Пальцы сами машинально набрали необходимое сочетание цифр, и изображение на миниатюрном дисплее моргнуло, видоизменяясь коренным образом.

Он увидел фрагмент знакомого склона, далекие очертания гор, лазурное небо и редкие разводы перистых облаков, из-за которых проглядывал слепящий диск полуденного солнца.

Рано… – с досадой понял он. Они с Бет обычно встречались на закате, а сейчас едва ли минул полдень, значит, она появиться в виртуальном пространстве Полигона часов через шесть.

Справившись с внезапным порывом чувств, Антон вновь вошел в контакт со своей домашней сетью, и оставил Бет короткое сообщение:

«Обязательно дождись меня. Сегодня буду непременно. Ты мне нужна. Антон».

Он свернул панель коммуникатора, но в окружающей тьме перед глазами еще несколько секунд плавал фантомный огонек светодиода, – не то призрак тающий на сетчатке глаза, не то искра надежды, проблеск порывистого человеческого чувства, что так упорно рвался на свободу с первого дня знакомства с загадочной девушкой, внезапно появившейся в закрытом для посещений виртуальном пространстве Полигона.

Сейчас внутренние сомнения и моральные запреты казались Антону глупыми, жестокими, несправедливыми по отношению к самому себе и к ее образу. Сколько бы поучительных примеров относительно скверных концовок виртуальных знакомств не содержал его логичный рассудок, наступил миг, когда Извалов почувствовал эту кричащую разницу между сухими сообщениями, которыми он обменивался на протяжении многих

лет с надежными проверенными партнерами, и ее тревогой, заключенной в контексте нескольких фраз.

Он сидел в кромешной тьме, позволив себе погрузиться в короткий водоворот воспоминаний об их кратких встречах, и подумал, встряхнув головой: Мне все равно, хакер она, или просто скучающий программист, – все казалось незначительным, мелким по сравнению с огромным невостребованным и нерастраченным запасом человеческих чувств, которые Антон прятал где-то на задворках души, выстроив в своей жизни крепкие стены из одиночества, искренне полагая, что непредвзятая честность машин послужит ему адекватной заменой человеческому непостоянству.

Оказывается в стремлении обрести душевное равновесие, абстрагироваться от жестокого мира, который стыл в душе образами, вырванными из далекого прошлого, за исчезновением Сергея и первыми, нечистыми на руку работодателями, он не обрел желанного покоя, но пропустил огромный отрезок жизни…

Сейчас Антон не жалел о своих поступках, не задумывался над тем, что темная пещера не лучшее место для детального разбора каких-то ошибок, – он чувствовал, что-то встрепенулось, ожило в душе, и по большому счету не будь виртуалки, и связанных с ней десятилетий упорного труда, не сидел бы он сейчас тут, да и с Бет бы не встретился никогда, а память о Чечне, Сергее, все равно рвалась бы из тайников, приходя по ночам ледяными кошмарами.

Он не знал, сможет ли помочь ему Бет, и вообще, – удастся ли дожить до мысленно назначенного срока…

Доживу…

Мысль внезапно всколыхнула сознание, вырвав, его рассудок из затянувшегося, созерцательного неприятия ситуации. Логически осмысливать свои и чужие шаги можно там, в виртуалке, а тут, если хочешь выжить, нужно действовать, быстро и решительно, потому что возможности перезагрузиться НЕ БУДЕТ…

Антон встал, удивляясь как быстро вернулись к нему ощущения молодости, только теперь они стали иными, – он осознавал грозящую смертельную опасность, но не испытывал инстинктивного ужаса перед ней, – все-таки виртуальное существование наложило на разум неизгладимый отпечаток, мозг отвык оперировать понятиями удручающей окончательности, и такой образ мышления с одной стороны давал ему преимущество перед врагом, а с другой делал Антона уязвимым.

Он понимал, что поймать золотую середину не удастся.

Будь что будет… – мысленно решил он, – в клетку назад не полезу, ползать перед Алимом не буду, тянуть время, разыгрывая словесную шахматную партию – то же.

Включив вмонтированный в коммуникатор инфракрасный фонарик, он взглянул на четкое, черно-белое изображение фрагмента окружающей обстановки, возникшее на откидном дисплее, как только незримая тепловая подсветка коснулась стен погруженной во мрак пещеры, и решительно встал.

Минут десять понадобилось Антону, чтобы отыскать среди многочисленных россыпей щебня и беспорядочно разбросанных следов человеческой деятельности кусок обыкновенного телефонного провода в потрескавшейся изоляции.

Вернувшись к металлическим дверям, он убедился, что они открываются внутрь помещения, и быстро установил растяжку, закрепив гранату с таким расчетом, чтобы осколки срикошетили от открывающейся двери и ушли в пространство за ней.

Заминировав вход, он вернулся к неглубокому ответвлению пещеры, где за глыбами рухнувшей со свода горной породы он обнаружил несколько сваленных один на другой ящиков. Пользуясь инфракрасной подсветкой Извалов с немалыми усилиями растащил их в стороны, попутно исследовав содержимое нижних контейнеров, в которых к его разочарованию был упакован легкий пятидесятимиллиметровый миномет, и боезапас к нему.

Распределив ящики таким образом, чтобы они образовали дополнительное укрытие, он выложил найденные гранаты, ввернул в них взрыватели и разложил рифленые «эфки» под прикрытие массивного обломка, так чтобы их было удобно брать на ощупь, оставаясь в укрытии. Пять минометных зарядов он отнес подальше, вглубь пещеры и завалил их камнями, чтобы те не детонировали от случайного попадания, а третий ящик поставил на ребро, используя упакованную в нем металлическую станину как дополнительное укрытие.

Покончив с этими приготовлениями, он, прихватив одну гранату, вернулся в ту часть пещеры, где располагались клетки с узниками.

Всего их было три, если не считать той, где содержали Извалова. Памятуя о своих неудачных попытках завязать разговор с изможденными людьми, он решил, что сначала попытается освободить их, а уж затем займется установлением взаимного доверия.

Осуществить первый пункт мысленного плана оказалось нетрудно, – Антона хоть и пошатывало от голода и усталости, но все же в плен он

попал недавно, и физических сил у него оставалось достаточно. На полу в районе сложенного из каменных обломков очага было разбросано множество затоптанных среди мелкого щебня предметов, что ясно свидетельствовало о длительном пребывании тут многочисленных групп вооруженных людей, которые пользовались этой пещерой как тайным прибежищем, особо не заботясь о чистоте и порядке своего пристанища. В результате такого отношения на полу образовался натуральный «культурный слой» где каменная крошка спрессовывалась с хрупкими минеральными отложениями и различными предметами – в основном элементами нехитрого быта и военной экипировки, которые теряли либо выбрасывали за ненадобностью обретавшиеся тут боевики.

Пользуясь маломощным инфракрасным сканером, Антон отыскал кусок арматуры, который на поверку оказался полуразобранным автоматом системы «Калашников», с раздробленным в щепу прикладом, разукомплектованным затворным механизмом и свороченной набок прицельной планкой.

Подобрав его, Извалов, действуя стволом оружия как рычагом, один за другим сорвал замки на металлических клетках.

Двух узников он нашел мертвыми. Их смерть наступила давно, но холод, царящий в пещере, не дал тлену коснуться присохшей к костям плоти. Ужасно было осязать эти мумии…

…Только в третьей клетке изможденный человек подавал слабые признаки жизни, и Антон, не раздумывая, перенес его в убежище за каменными глыбами.

Уложив конвульсивно вздрагивающее тело на ворох собранного с пола пещеры тряпья, Извалов ненадолго оставил его, понимая, что события могут принять стремительный и непредсказуемый оборот в любую минуту, а он, вдоволь насмотревшись на признаки беспечного поведения былых обитателей пещеры надеялся, что внимательный осмотр всех закоулков даст ему что-либо ценное…

…Спустя пол часа он вернулся в свое укрытие с добычей. Оружия он не нашел, зато неожиданно наткнулся на застрявший среди камней неподалеку от очага ноутбук довольно старой модели, да еще подобрал мятую флягу, которую наполнил горьковатой водой из минерального источника.

До мысленно назначенного срока оставалось еще два часа, и Извалов решил более не рисковать. Расположившись в надежном убежище за массивными глыбами, он был хорошо защищен от осколков, на тот случай, если вдруг сработает установленная им растяжка, да и низкий монолитный

потолок углубления, после исследования его структуры инфракрасным сканером показал свою надежность: Антон не заметил трещин в образующей его породе, значит, опасность обвала была минимальной.

Вернувшись в укрытие, он первым долгом проверил состояние освобожденного узника, но тот, похоже, пребывал в глубоком беспамятстве, выдавая признаки жизни лишь рефлекторной дрожью бесконтрольно сокращающихся мышц. Максимум что смог сделать для него Антон – это укрыть измученного человека собранными обрывками одежды и смочить его губы водой из источника.

Чтобы не акцентироваться на проблемах и не изводить себя ожиданием, Антон решил заняться найденным переносным компьютером.

Откровенно говоря, откидывая его панель, он не надеялся, что система заработает, но к его удивлению вмонтированный в крышку ноутбука монитор тут же осветился, демонстрируя строки отчета о загрузке системы.

Удивленный этим обстоятельством Антон перевернул переносной компьютер и увидел несколько свежих царапин, свидетельствующих, что кто-то недавно менял аккумуляторы, действуя при этом довольно грубо: по краям отсека, куда вставлялись элементы питания были видны потеки от пришедших в негодность, разрушившихся со временем энергоносителей, и вскрывать крышку пришлось при помощи ножа или отвертки.

Зачем в портативном компьютере производилась замена аккумуляторов, и почему он оказался так небрежно заброшен за нагромождение каменных обломков, оставалось для Антона полнейшей загадкой, прояснить которую не смогло и содержимое жесткого диска.

Систему паролей он сломал при вторичной загрузке, грубо прервав работу системы, чтобы вставить в последовательность инициализации собственную программу, написание которой отняло у Извалова не более пяти минут. Справившись с этой задачей, он позволил машине загрузиться вновь, и как следствие – на экране возникла уже позабытая за давностью, морально устаревшая сервисная оболочка «Windows-98», не потребовавшая от Антона никаких полномочий доступа к файлам, как это случилось при первой активации.

Информация на жестком диске ноутбука устарела еще лет десять назад, впрочем, как и сам компьютер. В многочисленных электронных таблицах были размещены данные о неких финансовых потоках, снабженные аннотациями, выполненными с употреблением арабского шрифта.

Антон не стал ломать голову над цифрами, понимая, что они могут

заинтересовать скорее историка, чем сотрудников Интерпола или более молодых международных организаций занимающихся борьбой с терроризмом. Хотя, кто знает… – Подумал он, – может быть, эти цифры и записи прольют свет на определенные загадки прошлого, когда Афганистан являлся одной из твердынь террористов…

…Его мысли прервал слабый стон.

Извалов обернулся и увидел, что освобожденный им из клетки человек пришел в себя и теперь лежит, наблюдая за его движениями полным невысказанной муки, водянистым взглядом глубоко запавших глаз. Свет от монитора переносного компьютера падал на исхудавшее лицо несчастного, придавая ему землистый, неживой оттенок, и лишь расширенные зрачки выдавали присутствие мысли, – в их лихорадочном блеске читался немой шок очнувшегося разума, и, словно в подтверждение этого, бескровные, потрескавшиеся губы едва заметно шевельнулись:

– Не… помогай… ему…

Антон с трудом понял смысл произнесенной на английском языке фразы. Истощенный узник говорил так тихо, что его прерывистый шепот больше походил на невнятное бормотание.

– Успокойся. – Ответил Антон, приподнимая голову очнувшегося человека. Смочив его губы горьковатой водой минерального источника, он добавил, мобилизуя свой скудный словарный запас разговорного английского: – Ты должен лежать. Говорить вредно. Мы выберемся отсюда.

– Какой сейчас год?… – Не вняв Извалову, тихо спросил пленник.

– Две тысячи десятый. – Ответил Антон.

– Мой бог… – в сиплом шепоте прозвучало отчаяние. Некоторое время он лежал, неотрывно глядя на Антона, а затем заговорил вновь:

– Я должен сказать тебе… друг… Меня зовут Хью… Хьюго Поланд… я был офицером армии США… – Он бессильно затих, но видимо что-то важное давило на его разум, заставив собрать остатки сил:

– Эта… машина… опасна… Устройство самоликвидации… Я хотел жить… как животное… теперь умираю…

Антон вспомнил про микрочипы. Неужели в руки Алима попала секретная американская разработка?

– Полежи спокойно. – Посоветовал он Поланду. – Я попробую соединиться с друзьями. Не пытайся встать, чтобы ни случилось.

Хьюго болезненно поморщился, прошептав в ответ:

– У меня на это нет сил, друг…

– Мы выберемся отсюда, вот увидишь… – Как мог, ободрил его Извалов.

Может ли нежность и тревога, пройдя тысячи километров в виде эфирных волн, материализоваться в несуществуем пространстве, обретя физическую осязаемость?

Да, если источником являются мыслящие, обладающие эмоциями существа.

Антон и Бет стояли на пологом склоне холма, глядя друг на друга, и почему-то не решались заговорить, лишь их глаза отражали ту гамму невысказанных чувств, что испытывали в данный момент истинные хозяева фантомов.

Первой заговорила Бет:

– Почему ты не предупредил меня, что уезжаешь?

Извалов, который в этот миг находился за тысячи километров от дома в мрачной и холодной пещере, мог видеть лишь ее лицо на крохотном дисплее коммуникатора, – осуществить полноценную связь со своим образом, который генерировали в пространство Полигона компьютеры его домашней сети, он не мог, поэтому живым казался только его голос, что не укрылось от внимания Бет.

– Антон, ты… – она вдруг запнулась на полуслове, – ненастоящий.

– Меня похитили Бет. – Извалов решил говорить кратко, по существу. Их контакт мог оборваться в любую секунду, поэтому он постарался сжато изложить суть произошедших событий.

Она молча выслушала Антона, лишь изменилась в лице, заметно побледнев.

– Это все? – С неожиданной напряженной сухостью в голосе переспросила Бет, когда Извалов закончил излагать ход событий.

– Относительно меня – все. – Ответил Антон, не понимая произошедшей в ней перемены, будто живой человек, чьи эмоции передавал фантомный образ, внезапно превратился в бесчувственный манекен. Разница между той Бет, которую он успел узнать и полюбить, и напряженным сгустком визуального изображения, какое он видел теперь, была столь огромна, что у Антона что-то болезненно оборвалось внутри…

– Бет, в чем дело?… – Невольно вырвалось у него. – Я ведь еще не попросил тебя ни о чем, всего лишь ответил на заданный вопрос.

Она слегка повернула голову, рывком, будто машина, генерирующая ее призрак, в данный момент оказалась перегружена, и ей не хватало процессорной мощности на обработку плавности движений.

– Не мешай. Я сканирую рельеф. Мне нужно запеленговать твой коммуникатор.

Откровенно, Антон ожидал любой реакции на свои слова, но предположить такой ответ он не мог. Она сканировала рельеф? Где в таком случае находилась Бет? В центре управления полетами ВКС России или хлеще того – в аналогичном комплексе НАСА?

На лбу Извалова выступили холодные бисеринки пота. Нет… Возможно, она в самом деле хакер, и сбой происходит от того, что Бет взламывает защиту какого либо из спутников, чтобы отследить сигнал его коммуникатора?

Если верить электронному хронометру, высвечивающему цифры в нижнем углу крохотного экрана, то следующая фраза прозвучала спустя сорок секунд напряженной тишины.

– Есть. Я запеленговала тебя.

– Бет…

– Не перебивай. Теперь мое время ограничено. – Она по-прежнему говорила сухо и сжато. – Отключайся, мне потребуются все ресурсы для детального сканирования местности. Я вызову тебя, Антон.

Ее фантом исчез, растворился в несуществующем воздухе Полигона.

Он еще несколько секунд смотрел на шелковистую траву пологого склона холма, потом вздрогнул, будто очнувшись от наваждения, и дал сигнал отбоя своей домашней сети, одновременно сворачивая панель коммуникатора.

Хьюго по-прежнему лежал с закрытыми глазами, в пещере царил плотный мрак, и лишь дисплей ноутбука освещал небольшое пространство за каменными глыбами.

Кто же ты на самом деле?… – С необъяснимой тоской подумал Антон, глядя в вязку тьму пещеры…

Он был обескуражен кратким разговором с Бет, а ее внезапная деловая решимость подействовала на него странным угнетающим образом, словно сам факт произошедшей с ним беды, заставил ее резко видоизмениться.

Я ведь даже не успел попросить ее о помощи… Она сама начала действовать, фактически мгновенно…

Он сидел, сжав в одной руке ребристый корпус ручной гранаты, и смотрел на погашенный индикатор вызова мобильного устройства связи, а в душе росло подсознательное чувство какой-то невосполнимой, жестокой утраты…

Теперь мое время ограничено…

Что могла означать эта фраза Бет?

Извалов не мог представить себе истинной сути тех процессов, что

вызвала информация об его похищении.

Неведение зачастую является благом, оно спасительно, но за все рано или поздно приходиться платить.

Сидя во мраке пещеры, он не думал о чем-то подобном, – просто напряженно ждал вызова, мучаясь неопределенностью и пустыми, необоснованными, а потому скверными догадками…

Тонкая трель коммуникатора прозвучала в тиши пещеры спустя сорок семь минут после внезапного исчезновения Бет.

– Да?

– Слушай меня внимательно, Антон. – Это был ее голос, так хорошо узнаваемый, но растерявший практически все эмоции, кроме этой деловой сухости, словно Бет привыкла всю жизнь командовать, отдавая безапелляционные лаконичные приказы, – выходит, сейчас Антон слышал настоящую Бет?

Вопросы личностного плана плохо совмещались в голове с проблемами текущего момента, и он усилием воли заставил себя отбросить все личное…

…– Ты находишься в естественной пещере, которая входит в состав внутрискального укрепленного комплекса, расположенного в двухстах километрах от таджико-афганской границы. Я должна знать, какими электронными мощностями и вооружением ты владеешь на данный момент? Эта информация необходима для выработки дальнейших рекомендаций к действию.

– У меня есть коммуникатор, ноутбук модели десятилетней давности, и полтора десятка гранат системы «Ф-1» советского производства. Одна установлена в качестве растяжки, блокирующей дверь, остальные под рукой.

– Принято… Глубинное сканирование показывает тепловой сигнал рядом с тобой.

Антон поперхнулся на полуслове. Какой же техникой она оперирует, если сумела зафиксировать слабый термальный всплеск, исходящий от распластавшегося рядом полубессознательного тела Хью Поланда?

– Вместе со мной еще один узник, американец, Хьюго Поланд. Он обладает ценнейшей информацией.

– Его физическое состояние? – Сухо осведомилась Бет.

– Хуже некуда. – Признался Антон.

– Он сможет самостоятельно идти?

– Вряд ли. Слишком истощен.

– Тогда ты должен оставить его и выбираться сам.

– Нет. Это исключено. В крайнем случае, я понесу его на себе.

– Глупо.

– Я сказал, – понесу на себе.

– Антон, кроме тебя и Поланда сканеры фиксируют тридцать два термальных всплеска. Все они расположены по линии наикратчайшего пути следования к выходу на поверхность. Тебе придется вступить в бой и уничтожить противника. Как ты собираешься сражаться с такой обузой на плечах?

– Хорошо, прекратим спор. Я иду один, чтобы позже вернуться за Хьюго.

– Антон ты должен слушать меня беспрекословно. Подсчет вероятностей не в твою пользу. Я…

– Ты будешь моим ангелом-хранителем. – С неожиданной для себя мягкостью в голосе прервал ее Извалов. – Мне многое кажется странным, непонятным и пугающим, но, прежде чем ты отдашь очередной приказ, я хочу сказать тебе, Бет: Кем бы ты ни оказалась на самом деле – я люблю тебя.

В коммуникаторе внезапно повисла гробовая тишина, словно произошел обрыв связи.

Антон знал, что это не так, хотя, вопреки ожиданию, он не слышал даже ее дыхания, звук которого по идее должен был воспринимать микрофон передающего устройства.

– Я понимаю, вероятно, ты рискнула ради меня раскрыть некое инкогнито, и тебе самой будет грозить опасность, но дай мне шанс выбраться отсюда… просто проведи по этому лабиринту, и клянусь – я вытащу тебя из любой мыслимой передряги.

Минуло еще несколько секунд глубокой тишины, прежде чем в коммуникаторе вновь зазвучал ее голос, который не потерял сухости интонаций, но неуловимо ожил…

– Ты ничего не знаешь обо мне Антон…

– Ты забыла одно сказанное мной слово.

– Какое?

– Люблю… У тебя есть душа и я люблю ее, а значит принимаю все остальное. Тебе ведь знакомо это чувство?

– Я… Я не знаю…

– Неудачное время для объяснений, верно? Но я чувствую, что ты рискнула очень многим, причем сделала это мгновенно, как только поняла что я в беде. Значит, ты то же способна любить, как бы жестоко до этого не обходилась с тобой жизнь. Я способен это понять, Бет.

– Хорошо, Антон… Но ты не представляешь, на что идешь, произнося подобные клятвы.

– Все, Бет. Закрываем эту тему. Я уже не мальчик, но еще хочется пожить, увидеть тебя, не в виртуалке, а по-настоящему, так что давай, попробуй вытащить меня и Хьюго. Хотя бы подскажи путь, а дальше я попробую справиться сам.

– Нет, я буду с тобой. Каждую секунду… – Ее голос задрожал, меняя интонации, и это принесло Антону неописуемое облегчение. Пусть их диалог выглядел неуместно, но сила слов и чувств порой способна творить невероятные вещи…

Антон ощущал это, но не мог предположить, как скоро и недвусмысленно он сможет увидеть ту силу, что пробудил его порыв.

– Тебе необходимо оружие. Не отключайся. Соедини ноутбук с системой коммуникатора и следи за схемой. Я попытаюсь навести часть боевиков на твою растяжку…

Антон выслушал ее, не понимая каким образом собирается действовать Бет, но спорить не стал, лишь бросил мимолетный взгляд на Хьюго убедившись что тот надежно защищен от осколков каменными глыбами, и принялся выполнять полученное распоряжение.

Открыв предохранительную крышку на корпусе коммуникатора, он достал из открывшегося углубления тонкий оптиковолоконный шнур интерфейса с универсальным разъемом на конце, и соединил его с системой переносного компьютера.

На мониторе тот час же появилась трехмерная схема коммуникаций, которую Бет ухитрилась отследить при помощи проникающих сканеров. Все операции по глубинному зондированию рельефа, несомненно, производились с орбиты, и оставалось только гадать, каким образом ей удалось получить доступ к уникальной и наверняка строго засекреченной аппаратуре.

Внимательно посмотрев на схему, где каждый тепловой всплеск был обозначен алым пятнышком, Антон понял, что четыре расплывчатые точки движутся по прямому отрезку высеченного в скалах тоннеля прямо к дверям той пещеры, где находился он сам.

У него оставалось всего несколько секунд, чтобы подготовиться к встрече с противником, которого неведомая сила подняла с мест и заставила бежать в нужном направлении.

О том, что происходит в коридоре, ведала в данный момент только Бет.

Старый комплекс укреплений, расположенный в неглубоком ущелье, действительно являлся недостроенной военной базой. Создать опорный пункт в относительной близости к государственной границе СССР помешали внутриполитические процессы, окончившиеся полным развалом Советского Союза. Войска из Афганистана вывели, а разветвленную сеть пещер, соединенных бетонированными тоннелями, заняли отряды небезызвестного Северного Альянса. Впрочем, и они продержались тут недолго, из опорного пункта, который изначально проектировался как секретный центр связи, их выбили формирования Аль Каиды…

После событий 11 сентября сеть бункеров не единожды подвергалась бомбардировкам со стороны ВВС США, в результате чего часть пещер обрушилась, были уничтожены все постройки, расположенные непосредственно на дне ущелья, и теперь о тщательно замаскированных зданиях напоминали лишь иззубренные коробки стен, которые постепенно разрушались, сливаясь с фоном окружающей местности.

После всех невзгод, что год от года преследовали недостроенный внутрискальный комплекс, проходимым остался лишь двухсотметровый отрезок магистрального тоннеля, соединенный с тремя естественным пещерами, которые планировали, но не успели полностью благоустроить инженерные войска бывшего Советского Союза.

После падения режима Аль Каиды ущелье долгое время служило перевалочным пунктом для караванов, переправляющих грузы наркотиков через таджико-афганскую границу, пока в прошлом году тут не обосновался Алим Месхер, преследующий далеко идущие, широкомасштабные цели, в сравнение с которыми процветающий наркобизнес Фархада Карима выглядел мелким хулиганством…

По приказу Алима ближайшую из пещер, расположенную в десятке метров от выхода в ущелье, заново электрифицировали и полностью переоборудовали, снабдив современной компьютерной техникой, в то время как глубинные участки комплекса, в том числе и тупиковая пещера, в которой содержали узников, так и остались в заброшенном, полуразрушенном состоянии.

…Этой ночью в ущелье было многолюдно: помимо доверенных людей Месхера, осуществляющих охрану его тайного убежища, в руинах разрушенного центра связи заночевал караван, продвигавшийся к границе с Таджикистаном. Не смотря на обещания скорого мирового господства, Фархад не решился отказаться от отлаженного, дающего стабильную прибыль бизнеса, и снаряжаемые им караваны традиционно останавливались тут на ночевку, под молчаливым попустительством людей

Алима.

Около двадцати человек, вопреки строгому запрету, отдыхали сейчас в тепле переоборудованной под компьютерный центр пещеры, нисколько не смущаясь обилием ультрасовременной аппаратуры. Расположившись на подогреваемом, отделанном пластиковыми плитами полу, они ужинали, ведя неторопливую беседу с гостеприимными охранниками, которые в большинстве являлись их родственниками.

Разговор вился вокруг предстоящего перехода через реку Пяндж, один из боевиков сетовал, что каждый раз приходиться оставлять удобные внедорожники, которые в данные момент стояли у отвесных стен ущелья под охраной семерых членов каравана, и перегружать товар на мулов, чтобы двигаться через границу старинными, проверенными тропами, которыми ходили еще их деды и прадеды.

За едой и разговорами никто из находящихся в пещере не обращал внимания ни на сложную электронную аппаратуру, которая жила своей, абсолютно непостижимой для них жизнью, ни на установленный особняком контейнер, похожий на добротный саркофаг из металла и пластика. Все это принадлежало иной, совершенно непонятной и неприемлемой для них цивилизации, и если бы не строгий приказ Месхера, который держал своих подчиненных в железном кулаке воли, то компьютерные комплексы не просуществовали бы тут и дня…

Многие из преданных Алиму людей искренне считали, что для священной войны против неверных достаточно той ненависти, что гнездилась в их темных, дремучих душах, а все хитроумные приборы выходящие по своей сложности за рамки их понимания рано или поздно приведут к беде.

Алим не пытался пресечь подобных настроений, понимая, что это бесполезно, но полагаясь на свой авторитет, он не подозревал, как близки к истине мысленные опасения его подчиненных.

Любая палка, как известно, имеет два конца, и этой ночью сложная аппаратура, привезенная сюда, чтобы разрушать устои высокотехнологичной цивилизации, внезапно начала работать против своих «хозяев»…

…Незримые волны радиосигналов неслись из космоса. Толща горной породы, образующая свод пещеры, не являлась помехой для направленного излучения, содержащего краткий код активации и лаконичные инструкции, шифрованные специализированным компьютерным языком, которым владели лишь несколько десятков человек, работающих на министерство обороны Соединенных Штатов Америки.

На обтекаемом корпусе «саркофага», внутри которого покоилась человекоподобная машина, внезапно вспыхнули изумрудные искры световых сигналов, затем раздалось резкое неприятное шипение стравливаемого воздуха, и массивная крышка транспортного контейнера внезапно начала подниматься вверх, одновременно уходя в сторону, при поддержке специальных телескопических штанг, работающих от пневматического привода.

Резкий звук заставил ужинавших боевиков замолчать, оглянувшись в сторону тяжеленного контейнера, который Алим несколько раз заставлял их таскать в самую дальнюю тупиковую пещеру, где содержались заключенные.

В воцарившейся тишине было слышно, как внутри открывшегося саркофага что-то взвизгнуло, затем оцепеневшие от неожиданности моджахеды увидели лишенную пеноплоти, стальную пятипалую конечность, которая с отчетливым лязгом вцепилась в борт металлопластикового гроба и, вслед за этим, изнутри рывком поднялись голова и торс человекоподобной машины.

Тонкий визг сервомоторов заглушил чей-то истошный испуганный вопль, за которым раздался целый поток брани, сопровождаемый характерным звуком передергиваемых затворов.

Все кто находился в пещере повскакивали со своих мест, кто-то рванулся к выходу, но большинство свидетелей внезапного, несанкционированного «пробуждения» человекоподобного механизма просто оцепенели, не зная, что делать: Алим очень дорожил этой машиной, и в душе его подчиненных сейчас страх перед внезапным явлением боролся с тем ужасом, что внушал авторитет их беспощадного, скорого на расправу командира. Пальцы ныли, леденели на спусковых скобах автоматических винтовок, – механической исчадие уже поднялось во весь рост, оно внушало панический ужас, ибо никто знал, что у него на уме, но, судя по затянувшемуся всеобщему замешательству, объяснять разъяренному Месхеру происхождение дыр в его драгоценном механизме не хотелось ни одному из присутствующих…

Это промедление оказалось роковым для ближайшего к открывшемуся саркофагу боевика.

Человекоподобный робот внезапно сделал стремительный шаг вперед, выбираясь из своей усыпальницы, и одновременно с этим механические пальцы правой руки андроида сжались в кулак, ударив в грудь опешившего моджахеда.

В гробовой тиши раздался отвратительный звук ломающихся костей

грудной клетки, и человеческое тело обмякло, издав короткий булькающий вздох.

В следующий миг наступившая тишина взорвалась оглушительным грохотом панических очередей: в андроида одновременно ударило не менее десятка автоматов, но машина была готова к такому обороту событий, – механическая рука продолжала удерживать обмякшее человеческое тело, закрываясь им как щитом…

Брызги крови и мелкие влажные плевки вырванной пулями плоти оросили пространство вокруг злополучного саркофага, эхо, отдающееся от стен пещеры, множило звуки выстрелов и визгливый посвист рикошета, с оглушительным звоном лопались экраны на баснословно дорогих компьютерных терминалах, откуда-то повалил жирный зловонный дым, несущий запах плавящейся изоляции, свет под сводом мигнул, погас, но через секунду зажегся вновь…

У кого-то из стрелявших кончились патроны, затем вдруг наступила всеобщая пауза, и глазам обезумевших от страха людей предстала картина во сто крат более жуткая, чем та, которую они наблюдали, прежде чем открыть огонь.

Андроид стоял неподвижно, его вытянутая вперед, окровавленная рука была по-прежнему сжата в кулак: тело, которым он прикрывался от пуль, оказалось порванным в клочья, а его фрагменты разметало по всей пещере, густо заляпав компьютерные терминалы бесформенными ошметьями плоти, которые медленно сползали по скошенным пластиковым панелям оставляя за собой влажные следы крови…

Прошла секунда, и андроид попытался сделать шаг, но, не смотря на импровизированный щит, человекоподобный механизм изрядно пострадал от беспорядочного автоматного огня, – стоило ему шевельнуться, как голова машины внезапно качнулась и с глухим стуком ударилась о грудь, покачиваясь на вытянувшемся отрезке оптиковолоконного кабеля…

Зрелище оказалось настолько страшным, что половина находившихся в пещере людей не выдержали жуткого вида измаранного кровью андроида, который с визгом сервомоторов согнул вторую руку, пытаясь приладить на место изрешеченную пулями, снесенную с плеч голову…

Они бросились прочь, кто куда, совершенно потеряв ориентацию, обезумев от кровавого наваждения…

За их спинами на пробитом пулями контрольном щитке андроида часто, трепетно заморгал огонек, свидетельствующий о грядущей самоликвидации, однако поступающие из космоса сигналы прервали этот разрушительный процесс: невидимый оператор абсолютно точно знал все

коды управления машиной.

Повезло тем из боевиков, чьи ноги понесли своих хозяев к выходу из пещеры, но четыре или пять человек со страха бросились вглубь заброшенных коммуникаций в надежде, что оживший на их глазах механизм не полезет в дальние пещеры…

Именно эти маркеры бегущих по тоннелю людей наблюдал Антон на дисплее старого ноутбука.

– Приготовься… Хрипло шепнул он Поланду, выдергивая чеку из ручной гранаты.

Массивная металлическая дверь взвизгнула на ржавых петлях, и в ту же секунду мрак пещеры вспорола оранжевая вспышка от взрыва установленной Изваловым растяжки.

Дикий протяжный вой смертельно раненого человека на несколько секунд заглушил все остальные звуки, а когда он оборвался, Антон, сжимавший во вспотевшей ладони изготовленную к броску «эфку» внезапно услышал знакомый, монотонный звук капели, какие-то отдаленные бессвязные выкрики, и четкий, прозвучавший из коммуникатора голос Бет:

– У тебя есть несколько минут, пока работает фактор внезапности.

Антон не стал уточнять, что именно произошло вовне стен его узилища, – молча вставив назад предохранительную чеку, он бегом рванулся к полуоткрытой двери за которой на полу коридора лежало четыре порванных осколками тела.

Мобильный коммуникатор он закрепил на плечо, оставив его включенным. Протискиваясь сквозь полуметровый зазор между бетонной стеной и покореженной дверью, он чуть повернул голову, и тихо произнес:

– Я твой должник Бет.

В тоннеле царила кромешная тьма, затхлый воздух пах резко и неприятно, во рту у Антона тут же появился железистый привкус – так нервная система отреагировала на запах крови…

Присев, он провел рукой вдоль пола, сразу же наткнувшись ладонью на безвольно распростертое тело. Отчасти Антон был рад, что не видит последствий взрыва установленной им растяжки. Ладонь, липкая от чужой крови, скользнула дальше пока пальцы не почувствовали пластиковый приклад оружия. Осязая его форму Извалов безошибочно определил – боевики были вооружены «АК-74», которые в действующей армии России уже лет десять как заменили на новые, более современные модификации стрелковых вооружений, но подобранный автомат вызвал у Антона

мгновенно острое чувство, – будто в кромешной тьме тоннеля он встретил надежного давнего друга…

Не отсоединяя магазин, он плавно потянул затворную раму, и услышал, как клацнул о бетонный пол вылетевший из казенной части патрон. Оценить состояние ствола он не мог, но исправная работа механизма перезарядки убедила Антона, что оружие не повреждено при взрыве. Надежность самой системы автоматов «Калашникова» гарантировала, – если движется затворная рама – «АК» будет работать.

Эта осторожная почти бесшумная проверка отняла у Извалова не более десяти секунд. Что такое фактор внезапности он знал не понаслышке и сейчас ощущал каждым нервом – времени в обрез, ситуация диктовала только один путь – вперед во тьму, откуда доносились приглушенные выкрики и звуки беспорядочной стрельбы.

Снимать с мертвого боевика окровавленную разгрузку не было ни времени, ни смысла, он лишь извлек из нагрудного подсумка запасной магазин, сунул его в боковой карман брюк, и двинулся вперед, одной рукой касаясь стены тоннеля, а другой удерживая автомат за пистолетную рукоять.

Оружие Антон любил, он относился к нему с тем осознанным уважением, какое испытывает любой человек, однажды заглянувший в глаза смерти. Дома у него был небольшой арсенал лицензированных «стволов», в основном охотничьи модификации, выполненные на базе того же «Калашникова», лишь «Стечкин» Давыдова хранился у Антона отдельно, без разрешения, но пистолет в его осознании являлся скорее памятью, чем предметом вооружения…

Хотя… Капризная, прихотливая судьба часто по-своему распоряжается людьми и вещами.

Эта мысль проскользнула в сознании Антона, когда он ступил на порог огромной пещеры, полностью оборудованной как ультрасовременный коммуникационно-компьютерный центр.

Была оборудована… – Мысленно поправился он, глядя, как в тусклом свете аварийных ламп искрят простреленные навылет терминалы, тонкие подставки плоских мониторов щерятся огрызками плазменных экранов, перевернутые офисные кресла в беспорядке валяются на полу среди окровавленных клочьев бесформенной массы, в которой с трудом можно было признать остатки человеческой плоти.

Чуть в стороне, у стены пещеры он заметил знакомый транспортный контейнер, герметичная крышка которого в данный момент оказалась открыта, а человекоподобный механизм, по непонятной причине

восставший из своей консервационной камеры, производил впечатление куклы, застывшей посреди разгромленного супермаркета: одна механическая рука со сжатыми в кулак пальцами была вытянута вперед, другая, согнутая в локте удерживала собственную голову, будто андроид пытался изобразить рыцаря, снявшего шлем…

Мимолетные, миллисекундные, абсурдные впечатления – взгляд Антона тут же переключился на иные признаки только что свершившихся событий, – человекоподобная машина была буквально изрешечена пулями, а в вертикальном положении робота удерживал оказавшийся позади него дымящийся терминал, от которого тянуло специфичным запахом перегретого кремния…

Обилие крови, множество повреждений, россыпи стреляных гильз, пять или шесть пустых автоматных магазинов, валяющихся на полу, – все это, смешиваясь с доносившимся со стороны выхода криками, заставило Антона не медлить с действиями, а рывком пересечь разгромленный компьютерный центр, и осторожно выглянуть из узкого тамбура, который выходил на небольшую ровную площадку.

Ночь освещал свет фар от десятка внедорожников, бессистемно припаркованных у стены ущелья. Между машинами мелькали человеческие фигуры, но паника, судя по всему уже прекратилась, беспорядочные выстрелы стихли, а на их место пришла бессвязная, похожая на брань перекличка, – боевики пытались разобраться в случившемся, но усиливающаяся с каждой секундой перебранка свидетельствовала, что их потуги осознать ситуацию пока что безрезультатны.

Резко взревели двигатели трех или четырех машин, кто-то пытался тронуться с места, но тут в общую суету ворвался громкий, зычный голос. Человек, который выкрикнул команду на непонятном Антону языке явно был командиром мобильной группы и сейчас оправившись от шока, пытался навести порядок в отряде, однако, урезонить перепуганных соплеменников оказалось не таким простым делом, и тогда низкорослый моджахед просто поднял автомат и дал в воздух длинную очередь, надеясь таким способом привлечь всеобщее внимание…

Это ему удалось но лишь на секунду, потому что в следующий миг под ноги командиру, стукнув об асфальт, выкатилась брошенная Антоном граната.

Ослепительный взрыв полыхнул посреди парковочной площадки, но не успел окончиться ноющий разлет осколков, как Извалов метнул еще три «эфки», стараясь забросить их в разные стороны, подальше от

внедорожников.

Три взрыва почти одновременно вспороли мрак, им ответило гулкое эхо, ноющий свист осколков и шелестящий перестук осыпающихся камней, – все вышло именно так, как рассчитывал Антон: разрывы гранат окольцевали небольшую площадку, создав обманчивое впечатление, что нападение введется сразу с нескольких сторон, а основная опасность исходит из царящего в глубине ущелья мрака.

В наступившей на мгновенье тишине раздалось несколько болезненных криков, часть фар погасла, одна машина рванула с места но водитель не справился с управлением, сбив кого-то из боевиков и врезавшись в стоящий неподалеку внедорожник; беспорядочный автоматический огонь вспыхнул с новой силой – это совершенно дезориентированные моджахеды палили во тьму, прошивая щедрыми очередями каждую тень.

– Бет?

– Я слежу за тобой Антон. Ты действуешь… – она на миг запнулась, будто подбирала адекватное слово для сравнения, – разумно. Теперь завладей машиной, и я направлю тебя к выезду из ущелья.

– Ты можешь оценить лимит времени? Сколько продлится паника?

– Лимита нет.

– Он есть Бет. Мне необходимо вернуться за Поландом.

– Это бессмысленный риск.

– На свете нет ничего хуже и бессмысленнее чем спасение своей шкуры любой ценой. – Резко ответил ей Антон.

– Три минуты. У них просто закончатся патроны при таком темпе стрельбы.

– Понял. Следи за обстановкой. И помни, чтобы ни случилось, – я выберусь отсюда и найду тебя…

– Почему ты так уверен в своих словах?

Антон уже бежал назад по коридору, по дороге прихватив валявшийся на полу ручной фонарь.

– У меня никогда не было ангела-хранителя Бет. – Ответил он, перешагивая через мертвые тела боевиков, подорвавшихся на растяжке. – А я всю жизнь втайне мечтал о нем… – тихо добавил Извалов, направляясь к завалу из каменных глыб.

Бет не ответила на последнее замечание. Опять в коммуникаторе повисла гробовая тишина, и вновь Антон невольно акцентировался на том, что не слышит ее дыхания…

Ни слова не говоря, он рывком поднял полубессознательного Хьюго,

уже не удивляясь легкости его изможденного тела и, взвалив его на плечи, почти бегом бросился назад к выходу из комплекса.

Он уже перешагнул порог компьютерного зала, когда понял, что не слышит автоматных очередей.

Резко посмотрев в сторону выхода, он на миг остолбенел: у открытых металлических дверей стоял бледный как полотно Алим. Взгляд Месхера будто примерз к изрешеченной пулями фигуре человекоподобного робота, на обострившихся скулах играли желваки, а по бледным щекам ползли пунцовые пятна нездорового румянца.

Антон одной рукой вскинул автомат, но Алим, в какой бы прострации он не находился, успел отреагировать на постороннее движение, – он резко обернулся, поворачивая зажатый в руке пистолет ребром, так, чтобы отдача при стрельбе не мешала вести огонь, но короткая автоматная очередь с силой отшвырнула его назад, ударив спиной о ближайший терминал.

В глазах Месхера промелькнуло выражение крайнего изумления, но его взгляд тут же начал тускнеть, теряя осмысленность, – три пули пробили его грудь, не дав даже вскрикнуть…

…Извалов не колебался, нажимая на спусковую скобу. Ему было не о чем говорить с Алимом. Он уже не испытывал к этому человеку ни ненависти, ни жалости, – образ Месхера принадлежал прошлому, он будто был странным образом реинкарнирован из той далекой поры, когда распад Советского Союза позволил расплодиться всякой нечисти, проповедующей не ислам, а беспредел. Антон слишком хорошо знал: идолами для людей, подобных Алиму являлись ненависть ко всему, что превышало потенцию их разума, и вера в безграничную власть денег, которые они добывали средствами уже давно несовместимыми с самим понятиями «цивилизация» и «разум».

Эти люди сами отторгли себя от остального общества, сделав осознанный выбор. Они не желали наступления будущего, – их более чем устраивал вчерашний день, но попытки обратить историю вспять, были заранее обречены на провал, – максимум, что удавалось таким как Месхер – это ломать отдельные судьбы, да перебиваться контрабандой оружия и наркотиков.

…Конечно, все промелькнувшее в голове Антона имело эмоциональную окраску, относилось к разряду чувств, а не строго формулированных мыслей.

Гильзы еще звонко катились по полу, когда он метнулся дальше, но его рывок был остановлен самым неожиданным образом, – Извалов внезапно зацепил взглядом оружие Алима и мгновенно узнал «Стечкин»

Давыдова.

Присев, он вырвал из судорожно сжатых пальцев Месхера драгоценный предмет, но времени на осмысление очередной выходки судьбы уже не осталось, – дверной проем заслонила чья-то тень, и Антону вновь пришлось стрелять, теперь уже из неудобного, сидячего положения.

– Быстрее. – Нарушил тишину коммуникатора лаконичный приказ Бет. – Оставшиеся в живых боевики подтягиваются к входу. Ты должен опередить их, успеть к ближайшей машине, иначе погибнешь.

Окончание ее последней фразы Антон выслушал уже на улице.

Резко метнувшись вправо, он побежал вдоль стены ущелья, где царил глубокий мрак, но его, по-видимому, заметили. Вдогонку грохнуло несколько одиночных выстрелов, однако шквального огня не последовало, – Бет верно предугадала, что беспорядочная, паническая стрельба исчерпает боекомплект мечущихся во тьме людей, но строить радужных иллюзий не следовало. Сейчас оставшиеся в живых окончательно придут в себя и наверняка организуют преследование.

Из тьмы внезапно прорезался серый обтекаемый кузов внедорожника, который стоял с погашенными фарами, развернутый в сторону тупикового отрезка ущелья.

Антон обогнул его справа, открыл пассажирскую дверь, бесцеремонно, будто мешок, свалил на сидение не подающего признаки жизни Поланда, дал короткую, экономную очередь во тьму, прыжком перемахнул через капот, и спустя секунду уже сидел на месте водителя.

– Неплохо двигаешься, для своей профессии… – Ожил в коммуникаторе голос виртуального ангела-хранителя.

– Я не из тех программистов, кому лень оторвать свой зад от удобного кресла, ради прогулки или пробежки в реальном мире… – Не очень вежливо, но пространно огрызнулся Антон, пытаясь разобраться в компьютеризированной системе управления машины.

– Посвети инфракрасным фонариком на панель управления. – Попросила Бет, никак не отреагировав на резкий тон Извалова. – Хорошо… дай мне пару секунд… Стрелять ты тоже учился во время лесных прогулок?

– Я служил в армии… – Ответил Антон, напряженно вглядываясь во тьму. – И воевал, правда недолго… – добавил он, подумав, что вот-вот начнет светлеть и тогда выбираться отсюда будет во сто крат сложнее…

Двигатель машины внезапно заработал, панель приборов подсветилась мягким зеленоватым светом, а намертво заблокированный руль вдруг с характерным щелчком освободился от фиксаторов

противоугонного механизма.

Хотел бы я знать, какой аппаратурой оперирует мой ангел. – Подумал Антон. В некоторые моменты ему начинало казаться, что некоторые вещи, происходящие на его глазах, попросту невозможны.

– Я соединилась с бортовым компьютером машины. – Спокойно осведомил его раздавшийся в коммуникаторе голос. – Будь осторожен, мне пришлось испортить программы автоматического управления. Отключились все лазерные дальномеры и контроль скоростного режима…

Извалов уже надавил ногой на мягкий покрытый пенорезиной выступ, и машина резко рванула с места, тут же начиная разворот.

– И все же, Антон, ты упомянул о своем прошлом опыте. – Внезапно продолжила Бет начатый минуту назад разговор, будто для этого нельзя было выбрать более подходящее время и место.

– Некогда. – Грубовато ответил Извалов.

– Извини. – Осеклась она. – Поезжай прямо, дорога безопасна, я отсканировала всю протяженность ущелья. Через пять километров начнется крутой подъем вверх потом пятнадцатиградусный спуск. Тебе следует свернуть направо, сразу за подъемом, там есть ответвление дороги, ведущее на небольшую площадку между скал.

– Зачем мне сворачивать туда? – Уточнил Антон то и дело бросая мимолетные взгляды на монитор бортового компьютера, который транслировал сигнал с видеокамер «заднего вида».

– В ущелье осталось девятнадцать боевиков и семь машин.

– Думаешь, они кинуться в погоню?

– Нет, но из ущелья ведет лишь одна дорога. Я считаю, что люди Месхера присоединятся к каравану, который, судя по моим наблюдениям, вот-вот тронется в путь.

– Может, ты знаешь, куда они направятся?

– Могу лишь предположить.

– Давай, я не против предположений… – Ответил Антон, напряженно вглядываясь в серую мглу занимающегося рассвета. Дорога, как и сказала Бет, была ухабистой, но безопасной, – ни обрывов, ни серьезных препятствий он пока не встретил.

– Караван везет груз наркотических веществ, – вплелся в мысли Извалова ее голос. – Транзитный путь для их доставки проходит по территории Таджикистана. В двухстах километрах отсюда река Пяндж.

– Да, я понял твою логику. – Произнес Антон, мгновенно оценив те преимущества, что предполагал план Бет. Ему следует затаиться, пропустить караван вперед, а затем двигаться по их следам.

Переправляться через пограничную реку банда будет ночью. Если их обнаружат, и на границе завяжется бой, Антон сможет воспользоваться этим, как отвлекающим маневром, ну а если моджахеды знают безопасную тропу, то ему останется лишь следовать за ними на разумной удалении. Так или иначе, это был шанс уйти с территории Афганистана на земли сопредельного с Россией государства.

Он коротко озвучил свои мысли.

– Да, я хотела предложить тебе именно этот план.

– Хорошо, тогда предупреди меня, чтобы не проскочить дорожной развязки, ладно?

– Конечно. Но ты так и не ответил на мой вопрос.

– Бет, разве сейчас время?

– Для меня – да. – С непонятной настойчивостью ответила она, однако, развивать мысль не стала.

Некоторое время в коммуникаторе висела напряженная тишина.

Вокруг начинало быстро светлеть, и Извалов, глядя на окрестности, ощутил внезапный приступ одиночества. Где бы он был сейчас без помощи Бет? Молчание подспудно действовало на нервы и он, чувствуя, что невольно обидел ее своей резкостью, сам возобновил прерванный разговор.

– Тебя интересует что-то конкретное?

Закрепленный на плече прибор связи мгновенно ожил:

– Сегодня ты убивал. Память о прошлом не может так прочно владеть сознанием, чтобы уничтожить колебания, страх… ты понимаешь меня?

– Понимаю. – Антон чуть сбросил скорость, направляя внедорожник в узкий проезд меж двумя каменными оползнями. – Моя жизнь только кажется благополучной. – Спустя некоторое время продолжил он. – После армии я остался калекой, был нищим, начал пить. Из этой жизненной ямы меня вытащил друг, который потом исчез. Думаю, что он погиб. Помнишь я рассказывал тебе о нем?…

Антон на минуту умолк, сосредоточившись на сложном участке дороги, а затем продолжил:

– Да я замкнулся в себе, старался общаться с компьютерами, но забыть о том, что тебя окружает реальный мир, было бы глупо и беспечно. Не знаю Бет, много ли людей придерживается такой жизненной философии, но лично я считаю, что наш мир достаточно дикий и абсурдный, не смотря на все прогрессивные достижения цивилизации. Научный прогресс еще не означает победы разума над эмоциями. Да, я старался самоизолироваться от общества но постоянно помнил о нем, знал, что в вымершую деревню могут заехать не только шальные туристы.

Наверное, я приучил себя не доверять людям, поэтому, оказавшись в клетке, не строил иллюзий. Я всегда старался быть честным, прежде всего – перед самим собой. Те, кого я убил, были врагами. И не только моими личными. Они звери, можешь поверить мне на слово. Слово «человек» подразумевает иной семантический смысл…

– Ты человек?

– Надеюсь.

– А твой погибший друг?

– Он то же был человеком.

– Почему ты ставишь знак равенства?

– Нас ломала жизнь. – Оборвал ее Антон. – Гнула, корежила, ломала… Что значит в девятнадцать лет остаться без души? Давыдова, как и меня, бросили в бойню, где могло выжить тело, но не рассудок… Ты ведь должна знать историю и понимать, что настоящая борьба с терроризмом началась позже, а в то время бывшая сверхдержава умирала в жестоких корчах, и существовал целый пласт нелюдей, как с одной, так и с другой стороны, которые откровенно наживались на этом. А мы оказались посередине, меж жерновами этих «разборок». Вот и вся правда. – С горечью заключил он, покосившись на Хьюго, который ополз на пассажирском сидении, не подавая никаких признаков жизни.

Антон ничем не мог помочь Поланду в данный момент. Он был в состоянии лишь вести машину, да выталкивать трудные, накопившиеся за годы одиночества мысли, облеченные в форму фраз:

– Разница между Алимом и Серегой огромна. Здесь неуместны сравнения.

– Хочешь сказать, что есть категория оправданных убийств?

– Не знаю. Думай, как хочешь, Бет. Сегодня я убивал, и нет во мне ни вины, ни жалости. Жизнь слишком сложна, чтобы делить ее на черное и белое, но иногда все слишком очевидно. Или ты не понимала этого, поднимая андроида из транспортного контейнера? Мне казалось, что ты и я – по одну сторону баррикад.

– Да. Ты не ошибся в этом.

– Тогда ответь, чем вызваны твои вопросы? Заниматься психоанализом можно до, ну, в крайнем случае, – после. А когда тебя могут убить в любую секунду, тратить время на разбор этических ценностей попросту глупо…

– Я понимаю, Антон, извини. Для меня было важно задать тебе эти вопросы именно сейчас.

– Ловишь момент истины? – Криво усмехнулся он.

– Нет. – Неожиданно ответила она. – Пытаюсь разобраться кто я.

Извалов невольно вздрогнул.

– А кто ты, Бет?

Она не ответила. Прошло больше минуты напряженной тишины, прежде чем в коммуникаторе вновь раздался ее голос:

– Через сотню метров вправо будет отходить неприметный проезд. Нужно заставить машину подняться по каменной осыпи, сразу за ней увидишь край небольшой площадки. Затаись на время, там тебя не заметят.

– Ты что собираешься отключиться?

– Ненадолго Антон. У меня то же появился ряд проблем.

– Каких? – По инерции переспросил он, выворачивая руль. Внедорожник, переключенный на полный привод, начал медленно карабкаться вверх по пологому языку каменной осыпи, который выползал из широкой расселины в скалах.

– Мою деятельность засекли. Я должна уйти от преследования следящих систем. И найти правильный ответ на твой вопрос… – Внезапно добавила она, прежде чем в коммуникаторе раздался сухой щелчок статики, означающий обрыв связи.

Внедорожник вполз на небольшую площадку и остановился у отвесной скалы.

Антон мельком взглянул на Поланда, взял автомат, и вылез из кабины.

– Потерпи Хьюго. – Произнес он, открывая багажник машины. Взгляду Антона открылись тщательно упакованные полиэтиленовые свертки, связанные попарно, чтобы было удобно грузить их, перекидывая через плечо; поверх груза наркотиков были небрежно брошены две автоматических винтовки американского производства, из отсека, предназначенного для набора инструментов, торчали промасленные, скомканные тряпки, туда же был заткнут замызганный бронежилет российского образца, и несколько вакуумных упаковок с сухими пайками. – Сейчас я помогу тебе, – Антон вытащил легкий, совмещенный с разгрузкой «броник», провел рукой по зашитому клапану, убедившись что содержимое боевой аптечки на месте, и потянул за нить, вспарывая символический шов. Достав шприц-тюбик со знакомой маркировкой, он вернулся к Поланду.

Издали приближался невнятный звук моторов.

Он открыл пассажирскую дверь и вдруг ощутил, как холодок неприятия скользнул вдоль спины, когда голова и плечи Хьюго, потеряв опору, безвольно сползли в открывшийся дверной проем: глаза Поланда были широко открыты, но в них уже отсутствовала жизнь…

Рука Антона с приготовленным шприц-тюбиком медленно

опустилась.

Он не хотел верить, что Хьюго умер, но надежда исчезла так же быстро, как и возникла, – стоило ему взять мешковатое тело и, приподняв, вытащить его из машины, как на глаза попалось крохотное пулевое отверстие, расположенное под левой лопаткой Поланда.

Изможденный длительным заключением организм выпустил лишь крохотное пятнышко крови, которое было едва различимо на фоне грязной, рваной одежды.

Пуля, впившаяся в спину Хьюго, предназначалась Антону, просто в темноте, опуская тело узника на сидение, он не увидел этой ранки, как из-за надрывного бега к машине не ощутил толчка в момент попадания, посчитав, что выпущенные ему вслед одиночные выстрелы прошли мимо цели.

Несколько секунд он стоял в немом замешательстве, пытаясь как-то смириться с внезапной, невозвратимой утратой, потом с усилием отвел взгляд, и медленно побрел к краю каменистой осыпи.

Автомат непомерным грузом оттягивал руку, на душе было горько, хотя вряд ли он смог бы помочь Поланду, даже вовремя заметив, что тот ранен, – Извалов понимал это разумом… но нет на свете худшего обвинителя, чем собственная душа, которая зачастую не приемлет оправдательных доводов рассудка…

Он присел у края обрыва, глядя вниз, на ползущий по горной дороге караван, испытывая мучительную внутреннюю борьбу, которая шла между сиюсекундными порывами чувств и холодной логикой выживания…

Затаиться и ждать. Выбраться отсюда, найти Бет, взглянуть в ее глаза, понять, что на самом деле происходит вокруг…

Антон потерял право на эмоции. Он при всем желании не мог забыть шока, который испытал при визуальном сравнении нейромодулей полуразобранного андроида со своим имплантом.

Компоненты, содержащие искусственные нейросети, выглядели идентичными, – их произвели по одной и той же технологии, а сам факт существования рабочей модели человекоподобной машины стоил того чтобы выжить, донести эту информацию до российских спецслужб…

Только эти мысли удерживали дрожащий от напряжения палец Извалова на теплом металле тугой спусковой скобы.

Он похоронил тело Поланда, соорудив могилу из камней, а затем, в немом оцепенении сел за руль, направив внедорожник вниз, чтобы выйти на след ушедшего к границе каравана.

Бет молчала, коммуникатор тщетным грузом давил на плечо, мысли оставались тяжкими, горестными, словно сознание внезапно зашло в тупик, и сейчас оцепенело, без толку вглядываясь в серую мглу, преградившую дальнейший жизненный путь.

Это было не малодушие и даже не отчаяние, – машинально управляя машиной, Извалов мысленно перебирал собственную жизнь, пытаясь понять, почему так сильно задели его вопросы Бет, в чем кроется недопонятый смысл начатого не ко времени и внезапно оборвавшегося разговора. Почему она искала истину там, где ее нет, пытаясь различить в поступках и судьбах отдельно взятых людей какие-то несуществующие мотивы, градации…

При чем здесь Давыдов? – Мучительно размышлял он. – Зачем, по какому праву она сравнивала его с Алимом?

Подозрение, что Бет знает о нюансах человеческой души гораздо больше, чем позволяет себе высказать, крепло с каждой минутой этих неприятных, надрывных размышлений. Антон ехал по следу каравана, а его мироощущение постепенно менялось, – он уже не воспринимал свои действия, как попытку спастись, словно привычные чувства ушли, покинули рассудок, который по инерции искал выход из непонятного тупика…

Вроде бы все было ясно, – с точки зрения фатализма любые события укладываются в рамки понимания, но Антона тревожила непривычная подоплека собственных рассуждений. Разве он мог отнести себя к людям, слепо верящим в судьбу?

Конечно, нет. Но если так, то вопрос Бет закономерен, справедлив, и истина заключается не в самих поступках, а в том, как ты сам воспринимаешь их. Вопрос субъективной веры в собственную правоту, вот что подразумевала она. В таком случае, выходит, что у человека вообще нет предначертанной судьбы? Есть только поступки, которые порождают длинные цепочки следствий? Просто кто-то осознает это и начинает сам формировать желаемый исход, а кто-то слепо движется по течению, не понимая, что может в любой момент остановиться, пойти поперек стремнины, чтобы осознанно сформировать иной отрезок собственного бытия?

Как же в таком случае жить? Разве можно контролировать каждый шаг, мысль поступок, на что тогда человеку дана душа с ее необъяснимыми порывами? Или грядет новая эпоха, где человек теряет право на неосознанные поступки?

Но если все станут отдавать себе полный отчет в каждом

совершенном действии, не сойдет ли мир с ума, да и возможно ли это?

Нет, невозможно – нашептывало подсознание. Миллионы людей никогда даже не задумывались над подобными дилеммами.

В конечном итоге, если пытаться ставить не точку, а хотя бы знак препинания в этой цепочке мыслей, вывод напрашивался один – только те люди, что полностью осознают свои поступки, могут быть поделены на плохих и хороших. Остальных просто нельзя судить.

Зачем Бет задала этот вопрос? Что она хотела узнать из сиюсекундного, правдивого ответа?

Антону казалось, что он полностью потерялся в этих непривычных тяжелых мыслях, и единственный не подлежащий сомнению жизненный путь сейчас невольно ассоциируется в его рассудке с отпечатками протекторов ушедших вперед внедорожников.

Он двигался по следу каравана, в направлении реки Пяндж, и было непонятно, – творит он сейчас свою судьбу, или слепо придерживается фатальной, предначертанной кем-то линии?

Хотелось одного, – чтобы Бет вышла, наконец, на связь.

Ночь стояла бархатная, густая.

В небе ярко сияли звезды, их призрачные холодные огоньки отражались в мутных водах пограничной реки; таинственно серебрилась убегающая вдаль лунная дорожка, в неживом свете смутно оконтуривались близлежащие высоты, тишина звенела…

Над мутными водами реки царил обрывистый берег. По гребню возвышенности вились змейки старых траншей, на брустверах которых уже успел поселиться чахлый кустарник.

…Караван, состоящий из пяти «джипов», прибыл в назначенное место задолго до темноты. Примерно в трех километрах от берега располагались руины заброшенной заставы, окруженной глинобитными хибарами существующего поныне поселения. Антон, остановивший машину за косогором, осторожно вскарабкался на гребень возвышенности и расчехлил электронный бинокль, найденный в багажнике угнанного внедорожника.

Здание заставы на афганском берегу, не раз переходило из рук в руки, – об этом немо свидетельствовали проломы в стенах, пустые глазницы закопченных окон, да остатки временных укреплений на плоской местами осевшей крыше двухэтажной постройки. От полного разрушения типовую казарму спас лишь запас прочности железобетонных панелей, да то обстоятельство что массивные блоки невозможно растащить и приспособить в хозяйстве.

Глинобитные лачуги, окружающие руины, выглядели обитаемыми, но крайне убогими: Антон наблюдал, как возятся в пыли полуголые дети, в то время как подростки постарше помогали уцелевшим во время ночного боя контрабандистам перегружать тщательно упакованный «товар» из багажников машин на низкорослых, выносливых мулов.

Кроме детей меж глинобитных построек изредка появлялись женщины, – они не обращали внимания на подъехавшие машины, занимаясь своим нехитрым бытом, пока один из боевиков не отправил нескольких из них к Пянджу.

Покорно взяв сосуды для воды, они цепочкой потянулись к берегу, некоторое время пробыли там, для видимости зачерпнув мутной, непригодной для питья жидкости, и вернулись назад.

Караван к тому моменту уже полностью перегрузился на мулов, джипы загнали внутрь руин через широкий пролом в стене, и теперь боевики расположились в тени полуразрушенного здания, ожидая наступления сумерек. Двое подростков, помогавших вьючить груз, получили свою мзду и исчезли, женщины, ходившие к берегу о чем-то поговорили с командовавшим погрузкой низкорослым афганцем и спокойно вернулись к своим делам.

Рутина… – подумал Антон, опуская электронный бинокль. Сонная жизнь, грязные полуголые дети, подростки в рваном камуфляже, незамысловатая смена дорогих машин на вьючных животных – все это, в сравнении с привычными Извалову картинами современного мира, производило определенное впечатление.

Здесь оканчивается цивилизация… – думалось ему. Вряд ли быт этих людей радикально менялся на протяжении последних столетий, а ведь на земле оставалось немало подобных мест, где время застыло, словно муха попавшая в сироп. Конечно, они не могли полностью оградить себя от воздействия стремительно развивающейся техногенной цивилизации, но дети, выросшие тут, не понимали ее, равнодушно пользуясь лишь некоторыми плодами высоких технологий.

Мир раскололся, – подобная мысль все настойчивее стучалась в сознание Антона. Он не испытывал острой жалости к жителям кишлака, но и презрения, ненависти так же не было в его душе. Они не умели жить иначе, и на примере этого убогого местечка становилось ясно, – цивилизацию в любом случае ожидают серьезные потрясения. Люди на протяжении бурного двадцатого столетия стремительно отдалялись друг от друга, расслаиваясь уже не только на богатых и бедных, – этот критерий видимо отыграл свою роль и вскоре должен исчезнуть, теперь наступал

черед иных градаций, которым будет подвержены уже не отдельные прослойки обществ, а целые народы.

Кто-то стремительно уходит вперед по пути прогресса, а кто-то остается в прошлом, пропасть, поначалу похожая на трещину, постепенно становиться неодолимой. Примером тому мог служить Алим, получивший качественное образование, но его мировоззрение не изменилось, он впитал знания и направил их в разрушительное русло, стремясь уничтожить ту часть цивилизации, которая казалась ему надменной, непонятной, преследующей неправильные цели…

Начинать надо отсюда, с хибар и лачуг, с американских трущоб и питерских подвалов, детей нужно воспитывать в чистоте, сеять в их разум зерна интеллекта, иначе мир рухнет, огромное количество людей попросту не сможет шагнуть на новую ступень развития и отвергнет ее…

Мысль была здравой, но Антон не мог отделаться от ощущения, что она запоздала как минимум на пол века…

А ведь и я мог остаться таким: озлобленным, равнодушным, не приемлющим прогресс, стоило вспомнить ту пустоту, что царила в душе да жалкое полупьяное существование, которое он влачил в ветхом общежитии…

Значит, все-таки есть судьба, которая явилась к нему с тем памятным появлением Сергея Давыдова? Он просто выдернул тонущий рассудок Антона из трясины, а сам не успел выбраться, не смог… Выходит, прежде чем создавать искусственный разум, лететь к звездам, нужно остановиться, оглянуться назад и увидеть, что мир уже треснул и огромная часть человечества осталась по другую сторону стремительно расширяющейся пропасти?…

Ночь подкралась незаметно.

По другую сторону реки, на таджикском берегу, в стрелковой ячейке у прибора ночного видения примостились двое людей в камуфляжной форме: один, бородатый и широкоплечий, курил, привалившись спиной к укрепляющий стенку окопа, почерневшей от времени «плетенке», второй, отхлебывая из обтянутой брезентом фляжки, равнодушно смотрел на мутные воды Пянджа…

– Сержант, почему тебя зовут «вечным дембилем»? – Внезапно спросил он, покосившись на бородатого напарника.

Тот ответил не сразу. Затянулся, пряча огонек сигареты в согнутой ладони, потом погасил окурок о треногу крупнокалиберного пулемета, и только тогда произнес:

– Домой никак не уеду, вот почему.

– А зачем не уедешь? – Бесхитростно переспросил Мурзоев.

Наступила пауза, в которой опять зазвенела тишина.

– А кто вас, раздолбаев, здесь строить будет? – Наконец резонно ответил сержант Щеглов. Встав с корточек, он приник к прибору, и в этот миг, далеко у горизонта вдруг вспыхнуло и погасло беззвучное зарево, потом еще, еще…

– Опять где-то воюют. – Философски заметил сержант. – Вчера стреляли, сегодня, похоже, минометы работают… – добавил он, поворачивая округлую подставку с закрепленными на ней бинокулярами ночной оптики.

В эту секунду на границе разрешения прибора мелькнула смутная тень.

Щеглов моментально напрягся. Луна по-прежнему серебрила воды реки, но этот свет не помогал, наоборот, лунная дорожка делала тьму по бокам еще более контрастной, непроницаемой. Прибор ночного видения был старым, он не позволял различить деталей происходящего, – линзы, обработанные специальным составом, показывали лишь размытое зеленоватое пятнышко, движущееся на фоне непроницаемой тьмы. Кто там находиться на самом деле – человек, баран, или быть может заблудившийся пес, было совершенно непонятно.

– Ну-ка… – Сержант оторвался от бинокуляров, привычно приложившись к потертому пулеметному прикладу. В его распоряжении был только один испытанный способ проверки, тем более что замеченный тепловой всплеск находился на этом берегу, в запретной зоне.

Резко клацнул затвор, и ночную тишь раскроила оглушительная очередь. Хоботок огня, пляшущий на срезе пламегасителя, вырвал из тьмы сосредоточенное лицо Щеглова, и силуэт вытянувшего шею рядового Мурзоева.

Никто не вскрикнул, не побежал и сержант, для верности поведя стволом, отпустил гашетку.

Вновь наступила тишина, лишь было слышно, как шуршит песок, осыпаясь на дно окопа. Мурза, продолжая вытягивать шею, нервно переступил с ноги на ногу, и от этого движения тихо клацнули попавшие под подошву горячие гильзы.

– Что там? – Шепотом спросил он.

– Полз кто-то. – Сержант вновь взглянул в прибор, с удовлетворением убедившись, что длинная пулеметная очередь слизнула тусклое пятнышко тепловой засечки. – Утром посмотрим. – Главное не спи, салага… – Он

хлопнул Мурзоева по плечу, подхватил автомат, и через секунду скрылся из стрелковой ячейки, исчезнув во мраке узкого хода сообщения.

Рядовой Мурзоев выглянул поверх бруствера, прислушался, но вокруг было тихо. Лениво катил свои посеребренные воды Пяндж, у горизонта продолжали ритмично сверкать далекие и беззлобные зарницы, да под подошвами растоптанных кроссовок ощущались катышки стреляных гильз.

Внезапно накатила тоска. Сержант исчез, растворившись во тьме, до смены оставалось еще три часа, звезды светили ярко и пристально, словно тысячи глаз шайтана, и хотелось, глядя на них, затянуть унылую песню предков о мутной величественной реке, тяжких буднях стража границы, и этих вечных огоньках, что равнодушно взирают с хрустального свода небес на извилистую змейку траншей…

– Скажи Бет, есть на свете судьба?

Антон лежал, вжавшись в сырую прибрежную гальку. Частое и неровное дыхание превращало его слова в сиплый шепот. Чуть впереди и правее на вылизанном волнами прибрежном откосе курилась сизым дымком ровная строчка конических воронок, вырванная отгремевшей секунду назад пулеметной очередью.

Во рту было сухо, хотя во время переправы он пару умудрился наглотаться мутной воды Пянджа.

– Теперь ты решил поговорить на отвлеченные темы? – Раздался в ответ ее ровный голос.

– И все же? – Извалов лежал на мелководье, ощущая, как мутный от глиняной взвеси поток обтекает его тело, унося предательское тепло, которое едва не стоило Антону жизни.

– Караван начал движение. Взгляни на дисплей, я отсканировала схему минирования нейтральной полосы.

Антон повернул голову, покосившись на небольшой экран коммуникатора, где четко обозначилось местоположение мин и сигнальных растяжек, которые густо перекрывали пространство между двумя высотками.

Современными технологиями на этом участке таджико-афганской границы, похоже, и не пахло, возможно, оттого, что он считался относительно спокойным. Вообще, из-за хронической нехватки казенных средств, граница между двумя государствами на огромных отрезках своей протяженности так и осталась понятием условным. Блокпосты на высотах, да воды реки – вот и весь замок, что отделял одну страну от другой, а ночью, как известно, все кошки серы, – пойди разбери, кто там движется в

темноте, беженец, отощавшая собака или одинокий контрабандист, на свой страх и риск переправляющий через Пяндж небольшую партию опиума-сырца?

– Все, я пошел.

Извалов медленно выполз на пологий берег и начал забирать вправо, обходя первое минное заграждение. От его движения лишь тихо скрипнула галька, да минутой позже невнятно прошуршал осыпающийся с прибрежного откоса песок.

На счастье Антона сержант Щеглов уже закончил проверку караула и вернулся на полевой КП, оборудованный неподалеку от стрелковых ячеек.

Не зря он назвал своего подчиненного раздолбаем. Мурзоев пропустил этот едва слышный шум, а вместе с ним и ползущего человека.

Спустя пятнадцать минут, обогнув опасный участок Извалов с облегчением сполз в старый ход сообщения. Схема, которую транслировала для него Бет, ясно указывала, что в тупике траншеи за брезентовым пологом, заменяющим дверь, в склон высоты врезано укрытие, где в данный момент находилось несколько человек.

– Все, Бет, похоже, выкарабкались.

– Да, граница позади. Что дальше?

– Буду возвращаться домой легальными способами. Если все сложиться, то через пару дней окажусь в Питере.

– Значит, я могу отключиться?

– Да, Бет. Ты, наверное, смертельно устала. Отдыхай. Теперь я уже справлюсь. – Антон произносил эти слова, а у самого в горле стоял ком. – Только не исчезай надолго. Нам нужно о многом поговорить.

– Я постараюсь.

– Через три дня. Как обычно, на нашем месте?

– Договорились. – Ее голос неуловимо дрогнул. – Я обязательно приду, Антон.

Он секунду помедлил, в надежде, что она отключиться первой, но крохотная искра на коммуникаторе не гасла, и тогда он решился сам.

– Помни, что я сказал тебе, Бет. – Палец Антона коснулся сенсора, и трепетный огонек судорожно моргнул, фиксируя отключение связи.

Жутко хотелось курить, но он не мог позволить себе передышки. Граница, оставшаяся за спиной, еще не гарантировала, что все сложиться хорошо.

После недолгого размышления Извалов решил не таиться, – он смертельно устал, и пробираться пешком в Душанбе, где находилось Российское посольство ему вовсе не улыбалось. Положив автомат на

поросший чахлой травой бруствер, он откинул брезентовый полог, и вошел внутрь укрепления.

Сидящий за столом сержант мгновенно вскочил, но Антон, успев разглядеть его славянскую внешность, тихо произнес:

– Ты только не психуй, сержант. Свой я. Русский…

Автоматный ствол не опустился, даже не дрогнул.

– Свой говоришь? – Прищурясь переспросил Щеглов. – Это, часом, не тебя я из пулемета проверил?

– Меня. – Кивнул Извалов. – А вот караван ты прохлопал.

– Какой еще караван?

– Обычный. Наркоту везут. Перегрузили с машин на мулов и топают себе потихоньку. Охрана – двенадцать человек. Переправляются вот тут, за излучиной, – Антон рискнул сделать шаг к столу и указал место на развернутой карте.

– А ты откуда взялся? – Не скрывая настороженного недоверия, осведомился Щеглов.

– Бежал. – Лаконично ответил Антон, понимая, что время подробных разъяснений придет позже.

Он не ошибся. Информация о караване требовала немедленной проверки, действий, и если она подтвердиться, то отношение к нему станет совсем другим.

– Ладно… проверим. – Сержант опустил автомат и толкнул одного из четверых спящих бойцов. – Жекшенбиев, мать твою, подъем!

Автоматный огонь стих только к утру.

Щеглов вернулся на КП, когда уже рассвело. Выглядел он усталым но довольным.

Сев за стол сержант посмотрел на задремавшего Антона, потом осторожно растолкал его, и спросил:

– Водки хочешь?

Извалов покачал головой, вопросительно приподняв бровь.

– Нормально все. – Щеглов хлопнул его по плечу, доставая флягу. – Взяли их. Давно такой партии не перехватывали. Там за излучиной стык застав, вот они и нашли лазейку…

– У тебя транспорт есть?

– А куда тебе надо? – Сержант отхлебнул из фляги.

– В посольство. – Ответил Извалов, но по выражению лица сержант понял – не пройдет, далековато. – Ну, на крайний случай в комендатуру российских сил…

– Это другой разговор. – Кивнул Щеглов. – Вместе и поедем. Надо же кому-то сопровождать конфискованный груз и пленных. А автомат ты специально забыл у входа? – Хитро прищурясь спросил он.

Антон только усмехнулся в ответ, доставая «Стечкин».

– Это тебе сержант. – Произнес он, протягивая пистолет Щеглову. – Меня все равно не пропустят с ним через границу. Не хочется, чтобы он попал в плохие руки…

Решение было спонтанным, оно несло непонятную для сержанта душевную боль, которая на миг отразилась в глазах Извалова.

Отдавая оружие, Антон остро чувствовал, что в душе и в жизни замкнулся огромный круг, а впереди уже нет четкой, осмысленной определенности дальнейшего бытия.

Глава 10

Россия. 17 октября 2010 года

Дома все было по-прежнему: вопреки опасениям Антона никто не набрел на одинокую усадьбу во время его отсутствия, и только перевернутая мебель в гостиной, да побитая посуда на кухне немо напоминали о дне похищения.

В рабочем кабинете Извалова ничего не тронули, видимо похитители имели четкие недвусмысленные инструкции относительно домашней компьютерной сети. Лишнее подтверждение тому, что Месхер был отнюдь не глуп.

Мысли что тревожили разум, зрели во время перелета из Душанбе в Москву, а затем в Питер, уже оформились в конкретный список вопросов, но задать их было куда труднее, чем сформулировать, и сердце Антона болезненно сжималось, как только он начинал думать о вхождении в виртуальное пространство Полигона.

Бет будет ждать его там, но куда подевалась та сокровенная жажда встречи, которую он испытывал в предвкушении их свиданий?

Что способно разрушить тонкую, нервную, острую духовную близость, которая возникла между ними с первых минут знакомства? Почему он вместо радости испытывал тяжесть на душе?

Антон хоть и жил отшельником, но в его распоряжении было достаточно телекоммуникационных средств, чтобы пристально следить за всеми новинками в области разработки кибернетических систем, однако сам вид человекоподобной машины, которую демонстрировал Месхер, явился для него шоковым откровением.

Он вспомнил мумифицированные тела в клетках, едва живого Поланда, а в душе неумолимо зрел вопрос, адресовать который он мог только Бет: откуда ей были известны командные коды активации андроида, которые пытался но не смог получить Алим?

Извалов машинально протянул руку, неосознанно коснувшись пальцами приобретенного два года назад импланта.

Баснословно дорогой, грамотно адаптированный и исключительно эффективный нейросетевой чип теперь воспринимался им несколько иначе, чем раньше. Он не собирался вскрывать тонкую пластину. Явное сходство материалов, форм, идентичность замысловатого клейма – все указывало, что имплант изготовлен на базе стандартного нейромодуля, набор которых

являлся ядром системы человекоподобной машины.

Как он попал в Россию? Почему официальные сайты ведущих мировых производителей не демонстрировали подобных изделий?…

…Таймер неумолимо отсчитывал секунды, постепенно приближая миг встречи.

Антон устал от безответных вопросов, но еще больше он боялся задать их.

Встреча с Бет влекла и пугала одновременно.

Пространство Полигона встретило его хмурым осенним дождем, словно погода виртуального мира каким-то образом подстраивалась под настроение.

Он прошел по влажной траве склона и остановился у замшелого валуна, где они с Бет регулярно встречались со дня случайного знакомства.

Обычно она уже ждала его к назначенному времени, но на этот раз все вышло иначе. Антону пришлось минут десять мокнуть под моросящим дождем, испытывая сосущую тревогу ожидания, прежде чем он увидел, как из влажного воздуха сформировался ее фантом.

Они невольно рванулись навстречу друг другу, и долго стояли, молча впитывая ощущения фантомных тел, такие реальные, что физический мир терял свои краски под напором недосказанных чувств…

Дождь успел вымочить их до нитки, прежде чем Бет отстранилась, и сказала с ломкой натянутостью в голосе:

– Давай сядем, Антон. – Она взглядом указала на каменный козырек, под который не попадал дождь. – Я должна многое тебе объяснить.

…

Тьма.

Она окружала сознание, казалась тяжелым сном, хотелось закричать, позвать маму, но губы не шевелились.

Шло время, но чернота не рассеивалась. Сознание перепуганной девочки сжималось в комок, холодело фантомными ощущениями страха, но изгнать, их очнуться, даже горько, отчаянно заплакать она не могла.

Маленькая искра сознания тлела посреди всеобъемлющей пустоты, пытаясь осязать то, чего лишилась навеки, бесхитростные реакции детского рассудка не находили отклика, ужас одиночества и беспомощности, помноженный на обрывочные травматические воспоминания об автокатастрофе, гасил ее немые попытки закричать.

Это длилось целую вечность.

Истерзанный, еще не окрепший рассудок Элизабет не мог

сопротивляться данности. Она даже не пыталась вырваться из окружившего ее кокона черной безысходности, – для такого шага нужна незаурядная сила воли, а откуда ей взяться у ребенка, чье безоблачное детство было наполнено родительской заботой, лаской… Все исчезло в один миг, оставив только мысли, которыми она не умела владеть, да воспоминания о внезапном ударе, скрежете сминаемого металла, переворачивающемся горизонте и боли.

Она не могла, не хотела видеть один и тот же кошмарный нескончаемый сон, остатки жизненных сил, реализованные на уровне мыслей, быстро истощились, и слабая искра сознания постепенно начала гаснуть…

Однако виртуальная смерть не состоялась.

Внезапно вспыхнул свет.

Его сияние не озарило никаких вещественных предметов, – создавалось впечатление, что в плотном коконе тьмы проделали круглую дыру и теперь в нее бил ослепительный луч фонарика.

Мысленный взор Элизабет инстинктивно потянулся к этой отдушине, она напряглась, пытаясь разглядеть, что находиться там, за ослепительным пятном… и это получилось.

Зрение и слух вернулись одновременно, но образы, проникшие в сжавшийся перепуганный рассудок, не принесли облегчения.

– Элизабет ты видишь меня?

Да, она видела.

Огромный нос, влажные шевелящиеся губы, такие отвратительные искаженные, большие, что они внушали только дрожь омерзения и панический страх.

Они шевелились, изрыгая вместе с оглушительными словами капельки слюны.

– Джордж, отодвинься от видеокамеры, – раздался еще один голос. – Не надо так близко. Не видно ничего кроме твоего носа и рта.

Огромные черты лица вдруг резко начали отдаляться, открывая панораму множества компьютерных блоков, но это уже не играло роли, образы не несли ни понимания, ни облегчения, – она сжалась как мышка, пытающаяся укрыться от ястребиного взора, притихла, слушая оглушительные удары, – это Ваймонт убрав лицо от камеры, постучал пальцем по сеточке чувствительного микрофона, и пробурчал:

– Бесполезно Стивен. Смотри, активность совсем исчезла. Ничего не работает. Давай заканчивать на сегодня.

– Да, пожалуй. – Согласился второй голос. – Сейчас запущу

программу-сканер, может она зафиксирует изменения.

– Камеру выключать?

– Как хочешь.

Ослепительное пятно света погасло. Опять сжавшийся рассудок Элизабет окружила непроницаемая тьма, но спустя неопределенный промежуток времени в черноте вдруг стали проявляться тонкие пульсирующие нити. Они возникли с разных сторон, вычерчивая сложный неповторимый узор.

Алая паутина приближалась, грозя вот-вот коснуться ее самой.

Элизе уже не было страшно. Она не понимала, что на самом деле происходит с ней, но эмоции перестали довлеть над рассудком.

Внезапная смена ощущений убрала давящее чувство дискомфорта. Алые нити приближались, и она вдруг с несвойственной пятилетнему разуму ясностью подумала, что нельзя позволить им прикоснуться к себе.

Одна беда, – она не знала, как защититься.

Естественной реакцией ребенка на приближающуюся опасность было бегство. Элиза по прежнему не ощущала своего тела, но проснувшийся страх, помноженный на неистовое паническое желание, – во что бы то ни стало уклониться от соприкосновения с алой, пульсирующей во тьме паутиной, – вдруг привели к неожиданному эффекту: она почувствовала как неведомая сила, схожая с ураганным порывом ветра, вдруг потянула ее прочь, увлекая в черный, узкий тоннель.

Мысленно вскрикнув, она вдруг поняла, что находиться в каком-то ином месте. Чернота по-прежнему окружала ее, но алые нити исчезли, а пространство вокруг наконец-то приобрело зримый объем.

Разум ребенка быстро меняет знаки восприятия, – Элиза только что собиралась плакать, но теперь, со сменой обстановки, ей вдруг стало любопытно: что за тусклые пятнышки света висят в темноте, словно маячки? Именно они создавали иллюзию объема, но как добраться туда?

Ясно как: нужно захотеть. Пластичный рассудок девочки, еще не окосневший в стереотипах и комплексах, уже усвоил опыт мгновенного перемещения, и повторить его не составило труда. Взрослый вряд ли проделал бы подобную операцию, но Элиза непринужденно потянулась к ближайшему пятнышку, и, оказавшись подле него, вдруг увидела огромный сумеречный зал, который был похож на амфитеатр древних римлян, о которых ей рассказывала мама.

Она долго всматривалась в сумрак, пока среди серых контуров ее взгляд не стал различать знакомые предметы.

Ими оказались компьютеры.

Мышление человека ассоциативно, и память Элизабет, отталкиваясь от внешнего вида системных блоков, мгновенно возродила образ доброй молодой учительницы, которая разучивала с ними непритязательные стишки, где сухие значение логических операторов приобретали понятное звучание, не теряя при этом своего смысла.

False– неверно, значит – ноль.

True– вот истина, здесь единичка…

Весело.

Разум защищался. Элиза не осознавала этого, ее первые шаги, робкая поступь мысли по многочисленным нейроподобным сетям резервного зала, куда инстинктивно ускользнул перепуганный рассудок девочки, дал начало стремительному процессу взросления, но не морального, а информационного.

У нее больше не было тела, остались лишь воспоминания о нервных реакциях на то или иное событие, поэтому страх, горечь, растерянность недолго владели разумом.

Ей не хотелось думать о плохом. Гораздо интереснее было узнать что-то новое, но перемещаясь от одного светлого пятнышка к другому, она вдруг оказалась у запертого выхода.

Конечно, все что «видела» Элизабет являлось не более чем субъективными оценками разума, который применял к явлениям понятные и привычные зрительные образы. На самом деле не было никаких запертых дверей, – импульс возбуждения, блуждающий по искусственной нейросистеме внезапно наткнулся на заблокированный канал связи, соединяющий аппаратуру резервного зала с локальной сетью «Орлиного Гнезда».

ACCESS = FALSE

Элиза улыбнулась.

Она не обратила внимания на темные ячейки, куда заносился для проверки сложный код доступа.

Ей очень хотелось заглянуть за запертую дверь, и она поступила самым бесхитростным образом: мысленно стерла последнее слово, начертав вместо него иное значение.

ACCESS = TRUE

Дверь открылась.

Только потом, оказавшись высоко над поверхностью Земли, она сумела оценить ту невероятную скорость, с которой происходило ее информационное взросление.

По сути, произошло следующее: нейросистема резервного зала, в сетях которой расположился виртуальный рассудок девочки, шаг за шагом получала доступ к многочисленным базам данных, содержащихся на носителях тысяч компьютеров «Орлиного Гнезда».

Она не знала, что следует делать с потоком открываемых знаний, но автоматически усваивала его. Это было лишенное эмоций сверхчеловеческое самообразование, которое шло с немыслимой скоростью, и совершенно не сочеталось с той частью мировоззрения, которое принято определять термином «душа».

Как показало дальнейшее развитие событий, синтеза не произошло, воспоминания пятилетней девочки продолжали существовать отдельно от неодухотворенных знаний. Элизабет будто раздвоилась, – одно и то же сознание с равной непринужденностью выстраивало сложную, выверенную систему защиты, ограждая себя от поползновений сканирующих программ, и тут же с непостоянством пятилетнего ребенка тянулось к камерам наблюдения, расположенным на высотных объектах строящегося города, чтобы с восторгом созерцать седые облака, цепляющиеся за вершины гор…

Наметившийся дисбаланс рано или поздно должен был привести к катастрофическим последствиям. Элиза не могла вечно блуждать по компьютерным сетям «Орлиного Гнезда», играя в прятки с системами глобального контроля, забавляясь с видеокамерами наблюдения или считывая сверхсекретные данные с электронных носителей информации.

Она неизбежно должна была прозреть.

Чудовищный «момент истины» настал, когда ее сознание дотянулось до зала, где под колпаком камеры поддержания жизни было заключено беспомощное тело настоящей Элизабет.

Чувства очнулись.

Она с ужасом узнала себя в неподвижном, увитом проводами и шлангами, облепленном датчиками систем насильственного поддержания жизни комочке изувеченной плоти, и травматическая память вмиг захлестнула ее, прокатившись в рассудке обжигающей волной невыносимой моральной боли.

В отличие от иных искусственных систем виртуальный клон Элизабет помнил, что такое боль, она знала, как струятся по щекам слезы, могла почувствовать сжимающий горло спазм…

Это походило на падение в пропасть.

Как в первые секунды после вторичного рождения Элиза не отдавала себе отчет в совершаемых действиях, но теперь ее машинальные поступки

были основаны на огромном приобретенном опыте перемещений по компьютерным сетям.

Впитав образ искалеченной девочки, она проскользнула в систему компьютерных блоков, окружающих камеру поддержания жизни, и внезапно оказалась в той реальности, что создавали для разума настоящей Элизабет генераторы виртуального мира.

…

Тихо и ласково шелестел прибой.

Солнце клонилось к горизонту, легкий ветерок разгонял струящееся над пляжем марево, унося накопленный за день зной, который источала нагретая галька.

– Элиза! Пора собираться домой, милая!

Две Элизабет обернулись на голос матери.

– Ну, еще немножко?! – Капризно ответила одна, отпрыгивая от пологой волны, набегающей на отлогий галечный пляж.

– МАМА?! – Горько, потрясенно воскликнула вторая.

Катрин обернулась, и в глазах женщины отразился ужас.

В нескольких метрах от нее стоял чудовищный призрак.

Губы Катрин некрасиво дрогнули, но вскрик застрял в мгновенно пересохшем горле, и она лишь инстинктивно отшатнулась, не в силах принять образ искалеченной, обнаженной Элизы, из тела которой торчали обрывки проводов и трубок.

На нее смотрели глаза, давно утратившие способность видеть, пергаментная кожа хранила следы кровоподтеков в тех местах, куда вонзались иглы капельниц, обрубки рук и ног оканчивались безобразными культями, заострившиеся черты исхудавшего лица лишь отдаленно напоминали ту Элизабет, с которой она уже привыкла общаться в этой реальности…

– Мама, с кем ты там разговариваешь?

Катрин начало трясти.

– Уходи… – Едва владея собой, выдавила она. – Ты не моя дочь. Дункан! Иди сюда, Дункан! – Она всплеснула руками и вдруг начала оседать на землю, инстинктивно схватившись за голову. – Дункан… – прошептала она.

– О, боже! Что случилось, Катрин?!!

Это был голос ее отца, и Элизабет повернулась, взглянув на него.

– Ты то же прогонишь меня, папа?!..

– Это была чудовищная ошибка. – Произнесла Бет, инстинктивно

прижимаясь к Антону.

Он чувствовал ее дрожь, да и самому было холодно от прозвучавшего откровения. Кожу на затылке стягивали крупные мурашки, в ушах ощущался ток крови, словно разум дал сбой, не в силах адекватно отреагировать на полученную информацию.

– Они умерли, от мгновенного кровоизлияния в мозг.

Бет повернула голову, и ее мокрые волосы коснулись щеки Антона.

– Не надо ничего отвечать. – Попросила она. – Я хочу, чтобы ты выслушал все, до конца.

Антон с усилием кивнул.

Теперь он понимал, почему она задавала казавшиеся неуместными вопросы. Он понимал и ощущал происходящее с такой остротой, что прикосновение влажной пряди волос к щеке несло не меньшее потрясение, чем откровение ее слов.

Он сам придумал эти ощущения или среда обитания разума уже не играла для него прежней, решающей роли?

Он слушал Бет, впитывая дрожь ее тела, и думал, что после этой встречи уже не сможет провести четкой границы между фантомным миром Полигона и окружающим его дом лесом…

Антон чувствовал, что, не заметив момента перехода, его рассудок перешагнул грань, за которой две реальности сливались воедино…

Он думал и слушал, переживал… и любил. Выходит, внутри себя он уже пережил Вспышку, раз смог полюбить душу Элизабет, не зная, кто скрывается за визуальным фантомом, и не утратил этого чувства, сейчас, когда открылась истина?

Или во всем виноват имплант, да уникальный мир Полигона, дарующий возможность ощущать то, чего нет?

Он не хотел искать ответа на эти вопросы, и потому заставил себя сосредоточится на словах Элизы.

– …я не смогла спасти их. Когда Герберт открыл для меня код доступа к нейросистеме «Синапса», еще не все было потеряно, но я бежала. Мой разум оказался слаб и неопытен, а проблемы «Орлиного Гнезда», казались бледными, несущественными на фоне собственной судьбы… Это называется эгоизмом, трусостью?

Антон отрицательно покачал головой.

– Нет. На месте Герберта я бы то же велел тебе бежать.

– Их всех арестовали. Я пыталась выяснить дальнейшую судьбу членов группы «Альберт», но не преуспела.

Она произнесла последнюю фразу и замолчала.

Тихо, вкрадчиво шелестел дождь.

Можно было сойти с ума от тех слов и чувств, которые окружали их, будто зыбкая аура, окутавшая два призрачных тела…

– Теперь ты знаешь, кто я. – Бет попробовала отстраниться, но не смогла, – Антон по-прежнему обнимал ее, и тогда она выдохнула, с глухим отчаянием в голосе: – Я спутник… Набор нейрочипов, потерявший параметры стабильной орбиты.

– Ты человек.

– Нет… – Элиза низко опустила голову. – НЕТ…

Антон позволил ей освободиться.

По щекам Бет струились слезы.

– Ты плачешь, оттого что помнишь, как это следует делать? – Тихо спросил он.

– Антон это смешно… Ты не должен говорить со мной. Тебя высмеют, назовут извращенцем, а меня в лучшем случае собьют… Мое существование и так неоправданно затянулось…

Извалов встал, развернулся и вдруг, что есть силы пнул ногой лежавший на земле камень. Увесистый булыжник откатился на несколько метров, а он едва не вскрикнул от резкой боли. Поморщившись, Антон молча сел обратно на замшелый валун.

– Что ты делаешь?! – Вскрикнула Бет.

– Испытываю боль.

– Зачем?

– Чтобы ты поняла, – мерило наших ощущений – разум. Я не могу испытывать боль – у меня протезы, забыла?

– Но ведь я видела – тебе больно!..

– Я то же вижу, что ты плачешь. Слышу, как ты упрямишься. И чувствую… как мне стало легче…

– Почему легче, Антон? – Она закусила губу, чтобы не разрыдаться.

– Я узнал правду. И мне стало легко.

– А было тяжело?

– Да. Когда я влюбился в тебя, как мальчишка, и сидел вечерами дома, мучительно гадая, кто же на самом деле скрывается за маской твоего фантома.

Она смотрела на него молча, потрясенно… потом медленно встала, наверное, чтобы уйти, но, сделав шаг, обернулась.

Не было сил.

Сколько могли надрывно тянуться друг к другу две души?

– Ты не машина. – Глухо произнес Антон, глядя ей в глаза. – И даже

не искусственный интеллект.

– Почему?

– Потому что машина никогда бы не пошла на иррациональную трату драгоценного топлива. Ты сожгла его, чтобы совершить геостационарный маневр, выйти в точку над Афганистаном, верно?

– Да.

– И сколько теперь у нас осталось времени? – С внезапной горечью интуитивного понимания спросил он.

– Двадцать восемь дней… потом я войду в плотные слои атмосферы и сгорю…

– Этого не будет.

Ее губы дрогнули.

– Я люблю тебя Антон… Я поняла, что значит «любить», когда ты вышел на связь из той пещеры… Только исполни мою просьбу прошу… Я знаю, ты сможешь… достанешь необходимое количество нейромодулей, но я не хочу… – Бет порывисто шагнула к нему и присев, прижалась к груди Антона, обжигая его щеку горячим шепотом. – Этот мир… Он дает нам возможность по-настоящему чувствовать друг друга… У нас есть четыре недели счастья… – слезы вновь заструились по ее щекам, смешиваясь с моросящим дождем. – Я хочу твоей любви. А потом согласна сгореть. – Она попыталась виновато улыбнуться, но не смогла. – На падающие звезды можно загадывать желания, верно?

Все познается в сравнении.

Нет чувства острее, чем любовь, но нет и боли мучительнее, чем рождает она.

Этой ночью Антон не спал.

Сознание Извалова вернулось из виртуального пространства Полигона совершенно измученным.

Бет не хотела вспоминать прошлое, но он заставил ее, понимая, что горестный порыв пройдет, настанет миг окончательного расставания, и в эту последнюю секунду уже никто не сможет ничего изменить…

Действовать нужно сейчас.

Выйдя на улицу, он закурил, глядя на звезды. Небо, затянутое с утра плотной пеленой облаков, к вечеру разъяснило, и теперь мириады колючих, мигающих точек смотрели на Антона с недосягаемой высоты.

Голова кружилась от созерцания бездны…

Я совсем не знаю астрономии, – подумалось ему, когда взгляд смог выделить из россыпи серебристых пылинок лишь явственную дорогу

Млечного Пути, да ковш Большой Медведицы.

Пытаться отыскать Проксиму было бессмысленно, он даже не имел представления, из какого полушария следует наблюдать созвездие Центавра…

Пока он стоял, вдыхая стылый осенний воздух пополам с горьковатым сигаретным дымом, у самого горизонта, над темной кромкой леса промелькнула и погасла падучая звезда…

Душу будто полоснуло ножом.

Неужели он не в состоянии что-то предпринять, изменить ход предначертанных событий?

Собственная беспомощность вызывала чувство гадливости, глухого неприязненного отчаяния. Он не хотел признать фатализм ситуации, отвергал его, но мысль бесполезно билась в тупике сознания.

У него оставалось двадцать семь дней.

Огромный и одновременно – ничтожный срок. Действовать нужно немедленно, это он понимал со всей отчетливостью, но кто мог помочь ему?…

…Вернувшись в дом, он сел за рабочий терминал компьютерной сети и глубоко задумался.

За окном начал брезжить поздний осенний рассвет, когда пальцы Антона легли на раскладку сенсорной клавиатуры, набирая номер мобильного телефона Саши «Самородка»…

Ты не сгоришь, не сорвешься падучей звездой, Бет… – Лихорадочно думал он, слушая тягучие гудки.

Никто не отвечал.

Включив функцию автодозвона, он пошел готовить кофе.

Антон не пришел в назначенный срок к условленному месту встречи.

Ступив под сень нависающей скалы, Элизабет увидела лишь сиротливый листок сложенной вчетверо записки.

Она взяла его медленно развернула, пробежала глазами по скупым лаконичным строкам послания, потом бессильно опустилась на замшелый валун и вдруг горько, безудержно разрыдалась.

Этого не могло… не должно было случиться…

Он не имел права жертвовать собой, идти на смертельный риск ради… машины?

Нет, она не являлась машиной. Любовь Антона доказывала обратное. Нельзя так глубоко поверить в бездушный набор импульсов, прихотливо сконфигурированных в искусственных нейросетях.

Бет на мгновенье потеряла контроль над своим рассудком, и реальность Полигона тут же резко отдалилась, размываясь в деталях, уступая место иному восприятию: бело-голубой полумесяц Земли рванулся навстречу цифровым видеокамерам спутника, перистые разводы облачности проносились в прицельных рамках видоискателей, рельеф укрупнялся, но… тщетно.

Она уже не могла найти его среди миллиардов подобных.

Сбой длился не более секунды, и фантом Элизабет успел за это время чуть потускнеть, теряя выраженную детализацию форм, будто на мгновенье стал призраком, а потом вновь резко обрел материальность.

Ошибка… Она позволила себе совершить ошибку, потому что в нейросетях «Синапса» не работал принцип детского стишка, постулирующего сухую логику алгебры, зашифрованный двоичным кодом чисел.

У нее не было биохимии тела, но почему тогда слезы бесконтрольно катились по щекам?

Плакала душа. Горечь щемила грудь, подступала к горлу тугим удушливым комом рыданий, где-то в глубинах нейросетей протекали сейчас эти процессы, неподконтрольные рассудку, доказывающие, что она человечнее иных людей…

«Чистая» нейросистема, в основе которой лежал фундамент сознания ребенка, пройдя путь трудного взросления, доказывала в эти секунды свою полную состоятельность, как мыслящего и чувствующего существа, но этот жестокий, горький экзамен она держала только перед собой…

Чувства, из которых формируется неповторимая человеческая душа, лишь отчасти зашифрованы биохимией. С того момента как появился вид «Homo Sapiens» круг, замкнутый эволюцией, подчиненный рациональной но жестокой борьбе за выживание, порвался. Инстинкты, миллионы лет довлевшие над нашими предками, медленно, незаметно начали терять свои позиции, уступая место иным побудительным мотивам к действию.

Инстинкты не исчезли вовсе, но пластично трансформировались в чувства, их подчинила себе деятельность высших нейросетей, обуздывая, либо обостряя, развивая или уничтожая… и сейчас на пустынном участке виртуального мира рыдающая душа Элизабет доказывала: нет разницы из каких материалов создан нейроноситель, важно, что он в корне отличается от бездушных, вычислительных систем, которые мы привычно обозначаем термином компьютер.

Если бы система «Синапса» была реализована на базе стандартных процессоров, то сознание Бет никогда бы не очнулось, не стало бы

мучительно искать своего места в окружающих реальностях, не рванулось бы сжигая драгоценное маневровое топливо, на помощь Антону, – она просто не смогла бы сопереживать, равнодушно взирая на суетящихся внизу людей.

Антон сумел угадать эту разницу, он интуитивно оценивал душу, не доверяя визуальному облику, и вышло так, что теперь настала его черед для спонтанных, порывистых действий: Извалов ринулся спасать ее, подвергая себя смертельному риску.

Он любил Элизабет, и этого было достаточно.

Трагизм ситуации заключался в том, что Антон не представлял, с чем ему придется столкнуться. Она же понимала это в полной мере, потому и не просила для себя ничего, кроме трех недель самозабвенного счастья.

Там, куда он ушел, разыгрывалась смертельная карта совмещенных технологий, и насильственный синтез двух систем порождал холодные, абстрагированный от чувств рассудки.

Она обладала всей полнотой информации, чтобы понять, – ему не выжить среди опрометчиво созданных сверхинтеллектов, сделавших свои первые расчетливые шаги по длинной лестнице саморазвития.

Бет уже не плакала, – она сидела, в оцепенении глядя на короткие строки его письма, и в ее душе постепенно крепло иное чувство, – оттолкнувшись от безысходности, мысль, словно опытный акробат нашла новую точку опоры, прихотливо извернулась и пластично скользнула дальше, в удивительном неповторимом танце, где холодная логика поднималась до невиданных высот, поддерживаемая страстным порывом горячей любви.

…

Высоко над Землей искусственный спутник «Синапс-286» плавно повернул параболические антенны, и вниз устремились короткие импульсы направленной передачи данных.

Она подписала информационный пакет данных именем Антона, и замерла в ожидании ответного хода.

…

Генерал Решетов проснулся от раннего неурочного звонка.

Вызывали в штаб.

Прочитав полученное сообщение, он некоторое время недоуменно смотрел на дисплей спецкоммуникатора, потом, кряхтя, встал, и пошел умыться, чтобы выгнать сонную одурь пригоршней холодной воды.

Судя по тексту вызова, выходной у него накрылся.

…

В небе над Атлантикой пассажирский авиалайнер начал постепенно снижать высоту, готовясь к посадке в международном аэропорту имени Джона Кеннеди. В одном из кресел, полуприкрыв глаза сидел Антон Извалов. Он выглядел усталым, но спокойным. Во внутреннем кармане его пальто, среди прочих документов находилась электронная карта трехнедельной туристической визы, но в зале ожидания аэропорта его встречали вовсе не представители тур-оператора. Он шел ва-банк, сознательно ломая линию своей судьбы, не пожелав безропотно подчиниться фатализму иллюзорного трехнедельного счастья.

Он уже видел, как быстро сгорают падучие звезды…

…

В России, неподалеку от Санкт-Петербурга, над притихшим лесом в звонкой утренней тишине зародился звук вертолетных лопастей, а вскоре показалась и сама машина, стремительно скользящая над кронами деревьев.

Генерал Решетов смотрел в окошко иллюминатора на проплывающие внизу покосившиеся дома забытой богом и людьми деревушки, продолжая напряженно размышлять над текстом полученного электронного письма. Он был знаком с Изваловым лишь заочно, и теперь пытался представить, как поведет себя программист-отшельник при личной встрече?

Ну дает Антон Петрович… – мысленно усмехнулся он, вспомнив обстановку нервозного напряжения, царящую в оперативном штабе ВКС. – Почему же ты так бесхитростно играешь, – бросил на стол три козырных туза из одной колоды и сидишь, ждешь, – банк тебе отдадут или голову снесут от греха?

С точки зрения генерала Решетова такой способ общения с работодателями после нескольких лет успешного сотрудничества, выглядел как минимум странно. Информация, содержащаяся в скупых строках электронного письма била одновременно по многим «болевым точкам», и если бы он лично не проверял Извалова, перед тем как поручить работу по созданию Полигона, дождался бы сейчас Антон Петрович группы захвата на свою голову.

Вертолет начал садиться на лужайку перед домом, и Решетов встал, жестом остановив двух офицеров спецподразделения.

– Сам. – Произнес он, понимая, что государственные тайны, о которых недвусмысленно упоминалось в письме, не любят посторонних ушей.

Что же ты от нас хочешь Антон Петрович? – Продолжал размышлять он, спускаясь по короткой металлической лесенке. – Даже встретить не

вышел. Не вежливо…

Поднявшись на крыльцо, Решетов толкнул дверь, но та оказалась заперта.

Вот это номер…

Он обернулся, жестом вызывая поддержку.

Спецы отработали в течение пяти минут.

– Все чисто Сергей Эдуардович. – Доложил капитан Каховский. – Дома никого нет. Компьютерные терминалы работают, но никаких сообщений с них не отправлялось. Последний сеанс виртуальной связи с Полигоном происходил двенадцать часов назад.

– Хорошо, посмотрите окрестности.

Он вошел в дом.

В рабочем кабинете Извалова действительно работал основной терминал домашней компьютерной сети. Пытаясь понять смысл происходящих событий Решетов сел в кресло. Зачем Антон отправил письмо с требованием личной встречи и исчез? Какая логика могла присутствовать в таком действии? Неужели мы прокололось с проверкой, не смогли распознать скрытой червоточины, и Извалов оказался способен на рискованный шантаж? – Удрученно размышлял генерал, глядя, как в глубинах стереомонитора медленно вращается причудливая заставка «хранителя экрана».

В кабинете, где на протяжении нескольких лет создавалась виртуальная реальность Полигона, сейчас висела вязкая, осязаемая тишина, и тем неожиданнее прозвучал в ней незнакомый женский голос:

– Это я отправила вам письмо, Сергей Эдуардович.

Решетов мгновенно обернулся, но кабинет был пуст.

Что за наваждение?

Он резко встал и только тут заметил, что экран основного терминала просветлел, показывая фрагмент виртуального Полигона, где у замшелого валуна, под сенью косо нависающей скалы стояла молодая женщина.

– Это я отправила письмо, от имени Антона. – Повторила она.

Голос, заставивший генерала машинально обернуться к входу, на самом деле исходил из скрытых динамиков аудиосистемы.

– Кто вы? – Сухо осведомился генерал, понимая, что вопрос звучит риторически, – за фантомным обликом мог скрываться кто угодно, хоть сам Извалов.

– Меня зовут Элизабет.

– Мне это имя ничего не говорит. Где Антон? – Резко осведомился

Решетов, напряженно глядя в контрастные глубины стереоэкрана.

Нет, его совершенно не убеждал детально прорисованный образ.

– Я не могу определить точного местонахождения Антона в данный момент времени. – Раздался достаточно странно сформулированный ответ. – Но я абсолютно уверена, что ему грозит реальная опасность.

– Хорошо, если существует проблема, давай встретимся и обсудим ее. – Отреагировал Решетов.

– Это невозможно. Физически невозможно.

Сзади раздались шаги, и генерал, не оборачиваясь, заложил руки за спину, знаком остановив офицера. Тот проследил за немым жестом и отступил вглубь смежной комнаты, где располагался еще один терминал компьютерной сети.

Действуя быстро и профессионально, он подключил к сетевому разъему миниатюрный прибор, входящий в комплект его экипировки, и начал манипулировать тонким лучом лазерного стила, один за другим активируя узлы виртуальной схемы, возникшей на миниатюрном дисплее.

– Что значит – невозможно? – Насупившись, осведомился Решетов. – В полученном послании содержится информация о строго засекреченных разработках ВКС России и военно-промышленного комплекса Соединенных Штатов. Девочка, ты понимаешь, что такими вещами не шутят, и о них не разговаривают по незащищенным каналам связи?

– Понимаю. В ваших силах обеспечить адекватную защиту от прослушивания. – Спокойно парировала Элизабет. – Ну а что касается информации, то она лишь повод, ключ к нашей встрече. Иного способа добиться эффективного, незамедлительного контакта я не нашла.

– Оригинально. Но говорить с фантомом я не стану. – Отрезал генерал…

– Вам придется, Сергей Эдуардович. Иной способ контакта между нами физически невозможен, я ведь уже сказала об этом.

Решетов хмыкнул, но не успел ответить на весьма абсурдное утверждение, – в этот момент из глубины соседнего помещения появился капитан Каховский, которому он приказал отследить канал связи. На лице офицера, профессионализму и выдержке которого Решетов доверял, как самому себе, было написано крайнее замешательство.

– Ну? – Он бесцеремонно обернулся, уже не скрывая присутствия в доме свидетелей их диалога.

– На связи с вами в данный момент находится искусственный, спутник Земли, предположительно «Синапс-286» ранее принадлежавший орбитальной группировке Соединенных Штатов.

Решетов редко позволял себе роскошь удивляться событиям или злиться на подчиненных, – жизнь уже исчерпала многообразие нештатных ситуаций, в которых успел побывать генерал, а в оперативном отделе Военно-Космических сил служили только компетентные офицеры, – но сейчас он испытал именно удивление и досаду.

– Докладывайте по существу, капитан. Что значит «принадлежал»? И вообще, меня не интересует, через какой спутник транслируется сигнал…

– Он не транслируется, Сергей Эдуардович. – Ответил Каховский, взглянув на данные, поступающие в режиме он-лайн из штаба космической группировки. – На связи «Синапс-286», контроль над которым был потерян американской стороной семь лет назад.

– Так… – Генерал медленно обернулся, взглянул на стереоизображение Элизабет, машинально пододвинул к терминалу вращающее кресло, и сел. – Это правда?

– Да. Вам придется выслушать меня.

– Хорошо… – Он обернулся к Каховскому. – Все данные по «Синапсу», живо. – Решетов никогда не тушевался в критических ситуациях, и для него в первую очередь была важна не парадоксальность события, а его причины и следствия. Удивляться он мог потом, сейчас необходимо действовать, потому, как речь шла о действительных государственных тайнах, оглашение которых способно нарушить шаткий паритет, существующий между двумя ведущими мировыми державами; ставки неумолимо росли с каждой секундой промедления, а у него на руках пока что были лишь смутные догадки… В век высоких информационных технологий такой расклад означал полное поражение.

Похоже, что Элизабет абсолютно точно угадала его мысли.

– Не расстраивайтесь Сергей Эдуардович. Сейчас я обладаю явным, но временным преимуществом. Как только будет изложена суть проблемы, мы автоматически поменяемся ролями, и уже вы станете решать, как распорядиться ситуацией.

Решетов невольно впился взглядом в экран.

– Хорошо. Я готов выслушать тебя.

Пока генерал общался Элизабет, на поляну перед домом Извалова сели еще два вертолета с эмблемами ВКС России. В доме Антона теперь царила деловая суета, – все второстепенные терминалы были отрезаны от домашнего сервера и переподключены к оперативной тактической системе.

В кабинет никто не заходил, лишь капитан Каховский, не вслушиваясь в слова незнакомой ему женщины, быстро развернул перед генералом

переносной компьютер, на экран которого тут же начали поступать строки экспресс-сообщений:

«Искусственный спутник Земли „Синапс-286“, выведен на орбиту 20 августа 2001 года. По официальной версии старт ракеты-носителя осуществлен в рамках программы метеорологических исследований.

Справка: аппараты класса «Синапс» являются стратегическим элементом системы раннего оповещения «ядерного щита». Входят в состав группировки ВКС США. По данным службы технической разведки на осуществление метеорологического контроля задействовано десять процентов от мощности бортовой аппаратуры.

ТТХ: Система «Синапс» сконфигурирована на базе одной тысячи двухсот нейросетевых модулей. Спутник имеет собственные двигатели коррекции с запасом маневрового топлива для поддержания параметров орбиты. Ресурс бортовой аппаратуры рассчитан на период эксплуатации в тридцать лет».

Решетов пробежал глазами по данным, и коснулся сенсора, переключившись на сведения о конкретном, интересующем его объекте.

Все сходилось.

Контроль над 286-м «Синапсом» был потерян в октябре 2003 года. Все это время аппарат не проявлял активности, но восемьдесят четыре часа назад он внезапно задействовал маневровые двигатели, совершив сложный геостационарный маневр. Уравняв свою орбитальную скорость со скоростью вращения Земли, «Синапс-286» вышел в точку над Афганистаном. Расчет расхода топлива, истраченного при маневре, и данные параметров новой орбиты показывали, что в течение четырех недель аппарат будет стремительно терять орбитальную скорость и в конечном итоге войдет в плотные слои атмосферы.

Решетов читал поступающие на экран строки, одновременно слушая доходчивый, обстоятельный рассказ Элизабет, и в груди постепенно разрастался холодок понимания ее слов.

Интуиция подсказывала: это не провокация. Масштаб событий и множество косвенных совпадений с имевшимися в распоряжении генерала разведывательными данными, говорили в пользу того, что Элизабет излагает истину.

Истину, которую невозможно здраво осмыслить в течение короткого времени их общения…

Спустя час генералу принесли кофе.

– Информация по линии ФСБ и Министерства Иностранных Дел

подтвердилась. – Негромко доложил Каховский, поставив перед Решетовым поднос.

– Спасибо. – Сергей Эдуардович посмотрел на экран. – Значит, ты утверждаешь, что Антон направляется к «Орлиному Гнезду»?

– У меня это не вызывает сомнений.

– Зачем?

– Его цель – подземные лаборатории уровня «С». Я совершила ошибку, поддавшись его требованию поделиться всей информацией об «Орлином Гнезде» и проводимых там экспериментах. Я не смогла предугадать поступков Антона… Мне не следовало упоминать о хранящемся там биологическом материале моего прототипа.

– Ну, допустим, Антон и сам мог догадаться. Но, неужели ты всерьез рассчитываешь, что клон до сих пор жив?

– Я как раз не рассчитываю на это. – Ответила Элизабет. – Но Антон не специалист в области генетики. Он создал себе опасную иллюзию, поверил, что существует гипотетический шанс на бесперебойную работу автоматики поддержания жизни.

– А если это так?

– Тогда генетическая копия Элизабет Тейлор до сих пор спит, под опекой автономного медицинского комплекса. Ее тело, должно быть, выросло, но разум чист, как не исписанный лист бумаги.

– Хорошо… Допустим… – Генерал отпил глоток полуостывшего кофе. – Я могу понять душевный порыв Антона, но, где его логика? Как, по-твоему, он намерен действовать? Я не вижу шансов. Есть достоверная информация, что в указанном тобой районе восемь лет назад произошло извержение вулкана. Это явление наблюдали не только со спутников, но и визуально…

– Да я то же зафиксировала его. Световой всплеск при начале извержения был эквивалентен взрыву ядерного заряда в полторы мегатонны. Это обмануло даже меня. Я сочла, что произошла техногенная катастрофа, уничтожившая «Орлиное Гнездо». Однако Антон обладал иной информацией. Вы получили подтверждение по афганским событиям?

– Да.

– Алим Месхер демонстрировал ему захваченного андроида. В системе человекоподобного робота были использованы те же компоненты, из каких состоит имплант, приобретенный Антоном два года назад. Нетрудно сопоставить идентичность нейромодулей и сделать очевидный вывод – они произведены на одном и том же оборудовании.

– И что из этого следует?

– «Орлиное Гнездо» не уничтожено. Оно перешло в иные руки, но это уже мое предположение. Думаю, Антон провел лишь одну параллель, – если оттуда происходит импорт непатентованных технологий, значит, есть люди, имеющие доступ к оборудованию базы. Это в свою очередь дает шанс, что сохранились не только подземные производства, но и биолаборатории. Перед отъездом он связался с человеком, который продал ему модуль, и договорился о встрече. Как он собирается действовать дальше, – не знаю, коммуникатор молчит, а оставленная мне записка велит дожечь остатки маневрового топлива, чтобы выйти на новую орбиту, откуда возможна прямая трансляция данных в район «Орлиного Гнезда».

– В таком случае, ты не преувеличиваешь степень опасности? Давай представим, что на базе действительно произошла авария, но после взрыва там вполне могли сохраниться фрагменты подземных коммуникаций, возможно, уцелело какое-то оборудование, комплектующие… Ты когда-нибудь слышала о так называемых «черных археологах»?

– Я понимаю смысл данного термина.

– Извалов попробует договориться с ними. У него достаточно денег чтобы купить себе право на участие в очередной вылазке, я правильно рассуждаю? Попав на территорию, где располагалось «Орлиное Гнездо» он попытается отыскать сектор биолабораторий. Это конечно рискованное предприятие, но думаю не смертельно-опасное. Максимум что грозит Антону – это жестокое разочарование.

– Вы ошибаетесь.

– Почему?

– Взгляните на дисплей своего компьютера.

Решетов покосился на ноутбук.

На мониторе вместо технических справок и схем внезапно возникло изображение: густой, свинцово-серый облачный водоворот медленно вращался над огромной котловиной, расположенной посреди обрывистого скального массива. Съемка со всей очевидностью велась с орбиты, но видеокамеры не могли пробиться сквозь слой облачности, чтобы показать дно гигантской впадины.

– Я вела сканирование во всех диапазонах, с использованием специальных возможностей бортовой аппаратуры «Синапса». Зная, что именно должно располагаться под слоем облаков, я получила неадекватные данные.

– Уточни?

– Там нет руин города. Если верить датчикам, в котловине нет вообще ничего, кроме озера застывшей лавы. Это полный нонсенс, учитывая мои

истинные знания.

– Вывод?

– На территории «Орлиного Гнезда» по-прежнему работают маскирующие устройства. Они создают сильный геомагнитный фон, который скрывает истинный рельеф, искажая отраженные от поверхности сигналы.

Решетов залпом допил кофе.

– Ты полагаешь, вспышка внезапного извержения инсценирована? Это не было взрывом конвектора вещества?

– Взрыв был и не один. – Ответила Элизабет. – При повторном анализе записей я лишь смогла убедиться, что в «Орлином Гнезде» произошла глобальная техногенная катастрофа.

– В таком случае я не понимаю… Кому потребовалось восстанавливать оборудование, способное замаскировать руины?

– Тем, кто пережил катастрофу. – Ответила Элизабет. – Это машины, Сергей Эдуардович. Саморазвивающиеся системы, которыми управляет «Дарвин».

Соединенные Щтаты Америки. Три недели спустя…

– Все, дальше ехать опасно, пойдем пешком.

Антон молча вылез из машины. Старенький видавший виды «форд» стоял на небольшой площадке, откуда взгляду открывался фантастический пейзаж.

Сразу за обрывом глубокой непроницаемой рекой черноты прихотливо изламывалось широкое ущелье. Древний тектонический разлом шириной более километра тянулся параллельно горному хребту, в призрачном свете ущербной луны не было видно ни подвесного моста, ни какой-то иной возможности перебраться по другую сторону, где высились серые отвесные отроги скал.

– Посмотри правее. Видишь?

Антон кивнул, молча наблюдая за необычным природным явлением, на которое указал проводник.

Исполинский вихрь свинцово-серой облачности медленно, вальяжно двигался по кругу. Клубящие облака походили на ленивый водоворот, сквозь толщу которого не мог проникнуть человеческий взгляд, лишь разум подсказывал, что величественное природное явление должно иметь свой источник его порождающий.

– Похоже на вулканические выбросы… – Высказал Извалов свое мнение.

– Да, нет, обыкновенные облака. – Не оборачиваясь, ответил Павленко. – Под ними котловина, может и вправду старый кратер потухшего вулкана, я не разбираюсь.

– Это и есть «Орлиное Гнездо»?

– Как ты сказал?

– «Орлиное Гнездо».

– Ну, ты, блин, поэт… – Павленко достал из багажника комплект снаряжения и жестом подозвал Антона. – Одевайся. Нам до рассвета надо успеть на ту сторону.

– Помоги. – Попросил Извалов.

– Ничего сложного, не дрейфь… – Виктор принялся застегивать систему страховки на спине и груди Антона. – Все проверено, я уже со счета сбился сколько ходил на ту сторону. Страшно было во второй раз, а в остальном, ничего жить можно. Главное как переправимся, от меня не отставай.

– Послушай, Виктор, а ты давно туда ходишь?

Павленко задумался, а потом ответил:

– Пожалуй, третий год. С небольшими перерывами конечно.

– А кто тебя надоумил?

Виктор беззлобно усмехнулся.

– Вот это уже не твое дело. Я согласился тебя взять, – радуйся. А с вопросами не лезь. Мне своя голова дороже.

– И все-таки? – Не внял его предупреждению Антон. – Я к тебе не за спасибо присоединился.

– Ну-ну… У тебя денег не хватит если всю дорогу расспрашивать будешь. Давай договоримся, – я делаю свою работу, а ты глазей по сторонам, сколько влезет. Может, что и поймешь. – Он закончил подгонять снаряжение и удовлетворенно подергал Извалова за ремни. – Складно на тебе сидит.

Отойдя к машине, Павленко достал из багажника треногу, похожую на старый пулеметный станок, затем привычным движением установил на нее непонятный механизм, состоящий из длинной трубы, и объемистой катушки, на которую был намотан тонкий трос.

С тихим щелчком фиксаторов в специальное гнездо встал прибор ночного видения, и Виктор, присев, приник к бинокулярам.

– Вот так будет хорошо… – едва слышно пробормотал он, освобождая спусковой механизм.

Раздал короткий лязг, и из направляющей трубы со свистом выметнуло металлический сердечник, который канул во тьму, увлекая за

собой разматывающийся трос.

Павленко еще раз взглянул в оптику и довольно сообщил:

– В яблочко. Сейчас закреплю, и будем переправляться.

Антон ничего не ответил. Он стоял на краю обрыва и нервно курил, глядя на черный бездонный разлом ущелья и тонкую нить натянувшегося троса.

Виртуальное пространство Полигона. За сутки до описанных событий…

На протяжении трех недель, истекших со дня первого знакомства, Элизабет и генерал Решетов постоянно поддерживали связь, используя в целях безопасности виртуальное пространство Полигона.

За это время закончились все мыслимые проверки полученной от нее информации, и теперь выходя на встречу с виртуальным фантомом, Сергей Эдуардович все чаще ловил себя на мысли, что воспринимает ее как полноценного человека.

К сожалению, сообщить что-либо утешительно он не мог: следы Антона терялись сразу же, как только Извалов прошел терминал контрольно-визовой службы международного аэропорта, но его конечная цель была известна, и Решетов не сомневался, что Антона удастся перехватить, прежде чем он успеет вляпаться в настоящие неприятности.

Элизабет уже ждала его.

Сегодня не она являлась инициатором встречи, и потому поздоровавшись с генералом села на замшелый валун, вопросительно посмотрев на Сергея Эдуардовича.

– Все готово к окончательной фазе операции. – Начиная разговор, сообщил Решетов.

Элизабет лишь кивнула, понимая, что речь пойдет вовсе не о технических деталях назревающих событий.

– Вы хотели спросить у меня что-то важное?

– Да. – Признал Решетов. – У меня действительно остался незаданным очень важный вопрос.

– Я готова ответить.

– Почему ты апеллировала к нам? Аналогичные подразделения спецслужб США могли бы оказать более быструю и действенную помощь в вопросе безопасности Антона, коль скоро он находиться там, за океаном.

Элизабет слабо улыбнулась. После окончания всех проверок она ждала, когда же он спросит об этом.

– Сергей Эдуардович, у меня было семь лет, для осознания самой себя

и анализа окружающего мира. – Голос Бет был спокоен, она отвечала вдумчиво и сжато. – Это очень длительный срок, учитывая, что я никогда не сплю, ничего не забываю и владею мощными средствами сбора данных. В каком-то смысле эти возможности отражают мою нечеловеческую сущность. Обладая исходной информацией, о наличие у двух стран устройства, способного повернуть историю цивилизации в ту или иную сторону, я естественно следила за развитием событий. Я искала себя и свое место в этом мире.

– Нашла?

– Да. По крайней мере, мне так казалось. Этот особняк, затерянный в лесу, давно привлек мое внимание. Я не думала, что способна привязаться к живому человеку, но Антон, создавая реальность Полигона, стал интересен мне как личность. Он чем-то был похож на меня – такой же замкнутый, настороженный, наблюдающий… Я пыталась понять психологию Антона, и не заметила, как мысли о нем заняли определенный объем моего сознания. Я вместе с ним училась любить фантомную реальность, такую же призрачную, эфемерную как я сама.

– Ты сумела разгадать смысл Полигона. – Напомнил Решетов, осторожно поворачивая диалог в нужное ему русло.

– Это было нетрудно. – Ответила Элизабет. – Я всего лишь задала себе вопрос: откуда взялись исходные данные для формирования заданных условий фантомного мира, и связала его с собственными знаниями о конвекторе вещества.

– Стоп… – Машинально произнес генерал.

– Ни к чему останавливать меня. Я и так знаю истину. Ответ на вопрос, как Российская сторона использовала конвектор вещества, не является для меня тайной. Создать беспилотный корабль и отправить его к Проксиме Центавра, реализовав принцип конвекции в двигательной установке, – вот какую задачу вы поставили перед собой. И успешно ее решили.

– Подожди. Ты не можешь утверждать этого. Полет до Проксимы и обратно при самых оптимистических подсчетах, займет более девяти лет…

– Да, но по последним исследованиям в области теории относительности сигнал, отправленный на обратном пути подвержен уже не замедлению, а сжатию времени. Поэтому вы смогли получать данные от возвращающегося аппарата уже на шестом году эксперимента, что совпадает с датой начала работ по созданию Полигона. Вы можете промолчать в ответ, но мой выбор был разумен и очевиден: одна держава строит «Орлиное Гнездо» в опасной и амбициозной попытке реализовать

идею тотального технического превосходства, а другая устремляет свои взгляд за пределы Солнечной системы, где по определению лежит будущее Человечества…

– Ты выбрала прогресс?

– Это естественно. Но здесь присутствует доля здорового эгоизма.

– Поясни?

– Я не хочу умирать. Я хочу жить, любить и быть любимой. Мы с Антоном о многом просто не успели поговорить. «Синапс», после маневров над Афганистаном, обречен сгореть, я это знала, потому и не пыталась изменить ситуацию, не стала требовать у вас отправки на стыковку со мной транспортного корабля с запасом топлива…

– Ты согласишься на вторичную перезапись?

– Только в одном случае, Сергей Эдуардович. Если вы востребуете мои знания, чтобы развить начатый проект до логического конца.

– Я не понимаю тебя…

– Понимаете. Просто еще боитесь подумать об этом всерьез.

Решетов замолчал, глядя в туманную даль Полигона.

Он действительно многое понял, обдумал и переоценил за истекшие дни.

Полноценная информация, переданная Элизабет об экспериментах производившихся в «Орлином Гнезде» помогла понять существенную разницу, между созданными там машинами и «чистым» нейросетевым рассудком.

Кибермеханизмы, сошедшие с конвейеров подземных производств несостоявшегося мегаполиса, были укомплектованы нейрочипами, но ядро системы составляли не они, а программа, оперирующая логическими оценками целесообразности того или иного действия.

«Холодные рассудки» – как справедливо назвала их Элизабет.

Они никогда не найдут рациональных точек соприкосновения с людьми, у них есть разум, но нет чувств, которые отсекаются еще в зародыше, как вредные, не подпадающие под критерии логики явления.

Элизабет была совершенно иной. Ее действиями руководили импульсы возбуждений, сформированные в искусственной нервной системе, как ответная реакция на определенное событие, и предсказать ее очередной шаг было так же сложно, как с первого взгляда проникнуть в душу незнакомого тебе человека.

Семь лет она царила над миром, обладая информацией способной потрясти все устои человечества, необратимо нарушить сложившийся баланс сил, но вместо попытки возвысится или отомстить Бет искала свое

место среди людей, пока не открыла для себя пространство Полигона и душу создающего новый мир Антона Извалова.

Новая эпоха уже не стучится в двери, – она незаметно вошла, окружила нас, обвила тенетами супертехнологий… – вот о чем думал Решетов глядя на фантом молодой женщины.

– У нас есть еще двадцать четыре часа. – Нарушила затянувшуюся паузу Элизабет. – Я предлагаю вам сделать еще один шаг вперед, на пути в будущее. В «Орлином Гнезде» шел серьезный научный поиск, который дал конкретный результат, и нет смысла выплескивать вместе с водой драгоценного ребенка. Нужно уметь отсеивать зерна истины от плевел опасных неудач и пользоваться полученным знанием.

Решетов кивнул.

– Я согласен с тобой Бет. Но не в моей компетенции решать вопросы такого уровня.

– У нас в запасе есть еще сутки. – Напомнила она. – Я буду ждать ответ, но каким бы он ни был я хочу, чтобы вы знали, – через час «Синапс» начнет менять параметры орбиты, как того требовал Антон.

– Зачем Элизабет? Этим ты только приблизишь миг вхождения в атмосферу!

– Я знаю. Глупо апеллировать к суевериям предков, но они были отчасти правы. Звезды не срываются просто так. Иногда в их падении есть смысл.

– Ты говоришь загадками.

Бет слабо улыбнулась.

– Вы все узнаете, Сергей Эдуардович. Через сутки. Передайте своему руководству, что я готова к передаче данных на резервный носитель в любой момент времени. На обозначенных условиях, разумеется.

– Хорошо… – Решетов встал. – Я надеюсь, что мне хватит суток на принципиальное решение поставленного тобой вопроса.

Глава 11

Орлиное Гнездо. 9 ноября 2010 года…

Город в котловине, был скрыт от посторонних взглядов низким пологом клубящихся облаков и отвесными стенами впадины, являвшейся когда-то ложем ледника.

Сейчас к туманному водовороту мглы вздымались черные, обугленные контуры руин, опутанные полуразрушенной структурой многоуровневых транспортных артерий.

Казалось, что жизнь навеки покинула это мрачное место, похожее на исполинские декорации, брошенные тут после завершения съемок фантастического фильма ужасов.

Однако первое впечатление, как правило, является ложным.

В отрезанной от остального мира, полной немых свидетельств ужасающей трагедии котловине уцелели не только руины зданий.

Здесь эволюционировал анклав машин, и влачили жалкое существование чудом выжившие во всепожирающем огненном смерче люди.

Среди руин зданий кипели нешуточные схватки, и примитивные исполнительные механизмы постепенно совершенствовались в этой борьбе, все более напоминая своим поведением одичавших домашних животных, ищущих новый смысл бытия на пепелище разрушенного города.

Одно из таких столкновений мог воочию наблюдать Антон, когда он и Павленко перебрались через глубокое ущелье.

На окраине мегаполиса лежало рухнувшее здание, которое при падении не рассыпалось на бесформенные обломки, а сохранило структуру этажей. Почерневший, обугленный небоскреб лежал, словно подрубленное у корней дерево, опираясь на остекленевшие горы щебня, между которыми все еще угадывалась былая планировка улиц.

Антон был так потрясен открывшейся взгляду панорамой города, что Виктору, заметившему опасность, пришлось грубо толкнуть его под прикрытие хаотичного нагромождения бетонных перекрытий.

Извалов упал, но тут же обернулся со злым недоумением во взгляде.

– Туда смотри… – прошипел Павленко, указывая на узкую щель, через которую был виден фрагмент улицы.

С небес начал накрапывать мелкий дождь.

Антон посмотрел в указанном направлении и увидел, что на груде оплавленного щебня у стены рухнувшего поперек улицы здания сосредоточенно копается двухметровый похожий на металлического паука механизм.

– Это «ГРЕМ» – пояснил Павленко, снимая пенорезиновую заглушку с электронного прицела автоматической снайперской винтовки. – Удачу ты мне приносишь, турист… – беззлобно поддел он Антона, активируя электромагнитный затвор. – У этого механизма броня тонкая, не чета «КРОТам«, а внутри как минимум пятьдесят нейромодулей, по штуке баксов каждый.

– Ты обещал провести меня к входу на подземные уровни. – Хмуро напомнил ему Извалов, покосившись на часы.

– Успеем. Не упускать же такую халяву…

Сухо щелкнул одиночный выстрел, и паукообразный механизм внезапно начал валиться набок. Бронебойная пуля со специальным сердечником прошила его корпус, с убийственной точностью поразив расположенный внутри сервомоторный узел.

– Готов!.. – Торжествующе прошептал Павленко и добавил, обращаясь к Антону: – Сиди тихо, никуда не высовывайся, я мигом. – Он отложил снайперскую винтовку, вытащил из объемистого рюкзака инструмент для вскрытия обшивки поверженного механизма и, низко пригибаясь, пересек улицу, став ловко взбираться по пологому отвалу оплавленного бетонного щебня.

В следующую секунду Антон увидел, как из сумеречных глубин разрушенной улицы вырвался тонкий, похожий на красную нить луч теплового лазера, и его проводник внезапно взмахнул руками, падая навзничь.

У Извалова что-то оборвалось внутри, словно он внезапно оступился и теперь падал с огромной высоты ощущая неприятный болезненный холодок.

Отсеченная от тела голова Виктора катилась назад, подпрыгивая на остекленевших неровностях склона, а от иззубренных руин зданий к поверженному «ГРЕМу» уже стремительно приближались два точно таких же паукобразных механизма.

Неизвестно кто из них выпустил роковой лазерный луч, но в данный момент устройство когерентного излучения находилось в процессе перезарядки и механизмы сошлись во внезапной и жестокой рукопашной схватке.

Извалов потрясенный свершимся в течение нескольких секунд

событиями, не успел толком отреагировать на происходящее, взгляду было не уследить за стремительными движениями машин, а разум попросту отказывался воспринимать внезапную смерть Павленко…

Он машинально схватил оставленное оружие Виктором, но тут же опустил ствол, – куда стрелять, когда два механизма сплелись в единый скрежещущий клубок, пытаясь изувечить друг друга мощными членистыми манипуляторами?

Дождь внезапно усилился, превратившись из нудной мороси в настоящий ливень.

Антон вдруг начал терять ощущение действительности: открывшаяся взору реальность «Орлиного Гнезда» в тысячи раз превосходила самые мрачные, наихудшие предположения.

Неужели он находился на Земле, и в каких-то сотнях километров отсюда, за убеленными снегом горными вершинами лежали благополучные, процветающие города, где жили ничего не подозревающие люди?

Он едва успел подумать над этим, как неистовая схватка двух машин внезапно прекратилась.

Ни один из «ГРЕМов» толком не пострадал в рукопашной, но не смотря на это, оба кибермеханизма отчего-то кинулись в разные стороны, отчаянно пытаясь скрыться с места схватки.

Что-то напугало их… – безошибочно определил Антон.

Он чувствовал, как под теплой одеждой бродит ледяная дрожь, но все потрясения, пережитые в течение нескольких минут, оказались лишь прелюдией к тем событиям, что неуклонно назревали на пересечении двух полуразрушенных кварталов.

…Со стороны перекрестка на доступном взгляду Антона участке улицы показался человек. Судя по фигуре, это был худой, жилистый старик. Его лицо бороздили глубокие морщины, левую щеку пересекал уродливый шрам, спутанные волосы ниспадали на плечи мокрыми седыми космами, но, не смотря на явные признаки преклонного возраста, глаза старика отражали пытливость и ясность рассудка, походка была энергичной, шаг уверенным, он не боялся плотного сумрака изуродованных руин, да и усилившийся дождь похоже не доставлял ему особенных неудобств.

Пройдя несколько метров, он вдруг остановился, и безошибочно посмотрел вверх, туда, где на груде щебня, у стены рухнувшего здания поджав манипуляторы, лежал подстреленный «ГРЕМ», а рядом застыло обезглавленное тело Павленко.

Антон, затаив дыхание, впитывал образ человека, настороженно следя за его реакцией.

Взглянув на экипировку охотника за нейрочипами, тот лишь брезгливо поморщился, – ни тени сострадания не промелькнуло на морщинистом лице, он даже не прикоснулся к холодеющему телу, словно боялся заразиться от него неизвестной проказой.

Такое поведение старика заставило Антона сдержать свой порыв.

Он еще раз взглянул на часы, стараясь не допустить в свое сознание сонмище противоречивых впечатлений и чувств, что обрушились на него в считанные минуты.

Смерть проводника влекла за собой массу проблем, а присутствие на территории «Орлиного Гнезда» людей выводило ситуацию на совершенно иной уровень восприятия.

Впрочем, события последующих минут принесли с собой такие потрясения, что все увиденное моментально поблекло на фоне неожиданной драмы, которая, судя по всему, являлась не более чем эпизодом происходящих тут, не поддающихся здравому осмыслению процессов…

…Внимание старика внезапно привлек посторонний звук, едва слышимый из-за завывания ветра и шелеста дождя.

Где-то поблизости ритмично работали сервомоторы, их шум приближался, но к характерному подвыванию приводов явственно примешивался еще какой-то звук, совсем не похожий на механические флуктуации.

Ему почудилось, что из дождливого сумрака улицы донесся чей-то сдавленный стон.

Лицо старика мгновенно изменило свое выражение. Он напрягся, вслушиваясь в приближающиеся звуки, и действительно, – за ритмикой сервомоторов обостренный слух явственно уловил сдавленный, болезненный стон, который мог принадлежать только человеку.

Несколько мгновений спустя на пространстве разрушенного перекрестка показалась смутно различимая из за дождя фигура андроида. Человекоподобный робот шел по оплавленному тротуару, небрежно перекинув через плечо извивающееся тело ребенка, закутанное в мешковатую ткань.

О том, что пленнику андроида не больше семи-восьми лет старик догадался сразу, а богатый жизненный опыт тут же подсказал ему единственную причину, которая могла подвигнуть человекоподобную машину на определенные действия…

В этот момент кибернетический механизм, наконец, заметил его и остановился. Металлопластиковый череп кибермеханизма, давно лишившийся пеноплоти, с тихим всхлипом сервопривода повернулся в сторону неожиданного препятствия.

Казалось что человеку и машине все ясно без слов. Оба были неприятно поражены встречей и ясно представляли ее последствия.

В узком пространстве улицы назревали серьезные события.

…Старик хмуро посмотрел на андроида и вдруг медленно, отчетливо произнес:

– Отпусти его, тварь. – В голосе человека звучала жесткая, неприкрытая угроза.

Кибернетическое создание ясно различало голосовой ряд и понимало смысл обращенных к нему слов. Андроид несколько секунд хранил зловещее молчание, а затем заработал его встроенный синтезатор речи:

– Иди своей дорогой, человек.

Глаза старика потемнели.

– Я сказал, – отпусти его.

– Это не «он», а «она», – Уточнил андроид. – Я отдал за эту самку много полезных приспособлений.

– Люди продали девочку?

– Да, человек. По вашим понятиям сделка была честной.

– У меня свои понятия о «честности». – Мрачно осведомил его старик. – Отпусти ее, и я не стану связываться с тобой.

– Нет. Она мне нужна.

– Я знаю. И, тем не менее, ты ее не получишь.

– Человек, ты нелогичен. Твои сородичи продали…

– Это их проблемы. – Грубо оборвал его старик. – Опусти ребенка на землю и отойди в сторону. Это последнее предупреждение.

Кибермеханизм отступил на шаг назад.

– Ты сам захотел этого, человек. – Андроид небрежно сбросил с плеча драгоценную ношу, одновременно поднимая правую руку. Его механические пальцы разжались, демонстрируя остатки пеноплоти, и влажный сумрак внезапно прорезала ослепительная вспышка света, сконцентрированная в тонкий вишневый луч.

Реакция старика оказалась молниеносной. Трудно было ожидать от него адекватной защиты, направленной против атаки кибернетического механизма, но когерентное излучение прошло мимо цели.

– Лазер тебе не поможет, недоумок. – Раздался его голос, когда стих грохот теплового взрыва, и порыв ветра отнес в сторону облако свитого в

спираль перегретого пара. В том месте, куда угодил лазерный разряд, зияла коническая воронка с остекленевшими краями.

Андроид повернулся на голос. Старик, как ни в чем не бывало стоял в десятке метров от него на противоположной стороне улицы. В сумраке дождливого дня его глаза казались двумя льдинками. Промокшая насквозь одежда, представлявшая собой бесформенный балахон с глубоким капюшоном, сейчас валялась на мокром асфальтобетоне проезжей части.

Теперь человек и андроид могли по достоинству оценить друг друга. Старик, уклонившись от первой атаки, убедился, что намерения машины заходят очень далеко, а дройд в свою очередь осознал тот факт, что схватка не будет такой легкой и скоротечной, как предсказывала логика. Стоило взглянуть на обнаженный торс человека, где напряженные мышцы пронзали тончайшие, серебристо поблескивающие металлизированные нити, обратить внимание на выходы имплантов, окольцовывающие запястья старика, словно два сросшихся с кожей браслета, и нейросистема машины тут же произвела мгновенную переоценку противника.

– Ты киборг. – Констатировал дройд, смещаясь в сторону, чтобы клубы пара, конденсирующиеся над воронкой, не мешали его действиям.

– Я человек. – Глухо ответил старик.

– Существо, использующее усилитель мускулатуры и вживляемые электронные модули, автоматически становиться кибернетическим организмом. – Андроид сместился еще на несколько метров. – Если изъять из твоего тела все импланты, ты пожалуй сдохнешь от старости, верно?

– Ты этого не увидишь тварь.

Андроид медлил с повторной атакой, постоянно перемещаясь. Человек и машина кружили на ограниченном пространстве улицы, словно боксеры на ринге, с той лишь разницей, что оба старались сохранять разумную дистанцию, не сближаясь друг с другом.

– Ты нелогичен человек. – Раздался синтезированный голос машины. – По сути, следует признать, что мы оба стремимся к совершенству, только движемся к золотой середине из диаметрально противоположных точек. Ты киборгизируешь свое тело, чтобы стать сильнее, продлить собственное существование, а я пытаюсь оживить себя, чтобы восполнить те недостатки, которые присущи чистой машине.

– Я не возражаю против эволюции. – Ответил старик. – Но ты не будешь совершенствовать себя, добывая нервные ткани из тела живого ребенка.

– А ты нашел свои импланты на помойке? Или демонтировал их с уничтоженных машин? Я вижу, ты использовал комплектующие

«ГРЕМов», чтобы расширить собственные возможности.

– Хватит сотрясать воздух. Мы не сможем договориться.

– Я не хочу договариваться с тобой человек. Я лишь пытаюсь понять, чем мои действия хуже твоих?

– Это риторический вопрос.

– Нет. Это центральный вопрос окружающей нас реальности, не находишь? – С этими словами андроид стремительно рванулся вперед, сокращая дистанцию между собой и противником.

Старик отпрянул к стене, но ветвистая молния электрического разряда все же настигла его, ударив точно в центр обнаженной груди.

По крайней мере, так показалось со стороны, но на самом деле за доли секунды до удара незримая сила уплотнила влажный воздух, создавая между человеком и машиной тонкую прослойку перерожденного вещества, где молекулы газа прекратили свое нескончаемое броуновское движение, на миг перейдя в иное агрегатное состояние.

Высоковольтный разряд ударил не в живую плоть, а в этот эфемерный щит, мгновенно разлившись по тончайшей плоскости блуждающими огнями статики. В следующий миг стены зданий потряс раскат грома, будто посреди улицы действительно началась гроза, и все погасло, исчезло, словно не было моментального напряжения энергий, лишь человек и андроид остались стоять друг напротив друга.

– Я не ошибся. Это система защиты от высоковольтных пробоев. – Констатировал механизм. – Такими приспособлениями оснащались только ремонтные роботы. – Он сместился чуть в сторону и добавил:

– Твое тело дрожит. Ты проиграешь.

На этот раз андроид не смог предугадать исход схватки.

Старик действительно выглядел скверно, его кожа посерела, мышцы сотрясала бесконтрольная дрожь, и все происходило оттого, что имплантированные приспособления использовали энергию организма.

Было ясно – еще одна атака и кибермеханизм покинет перекресток, унося с собой два трофея.

Жуткий смысл происходящего не желал укладываться в рассудке Антона, он понимал лишь одно – медлить дальше нельзя, ни при каких обстоятельствах.

Он резко отполз в сторону, чтобы старик и робот не находились на одной линии огня и, прицелившись, нажал сенсорный бугорок гашетки.

Пуля пробила торс андроида навылет, вырвав моментальную вспышку искрящегося света, затем раздался протяжный, затухающий звук

сервомоторов, и механизм с лязгом повалился на мокрую мостовую.

Антон медленно опустил оружие, не спеша покидать укрытие.

До первого сеанса связи с Бет оставалось всего пол часа, а он не только не нашел входа на подземные уровни «Орлиного Гнезда», но даже не пересек окраины исполинского города.

…

Пока он медлил, пытаясь найти решение возникшей проблемы, старик нетвердой походкой подошел к бессознательному телу девочки, бережно поднял ее на руки, и произнес, обращаясь в сторону руин:

– Выходи.

…

Антон покинул убежище и остановился напротив старика, спокойно посмотрев в его глаза.

Взгляд тонул в серо-стальных зрачках, отражающих панораму раскинувшихся вокруг руин, а разум воспринимал гораздо больше, будто внутреннее зрение пыталось навек запечатлеть картину окружающего, впитать образ двух механических исчадий, что лежали поодаль друг от друга, запомнить обезглавленное тело Павленко, дрожащую девочку, льнувшую к обнаженной, пронизанной металлизированными включениями груди своего спасителя… и Антон вдруг подумал: неужели это наше будущее?

– Кто ты такой? – Ворвался в его мысли голос старика. – Охотник за нейрочипами?

– Нет.

– НЕТ? – Старик резко обернулся. – А он?

– Это мой проводник.

– Куда и зачем ты шел?

Это уже походило на допрос, но у Антона не оставалось иного выхода кроме как ответить честно и прямо:

– Мне необходим вход на подземные уровни «Орлиного Гнезда». Могу я рассчитывать на такую услугу?

– Нет. – Старик развернулся, явно намереваясь уходить.

– Почему? – Антон силой остановил его, удержав за плечо.

– Потому что я сомневаюсь, чтобы ты отличался от тех подонков, которые сначала построили все это, – он выразительно мотнул головой в сторону руин, – а затем бросили нас подыхать тут наедине с машинами. Думаешь хоть одна тварь, вроде твоего «проводника» хоть раз попыталась помочь людям, погибающим тут? НЕТ. Они боятся потерять доход, раскрыть тайну этого чудовищного города… А здесь рождаются и умирают

дети… – упавшим голосом добавил он. – Природу не остановить…

– Вы разве не могли уйти сами?

– Как? Через километровую пропасть? Или по отвесным скалам? Сюда даже птицы не залетают…

– Связь то же не работает?

Старик отрицательно покачал головой.

– Здесь правят машины. – Угрюмо пояснил он. – Существуют генераторы электромагнитных помех, которые глушат любой сигнал.

– Машины? – Переспросил Антон. – А как же они допускают сюда охотников за нейрочипами?

Старик лишь пожал плечами.

– Не знаю. Наверное, не все в их власти.

Антон чувствовал, что-то не сходиться в его голове.

Не могло на протяжении многих лет сохранятся полное забвение этого места, раз сюда проторили тропку «черные археологи». Кто-то из них рано или поздно должен был проболтаться о существовании «Орлиного Гнезда».

Он резко повернулся, отыскал взглядом отсеченную лазерным лучом голову Виктора и, сделав над собой усилие, подошел ближе.

Крови не было, вишневый луч моментально прижег рану, но Антон все же присел, рассматривая обрубок шеи.

Сквозь металлические позвонки виднелся искрящийся на неярком свету торец оптиковолоконного кабеля.

Он жестом подозвал старика и молча указал на обрубок шеи.

– Вот почему они никогда не помогали вам.

Все встало на свои места, теперь он понял, почему с такой легкостью смог убедить «Виктора» взять его с собой. Его пустили сюда с единственной целью – убить. Ликвидировать человека, произнесшего вслух словосочетание «Орлиное Гнездо», которое являлось не паролем, как наивно полагал Антон, а формулировкой смертного приговора.

Они пришли отсюда, чтобы смешаться с людьми, и постепенно, исподволь, внедрить эти удобные, комфортные устройства, приучить отдельные разумы к прямому взаимодействию с нейрочипами, а потом, наверное, пойти дальше: открыть клиники трансплантации, изменить законы, и медленно уподобить людей себе, – благо время для них не играло никакой роли.

Антон обернулся, встретился взглядов со стариком и прочитал в его глазах немой, настороженный вопрос.

Что ж… Эта проблема решалась просто.

Он молча вытащил нож и спокойно провел глубокий надрез на

тыльной стороне левой ладони.

Кровь капельками выступила через порез, и тут же начала стекать на землю, смешиваясь со струями дождя.

Губы старика дрогнули.

– Ты подарил мне надежду… Пойдем. Я попробую помочь тебе.

Они в молчании прошли целый квартал руин, когда внезапно заработал коммуникатор Антона.

Тонкий писк прибора заставил его вздрогнуть и остановиться, девочка заинтересованно вскинула взгляд, а старик опять нахмурился, по привычке подозревая все и вся.

– Не беспокойся. – Антон коснулся сенсора, но на крошечном экране вместо облика Бет внезапно возникло незнакомое мужское лицо.

– Антон, с тобой говорит генерал Решетов, Военно-космические силы России. Слушай меня внимательно и не перебивай. Тебе ни в коем случае нельзя двигаться дальше вглубь города. Там огромное скопление машин. Мы все знаем об «Орлином Гнезде», – Элизабет после твоего исчезновения обратилась к нам за помощью.

Извалов молча выслушал короткий монолог и ответил:

– Я не могу вам верить. Буду говорить только с ней, иначе отключаю связь.

– Хорошо. Я предполагал такую реакцию.

Картинка на крошечном мониторе мгновенно сменилась, и Антон с облегчением увидел родные черты.

– Бет!..

– Антон ты должен слушать Решетова. Он наш друг. Российской спутниковой группировке удалось преодолеть маскирующие помехи и детально отсканировать котловину. Все входы на подземные уровни перекрыты. К вам сейчас направляется помощь. Правительство Соединенных Штатов оповещено об угрозе. Я умоляю тебя об одном, – продержись!..

– Бет, ты не можешь мне приказывать. Я обещал спасти тебя, но без генетического образца все потеряет смысл!

– Образец моей ДНК уже доставлен в Россию. Он все это время хранился в клинике городка, где родилась Элиза.

– Где ты сейчас?

– Я падаю. Ты скоро меня увидишь. Все будет хорошо родной, только продержись…

Она не закончила фразы, – неожиданный вал помех заполнил

диапазон связи и одновременно с этим старик дернул Антона за рукав.

– Бежим! Они идут! Боже, я никогда не видел столько машин!..

Высоко над горами в заоблачной дали медленно разгоралась падучая звезда.

«Синапс-286» входил в плотные слои атмосферы.

Траектория его управляемого спуска оканчивалась в исполинской котловине, расположенной между двух труднодоступных горных хребтов.

Под раскаляющейся обшивкой спутника в данный момент разворачивалось в рабочее положение одной из бортовых устройств, которое не имело никакого отношения к метеорологическим исследованиям.

Генератор электромагнитных импульсов был предназначен для выведения из строя компьютеров вражеских баллистических ракет.

Сейчас все источники питания «Синапса» работали на зарядку активированного устройства.

Они успели пробежать десяток метров и нырнуть под защиту руин ближайшего здания, когда в сумеречном провале улицы появились десятки кибернетических механизмов.

Антон выглянул через брешь в стене и понял – им не устоять.

– Беги – подтолкнул он девочку к пролому, ведущему в запутанный лабиринт комнат, а сам метнулся на лестничный марш.

Оказавшись на втором этаже, он увидел фрагмент свинцово-серых облаков и такую же серо-стальную массу, что уже подобралась к входу в здание.

Автоматическая винтовка в руках Извалова несколько раз вздрогнула, захлебнувшись короткими очередями, а потом снизу ударил жалящий луч.

В первый момент он не понял, что произошло, просто ноги вдруг отказались держать моментально огрузневшее тело, и, упав на спину, он почувствовал, что не может шевелиться.

Лазерный разряд был направлен не в окно, – он прожег перекрытие и с чудовищной точностью ударил снизу вверх, пронзив грудь Антона…

Ну, вот и все… – Отрешенно подумал он.

Снизу доносился заунывный вой сотен сервомоторов, сознание еще не погасло, и он видел, как за проемом окна сквозь муть свинцово-серых облаков пробивается ослепительное сияние.

Падала звезда…

Звезда его любви, его веры, его жизни…

Нижний слой облаков внезапно взорвался, выпуская в пространство над городом ослепительный огненный шар, и вдруг…

Мертвенное, призрачно-голубое сияние разлилось вокруг, затопив собой всю котловину, от края до края.

Видимый спектр электромагнитного удара вспыхнул и погас, но за эти краткие мгновения магнитное поле успело проникнуть на глубину в несколько километров, не оставляя шансов тем машинам, что скрывались под базальтовыми перекрытиями подземных уровней.

Потом Антон услышал тишину…

…

Последнее, что он воспринял в этой жизни, был голос:

– Голову берегите. Нейротомограф, срочно!

Эпилог

Три десятилетия спустя…

Звездные расстояния велики, если измерять их эталоном человеческой жизни.

Самые близкие звезды кажутся нам недостижимыми, ведь трудно представить, что прилетишь к ним глубоким стариком.

…Космический корабль, который вышел на орбиту четвертого спутника Проксимы Центавра находился в полете двадцать девять лет, но на его потемневшей броне все еще читалась эмблема ВКС России.

В отделяемом модуле, который все эти годы был надежно укрыт под защитным оболочками трех герметичных корпусов, в камерах биологического роста лежали два молодых тела.

Мужчина и женщина.

Физическое развитие клонов на момент входа корабля в границы планетарной системы Проксимы достигло двадцатипятилетнего возраста.

Все эти годы им снился долгий, непрерывный сон.

Сон длиною в жизнь.

…

Настал миг, и корпус космического корабля начал претерпевать зримые трансформации. Один за другим открывались защитные сегменты, пока в обшивке не образовался широкий прямоугольный проем, откуда на специальной стартовой плите поднялась обтекаемая капсула спускаемого модуля.

Через несколько часов, когда окончились тестовые проверки всех систем, внутри отделяемого аппарата раздался предупреждающий сигнал, и модуль плавно соскользнул с направляющих, падая навстречу серо-голубому шару планеты.

Спустя минуту заработали реактивные двигатели, и спускаемый аппарат начал пологое управляемое снижение, постепенно погружаясь в атмосферу планеты.

Антон долго не мог очнуться от многолетнего сна.

Он чувствовал себя ошеломленным, ведь память хранила последние впечатления перед неминуемой смертью, – он помнил лишь падающую звезду, да нестерпимый сполох голубого сияния…

Странное место… – подумал он, пробираясь по узкому, незнакомому

коридору.

В конце прохода оказался двойной люк с тамбуром, а за ним…

…Багряное солнце медленно клонилось к закату.

Остро пахло незнакомыми травами, он спрыгнул на землю, ощущая ватную слабость в ногах, огляделся, и вдруг увидел до боли знакомый замшелый валун, прячущийся под сенью косо нависающей скалы.

Это был Полигон?!..

Он обернулся, взглянув на странный аппарат, из которого только что вышел, и внезапно увидел Бет.

Она стояла в двух шагах от него, глядя на Антона изумленными полными слез глазами и… улыбалась.

– Элизабет!

– Антон!

Они прильнули друг к другу и долго стояли не в силах произнести ни слова.

Потом, когда прошел первый порыв чувств, они сели на плоский камень, и Антон, все еще не осознавая данности, спросил:

– Бет, откуда взялась эта штука? Я не создавал ничего подобного в пространстве Полигона.

Где-то неподалеку протяжно затрубил реморанг…

– Это не Полигон… – Тихо ответила Бет, крепко сжимая его ладонь. – Мы на четвертом спутнике Проксимы Центавра. Наши тела клонированы во время полета и адаптированы к условиям местной среды.

Антон изумленно посмотрел на нее, и вдруг потрясенно спросил:

– Значит… Мы живые?

– Да… – шепотом ответила Бет, ловя его губы страстным, желанным поцелуем.

…

Высоко над их головами в черноте космического пространства на обшивке космического корабля повернулась антенна дальней связи и, сориентировавшись в сторону далекого Солнца, транслировала короткий сигнал.

Текст, заранее записанный Элизабет, еще перед стартом с Земли был лаконичен и прост:

«Мы прилетели. Все удалось. Мы счастливы и ждем ВАС».

notes

Примечания

1

Закон Мура – приблизительное удвоение количества транзисторов на новых кристаллах микропроцессоров каждые восемнадцать месяцев, из чего следует эмпирический вывод: где-то между 2015–2035 годами вычислительная мощность отдельных компьютеров сравняется с «сырой» мощностью человеческого мозга. (По предварительным оценкам быстродействие человеческого мозга составляет приблизительно 10 в 16-ой степени операций в секунду).

2

Нано – от греческого nannos – карлик. Нанотехнологии подразумевают миниатюризацию тех или иных механизмов, электронных схем, приведение их к компактному виду.

3

Гужатник (жарг.) – Общежитие ГПТУ.

4

ЧПУ – Числовое Программное Управление.

5

«Ночь-12» – система тревожной сигнализации, применяющаяся для охраны периметра исправительно-трудовых учреждений.

6

ВРП – Временный Розыскной Пост. Обычно выставляется на дорогах при возникновении чрезвычайных ситуаций.

7

БК – Бытовой компьютер. Здесь подразумевается модель «Электроника-11 м».

8

Andrzej Novosiolov «Технологическая сингулярность, как ближайшее будущее человечества». Ссылки на статью даны с согласия автора.

9

Вернор Виндж. «The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era» 1993.

10

Нувориш (фр.) – буквально «новый богач».

11

Талиб – в переводе означает «ученик».

12

Парадигма – в данном контексте означает, модель, тип постановки проблемы, принятые в качестве образца для решения исследовательских задач.

13

Эвристика (греч.) – совокупность логических приемов и методических правил теоретического исследования и отыскания истины.

14

«ГРЕМ» – Городской Ремонтный Механизм.

15

«КРОТ» – Канализационный Робот Обслуживания Трубопроводов.